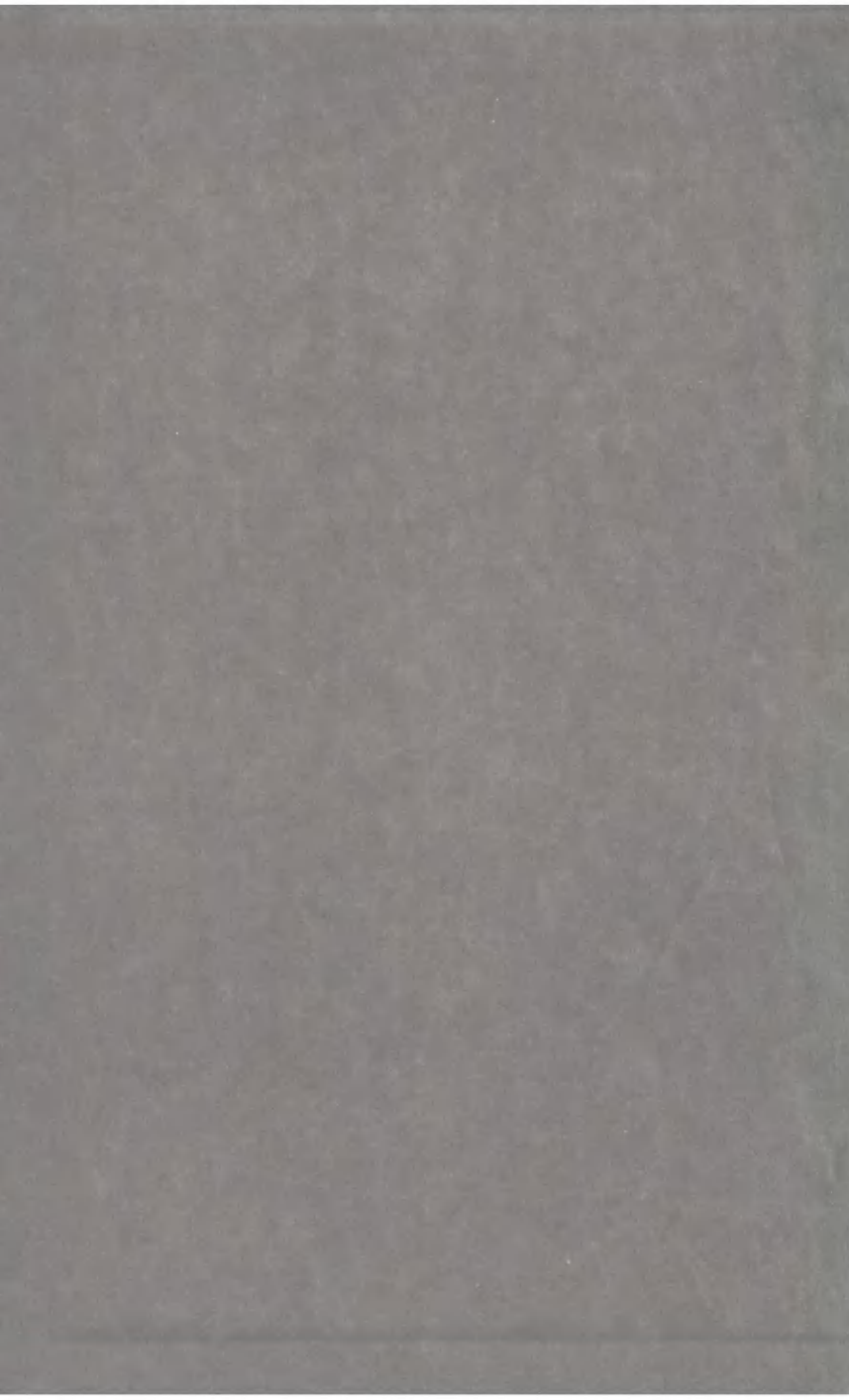

В.А.Захаров ЗАГАДКА ПОСЛЕДНЕЙ ДУЭЛИ

В.А.Захаров

РУССКАЯ ПАНОРАМА

МОСКВА 2000

СЕРИЯ «СТРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ»

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1998 Г.

РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

В.А.ЗАХАРОВ

ЗАГАДКА ПОСЛЕДНЕЙ ДУЭЛИ

Документальное исследование

Москва • РУССКАЯ ПАНОРАМА • 2000

«РУССКАЯ ПАНОРАМА»
Серия «Страницы Российской истории»

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Лермонтов М.Ю.
338

Захаров В.А.

338 Загадка последней дуэли. Документальное исследование. — М.: SPSSL-2000, «Русская панорама», 2000. — 352 с., 20 илл., 210 библ. — (Страницы Российской истории).

ISBN 5-93165-014-8, тираж 3 000 экз.

Книга посвящена наименее исследованному периоду жизни великого русского поэта — событиям 1841 года и последним дням жизни Михаила Юрьевича Лермонтова. Автор, на основании документальных данных, свидетельств современников, новых архивных материалов убедительно доказывает, что никакого заговора с целью убийства поэта не существовало. В книге с хронологической точностью прослеживается день за днем жизнь Лермонтова на Кавказских Минеральных Водах летом 1841 года, все события и обстоятельства, предшествовавшие дуэли. Автор вводит в научный оборот неопубликованные или забытые документы. На основании документальных свидетельств даются новые характеристики лиц, окружавших поэта в роковые дни.

В Приложениях опубликованы кавказские заметки декабриста В.С.Толстого и неизвестная статья В.А.Мануйлова о тайне происхождения Ю.М.Лермонтова.

Для широкого круга читателей.

ББК 83.3(2Рос = Рус)1-8 Лермонтов М.Ю.

На фронтисписе портрет М.Ю.Лермонтова с рисунка Д.П.Палена (1841 г.)

ISBN 5-93165-014-8

© В.А.Захаров, 2000.

© Оформление. SPSSL-2000, 2000.

© «Русская панорама», 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

7	<i>От издателя</i>
9	<i>Вместо предисловия</i>
15	ЗАГАДКА ПОСЛЕДНЕЙ ДУЭЛИ
16	В ОТПУСК
21	ОПАЛЬНЫЙ ГЕНЕРАЛ
25	В СТОЛИЦЕ
33	МОСКВА
39	ОРЕЛ ИЛИ РЕШЕТКА?
45	«КАВКАЗСКИЙ НАШ МОНАКО»
51	«РОЗА КАВКАЗА»
59	ГЕНЕРАЛЬША МЕРЛИНИ
62	БАЛ В ЦВЕТНИКЕ
65	«ГОРЕЦ С ДЛИННЫМ КИНЖАЛОМ...
77	ЭПИГРАММА «РЕЦЕПТ»
83	ЗЛОПОЛУЧНЫЙ АЛЬБОМ
88	МОНГО
92	ССОРА
100	ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
105	ДУЭЛЬ
115	ПОСЛЕ ДУЭЛИ
124	ТРАСКИН
131	СЛЕДСТВИЕ
145	ПОДПОЛКОВНИК КУШИННИКОВ
151	ПОХОРОНЫ ПОЭТА
158	О СКОРБЯЩИХ
161	ПИСЬМО КУЗИНЫ

- 170 СУД
176 НАКАЗАНИЕ
182 ПРИМЕЧАНИЯ

229 ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

- 230 Воспоминания декабриста В.С.Толстого
о Кавказе**
233 Князь Федор Александрович
Бекович-Черкасский
241 Алексей Алексеевич Вельяминов
247 Павел Христофорович Граббе
257 Евгений Александрович Головин
261 Николай Николаевич Раевский
265 Анреп
266 Нейдгард
269 Князь Михаил Семенович Воронцов
273 Князь Александр Иванович
Барятинский

Приложение 2.

- 274 Сочинения г-на Н.С.Мартынова**
274 Гуаша
283 Гирзель-аул. Часть 1.

Приложение 3.

- 292 В.А.Мануйлов. Лермонтов ли Лермонтов?**
К вопросу о происхождении поэта. С коммен-
тариями и примечаниями В.А.Захарова

Приложение 4.

- 321 С.Б.Латышев, В.А.Мануйлов. Ответ оппо-
нентам**
331 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
340 ЛИТЕРАТУРА
351 СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Кавалькада всадников остановилась у подножия Машука. Все спешили. Секунданты отметили шапками барьеры. Один из приехавших снял китель, другой передал сопровождавшим свою бурку. Прозвучала команда: «Сходитесь!». Дуэлянт, стоявший чуть выше по склону остался на месте, с усмешкой наблюдая, как второй, спотыкаясь и непрерывно целясь из пистолета, торопливо подошел к барьеру... Раздался выстрел... Через четверть часа всадники разъехались, оставив на поляне пробитое пулей тело с одним из секундантов... — Осталось добавить, что убитый — поэт, гордость русской литературы.

Чем не сюжет для детективной истории?

Что же произошло там, у подножия Машука: поединок чести или подлое убийство?

Последовавшие за этим событием годы полностью затуманили вопрос. После 1917 года господствовавшая в силу идеологических причин более 80 лет официальная версия утверждала, что прогнивший монархический режим последовательно уничтожал все передовое, что было в стране, в том числе и лучших своих поэтов. Многие факты и свидетельства, не подтверждающие эту точку зрения, замалчивались или объявлялись фальсификацией. В последние годы с изменением политического устройства страны, являющейся родиной великого поэта, и уходом в прошлое идеологических шор стало возможным возвратиться к событиям июля 1841 года и непредвзято обсудить обстоятельства смерти Михаила Юрьевича Лермонтова.

Почему поэт оказался в Пятигорске?

Что являлось причиной ссоры и поводом для дуэли?

Сколько человек присутствовало на дуэли?

Был ли гипотетический казак в кустах, совершивший убийство по приказу Бенкендорфа?

Были ли врагами Лермонтова люди его окружавшие?

И был ли вообще заговор против поэта?

Ответы на эти вопросы, и не только на них, стали темой документального исследования В.Захарова, более четверти века работающего в лермонтоведении. Каждая глава этой книги могла быть опубликована как отдельная статья, полностью «закрывающая» тот или иной вопрос.

Отметим также двухуровневое изложение материала. Основная часть книги максимально облегчена для восприятия, в ней почти нет литературоведческих отступлений и дискуссий с оппонентами — они вынесены в Примечания. Книгу можно прочитать, не останавливаясь, как историческую повесть, она, например, будет понятна и школьнику. При этом каждое утверждение автора доказательно — оно подтверждается либо библиографической ссылкой (список использованной литературы содержит более 200 наименований!), либо, если вопрос дискуссионен, и существует противоположное мнение, подробнейшим образом обсуждается в Примечаниях с привлечением множества источников и самых последних исследований.

Безусловно, появление книги «Загадка последней дуэли» станет событием не только для лермонтоведения. Ближатыся 160-летие со дня смерти великого русского поэта, и (в более далекой перспективе) 200-летие со дня его рождения. Мы уверены, что подготовка к этим датам (как и в случае с А.С.Пушкиным — его великим предшественником) вызовет как многочисленные переиздания произведений поэта, так и публикации, посвященные его жизни и творчеству. Наше издание — одно из первых в этой череде.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Однажды, когда я был еще молод, мне довелось побывать на необычной экскурсии, которую устроил Леонид Николаевич Польский, лучший знаток лермонтовских мест на Кавказских Минеральных Водах. Мы долго ходили по закоулкам городка, иногда проезжали две-три остановки на трамвае и снова продолжали пешие прогулки. В те годы старина была никому не нужна, многое бездумно уничтожалось, но кое-что еще сохранилось. Старожилы помнят какие «бои» вспыхивали тогда: за сохранение дома братьев Бернардацци, за восстановление лермонтовского квартала, других уголков старого Пятигорска. В основной своей массе народ безмолвствовал, молчало и общество охраны памятников, а на Леонида Николаевича Польского и его супругу Евгению Борисовну, смотрели как на чудаков и даже как на врагов, мешающих начальству спокойно жить, а городскому отделу культуры — спокойно управлять культурой.

Однако находились люди, которые поддерживали чету Польских и их надежду на то, что прошлое удастся сохранить. И первыми среди них были рядовые сотрудники музея «Домик Лермонтова».

В Пятигорске сложилась традиция — раз в два года Музей-заповедник М.Ю.Лермонтова устраивает Всесоюзную (теперь Всероссийскую) Лермонтовскую научную конференцию. Впервые я был ее участником в 1968 году (будучи еще студентом) — в программе значилось мое сообщение: «Дело о погребении поручика Лермонтова». Во время проведения конференции мне удалось устроить в зале заседаний небольшую выставку, на которой были представлены

найденные мною в ставропольском архиве документы о Н.С.Мартынове, о погребении Лермонтова. Тогда-то крупнейший лермонтовед страны Виктор Андроникович Мануйлов подарил мне свою статью, написанную совместно с С.Б.Латышевым. Статья называлась «Как погиб Лермонтов». С того времени я и «заболел» этой темой.

Изучая документы, относящиеся к последнему году жизни Лермонтова, работая в архивах, я понял, что можно сделать еще немало чрезвычайно интересных находок. Хотя на этом пути исследователя ждет масса трудностей. Главная из них — противоречивость мемуарных свидетельств, основная часть которых создавалась спустя 30 и даже 50 лет после гибели поэта, субъективное толкование значительного количества документов, уже вошедших в научный оборот. Исследователь творчества Лермонтова Т.А.Иванова в своей книге «Посмертная судьба поэта», отметив, что в наши дни повышаются требования к точности и документальности в области гуманитарных наук, призвала проверить все, что мы знаем о Лермонтове, и освободиться «от субъективных толкований...» [98, 205]*. Не сомневаясь в важности этого призыва, хочу подчеркнуть, что реализовать его весьма и весьма трудно. Субъективные, но чаще всего конъюнктурные мнения по поводу различных моментов биографии и творчества поэта зачастую претендуют на истинно научные знания. Эти псевдоисследования сопровождается некий налет сенсационности, характерный для многих работ, посвященных жизни и творчеству великого поэта.

Об истории последней дуэли Лермонтова, написано много, и все же нет события более запутанного и окруженного

* Здесь и далее в квадратных скобках дается ссылка на источник из списка литературы, использованной автором при подготовке книги. Первым идет номер источника (в соответствии с библиографическим указателем в конце книги), римские цифры указывают номер тома (если необходимо), и, после запятой, — номер страницы. При ссылке на несколько источников, они разделяются точкой с запятой. — *Рег.*

тайной. Еще первый биограф поэта П.А.Висковатый провел параллель между дуэлями Пушкина и Лермонтова. В 1891 году он писал: «Мы находим много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но их главная пружина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа...» [48, 418 — 419].

Как видим, преддуэльная интрига, ее организация, была, по мнению П.А.Висковатого, на совести шефа жандармов А.Х.Бенкендорфа и руководимого им III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Позже эта туманная фраза послужила поводом к построению концепции о специальном и старательно инспирированном политическом убийстве, осуществления которого настойчиво и последовательно добивались представители определенных влиятельных кругов Петербурга. Главными действующими лицами, по мнению многих авторов, были Николай I и А.Х.Бенкендорф. Эта мысль тщательно развивалась советскими лермонтоведами. В том или ином виде она повторяется и сегодня.

Справедливости ради, стоит заметить, что существуют и другие мнения. В кругу подозреваемых в гибели поэта относят, например, начальника штаба Кавказской линии и Черномории А.С.Траскина, коменданта Пятигорска В.И.Ильяшенкова, вдову-генеральшу Е.И.Мерлини, секунданта А.И.Васильчикова и М.П.Глебова, В.И.Чилаева — хозяина дома, который снимали Лермонтов со Столыпиным. Кстати, и последнего не обошли стороной обвинения (Столыпина даже называли тайным врагом Лермонтова).

Некоторые исследователи, ссылаясь на книгу С.И.Недумова «Лермонтовский Пятигорск», причисляют к врагам поэта и подполковника корпуса жандармов А.Н.Кушинникова, который якобы «участвовал в преддуэльной интриге, погубившей поэта» [143, 148].

Свою книгу С.И.Недумов написал в 1953 — 1956 годах, но ему не суждено было увидеть ее опубликованной. Книга

вышла только в 1974 году, спустя двенадцать лет после смерти автора, в сокращенном виде с некоторыми искажениями авторского текста: редакторы не хотели публиковать исследование, которое не соответствовало советскому представлению о «поэте-борце» против царизма и тирании, «поэте-богоборце». То, что с такой дотошностью раскопал в архивах С.И.Недумов, так и осталось в рукописи.

Скромнейший человек, большой труженик, кропотливый исследователь, Сергей Иванович Недумов все свободное время проводил в архивах. Свои находки он ни от кого не скрывал, чем многие беззастенчиво пользовались. Это С.И.Недумову, а не Б.М.Эйхенбауму принадлежит приоритет открытия первого печатного лермонтовского стихотворения «Весна»*, опубликованного под буквой «L», вместо подписи автора, в журнале «Атеней» за 1830 год.

Это С.И.Недумов установил в 1950 году подлинное место дуэли Лермонтова — у Перкальской скалы. Это он доказал, что не Евграф Чалов и не Иван Чухнин, а крепостные Лермонтова и Мартынова привезли тело убитого поэта домой. А сколько еще интереснейших документов сохранилось в его архиве: он сумел снять копии и сделать выписки из многих источников, которые потом, в годы Второй Мировой войны, безвозвратно исчезли.

Что же касается участия А.Н.Кушинникова в преддуральной интриге, то в главе «Тайный надзор на Кавказских Минеральных Водах», почти не тронутой пером редактора, Недумов охарактеризовал его следующими словами:

«Приходится отбросить довольно обычное в биографических очерках о М.Ю.Лермонтове предположение, что Кушинникову было поручено какое-то специальное наблюдение только за поэтом. Этот жандармский чин, как и его предшественники, несомненно, вел наблюдение за всеми посетителями Минеральных Вод, признаваемыми по той или иной причине неблагонадежными» [143, 148].

До этого первым печатным произведением поэта считалась поэма «Хаджи-Абрек», появившаяся в 1835 году.

Трудность выяснения того, как в действительности разворачивались трагические события, некоторые исследователи и, в частности, К.С.Григорьян связывают с тем, что лица, «заинтересованные в затемнении истории дуэли, были людьми умными, дальновидными. Они понимали, что вычеркнуть эти трагические события из истории невозможно, что к ним еще не раз вернется исследовательская мысль, а потому они сделали все, чтобы создать легенду, которая сняла бы с них всю тяжесть ответственности за страшное преступление, непосредственными участниками которого они были. В силу этой преднамеренной запутанности приобретают особо важное значение каждый штрих, каждая подробность, характеризующие поведение этих людей» [62, 130].

Еще в 30-е годы появились исследования, в которых российский Император Николай I представал как гонитель поэтов, он распорядился, по мнению советских литературоведов, «убрать» сначала Пушкина, а затем и Лермонтова. Эта версия впоследствии обросла множеством «доказательств» и нашла воплощение в многочисленных публикациях, вошла во все школьные и вузовские учебники. И хотя за последние годы лермонтоведение пополнилось новыми интересными работами, которые разрушили миф о тайном надзоре за ссыльным поэтом и о «специальном и старательно инспирированном политическом убийстве», тем не менее, мы продолжаем жить под воздействием этого мифа. Происходит это, на взгляд автора, от того, что новые документы и материалы публиковались и публикуются, как правило, в специальных изданиях с ограниченным тиражом. Массовый же читатель просто не в силах уследить за этими публикациями.

Свою задачу автор видит в том, чтобы познакомить читателя с имеющимися документами и прокомментировать источники, не оглядываясь на идеологические штампы советской эпохи. Поэтому исследование ведется на основе большого и наиболее полного цитирования источников: необходимо дать читателю возможность познакомиться

с тем или иным документом в его полном объеме, а не с его частью, как это часто делалось. Иными словами автор предлагает документальное повествование.

Все даты даются по старому стилю. Цитаты из произведений М.Ю.Лермонтова приводятся по Малому академическому собранию сочинений поэта, вышедшему в 1980 — 1981 гг. При необходимости в документах сохранены орфография и пунктуация подлинника.

По многим методологическим вопросам автор поддерживает точку зрения С.Б.Латышева и В.А.Мануйлова, изложенную в 1966 году в их статье «Как погиб Лермонтов».

Автор посвящает эту книгу памяти доктора филологических наук, профессора В.А.Мануйлова и великого знатока истории Кавказских Минеральных Вод Л.Н.Польского — ныне покойным. Именно они обратили внимание автора на важность разработки и изучения обстоятельств последней дуэли Лермонтова.

Автор выражает особую благодарность Валентине Григорьевне Малаховой, постоянные обсуждения, замечания и даже споры с которой, оказали неоценимую помощь при написании этой книги.

Не могу не вспомнить дорогих мне Н.В.Маркелова, С.Г.Сафарову, помогавших добрыми советами во время работы над рукописью.

Хочу выразить признательность О.К.Грубиной, Д.В.Захарову, О.Н.Захаровой, И.А.Настенко, О.Е.Пугачевой, И.А.Рудаковой, Ю.В.Яшневу, оказавших помощь на заключительном этапе подготовки этой книги.

В.А.ЗАХАРОВ
Москва, апрель 1999

ЗАГАДКА ПОСЛЕДНЕЙ ДУЭЛИ

...С собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и
горьких сожалений!

М. Лермонтов

«Вместо повторения шаблонных фраз и часто довольно бесплодного гадания о деталях организации убийства великого поэта, о подсылке командированных из Петербурга специальных убийц и т. п. следовало бы заняться настоящим и совсем уж бесспорным «убийцей» Лермонтова, то есть политической и общественной средой и атмосферой именно *средних лет* николаевского царствования...».

Е.В.Тарле. 1941 г.

В ОТПУСК

Н

овый 1840 год начался для Лермонтова обычно: бал во французском посольстве, вечера у друзей, чаще всего у Карамзиных, где собирались Жуковский, Вяземский, Тургенев, бывала Наталья Николаевна Пушкина. Ничто, казалось, не предвещало неприятностей. Однако вскоре в столице узнали, что Лермонтов стрелялся на дуэли с сыном французского посла Эрнестом де Барантом, за что и был вновь сослан на Кавказ.

Ссора с Эрнестом де Барантом произошла на балу у графини Лаваль 16 февраля. Считалось, что ссора произошла из-за княгини Марии Щербатовой, в которую якобы были влюблены и де Барант, и Лермонтов¹. По официальной версии: де Баранту передали, будто бы Лермонтов в разговоре с некой «известной особой» плохо отозвался о нем. Этой «особой» была жена русского консула в Гамбурге Тереза фон Бахерахт, которой впоследствии пришлось покинуть Россию из-за этой истории.

Как позже выяснилось на следствии, между Лермонтовым и Барантом произошел примерно такой диалог:

Б.: Правда ли, что в разговоре с известной особой вы говорили на мой счет невыгодные вещи?

Л.: Я никому не говорил о вас ничего предосудительного.

Б.: Все-таки, если переданные мне сплетни верны, то вы поступили весьма дурно.

Л.: Выговоров и советов не принимаю и нахожу ваше поведение весьма смешным и дерзким.

Б.: Если бы я был в своем отечестве, то знал бы, как кончить дело.

Л.: В России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно.

Другими словами, ссора произошла из-за обычной светской сплетни.

Де Барант вызвал Лермонтова на дуэль. Секундантом Лермонтова был А.А.Столыпин («Монго», 24-летний дядя поэта), секундантом Баранта — виконт Рауле д'Англесе.

Дуэль состоялась 18 февраля на Парголово́й дороге за Черной речкой; сначала дрались на шпагах, и Баранту удалось оставить на груди поэта легкую царапину, затем у шпаги Лермонтова обломился конец, и дуэль была продолжена на пистолетах. Барант стрелял первым и промахнулся, Лермонтов выстрелил в сторону, после чего противники помирились.

Однако молодой барон оказался довольно болтливым человеком, и в начале марта известие о поединке дошло до начальства Лермонтова. Легко представить, какой конфликт мог бы разразиться на международном уровне, если бы дело кончилось ранением или гибелью сына французского посла. Именно поэтому было решено примерно наказать участников дуэли, правда, только с русской стороны.

10 марта началось следствие, и уже 11-го Лермонтова арестовали; а 15 марта был арестован явившийся с повинной Столыпин. Следствие затянулось почти на два месяца, но приближалась Пасха, и Государь потребовал представить дело до праздника.

Генерал-аудиториат подал на Высочайшую конфирмацию свое предложение: «лишив его Лермантова чинов и дворянского достоинства, написать в рядовые. — Но принимая в уважение, во-первых, причины, вынудившие подсудимого принять вызов к дуэли, на которую он вышел не

по одному личному неудовольствию с бароном де-Барантом, но более из желания поддержать честь Русского офицера..., всеподданнейше ходатайствуя о смягчении определяемого ему по закону наказания, тем, чтобы..., вменив ему Лермантову содержание под арестом с 10-го прошедшего марта, выдержать его еще под оным в крепости на гауптвахте три месяца и потом уже выписать в один из армейских полков тем же чином». Государь счел подобное наказание слишком суровым и 13 апреля, в страстную субботу, начертал на докладе: «Поручика Лермантова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином; отставного поручика Столыпина и г. Браницкого освободить от подлежащей ответственности, объявив первому, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным. В прочем быть по сему. *Николай*» [207, II, 53]. На обложке, в которой Николаю был представлен доклад, царской рукой было приписано: «Исполнить сегоднше». Иными словами, необходимо было отпустить осужденного домой на Пасху, но резолюцию Царя не поняли, и Лермонтов провел еще несколько дней в Ордонансгаузе. И лишь 19 апреля на запрос Великого Князя Михаила Павловича, командира Лермонтова, военный министр князь А.И. Чернышев сообщил, что «Государь изволил сказать что переводом Лермантова в Тенгинский полк желает ограничить наказание» [126, 128].

В первых числах мая Лермонтов выехал на Кавказ и 10 июня 1840 года прибыл в Ставрополь — военный и административный центр Кавказской линии и Черномории. Находясь в Ставрополе, он добился направления в Малую Чечню, в экспедиционный отряд генерала-лейтенанта А.В. Галафеева, и уже 18 июня выехал в крепость Грозную. Дело в том, что только участие в боевых действиях давало Лермонтову возможность довольно быстро продвинуться по службе². В течение всего лета и осени 1840 года вплоть до 20 ноября поэт участвовал в экспедиции, лишь изредка приезжая в Ставрополь и Пятигорск.

На Кубань, в свой Тенгинский полк, Лермонтов не поехал и даже сразу не сообщил о прикомандировании к отря-

ду Галафеева. Только 30 октября 1840 года Командир Тенгинского пехотного полка подполковник Выласков получил ответ на свои запросы и узнал, где находится его поручик³.

Участие в экспедиции действительно оказалось для Лермонтова удачным. Поэт «расторопностью, верностью взгляда и пылким мужеством молодого офицера, готовностью везде быть первым» обратил на себя внимание командования. Вот почему Галафеев отправил командиру Тенгинского полка просьбу выслать ему формулярный список «о службе поручика Лермонтова». 4 декабря из штаб-квартиры полка необходимые документы были отправлены, и 9 декабря Галафеев подал рапорт с приложением наградного списка и просьбой перевести поэта «в гвардию тем же чином с отдаением старшинства» [126, 143].

В декабре 1840 года Лермонтов проездом побывал на Кубани. Существуют еще дореволюционные свидетельства, что Лермонтов направлялся в штаб-квартиру Тенгинского полка⁴, которая с августа 1840 года временно находилась в Анапе, а не в станице Ивановской⁵.

Как впервые установил автор в 1978 году, путь Лермонтова лежал в крепость Анапу, но проехать туда можно было только через Тамань [84]. Дорога через Абинское укрепление была небезопасна и практически не использовалась в те годы. Встретившись в 20-х числах декабря в Тамани с декабристом Лорером⁶, служившем, как и он, в Тенгинском пехотном полку, Лермонтов, по словам декабриста, отправился дальше «в штаб полка, явиться начальству».

Так как 24 декабря 1840 года Лорер выехал в Керчь из Тамани, можно предполагать, что последнюю неделю декабря Лермонтов провел уже в Анапе. 31 декабря 1840 года он был в крепости «налицо»⁷. Здесь же Лермонтов встретил и новый 1841 год. Пребывание в Анапе было недолгим — в первых числах января Лермонтов был уже в Ставрополе. (Скорее всего, к нему попало известие о разрешенном ему двухмесячном отпуске⁸ — в то время офицеры довольно часто уезжали до появления оригинала приказа об их отчислении или переводе.)

6 января Лермонтов присутствовал на обеде в доме Командующего Кавказской линией и Черноморией П.Х.Граббе⁹. А.И.Дельвиг, вспоминая свою первую встречу с Лермонтовым в Ставрополе в январе 1841 года, заметил:

«Лермонтова я увидал в первый раз за обедом 6 января. Он и Пушкин много острили и шутили с женою Граббе...

За обедом всегда было довольно много лиц, но в разговорах участвовали Граббе, муж и жена, Траскин, Лев Пушкин, бывший тогда майором, поэт Лермонтов, я и иногда еще кто-нибудь из гостей. Прочие все ели молча. Лермонтов и Пушкин называли этих молчаливых картинною галереєю...» [64, 304 – 305].

14 января поэту выдали отпускной билет сроком на два месяца, и, вероятно, в тот же день он покинул Ставрополь.

Уже после его отъезда, 20 января 1841 года, Начальник Штаба Кавказской линии и Черномории А.С.Траскин в отношении, направленном Командиру Тенгинского полка пишет: «Господин военный министр, 11 декабря 1840 г. № 10415, сообщает господину Корпусному Командиру, что Государь Император, по всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, Высочайше повелеть соизволил: офицера сего ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца.

По воле г. Командующего Войсками на Кавказской линии и в Черномории, впоследствии рапорта к нему, начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса, от 31 декабря 1840 г. № 41676, уведомляя об этом Ваше Высокоблагородие, присовокупляю, что на свободное проживание поручика Лермонтова в означенном отпуску выдан ему билет от 14-го сего числа № 384-й, в том внимании, что Его Превосходительство признал г. Лермонтова заслуживающим воспользоваться таковым отпуском» [175, 44].

Через две недели после отъезда поэт прибыл в Москву.

ОПАЛЬНЫЙ ГЕНЕРАЛ

П

перед отъездом из Ставрополя Лермонтов получил от П.Х.Граббе письмо, для передачи в Москве генералу А.П.Ермолову, адъютантом которого некогда был Граббе. Сведения об этом обнаружил С.А.Андреев-Кривич в черновике письма Граббе к Ермолову от 15 марта 1841 г.

«...Кн. Эристов доставил на прошедшей неделе нашего выборного человека с письмом Вашим от 17 пр<ошлого> м-ца. В этом письме вы упоминаете о г. Бибикове, о котором Вы за три дня перед тем писали ко мне (далее вычеркнуто слово. — В.З.) в ожидании его я замедлил ответом на последнее, не имея сведения, получены ли два письма мои к Вам, одно по почте, другое с г. Лермонтовым отправленные. <Это сведение я надеялся найти в>. Но ни г. Бибикова, ни этого сведения еще покуда нет. Долее откладывать ответа не смею и не могу» [24, 260].

Алексей Петрович Ермолов, бывший «диктатор Грузии и проконсул Кавказа», герой Отечественной войны 1812 года, находился в это время в опале. Дело в том, что после восстания на Сенатской площади по столице поползли слухи о желании Ермолова «отложиться от России», стать во главе самостоятельного государства, составленного из покоренных областей. Продолжительное

отсутствие сведений о присяге Кавказской армии Императору еще больше встревожило Николая I.

Следственная комиссия «по делу 14 декабря» усиленно искала прямые улики против Ермолова, но ничего не обнаружила. Это не успокоило Николая I, он продолжал считать, что на Кавказе действительно существует военный заговор. Однако попросту взять и арестовать Ермолова было невозможно. Государь знал, какой популярностью пользовался прославленный генерал, и поэтому было решено отправить в отставку Ермолова по причине «несоответствия служебной должности».

На Кавказе в то время действительно было весьма неспокойно. Ермолов постоянно докладывал в Петербург о подготовке Персии к войне против России, не раз просил прислать подкрепление. Но усилить войска «ненадежного» генерала никак не входило в планы Николая I.

В середине июля 1826 года наследник персидского престола Аббас-Мирза, нарушив Гюлистанский договор, вторгся с 30-тысячной армией в Закавказье. Первые рапорты, отправленные Ермоловым в столицу, свидетельствовали о неудачах русских войск. Воспользовавшись этим событием, 10 августа Николай I выразил недовольство «медлительностью» и «оплошностями» генерала. Тут же в Тифлис отправился любимец царя И.Ф.Паскевич* на должность «Командующего войсками под главным начальством Ермолова». Такое двоевластие немедленно привело к разногласиям между генералами, и вскоре перешло в обострение отношений.

Тогда Николай I направил Начальника Главного штаба генерала И.И.Дибича в Тифлис с особым поручением: «ра-

* Косвенная характеристика И.Ф.Паскевича дается в «Заметках» декабриста В.С.Толстого (см. Приложение 1). В частности, он описывает подлинное происшествие во время войны с персами, которое весьма отрицательно характеризует Паскевича, как военачальника, своим жалким поведением, граничащим с трусостью, дискредитирующим звание военного.

зубать, кто руководители зла в сем гнезде интриг, и непременно удалить их».

Генерал Ермолов вскоре был отстранен от командования и тут же покинул Кавказ. Он жил попеременно то в Орле, то в Москве, изредка выезжая в Петербург.

Этому-то опальному генералу и отвез поручик Лермонтов письмо от его бывшего адъютанта. Граббе поддерживал с Ермоловым неофициальные отношения и редко доверял свои письма почте. Переписка между ними, видимо, подвергалась перлюстрации, о чем свидетельствует не без иронии сам Граббе: «Оканчивая это длинное письмо, мимоходом замечу, что печать на Вашем конверте вовсе не была похожа на Вашу обыкновенную, всегда опрятную и щеголеватую. Это вероятно будет и с моею, хотя употреблю отличный сургуч и старание чисто запечатать. Видно, долго еще, несмотря на благонамеренность свыше, мы не выберемся из глубокой и грязной колеи, в которую издавна завязли» [19, 119].

Трудно судить, о чем писал Граббе в посылаемом с Лермонтовым письме, но по косвенным свидетельствам¹⁰ можно предположить, что оно носило доверительно-рекомендательный характер. Скорее всего, Граббе рассчитывал, что Лермонтов расскажет Ермолову о положении в армии лучше, «нежели позволило бы то письменное изложение».

Передача письма Ермолову через Лермонтова — факт значительный и любопытный. Для того, чтобы в полной мере оценить это, необходимо представить себе Кавказ второй четверти XIX века. В те годы это была одна из отдаленных провинций Российской Империи, и здешняя атмосфера была свободнее столичной: допускались и вольнолюбивые разговоры, и критика в адрес правительства*. По словам Н.П.Огарева, «здесь среди величавой природы со времени Ермолова не исчезал приют русского свободомыс-

* Тем не менее, неверно будет представить, что на Кавказе была организована оппозиция николаевскому режиму, возглавляемая Граббе, как об этом писали советские исследователи.

лия, где по воле правительства собирались изгнанники, а генералы, по преданию, оставались их друзьями» [156, 381].

Вольные разговоры велись и в доме Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанта П.Х.Граббе, где поэт нашел радушный и даже дружеский прием.

В Москве Лермонтов мог встретиться с Ермоловым и передать ему письмо в период с 31 января по 2 — 3 февраля 1841 года¹¹ [117, 119 — 120].

Встреча, скорее всего, происходила в небольшом деревянном домике, который генерал купил в Москве на Пречистенском бульваре¹².

Мы не знаем, о чем говорили молодой поэт и прославленный генерал, но необходимо отметить, что Ермолов прекрасно знал литературу, у него была одна из лучших библиотек в Москве, в которой насчитывалось свыше 9 тысяч томов книг, и не только на русском языке.

Уже в апреле того же 1841 года, возвращаясь на Кавказ, поэт передал Ю.Ф.Самарину¹³ для публикации в славянофильском журнале «Москвитянин» свое новое стихотворение «Спор», в котором читатель в строках

«И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой»,

под «седым генералом» угадывал Ермолова.

В дневнике Ермолова тех дней не сохранилось никаких записей об этой встрече, но когда до генерала дойдет весть о гибели поэта, он вспомнит о Михаиле Юрьевиче и об их свидании [207, II, 240].

Задержавшись в Москве всего пару дней, Лермонтов отправился дальше — в Петербург.

В СТОЛИЦЕ

В начале февраля 1841 года, на масленицу, балы в столице устраивались ежедневно во многих домах. Лермонтов приехал в Петербург 5 февраля и вскоре был приглашен на бал в дом графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова. Украшением вечера была жена графа — Александра Кирилловна, чей замечательный портрет вдохновил Лермонтова на стихотворение «К портрету»¹⁴.

Вечер у графа Воронцова-Дашкова оказался знаменательным для поэта и отразился на его дальнейшей судьбе¹⁵. В дневниковых записях М.А. Корфа, статс-секретаря, в прошлом товарища Пушкина по Лицею, сохранились воспоминания об этом бале. Вот интересующая нас запись от 9 февраля 1841 года: «Сегодня — масленичное воскресенье — *folle jornee** празднуется в первый раз у гр. Воронцова. 200 человек званы в час; позавтракав, они тотчас примутся плясать и потом будут обедать, а вечером в 8 часов в подкрепление к ним званы еще 400 человек, которых ожидают, впрочем, только танцы, карты и десерт, ужина не будет, как и в других домах прежде в этот день его не бывало» [55, 105]. На балу было так много неожиданностей, что на следующий день Корф

Сумасшедший день (*франц.*).

дополнил свою запись некоторыми подробностями: «На вчерашнем вечернем балу Воронцова был большой сюрприз и для публики и для самих хозяев, — именно появление Императрицы, которая во всю нынешнюю зиму не была ни на одном частном бале. Она приехала в 9 часов, и, уезжая в 11, я оставил ее еще там. Впрочем, она была только зрительницею, а не участницею танцев. Государь приехал вместе с нею. Оба Великие Князья были и вечером, и утром» [55, 106].

Многие из участников того вечера вспоминали о том, что Великий Князь Михаил Павлович¹⁶ был очень недоволен, неожиданно увидев на балу Лермонтова. Он неоднократно делал попытки подойти к поэту, но тот явно ускользал от него, кружась в вихре танца с хозяйкой дома. Граф Владимир Соллогуб, увидев это, поймал Лермонтова и посоветовал немедленно покинуть бал, опасаясь, что его беззаботного друга арестуют, на что проходивший мимо хозяин заметил: «Не арестуют у меня!».

И все же Александра Кирилловна была вынуждена вывести Лермонтова из дома через внутренние покои.

Как можно оценить такое поведение поэта, что это — шалость, легкомысленность или вызов?

Скорее всего, поэт просто не ожидал, что встретит здесь августейших особ. Комментируя этот случай, П.А.Висковатый заметил: «Считалось в высшей степени дерзким и неприличным, что офицер опальный, отбывающий наказание, смел явиться на бал, на котором были члены императорской фамилии. К тому же, кажется, только накануне приехавший, поэт не успел явиться «по начальству» всем, кому следовало. На этот раз вознегодовал на Михаила Юрьевича и граф Клейнмихель, и все военное начальство, может быть, не без участия в деле и гр. Бенкендорфа. Но так как Великий Князь, строгий во всех делах нарушения уставов, молчал, то было неудобно привлечь Лермонтова к ответственности за посещение бала в частном доме. Тем не менее, этот промах был ему поставлен на счет и повлек за собою распоряжение начальства о скорейшем возвращении Ми-

хаила Юрьевича на место службы. Надежда получить разрешение покинуть службу оборвалась» [48, 374 – 375].

Здесь Висковатый не совсем прав. Да, появление на балу и несколько вызывающее поведение поэта, возможно, и было расценено Государем как дерзость. Но никаких репрессий по отношению к Лермонтову сразу же после бала не последовало.

Следует заметить, что долгое время все исследователи сходились во мнении, что отказ царя в награде Лермонтову, датированный 21 февраля, и был проявлением «ненависти к сосланному поэту». Однако подобная точка зрения находится в противоречии с документами, обнаруженными С.И.Малковым, исследователем военной службы Лермонтова. Оказывается, примерно за месяц до описываемых событий Николай I издал указ, в котором предписывалось не представлять и не награждать за сражения на кавказских фронтах чины, ниже капитанских. Кавказское начальство Лермонтова узнало об этом указе только после его получения в Тифлисе, то есть уже после того, как списки к награждению были отправлены в Петербург. Лермонтов, находившийся в столице, узнал о его содержании в конце февраля. Стало ясно, что он не получит ни награды, ни прощения. Именно об этом поэт написал А.Бибикову, своему дальнему родственнику, выпускнику Школы юнкеров, с которым жил на одной квартире в Ставрополе:

«Милый Биби.

Насилу собрался писать к тебе; начну с того, что объясню тайну моего отпуска: бабушка просила о прощении моем, а мне дали отпуск; но я скоро еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот какие беды: приехав сюда в Петербург, на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г<рафине> Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать! Кабы знал, где упасть, соломки подостлал; обществом зато я был принят очень хорошо, и у меня началась новая драма, которой завязка очень замечательна, зато развязки, вероятно, не будет, ибо 9 марта отсюда уезжаю заслужи-

вать себе на Кавказе отставку: из Валерикского представления меня здесь вычеркнули, так что я не буду иметь утешения носить красной ленточки*, когда надену штатский сюртук»¹⁷ [5, IV, 424].

Вернемся к событиям, последовавшим за появлением Лермонтова на балу.

Петербургский отпуск Лермонтова должен был закончиться 12 марта, но и в начале апреля он не собирался уезжать. Дело в том, что бабушка Лермонтова не смогла к этому времени приехать в столицу. Об этом 27 августа 1858 года графиня Е.Ростопчина, с которой Лермонтов был дружен, написала Александру Дюма**

«В начале 1841 года... госпожа Арсеньева выхлопотала ему (Лермонтову. — В.З.) разрешение приехать в Петербург для свидания с нею и получения последнего благословения; года и слабость понуждали ее спешить возложить руки на главу любимого детища. Лермонтов прибыл в Петербург 7 или 8 февраля, и, горькою насмешкою судьбы, его родственница, госпожа Арсеньева, проживающая в отдаленной губернии, не могла с ним съехаться по причине дурного состояния дорог, происшедшего от преждевременной распутицы... Отпуск его приходил к концу, а бабушка не ехала. Стали просить об отсрочках, в которых сначала было отказано, а потом они были взяты штурмом, благодаря высокой протекции» [138, 284].

Второй причиной задержаться в Петербурге было желание выйти в отставку. Поэт каким-то образом узнал, что его вычеркнули из Валерикского представления к награждению — мечта надеть штатский сюртук стала несбыточной. Остаться в столице становилось бессмысленным, и 9 мар-

Лермонтов был представлен к ордену святого Станислава, который крепился на красной муаровой ленте.

** А.Дюма в это время путешествовал по Кавказу. Он много расспрашивал о поэте, в том числе и Ростопчину, просил, чтобы она прислала ему подробные сведения о юном гении, история жизни которого его потрясла.

та Лермонтов начал готовиться к отъезду (вспомним письмо к Бибикову).

Накануне предполагаемого отъезда (который затем был вновь отложен), Лермонтов встречался с Е.Ростопчиной¹⁸ и с Василием Андреевичем Жуковским¹⁹.

Жуковский не оставил подробных записей о содержании разговоров, которые он вел с Лермонтовым ни в тот день, ни в последующие. А.А.Краевский рассказывал позже П.А.Висковатому: «Хотя Лермонтов в это время часто видался с Жуковским, но литературное направление и идеалы его не удовлетворяли юного поэта. «Мы в своем журнале, — говорил Лермонтов, — не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное, не так как Жуковский, который все кормит переводами, да еще не говорит, откуда берет их» [48, 352].

Несмотря на творческие разногласия с Жуковским, встретившись с ним у Карамзиных, Лермонтов решил, что именно Василий Андреевич может ему помочь. Жуковский, воспитатель Наследника и других августейших особ, был вхож во дворец, пользовался особым расположением Императрицы, которая была благосклонна и к Лермонтову. Видимо, все эти доводы были изложены бабушке, когда она наконец-то приехала в столицу. Была уже середина Великого поста, и Лермонтов с Елизаветой Алексеевной и троюродным братом Акимом Шан-Гиреем регулярно посещали храм, ближайший к ним²⁰.

По известным нам сведениям, в середине марта 1841 года бабушка Лермонтова — «заступница родная» — по приезде в столицу в очередной раз начинает вымаливать прощение внуку. Она просит военного министра Чернышева дать Лермонтову отставку, обращается к Жуковскому²¹ с просьбой передать Императрице еще одно ее личное прошение. Однако просьба Арсеньевой осталась неудовлетворенной, и Жуковский решает обратиться к Наследнику. В его дневниковых записях тех дней сохранился первоначальный вариант письма к Великому Князю²².

Передал ли свое письмо Жуковский Наследнику или нет — установить не удалось. Но события начали стремительно развиваться не в пользу Лермонтова. Бенкендорф, узнав о хлопотах Елизаветы Алексеевны и, возможно, Жуковского и о том, что поэт еще не уехал из столицы, распорядился о немедленной высылке его в полк — тем более, что уже прошли все сроки пребывания в отпуске.

Дежурный генерал Главного Штаба П.А.Клейнмихель достаточно быстро выполнил это распоряжение — рано утром 11 апреля Лермонтов был разбужен и доставлен на Дворцовую площадь в Главный штаб, где Клейнмихель приказал ему в течение двух суток покинуть Петербург и отправиться в полк.

На следующий день, то есть 12 апреля, у Карамзиных состоялись проводы Лермонтова. Поэт и литературный критик, ректор Петербургского университета П.А.Плетнев вспоминал об этом так: «После чаю Жуковский отправился к Карамзиным на проводы Лермонтова, который снова едет на Кавказ по миновании срока отпуска своего» [126, 152].

На прощальном вечере кроме уже названных были также Александра Осиповна Смирнова-Россет, Евдокия Петровна Ростопчина, Наталья Николаевна Пушкина.

У Карамзиных Лермонтов впервые разговорился с вдовой Пушкина.

Об этом много лет спустя вспоминала дочь Натальи Николаевны — Александра Петровна Арапова (урожденная Ланская). Отметив, что Лермонтов уже не раз встречал Наталью Николаевну в доме своих друзей, но всякий раз сторонился ее, избегая с ней беседы и ограничиваясь лишь обычными светскими фразами, Александра Петровна рассказала, что на этот раз, «уступая какому-то необъяснимому побуждению, поэт, к великому удивлению матери, завладев освободившимся около нее местом, с первых слов завел разговор, поразивший ее своей необычностью.

Он точно стремился заглянуть в тайник ее души, чтобы вызвать ее доверие, сам начал посвящать ее в мысли и чувства, так мучительно отравлявшие его жизнь, каялся в рез-

кости мнений, в беспомощности суждений, так часто отталивавших от него ни в чем перед ним неповинных людей.

Мать поняла, что эта исповедь должна была служить в некотором роде объяснением; она почуяла, что упоение юной, но уже признанной славой не заглушило в нем неудовлетворенность жизнью. Может быть, в эту минуту она уловила братский отзвук другого, мощного, отлетевшего духа, но живое участие пробудилось мгновенно, и, дав ему волю, простыми, прочувствованными словами она пыталась ободрить, утешить его, подбирая подходящие примеры из собственной тяжелой доли. И по мере того, как слова непривычным потоком текли с ее уст, она могла следить, как они достигали цели, как ледяной покров, сковывавший доселе их отношения, таял с быстротой внешнего снега, как некрасивое, но выразительное лицо Лермонтова точно преображалось под влиянием внутреннего просвещения.

В заключение этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью, Лермонтов сказал:

— Когда я только подумаю, как мы часто с вами здесь встречались!.. Сколько вечеров, проведенных здесь, в гостиной, но в разных углах! Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную, неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собой вечный упрек в близорукости, бесплодное сожаление о даром утраченных часах! Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если это не самонадеянная мечта, стать когда-нибудь вашим другом. Никто не может помешать посвятить вам ту беззаветную преданность, на которую я чувствую себя способным.

— Прощать мне вам нечего, — ответила Наталья Николаевна, — но если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, что мне отраднее оставаться при этом убеждении.

Прощание их было самое задушевное, и много толков было потом у Карамзиных о непонятной перемене, происшедшей с Лермонтовым²³ перед самым отъездом» [207, II, 154 — 155].

В тот же прощальный вечер поэт сделал маленький подарок графине Евдокии Петровне Ростопчиной — преподнес альбом²⁴ с посвященным ей стихотворением:

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели благородной
Оторван бурею страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...
Так две волны несутся дружно
Случайно, вольною четой
В пустыне моря голубой;
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный
И ласки вечные свои.

Простившись со всеми друзьями, 14 апреля 1841 года в 8 часов утра Лермонтов выехал из северной столицы.

МОСКВА

17

апреля в 7 часов пополудни Лермонтов въехал в первопрестольную и остановился у барона Дмитрия Григорьевича Розена, своего однополчанина по Лейб-гвардии гусарскому полку.

20 апреля он отправил из Москвы в Петербург письмо Елизавете Алексеевне:

«Милая бабушка.

Жду с нетерпением письма от вас с каким-нибудь известием; я в Москве пробуду несколько дней, остановился у Розена; Алексей Аркадич здесь еще; и едет послезавтра. Я здесь принят был обществом по обыкновению очень хорошо — и мне довольно весело; был вчера у Николая Николаевича Анненкова и завтра у него обедаю; он был со мною очень любезен: вот все, что я могу вам сказать про мою здешнюю жизнь; еще прибавлю, что я от здешнего воздуха потолстел в два дни; решительно Петербург мне вреден; может быть, также я поздоровел от того, что всю дорогу пил горькую воду, которая мне всегда очень полезна. Скажите, пожалуйста, от меня Екиму Шангирею, что я ему напишу перед отъездом отсюда и кое-что пришлю. — Вероятно, Сашенькина свадьба уже была, и потому прошу вас ее поздравить от меня; а Леокადии скажите от меня, что я ее целую и желаю испривиться, и быть как можно осторожнее вообще.

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и уверены, что Бог вас вознаградит за все печали. Целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь

покорный внук.
М. Лермонтов» [5, IV, 425].

* * *

17 апреля в Петербурге становится известным список очередных благодеяний Императора в связи с празднованием бракосочетания наследника Александра Николаевича с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской. И хотя Елизавета Алексеевна не обнаружила в этом списке имени внука, она верит, что еще не все потеряно.

Приближается еще одна дата — 21 апреля, день рождения Императрицы Александры Федоровны. И Арсеньева обращается к С.Н.Карамзиной:

«Милостивая государыня
Софья Николаевна

Опасаясь беспокоить вас моим приездом, решила просить вас через письмо; вы так милостивы к Мишиньке, что я смело прибегаю к вам с моею прозбою, попросите Василия Андреевича (Жуковского. — В.З.) напомнить Государыне (Александре Федоровне. — В.З.), вчерашний день прощены: Исаков, Лихарев, граф Апраксин и Челищев; уверена, что и Василий Андреевич извинит меня, что я его беспокою, но сердце мое растерзано. Он добродетелен и примет в уважение мои старания. С почтением пребываю вам готовая к услугам

Елизавета Арсеньева
1841 года апреля 18.

Маминьке вашей и сестрицам прошу сказать мое почтение» [152, 656].

Е.А.Арсеньева вела довольно большую переписку, но до нас из ее эпистолярного наследия дошло всего несколько писем, из которых к Лермонтову только одно. По этому, чудом сохранившемуся, письму 1835 года можно судить о

том, насколько сильно она любила внука, как тяжело переживала все его неприятности. Вот строки из этого письма:

«Милый любезный друг Мишенька.

Конечно мне грустно, что долго тебя не увижу, но видя из письма твоего привязанность твою ко мне, я плакала от благодарности к Богу, после двадцати пяти лет страдания любовью своею и хорошим поведением ты заживляешь раны моего сердца...

Посылаю теперь тебе, мой милый друг, тысячу четырехста рублей ассигнациями да писала к брату Афанасию, чтоб он тебе послал две тысячи рублей, надеюсь на милость Божию, что нынешний год порядочный доход получим...

Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет ныншней модной неистовой любви, и невестка сказывала, что Афанасью очень понравились стихи твои и очень их хвалил, да как ты не пишешь, какую ты пиесу сочинил, комедия или трагедия, все, что до тебя касается, я равнодушна, уведошь, а коли можно, то и пришли через почту. Стихи твои я больше десяти раз читала...» [5, IV, 531].

А вот что она писала своей приятельнице П.А.Крюковой в январе 1836 года:

«Дай Боже вам всего лучшего, а я через 26 лет в первой раз встретила новый год в радости: Миша приехал ко мне накануне нового года. Что я чувствовала, увидя его, я не помню и была как деревянная, но послала за священником служить благодарный молебен. Тут начала плакать и легче стало... Нет ничего хуже как пристрастная любовь, но я себя извиняю: он один свет очей моих, все мое блаженство в нем, нрав его и свойства совершенно Михайла Васильича (Арсеньева, дедушки поэта. — В.З.), дай Боже, чтоб добродетель и ум его был» [152, 648].

Письма эти в комментариях не нуждаются. Они дышат самоотверженной любовью к внуку, готовностью пойти ради него на любые жертвы. Вся жизнь ее — ожидание писем от внука и встреч с ним²⁵.

Пять дней, проведенные Лермонтовым в Москве, были переполнены событиями. Долгие разговоры с Ю.Ф.Самариным, поездка под Новинское на народное гуляние, много других не менее интересных встреч. Одна из них описана немецким поэтом и переводчиком Фридрихом Боденштедтом:

«Зимой 1840 — 1841 года в Москве, незадолго до последнего отъезда Лермонтова на Кавказ, в один пасмурный воскресный или праздничный день мне случилось обедать с Павлом Олсуфьевым, очень умным молодым человеком; во французском ресторане, который в то время усердно посещала знатная московская молодежь.

Во время обеда к нам присоединилось еще несколько знакомых и, между прочим, один молодой князь замечательно красивой наружности и довольно ограниченного ума²⁶, но большой добряк. Он добродушно сносил все остроты, которые другие отпускали на его счет.

...А, Михаил Юрьевич!» — вдруг вскричали двое-трое из моих собеседников при виде только что вошедшего молодого офицера, который слегка потрепал по плечу Олсуфьева, приветствовал молодого князя словами: «Ну, как поживаешь, утник!» — а остальное общество коротким: «Здравствуйте!»...

Мы говорили до тех пор по-французски, и Олсуфьев, говоря по-французски, представил меня вошедшему. Обменявшись со мною несколькими беглыми фразами, он сел с нами обедать...

После того как Лермонтов быстро отведал несколько кушаньев и выпил два стакана вина (при этом он не прятал под стол свои красивые, выхоленные руки), он сделался очень разговорчив, и, надо полагать, то, что он говорил, было остроумным и смешным, так как он нарочно говорил по-русски и к тому же чрезвычайно быстро, а я в то время недостаточно понимал русский язык, чтобы следить за разговором. Я заметил только, что шпильки его часто пере-

ходили в личности; но, получив несколько раз отпор от Олсуфьева, он счел за лучшее избирать мишенью своих шуток только молодого князя.

Некоторое время тот добродушно сносил остроты Лермонтова; но, наконец, и ему уже стало невмочь, и он с достоинством умерил его пыл, показав этим, что при всей ограниченности ума он порядочный человек.

Казалось, Лермонтова искренне огорчило, что он обидел князя, своего друга молодости, и он всеми силами старался помириться с ним, в чем скоро и успел.

Я уже знал и любил тогда Лермонтова по собранию его стихотворений, вышедших в 1840 году, но в этот вечер он произвел на меня столь невыгодное впечатление, что у меня пропала всякая охота ближе сойтись с ним.

Весь разговор, с самого его прихода, звенел у меня в ушах, как будто кто-нибудь скреб по стеклу... У меня правило основывать мнение о людях на первом впечатлении вскоре совершенно изгладилось приятным.

Не далее как на следующий день я встретил его в гостиной г-жи Мамоновой, где он предстал передо мною в самом привлекательном свете, так как он вполне умел быть любезным» [138, 289 — 290].

В вечер перед отъездом Лермонтов вновь встретился с Ю.Ф.Самариным.

«Одного утра, проведенного у Россети, я никогда не забуду, — вспоминал в своем дневнике Самарин. — Лермонтова что-то тревожило, и досада и желчь его изливались на Золотницкого. Тут он рассказал с неподражающим юмором, как Ливицкий дурачил Иваненко. Дуэль напоминала некоторые черты из дуэли «Героя нашего времени». Мы простились. Вечером, часов в девять, я занимался один в своей комнате. Совершенно неожиданно входит Лермонтов. Он принес мне свои новые стихи для «Москвитянина» — «Спор». Не знаю, почему мне особенно было приятно видеть Лермонтова в этот раз. Я разговорился с ним. Прежде того какая-то робость связывала мне язык в его присутствии» [207, II, 163].

Возможно, после этого разговора появилась в записной книжке, подаренной Лермонтову князем В.Ф.Одоевским²⁷, такая запись:

«У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем.

Сказка сказывается: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна — и встал, и пошел... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей, и побил их, и сел над ними царствовать... Такова Россия» [5, IV, 350].

Эти лермонтовские строки можно расценить как попытку определить свою личную позицию по отношению к тем спорам о судьбе России, которые разгорелись в те годы. Лермонтов, как видим, не принял официальную версию, автором которой был А.Х.Бенкендорф:

«Прошлое России удивительно, настоящее более чем великолепно, будущее — выше всего, что может представить самое пылкое воображение».

Но точка зрения Лермонтова не совпадала и с Чаадаевской:

«Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя».

23 апреля Лермонтов отправился в дорогу.

В Туле он догнал Столыпина, который выехал из Москвы днем раньше²⁸.

Пробыв день у тетки — Елены Петровны Веолевой, Лермонтов и Столыпин двинулись на Кавказ уже вместе.

ОРЕЛ ИЛИ РЕШЕТКА?

9

мая 1841 года в губернский город Ставрополь въехали поручик Тенгинского пехотного полка Лермонтов и Нижегородского Драгунского полка капитан Столыпин. Во второй половине дня они встретились с уже знакомым Лермонтову Александром Семеновичем Траскиным — подполковником, флигель-адъютантом. (Траскин уже третий год был Начальником штаба, до него этот пост занимал дядя Лермонтова — генерал Павел Иванович Петров).

Командующего Кавказской линией и Черноморией П.Х.Граббе в Ставрополе в это время не было, и, по установленному порядку, Траскин сам подписал распоряжение: «Поручик Лермонтов прибыл в Ставрополь <...> и по воле Командующего войсками был прикомандирован к отряду, действующему на левом фланге Кавказа для участия в экспедиции» [126, 159].

Утром следующего дня Лермонтов отправил своей бабушке, Елизавете Алексеевне, в Петербург письмо:

«Милая бабушка, я сейчас приехал только в Ставрополь и пишу к вам; ехал я с Алексеем Аркадьевичем, и ужасно долго ехал, дорога была прескверная, теперь не знаю сам еще, куда поеду; кажется, прежде в крепость Шуру, где полк, а от-

туда постараюсь на Воды. Я, слава Богу, здоров и спокоен, лишь бы вы были спокойны, как я: одного только и желаю; пожалуйста, оставайтесь в Петербурге: и для вас и для меня будет лучше во всех отношениях... Я все надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощение, и я могу выйти в отставку.

Прощайте, милая бабушка, целую ваши ручки и молю Бога, чтоб вы были здоровы и спокойны, и прошу вашего благословения.

Остаюсь п<окорный> внук *Лермонтов*» [5, IV, 426].

Но это письмо было не единственным, отправленным в тот день. В Петербург ушло еще одно, адресованное дочери историка Н.М.Карамзина Софье и написанное по-французски. Вот отрывок из этого письма²⁹:

«Я только что приехал в Ставрополь, дорогая Софи, и отправляюсь в тот же день в экспедицию с Столыпиным-Монго. Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что только можно мне пожелать. Надеюсь, что это письмо застанет вас еще в С.-Петербурге и что в тот момент, когда вы будете его читать, я буду штурмовать Черкей... Итак, я уезжаю вечером; признаюсь вам, что я порядком устал от всех этих путешествий, которым, кажется, суждено вечно длиться. Я хотел написать еще кое-кому в Петербург, в том числе и г-же Смирновой, но не знаю, будет ли ей приятен этот дерзкий поступок, и поэтому воздерживаюсь... Прощайте; передайте, пожалуйста, всем вашим почтение; еще раз прощайте — будьте здоровы, счастливы и не забывайте меня.

Весь ваш *Лермонтов*» [5, IV, 428].

Итак, перед нами два письма, в которых совершенно определенно указан предстоящий маршрут. Сразу возникает вопрос: почему Лермонтов едет в крепость Темир-хан-Шуру для участия в экспедиции, а не в Анапу, где находится штаб-квартира Тенгинского пехотного полка? Ведь генерал Клейнмихель приказал выехать из столицы в свой полк, то есть в Тенгинский.

Почему так резко изменился маршрут?

Некоторые исследователи расценивали прикомандирование Лермонтова к экспедиции как желание царя «избавиться от неугодного поручика». Но такому мнению противоречит текст предписания, посланного вдогонку Лермонтову 30 июня 1841 года: «поручика Лермонтова *ни под каким видом* (курсив мой. — В.З.) не удалять из фронта полка», то есть не прикомандировывать ни к каким отрядам, назначаемым в экспедиции против горцев. Это означало, что становилась невозможной всякая выслуга, так как только в экспедиции можно было отличиться в бою, за что представляли к награде или прощению. Тенгинский же полк не принимал участие в военных действиях, и Лермонтов мог надолго в нем застрять. Эту уловку хорошо понимали на Кавказе, и именно поэтому Траскин, благоволивший к Лермонтову, перевел его в экспедицию.

На следующий день Лермонтов и Столыпин отправились в путь³⁰.

Петр Иванович Магденко, ремонтёр Борисоглебского уланского полка, ехавший в эти же дни «по казенной надобности» через Ставрополь и Пятигорск в Тифлис, встречался с Лермонтовым и Столыпиным по дороге неоднократно.

Вот как Магденко описал встречу с ними в крепости Георгиевской:

«...В комнату вошли Лермонтов и Столыпин. Они поздоровались со мною, как со старым знакомым, и приняли приглашение выпить чаю. Вошедший смотритель на приказание Лермонтова запрягать лошадей отвечал предостережением в опасности ночного пути. Лермонтов ответил, что он — старый кавказец, бывал в экспедициях, и его не запугаешь. Решение продолжать путь не изменилось и от смотрительского рассказа, что позавчера в семи верстах от крепости зарезан был черкесами проезжий унтер-офицер. Я со своей стороны тоже стал уговаривать, [что] лучше же прибегать к храбрости на время какой-либо экспедиции, чем рисковать жизнью в борьбе с ночными разбойниками.

К тому же разразился страшный дождь, и он-то, кажется, сильнее доводов наших подействовал на Лермонтова, который решился-таки заночевать...

На другое утро Лермонтов, входя в комнату, в которой я со Столыпиным сидели уже за самоваром, обратясь к последнему, сказал: «Послушай, Столыпин, а ведь теперь в Пятигорске хорошо, там Верзилины (он назвал еще несколько имен); поедem в Пятигорск».

Столыпин отвечал, что это невозможно.

«Почему? — быстро спросил Лермонтов, — там комендант старый Ильяшенков, и являться к нему нечего, ничто нам не мешает. Решайся, Столыпин, едем в Пятигорск».

С этими словами Лермонтов вышел из комнаты...

Столыпин сидел задумавшись.

«Ну что, — спросил я его, — решаетесь, капитан?» — «Помилуйте, как нам ехать в Пятигорск, ведь мне поручено везти его в отряд»...

Дверь отворилась, быстро вошел Лермонтов, сел к столу и, обратясь к Столыпину, произнес повелительным тоном:

«Столыпин, едем в Пятигорск! — С этими словами вынул он из кармана кошелек с деньгами, взял из него монету и сказал: — Вот, послушай, бросаю полтинник, если упадет кверху орлом — едем в отряд; если решеткой — едем в Пятигорск. Согласен?».

Столыпин молча кивнул головой. Полтинник был брошен и к нашим ногам упал решеткой вверх.

Лермонтов вскочил и радостно закричал:

«В Пятигорск, в Пятигорск!» [138, 303 — 305]³¹.

Такое своеволие поручика могло поставить в неудобное положение всех: и Столыпина, и Граббе, и Траскина, но в ту минуту Лермонтов был далек от чувства вины перед людьми, хлопотавшими за него.

Итак, решение изменить маршрут пришло неожиданно: ясно, что находясь в Петербурге, в Москве и даже в Ставрополе, Лермонтов даже не предполагал ехать на Воды. Мысли поэта были сосредоточены на другом: выход в отставку, возвращение в Петербург, большие литературные планы,

вплоть до издания собственного журнала. Это подтверждают и его письма и письма близких ему людей.

Конец февраля — Лермонтов пишет своему другу А.И.Бибикову: «Отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку...

18 апреля — Елизавета Алексеевна в письме к С.Н.Карамзиной просит ходатайствовать перед Государем об отставке ее внука.

Середина апреля — Ю.Ф.Самарин сообщает в письме к И.С.Гагарину, петербургскому приятелю Лермонтова, что Лермонтов перед отъездом на Кавказ говорил ему «о своей будущности, о своих литературных проектах» [207, II, 162].

9–10 мая — письмо Лермонтова бабушке, что он отправляется в Шуру и, возможно, в скором времени выйдет в отставку.

10 мая — Е.А.Свербеева, хозяйка московского литературного салона, пишет из Москвы А.И.Тургеневу: «Лермонтов провел пять дней в Москве, он уехал на Кавказ, торопясь принять участие в штурме, который ему обещан» [120, 700].

Понятно, что Лермонтов не планировал поездку в Пятигорск заранее. Как же тогда отнестись к эпизоду с полтинником, столь живо рассказанному Магденко и столь неожиданно решившему дальнейшую судьбу поэта?

Многие исследователи жизни и творчества Лермонтова отмечали фатальность его судьбы, его творчества. И самого поэта тема предначертанности занимала всю жизнь. В черновом варианте «Фаталиста» Лермонтов писал: «Весело испытывать судьбу, когда знаешь, что она ничего не может дать хуже смерти, и что эта смерть неизбежна, и что существование каждого из нас, исполненное страдания или радостей, темно и незаметно в этом безбрежном котле, называемом природой, где кипят, исчезают (умирают) и возрождаются столько разнородных жизней» [3, VI, 614].

Возможно, что именно это желание «весело испытать судьбу» заставило Лермонтова бросить жребий и повернуть в Пятигорск.

Вернемся к воспоминаниям П.И.Магденко: «Лошади были поданы. Я пригласил спутников в свою коляску. Лермонтов и я сидели на задней скамье, Столыпин на передней. Нас обдавало целым потоком дождя. Лермонтову хотелось закурить трубку, — оно оказалось немыслимым. Дорогой и Столыпин, и я молчали, Лермонтов говорил почти без умолку и все время был в каком-то возбужденном состоянии. Между прочим, он указывал нам на озеро, кругом которого он джигитовал, а трое черкес гонялись за ним, но он ускользнул от них на лихом своем карабахском коне.

Говорил Лермонтов и о вопросах, касавшихся общего положения дел в России. Об одном высокопоставленном лице я услышал от него такое жестокое мнение, что оно и теперь еще кажется мне преувеличенным».

Между Георгиевской и Пятигорском был один дневной почтовый перегон. К вечеру 13 мая Лермонтов и Столыпин уже были в городе.

«Промокшие до костей, приехали мы в Пятигорск, — продолжал свой рассказ Магденко, — и вместе остановились на бульваре в гостинице, которую содержал армянин Найтаки. Минут через двадцать в мой номер явились Столыпин и Лермонтов, уже переодетыми, в белом как снег белье и халатах. Лермонтов был в шелковом темно-зеленом с золотыми желудями на концах. Потирая руки от удовольствия, Лермонтов сказал Столыпину: «Ведь и Мартышка, Мартышка здесь. Я сказал Найтаки, чтобы послали за ним».

Именем этим Лермонтов приятельски называл старинного своего хорошего знакомого, а потом скоро противника, которому рок судил убить надежду русскую на поединке» [138, 303 — 305].

Однако одного желания приехать в Пятигорск было мало, надо было получить разрешение проживать в этом маленьком курортном городке.

«КАВКАЗСКИЙ НАШ МОНАКО»

Ч

ем привлекал к себе Пятигорск? Городок был маленький, каменных домов раз-два и обчелся. Но «жизнь в Пятигорске была веселая и привольная, а нравы были просты, как в Аркадии, — писала В.Желиховская со слов Н.П.Раевского³². — Зато и слава была у Пятигорска. Всякий туда норовил. Бывало комендант вышлет к месту служения; крутишься, дельце сварганишь, — ан и опять в Пятигорск. В таких делах нам много доктор Ребров помогал. Бывало, подластишься к нему, он даст свидетельство о болезни. Отправит в госпиталь на два дня, а после и домой, за неимением в госпитале мест. К таким уловкам и Михаил Юрьевич не раз прибегал.

И слыл Пятигорск тогда за город картежный, вроде кавказского Монако, как его Лермонтов прозвал. Как теперь вижу фигуру сэра Генри Мильс, полковника английской службы и известнейшего игрока тех времен. Каждый курс он в наш город наезжал» [170, 166 — 167].

Именно таким увидел Пятигорск Лермонтов летом 1841 года:

Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадит нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам — клопы.

Пятигорск действительно притягивал к себе всех, кто был в это время на Кавказе, и Лермонтов не был исключением.

13 мая поэт и Столыпин остановились в гостинице у Найтаки, в комнатах, расположенных на втором этаже.

Что же происходило с Лермонтовым после этого?

Как вспоминал позднее писарь Пятигорского комендантского управления Карпов, заведовавший полицейской частью и списками вновь прибывающих в Пятигорск путешественников и больных, он, по просьбе Найтаки, к которому обратился за помощью Лермонтов, «составил рапорт на имя пятигорского коменданта, в котором Лермонтов сказывался больным. Комендант Ильяшенков распорядился об освидетельствовании Михаила Юрьевича в комиссии врачей при пятигорском госпитале... Лермонтов и Столыпин были признаны больными и подлежащими лечению минеральными ваннами, о чем 24 мая комендант донес в своем рапорте в штаб в Ставрополь. К рапорту было приложено и медицинское свидетельство о болезни обоих офицеров» [48, 388 — 390].

Однако события начали развиваться по неожиданному сценарию.

8 июня из Ставрополя Траскин отправил следующее предписание:

«Не видя из представленных вами при рапортах от 24 мая сего года за №№ 805 и 806 свидетельств за №№ 360 и 361, чтобы Нижегородского драгунского полка капитану Столыпину и Тенгинского пехотного [полка] поручику Лермонтову, прибывшим в Пятигорск, необходимо нужно было пользоваться кавказскими минеральными водами, и напротив, усматривая, что болезнь их может быть излечена и другими средствами, я покорно прошу Ваше Высокоблагородие немедленно, с получением сего, отправить обоих их по назначению, или же в Георгиевский военный госпиталь, по уважению, что Пятигорский госпиталь и без того уже наполнен больными офицерами, которым действительно необходимо употребление минеральных вод и

которые пользуются этим правом по разрешению, данному им от высшего начальства» [207, II, 177].

Почему Траскин так настойчиво добивался отъезда Лермонтова и Столыпина из Пятигорска?

Оказывается, 8 июня в Пятигорск было послано еще одно предписание из штаба войск Кавказской линии и Черномории: «Всем же прибывшим из отряда офицерам, кроме раненых, объявить, что Командующий войсками к 15-му числу <июня> прибудет в <станицу> Червленую и наблюдать, чтобы они к этому времени выехали из Пятигорска, кроме майора Пушкина, о котором последует особое распоряжение» [13, оп. 3, № 27, л. 2 об.].

На Кавказе велись военные действия, готовилась новая экспедиция, требовавшая увеличения воинских формирований. 15 мая был взят аул Черкей, и часть дагестанского отряда была отправлена на усиление отряда Граббе, которому понадобилось подкрепление. Вот почему полковник Траскин был так сильно озабочен тем, чтобы как можно большее число офицеров, служивших на Кавказе, поступило в распоряжение Командующего войсками на Кавказской линии и Черномории.

Однако Лермонтов и Столыпин продолжали настаивать на своем³³.

Друзья к тому времени уже покинули гостиницу Найтаки и поселились во флигеле Василия Чилаева³⁴. В доме самого Чилаева занимали три комнаты князь А.И.Васильчиков³⁵ с князем С.В.Трубецким³⁶. Далее, на углу, в доме Уманова жил с сестрой и мачехой Александр Иванович Арнольди, друг Лермонтова, с которым он вместе служил в свое время в Гродненском гусарском полку, а во дворе этого дома снимал флигель Александр Францевич Тиран, знавший поэта еще по юнкерской школе и служивший с ним в Лейб-гвардии Гусарском полку.

На углу улицы, которая спускалась вниз к Цветнику, проживало семейство генерала Верзилина. У них был домик для приезжих, разделенный на две половины коридором. В одной половине жил полковник Антон Карлович

Зельмиц, по прозвищу «О-то!» (свою речь он начинал с этого междометия). Вместе с ним жили две его дочери, болезненные и незаметные барышни. Зельмиц и Верзилин когда-то вместе служили и были очень дружны между собой. В другой половине размещались драгунский поручик Николай Павлович Раевский³⁷, поручик конной гвардии Михаил Павлович Глебов³⁸ и вышедший в отставку в чине майора Николай Соломонович Мартынов. Усадьба Верзилина граничила с усадьбами Уманова и Чилаева общим забором.

Итак, все участники будущей трагедии были давно знакомы между собой и жили в Пятигорске в непосредственной близости друг от друга.

«Обычной нашей компанией, — вспоминал Николай Раевский, — было, кроме нас, вместе живущих, еще несколько человек, между прочим, полковник Манзей, Лев Сергеевич Пушкин, про которого говорилось: «Мой братец Лев, да друг Плетнев», командир Нижегородского драгунского полка Безобразов и другие. Но князя Трубецкого, на которого указывается, как на человека, близкого Михаилу Юрьевичу в последнее время жизни, с нами не было. Мы видались с ним иногда, как со многими, но в эпоху, предшествовавшую дуэли, его даже не было в Пятигорске... Мы с ним были однополчане, я его хорошо помню, и потому не могу в этом случае ошибаться» [170, 167].

Дни в Пятигорске шли своей чередой. Лермонтов и Столыпин ежедневно ходили к источнику пить воду. По совету Барклая-де-Толли 26 мая они купили билеты на ванны³⁹.

Ни Сабанеевские, ни Варвациевские купальни, которые посещали наши герои, не сохранились до наших дней, но описанием их целительных свойств мы располагаем: «Сабанеевская вода не давит в груди и не препятствует дыханию, как другие здешние горячие серные ключи, — писал один из современников Лермонтова, — почему в них и сидеть можно долее. Опыт показал, что они чрезвычайно смягчат кожу и слабонервным помогают. Сии качества привлекают сюда многих посетителей по той наиболее причине, что дамы косметическую воду сию предпочитают всем

другим». О Варвациевской купальне тот же автор сообщает: «По умеренной теплоте сих источников они употребляются для постепенного перехода к горячим Александровским ключам» [143, 130 — 131].

Желая задержаться в Пятигорске, Лермонтов посещал ванны довольно аккуратно⁴⁰, чего нельзя сказать о Столыпине, который, находясь в том же положении, придавал показному лечению очень мало значения.

В конце концов, после еще одного рапорта, отправленного полковником Ильяшенковым в Ставрополь 23 июня, Траскин разрешил поручику Лермонтову «остаться в Пятигорске впредь до получения облегчения» [126, 163].

Уладив дела, Лермонтов садится за письмо:
«Милая бабушка.

Пишу к вам из Пятигорска, куды я опять заехал и где пробуду несколько времени для отдыха. Я получил ваши три письма вдруг и притом бумагу от Степана насчет продажи людей, которую надо засвидетельствовать и подписать здесь; я это все здесь обделаю и пошлю.

Напрасно вы мне не послали книгу графини Ростопчиной; пожалуйста, тотчас по получении моего письма пошлите мне ее сюда, в Пятигорск. Прошу вас также, милая бабушка, купите мне полное собрание сочинений Жуковского последнего издания и пришлите также сюда тотчас. Я бы просил также полного Шекспира, по-английски, да не знаю, можно ли найти в Петербурге; препоручите Екиму (Шан-Гирею. — В.З.). Только, пожалуйста, поскорее; если это будет скоро, то здесь еще меня застанет.

То, что вы мне пишете о словах г. Клейнмихеля, я полагаю, еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать?

Вы бы хорошенько спросили только, выпустят ли, если я подам.

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны; целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь
покорный внук.

Лермонтов» [5, IV, 429]

Это последнее письмо поэта из дошедших до наших дней, других пока не обнаружено. Оно написано в Пятигорске 28 июня 1841 года.

Чтобы хоть как-то скрасить в общем-то однообразную жизнь на Водах, молодые люди устраивали игры, пикники, балы. Лермонтов был, что называется, заводилой.

«Лермонтов иногда бывал весел, боллив до шалости; бегали в горелки, играли в кошку-мышку, в серсо; потом все это изображалось в карикатурах, что нас смешило. Однажды сестра просила его написать что-нибудь ей в альбом. Как ни отговаривался Лермонтов, его не слушали, окружили все толпой, положили перед ним альбом, дали перо в руки и говорят: «Пишите!». И написал он шутку-экспромт:

Надежда Петровна,
Зачем так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежно
Над шейкою нежно...
На поясее нож.
C'est un vers qui cloche!*

Зато после нарисовал ей же в альбом акварелью курда**. Все это и теперь у дочери ее» [202, 316].

Об авторе этих воспоминаний, Эмилии Александровне Шан-Гирей, следует рассказать подробнее.

* Вот стих, который хромает (франц.).

** П.К.Мартыанов почти дословно приводит те же сведения, но по поводу рисунка в альбоме замечает: «По другим отзывам, не курда, а Мартынова в исступлении» [131, 65].

«РОЗА КАВКАЗА»

о воспоминаниям современников, в Пятигорске в то время было три дома, открытых для приезжей молодежи: дом генерала Верзилина, дом Екатерины Ивановны Мерлини и дом Озерских. Лермонтов бывал, в основном, у Верзилиных.

Лермонтова, как и других молодых людей, в дом Верзилиных привлекали три молодые барышни: Эмилия — 26 лет, Аграфена — 19 и Надежда — 15. Особенно заинтересовала поэта старшая сестра — Эмилия Александровна Клинггенберг-Верзилина (в замужестве Шан-Гирей)⁴¹.

Как же складывались отношения между Лермонтовым и Эмилией? «Лермонтов с первого дня появления в доме Верзилиных оценил по достоинству красоту Эмилии Александровны и стал за ней ухаживать. Марья Ивановна (ее мать. — В.З.) отнеслась к его ухаживанию за ее старшей дочерью с полной благосклонностью, — пишет Мартынов, — да и сама m-lle Эмилия была не прочь поощрить его искательство» [131, 64].

Сначала Эмилия была благосклонна к поэту и сделала все возможное, «чтобы завлечь «Петербургского льва», несмотря на его некрасивость. Взгляд ее был нежен, беседа интимна, разговор кроток (она называла его просто — *Мишель*), прогулки и тет-а-теты продолжительны, и счастье,

казалось, было уж близко... как вдруг девица переменяла фронт. Ее внимание привлек другой, более красивый и обаятельный мужчина. Им был Николай Соломонович Мартынов. Не стесняясь его ухаживанием за Надеждой Петровной, своей сводной сестрой, она быстро повела на него атаку, и он сдался. Ему стало совершенно ясно, что лучшей карьеры ему и не сделать. Красавица жена и протекция тестя, бывшего наказного атамана Кавказского казачьего войска, могли поставить вновь на ноги его, отставного майора, уволенного из службы за какую-то амурную историю. И он, не задумываясь, подал ей руку, и антагонизм соперников обострился» [131, 68].

Неизвестно, почему мадмуазель Эмилия «переменяла фронт»: то ли она хотела испытать привязанность Михаила Юрьевича, то ли из-за влечения к красавцу Мартынову. Но то, что она предпочла Лермонтову Мартынова — несомненно: об этом рассказывал В.И.Чилаев, человек компетентный и беспристрастный.

С этого времени, а именно с конца июня, стали появляться одна за другой эпиграммы, написанные Лермонтовым в адрес Мартынова. Началось тонкое, сопровождаемое любезностями поддразнивание «m-lle Верзилии», как поэт стал называть Эмилию Александровну, соединяя в этом названии начало фамилии и конец имени. К этому же времени относится и сочиненная в ее адрес эпиграмма:

Зачем, о счастья мечтая,
Ее зовем мы: гурия?
Она, как дева, — дева рая,
Как женщина же — фурия.

В рукописи книги Недумова «Лермонтовский Пятигорск» сохранилось интереснейшее свидетельство, никогда ранее не публиковавшееся и дающее оценку личности Эмилии.

Некто Вейтбрехт в письме из Пятигорска к А.Я.Булгакову¹², датированном 2 июня (год не указан, но, по косвенным данным, — 1839. — В.З.), описывает бал в пятигорской ресторации, уделяя довольно много внимания Эмилии

Александровне: «Вчера здесь был 1-й бал за деньги... Дамы здешние и приезжие съехались в 9 часов четным числом — их было 10 штук — старых и юных, так что едва составиться могла французская кадрили, в коей женский пол — 1-я кавказская роза — дочь наказного атамана Верзилина, довольно хорошо образованная, кажется в Харькове в пансионе. Получает корсеты и прочие туалетные вещи из Москвы — стройна, хорошо танцует и есть единственный камень преткновения всех гвардейских шалунов, присланных сюда на исправление.

Они находятся в необходимости в нее влюбиться. Многие за нее сватались, многие от нее искали в отчаянии неприятельской пули и, оную встречая, умирали. Я с нею познакомился, часто изрядно помучиваем, но прелести ее скользят по моему сердцу» [7, № 2274, лл. 148 — 150].

Если, как видно из приведенных строк, и в 1839 году Эмилия Александровна вовсю кокетничала и флиртowała, то можно вполне доверять Чилаеву и Мартыанову, которые говорят о ее поведении летом 1841 года как об интриге. Эмилия не столько занималась поисками жениха, сколько развлекалась, наблюдая за мучениями соперников, их ссорами. Она обладала особой ловкостью сталкивать своих кавалеров лбами, находясь при этом в тени.

О своем знакомстве с Лермонтовым Э.А.Шан-Гирей писала: «В мае месяце 1841 года М.Ю.Лермонтов приехал в Пятигорск и был представлен нам в числе прочей молодежи. Он нисколько не ухаживал за мной, а находил особенное удовольствие *me taquiner**. Я отделялась как могла то шуткою, то молчаньем, ему же крепко хотелось меня рассердить; я долго не поддавалась, наконец это мне надоело, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду с ним говорить и прошу его оставить меня в покое. Но, по-видимому, игра эта его забавляла просто от нечего делать, и он не переставал меня злить. Однажды он довел меня почти до слез; я вспылила и сказала, что ежели б я была мужчина, я бы не

Дразнить меня (франц.).

вызвала его на дуэль, а убила бы его из-под угла в упор. Он как будто остался доволен, что наконец вывел меня из терпенья, просил прощенья, и мы помирились, конечно не надолго» [200, 643 — 645].

Мартьянов, прочтя эти воспоминания, заметил:

«Нет сомнения, что это все так и было, но относится ко второму периоду ее отношений к поэту, о том же, что было в первом, она не только благоразумно умалчивает, но от всякого намека на ее кокетство (чтобы не сказать более) с Лермонтовым открещивается и старается всеми силами замести хвостом следы» [131, 70].

Всякий раз, когда в газетах и журналах того времени появлялось чье-либо воспоминание о пятигорском периоде жизни Лермонтова, в котором говорилось об Эмилии Александровне, она с поразительной скоростью печатала опровержение. Уже одно это обстоятельство вызывает подозрение в ее искренности. Если она совершенно непричастна к истории дуэли, то тогда совершенно непонятна ее нетерпимость ко всему о ней написанному. А между тем, если верить Чилаеву, ей действительно было что скрывать.

Рассказывая об усилиях друзей поэта примирить поссорившихся, Мартьянов пишет: «Была сделана попытка привлечь к посредничеству между друзьями-соперниками Эмилию Александровну, но она с наивностью институтки отвечала весьма уклончиво, что рада сделать все возможное для Михаила Юрьевича, но боится этим вмешательством в такое ужасное дело, как дуэль, повредить ему еще более. По-моему всего лучше бы было, — закончила она свою лукавую речь, — если бы вы обратились с вашей просьбой к маман» [131, 87].

Приведем еще одно воспоминание — на этот раз адъютанта генерала Граббе Якова Костенецкого, который также был на Водах в лето 1841 года. Его рассказ появился в «Русском архиве» в 1887 году: «В Пятигорске жило в то время семейство генерала Верзилина, находившегося на службе в Варшаве при князе Паскевиче, состоявшее из матери и трех взрослых дочерей девиц. Это был единственный дом

в Пятигорске, в котором, почти ежедневно, собиралась вся изящная молодежь пятигорских посетителей, в числе которых были Лермонтов и Мартынов.

В особенности привлекала в этот дом старшая Верзилина, Эмилия, девушка уже немолодая, которая еще во время посещения Пятигорска Пушкиным прославлена была им как звезда Кавказа, девушка очень умная, образованная, светская, до невероятности обворожительная и превосходная музыкантша на фортепиано, — от чего в доме их, кроме фешенебельной молодежи, собирались и музыканты, — но в то время уже очень увядшая и пользовавшаяся незавидной репутацией.

Она была лихая наездница, часто составляла кавалькады, на которых была всегда в каком-нибудь фантастическом костюме. Рассказывали, что однажды пришел к Верзилиным Лермонтов в то время, как Эмилия, окруженная толпой молодых наездников, собиралась ехать верхом куда-то за город. Она была опоясана черкесским хорошеньким кушаком, на котором висел маленький, самой изящной работы черкесский кинжальчик. Вынув его из ножен и показывая Лермонтову, она спросила его:

«Не правда ли, хорошенький кинжальчик?».

«Да, очень хорош, — отвечал он, — им особенно ловко колоть детей», — намекая этим язвительным и дерзким ответом на ходившую про нее молву. Это характеризует язвительность и злость Лермонтова, который, как говорится, для красного словца не щадил ни матери, ни отца. Так, говорили, поступал он и с Мартыновым, при всяком удобном случае отпуская ему в публике самые едкие колкости» [170, 167].

Не этот ли намек Лермонтова вызвал у Эмилии желание убить его «из-за угла»? Стоит заметить, что вокруг имени Эмилии Александровны ходило много разных слухов, но сама она ничего не говорила по этому поводу, и в печать, казалось, ничего не просочилось. Ответ нашелся в рукописи декабриста В.С.Толстого и в некоторых других воспоминаниях.

Толстой, служивший на Кавказе в Тифлисе и хорошо осведомленный о разнообразных интригах, тайнах «кавказского двора», писал о шумном романе Эмилии с князем Барятинским, который довольно быстро закончился, после чего Эмилии пришлось избавиться от плода любви.

Арнольди, описывая в своих записках семейство Верзилиных, также отметил, что одна из дочерей — Эмилия, которую прозвали бело-розовой куклой, была известна на Водах своей романтической историей с Владимиром Барятинским, по прозвищу «le moujik»* [15, ф. 178, 4629 «а», л. 37; 115, 466].

Нашелся и еще один свидетель. Василий Инсарский, вспоминая о знакомстве с князем Барятинским, в своих «Записках» писал: «Мне было известно, что перед нашим знакомством он только что вернулся с Кавказа, куда ездил, кажется, лечиться. Потом скоро сделалось мне известным, что он сорвал там ту знаменитую «кавказскую розу», которая прославлена в сочинениях Лермонтова. Факт этот явился вскоре достоверным, когда получив от князя Александра Ивановича следующий ему конец, князь Владимир немедленно поручил мне же отправить на Кавказ, разумеется на другое имя 50 тысяч рублей, назначенные этой розе. Розу эту я видел позднее в 1853 году в Кисловодске и даже познакомился с ней. Она вышла впоследствии замуж за некоего ставропольского господина и во время моего знакомства имела более основания называться тряпкой, чем розой. Это была маленькая старушка, как печеное яблоко, и даже с некрасивой фигурой, с какими-то зеленоватыми глазами, хотя по общим отзывам, в ранней молодости она была действительно красавицей» [101, 45].

Вне всякого сомнения, в мужских компаниях Пятигорска эта история обсуждалась, и, вполне вероятно, с прибавлением пикантных подробностей. Лермонтов, имея характер человека, который не лезет в карман за словом, при первом же удобном случае уколол Эмилию, тем более, что

* Мужик (франц.).

к этому времени ее отношение к поэту было весьма прохладное. Как видим, у «Розы Кавказа» были основания обижаться на поэта, и эту обиду она сохранила до конца жизни.

Почему Лермонтов позволил себе такую дерзость? Во-первых, чувство обиды отвергнутого поклонника, а во-вторых, его, скорее всего, возмущало ханжество Эмилии: она любила рассуждать о нравственности, не являясь ее образцом. Теперь становится понятным экспромт поэта, относящийся к лету 1841 года:

За девицей Emilie
Молодежь как кобели.
У девицы же Nadine
Был их тоже не один;
А у Груши в целый век
Был лишь Дикий* человек.

В примечаниях к статье Мартынова можно найти еще такое дополнение к характеристике Эмилии Александровны: «Вообще эта женщина, в жилах которой текла польская кровь (по матери), держала себя, по словам Чилаева, весьма загадочно и неровно. Как особа весьма красивая, она знала себе цену, мечтала о рыцарях без страха и упрека и снисходила до простого смертного, потом опять возносила свои взоры горе и снова опускалась на землю. Сегодня она была слишком горда, завтра слишком снисходительна. Одних манила, к другим бежала... и кончилось тем, что смогла наконец пристроиться за Акима Павловича Шан-Гирея, родственника и товарища детских лет Лермонтова».

В день свадьбы ей уже стукнуло 36 лет. По-видимому, не случайно она выбрала мужем Шан-Гирея. Этот брак давал ей возможность в глазах еще живших современников и очевидцев спрятаться за спину мужа, которого все уважали» [131, 86].

Как вспоминал С.И. Недумов, не раз беседовавший с дочерью Эмилии Евгенией Акимовной, Эмилия Александров-

* За Аграфеной (Грушенькой) действительно ухаживал офицер по фамилии Диков, впоследствии на ней женившийся.

на под старость много внимания уделяла всякого рода благотворительности, что, по мнению Сергея Ивановича, весьма характерно для людей неуравновешенных, впадающих из одной крайности в другую.

О беспринципности и бессердечности Эмилии свидетельствует и ее участие на следующий же день после похорон Лермонтова в вечере, устроенном князем Владимиром Голицыным в Пятигорске. «Вечер князя В.С.Голицына, — рассказывает Мартьянов, — состоялся 18 июля, по отзыву Эмилии Шан-Гирей, — фантастично, хорошо, но скучно, потому что всем было как-то не по себе. Она плясала, что ей было за дело до схороненного накануне поэта. Ей нужны были новые люди...» [131, 112].

ГЕНЕРАЛЬША МЕРЛИНИ

К

роме дома Верзилиных, Лермонтов бывал и у Екатерины Ивановны Мерлини, дом которой считался еще одним центром светской жизни Пятигорска. Впоследствии почти все исследователи считали дом генеральши Мерлини пристанищем врагов поэта, в котором плелась вся преддуэльная интрига.

Екатерина Ивановна была женщиной смелой и оригинальной. В 1836 году, по рассказу Н.П.Равевского, «она была героиней защиты Кисловодска от черкесского набега в отсутствие ее мужа, коменданта крепости». Ей пришлось распорядиться действиями крепостной артиллерии, и она сумела повести дело так, что горцы рассеялись, прежде чем прибыла казачья помощь. Муж ее, генерал-лейтенант, числился по армии и жил в Пятигорске на покое. Екатерина Ивановна считалась отличной наездницей, ездила на мужском английском седле и в мужском платье, держала хороших верховых лошадей и участвовала в кавалькадах, устраиваемых молодежью» [131, 34].

В этом свидетельстве есть одна небольшая неточность: мужа Екатерины Ивановны в 1836 году не было в живых, он умер за три года до описываемых событий.

Вечера в доме Екатерины Ивановны носили иной, нежели в доме Верзилиных, характер, что вполне естественно. Самой хозяйке исполнилось 47 лет, и как бы она ни молодилась, но для Лермонтова и его компании Екатерина Ивановна и собиравшиеся у нее завсегдатаи были «стариками», с которыми молодежи было скучно.

Лермонтов не раз бывал в доме Мерлини. Возможно, поэта привлекали превосходные породистые лошади, которых держала хозяйка (общеизвестно, что Лермонтов был неравнодушен к лошадям). Кроме того, в доме была большая картинная галерея, насчитывавшая свыше 60 картин, что так же было небезразлично поэту-художнику.

Сохранился лермонтовский экспромт тех дней:

Слишком месяц у Мерлини
Разговор велся один:
Что творится у княгини,
Здрав ли верный паладин.

Но с неделю у Мерлини
Перемена — речь не та,
И вокруг имени княгини
Обвилася клевета.

Пьер обедал у Мерлини,
Ездил с ней в Шотландку раз,
Не понравилось княгине,
Вышла ссора за Каррас.

Пьер отрекся... и Мерлини
Как тигрица, взбешена.
В замке храброй героини
Как пред штурмом, тишина.

Если у Верзилиных шутили, дурачились, то у Мерлини играли по крупному в карты⁴³, проводили время в нескончаемых разговорах, содержанием которых были курортные сплетни, разнообразные слухи. Вполне возможно, что сплетничали и о Лермонтове, как, впрочем, и о многих дру-

гих посетителей Пятигорска. Однако нет основания предполагать, что в доме Мерлини плелась интрига с целью его убийства. Подобную версию можно отнести к разряду анекдотических, как и утверждение, что Мерлини была агентом III отделения.

С.Б.Латышев и В.А.Мануйлов справедливо отметили:

«Некоторые слухи, циркулировавшие в этом салоне, при случае охотно использовала жандармерия, но не больше. Два дома — Мерлини и Верзилиных — вели соперничество, извечная дамская борьба» [114, 111]. Содержание этих интриг сводилось, кажется, к соперничеству салонов двух генеральш — Верзилиной и Мерлини. Но у нас действительно нет никаких доказательств, чтобы предположить существование у Мерлини какого-либо центра «заговора» против Лермонтова.

БАЛ В ЦВЕТНИКЕ

Ш

ятигорская молодежь, желая избежать скуки курортного города, развлекалась, как могла. Сохранились довольно подробные воспоминания о бале, устроенном Лермонтовым вместе с другими молодыми офицерами: «В начале июля Лермонтов и компания устроили пикник для своих знакомых дам в гроте Дианы, против Николаевских ванн, — вспоминала Э.А.Шан-Гирей. — Грот внутри premises был убран шальями и персидскими шелковыми материями, в виде персидской палатки, пол устлан коврами, а площадку и весь бульвар осветили разноцветными фонарями. Дамскую уборную устроили из зелени и цветов; украшенная дубовыми листьями и цветами люстра освещала грот, придавая окружающему волшебного-фантастического характер. Танцевали по песку, не боясь испортить ботинки, и разошлись по домам лишь с восходом солнца в сопровождении музыки»⁴⁴ [138, 335].

Жизнь Лермонтова протекала на виду у всего Пятигорска и, в общем-то, обыденно. Разве что князь Владимир Сергеевич Голицын был не доволен Лермонтовым и его друзьями за то, что бал был подготовлен без его участия. Узнав, что молодежь сговорилась, по мысли Лермонтова, устроить пикник в гроте у Сабанеевских ванн, князь предложил устроить бал в казенном саду, кото-

рый называли Ботаническим. Лермонтов возразил, заметив, что это не всем удобно — казенный сад расположен далеко за городом и после бала трудно было бы провожать уставших дам обратно в город из-за нехватки экипажей.

...Не на повозках же их тащить? — сказал Лермонтов, — а князь ответил: — Так здешних дикарей учить надо!».

Поэт ничего не сказал в ответ, но, как вспоминает Раевский, отзыв князя о людях, которых Лермонтов уважал и в среде которых жил, засел у него в памяти. Вернувшись домой, он сказал собравшейся молодежи:

«Господа! На что нам непременно главенство князя на наших пикниках? Не хочет он быть у нас, — и не надо. Мы и без него сумеем справиться».

Не скажи Михаил Юрьевич этих слов, никому бы из нас и в голову не пришло перечить Голицыну; а тут, словно нас бес дернул. Мы принялись за дело с таким рвением, что праздник вышел — прелесть» [170, 167 — 168].

Долгое время считалось, что этот бал настроил часть пятигорского общества против Лермонтова. Поводом к таким измышлениям послужил рассказ, записанный первым биографом Лермонтова П.А.Висковатым: «Бал этот, в высшей степени оживленный, не понравился лицам, не расположенным к Лермонтову. Они не принимали участия в подписке, а потому и не пошли на него. Еще до бала они всячески старались убедить многих из бывших согласными участвовать в нем отстать от предприятия и создать свой вполне приличный, а не такой, где убранство домашнее, дурного вкуса, и дам заставляют танцевать по песку... Но так как молодежь не согласилась, то князь Голицын и решился устроить бал в день своих именин (15 июля) в Ботаническом саду, и строптивую молодежь не приглашать» [131, 74].

Однако необходимо подчеркнуть, что никто из современников ни слова не сказал о том, что после бала у Лермонтова появились недоброжелатели. Впервые «о тайных недругах» поэта рассказал Висковатый, который, к сожалению, попытался внести в биографию Лермонтова некий детективный сюжет с интригами и заговорами.

Вот что писал биограф в своей книге в 1891 году:

«Как в подобных случаях это бывало не раз, искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги. Так, узнав о выходах и полных юмора проделках Лермонтова над молодым Лисаневичем, одним из поклонников Надежды Петровны Верзилиной, ему, через некоторых услужливых лиц, было сказано, что терпеть насмешки Михаила Юрьевича не согласуется с честью офицера. Лисаневич указывал на то, что Лермонтов расположен к нему дружественно и в случаях, когда увлекался и заходил в шутках слишком далеко, сам первый извинялся перед ним и старался исправить свою неловкость. К Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль — проучить. «Что вы?! — возражал Лисаневич, — чтобы у меня поднялась рука на такого человека!».

«Есть полная возможность, — заключает из этого Висковатый, — что те же лица, которым не удалось подстрекнуть на недоброе дело Лисаневича, обратились к другому поклоннику Надежды Петровны — Н.С.Мартынову. Здесь они, конечно, должны были встретить почву более удобную для брошенного ими семени» [48, 408 — 409].

В приведенной цитате трудно отделить правду от вымысла⁴⁵. Рассказ о Лисаневиче можно найти только у Висковатого⁴⁶. Имя Лисаневича не встречается ни в одном из писем 1841 года, написанных по свежим следам, нет этого имени и в воспоминаниях современников, хотя Лисаневич в сезон 1841 года действительно находился на Водах⁴⁷. Но для утверждения, что ему предлагали «проучить» Лермонтова, нет оснований.

По окончании бала ночью на затихшем бульваре поклонник Лермонтова офицер П.А.Гвоздев встретил одиноко бредущего поэта. Лермонтов был грустен и, по воспоминаниям Гвоздева, признался, что его «томит предчувствие близкой смерти» [164, 36].

«ГОРЕЦ С ДЛИННЫМ КИНЖАЛОМ...»

ришла пора рассказать о Николае Соломоновиче Мартынове.

Мартынов родился 9 октября 1815 года в Нижнем Новгороде в семье, принадлежащей старинному роду — их предок выехал в 1460 году из Польши к великому князю Василию Темному. Происходили Мартыновы, как и роды Неглинских, Сафаровых, Кульневых от литовского княжеского дома, на что указывает их родовой герб⁴⁸.

Своим отчеством — Соломонович — он обязан почти анекдотической истории, случившейся в их роду во времена Пугачевского бунта⁴⁹.

С Лермонтовым Мартынов был знаком еще со Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В декабре 1835 года он был выпущен корнетом в Кавалергардский полк. В это время там служил и Жорж Дантес... В 1837 году Мартынов переводится в Нижегородский драгунский полк. По утверждению А.В.Мещерского, произошло это потому, что «мундир этого полка славился тогда, совершенно справедливо, как один из самых красивых в нашей кавалерии... Я видел Мартынова в этой форме, она шла ему превосходно. Он очень был занят своей красотой» [134, 80].

В том же году Мартынов участвовал в закубанской экспедиции А.А.Вельяминова, к которой

был прикомандирован и Лермонтов, но поэт так и не успел принять в ней участие⁵⁰.

Однако их встреча все же состоялась в Ольгинском тет-де-поне — небольшом предмостном кубанском укреплении, где размещался походный штаб Вельяминова.

А перед этим случилось следующее.

В сентябре Лермонтов выехал из Пятигорска в действующий экспедиционный отряд в районе Геленджика. Сестры и родители Мартынова, отдыхавшие в это время на Водах, передали Лермонтову для Мартынова пакет с письмами и вложенными деньгами.

Что произошло дальше — известно из письма Мартынова к отцу, которое он отправил 5 октября 1837 года из Екатеринодара:

«Не могу сделать вам лучшего подарка для дня вашего рождения, милой папенька, как объявить вам, что экспедиция наша кончена, второго периода не будет и, может быть, на днях мы будем отправляться обратно в полки; все это решил приезд Государя; он хотел сделать какую-нибудь милость для здешних войск и не мог лучше угадать, как дать им отдых; тем более что люди очень истощены и значительно потерпели в первый период! — О том, будем ли мы отправлены тот час или нас прикомандируют на несколько времени к линейным казачьим полкам, не могу сказать вам наверное! Это решится в Ставрополе, тот час по приезде Государя; во всяком случае вы уже можете быть покойны на мой счет, я в деле уже не буду. 300 руб<лей>, которые вы мне послали через Лермонтова, получил; но писем никаких, потому что его обокрали в дороге и деньги эти, вложенные в письмо, так же пропали, но он, само собой разумеется, отдал мне свои! Если вы помните содержание вашего письма, сделайте одолжение повторите; так же и сестер попросите от меня! Деньги я уже промотал; приехав в Краснодар, я как дикой набросился на все увеселения; случай удобный, у нас теперь ярманка. И самому смешно! Представьте, я накупил себе картин, большею частью женские головки, для того только, чтобы припомнить прошедшее и чтобы

забыть эту скучную экспедицию. Уверен, что придет время, когда буду об ней вспоминать с наслаждением. Но не присылайте мне теперь. Если нас скоро не распустят, то я напишу вам об этом. *Н.М.*» [13, оп. 3, № 54, л. 1 — 1об.].

Приведенное письмо было опубликовано вместе с другими документами Н.С.Мартынова князем Д.Оболенским в восьмой книжке «Русского архива» за 1893 год, но автором цитируется по подлиннику, хранящемуся в рукописном отделе ИРЛИ, чтобы устранить некоторые разночтения. В том же номере «Русского архива» была помещена небольшая заметка издателя журнала П.Бартенева, которую необходимо привести полностью:

«Вся суть в том, что письма от отца из Пятигорска в экспедицию на этот раз вовсе не было. По словам покойного Н.С.Мартынова, в 1837 году (то есть за четыре года до поединка) и мать, и сестры его, жившие в Пятигорске с больным отцом, написали ему большое письмо, которое Лермонтов, отъезжавший в экспедицию (где уже находился Мартынов), взялся доставить. Прежде чем запечатать письмо, сестры предложили отцу своему, не захочет ли он тоже написать. Тот взял пакет и пошел с ним к себе, в комнату, но ничего не написал, а только вложил деньги и, запечатав пакет, принес его назад для вручения Лермонтову, которому о деньгах ничего не было сказано.

Поэтому, получив в октябре месяце от сына выше напечатанное письмо, старик Мартынов удивлен был теми строками, в которых говорится о деньгах. Да почему же Лермонтов мог узнать о вложении их, тогда как позабыли сказать ему о том? Когда Мартынов, по возвращении из экспедиции, в первый раз увиделся с отцом своим, тот выразил ему свое подозрение относительно Лермонтова и прибавил: а я совсем забыл надписать на пакете, что вложено 300 рублей. Словом, Мартыновы заподозрили Лермонтова в любопытстве, узнать, что о нем пишут; а содержание письма было таково, что ему из самолюбия не хотелось передать его, и он изобрел историю с ограблением (так чудесно потом воспроизведенную в «Герое нашего времени»). Подозрение

осталось только подозрением; но впоследствии, когда Лермонтов преследовал Мартынова насмешками, тот иногда намекал ему о письме, прибегая к таким намекам, чтобы избавиться от его приставаний. Таков рассказ Н.С.Мартынова, слышанный от него мною и другими лицами. Я встречался с Н.С.Мартыновым в Москве у приятеля моего М.П.Полуденского (женатого на его родной племяннице Марии Михайловне Ржевской. — В.З.), а потом посетил он меня по поводу появления в «Русском архиве» 1871 года статьи князя Васильчикова о поединке с Лермонтовым.

Сначала мне было жутко видеть человека,
Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал;
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный...

но, быв свидетелем того, как сам секундант Лермонтова, князь Васильчиков, беседует с ним, я перестал уклоняться от него тем более, что он с достоинством переносил свое несчастье и пользовался уважением своих знакомых; близок же с ним, как уверяет г[осподин] Мартынов, я не был.

П.Б<артенев>» [141, 170 — 171].

Кроме письма Мартынова к отцу Оболенский опубликовал два письма к Николаю Соломоновичу от матери. На первом письме стояла дата — 25 мая, но год не был указан, второе было датировано 6 ноября 1837 года. Э.Г.Герштейн обнаружила в архиве редакции «Русского архива» копии этих писем, которые значительно отличались от текста, опубликованного редакцией. Д.Оболенский совершил подтасовку.

Дело в том, что письмо от 25 мая было написано в 1840 году и не имело никакого отношения к событиям 1837 года, однако было поставлено в публикации перед письмом от 1837 года. Его содержание говорило не в пользу Лермонтова⁵¹. При подмене получалось, что в мае мать как бы предупреждала сына о возможных последствиях скверного характера поэта, а спустя несколько месяцев, в октябре, ее подозрения подтвердились.

Однако нам известно, как отреагировала мать Мартынова на известие о пропаже пакета. В письме из Москвы (от 6 ноября 1837 года) она заметила: «Как мы все огорчены тем, что наши письма, писанные через Лермонтова, до тебя не дошли. Он освободил тебя от труда их прочитать, потому что, в самом деле, тебе пришлось бы читать много: твои сестры целый день писали их; я, кажется, сказала: «при сей верной оказии». После этого случая даю зарок не писать никогда иначе, как по почте: по крайней мере остается уверенность, что тебя не прочтут» [56, 281].

Вполне возможно, что Лермонтов мог прочесть письма и утаить их, если они по каким-либо причинам не понравились ему, содержали не очень-то лестные отзывы о нем. Желание показать себя с лучшей стороны свойственно любому человеку во все времена. Другое дело, что этот поступок был некрасив и даже непорядочен. Конечно, нельзя со всей уверенностью утверждать, что все так и было, можно только предположить.

Но когда произошла трагедия под Машуком, и Николай Мартынов оказался в роли убийцы, он, желая как-то обосновать случившееся, не раз обращал внимание современников именно на эту историю с письмами. Вероятно, она показалась ему выходом из создавшегося положения, довольно трудного и щекотливого — *ведь не мог же он повторять каждый раз ту убийственную лермонтовскую фразу*⁵², брошенную ему поэтом перед роковым выстрелом.

Э.Г.Герштейн опубликовала воспоминания Ф.Ф.Мауэра, в которых приведено высказывание Мартынова, сделанное им в одной мужской компании:

«Обиднее всего то, что все на свете думают, что дуэль моя с Лермонтовым состоялась из-за какой-то пустячной ссоры на вечере у Верзилиных. Между тем это не так. Я не сердился на Лермонтова за его шутки... Нет, поводом к раздору послужило то обстоятельство, что Лермонтов распечатал письмо, посланное с ним моей сестрой для передачи мне. Поверьте также, что я не хотел убить великого поэта: ведь я даже не умел стрелять из пистолета, и только не-

счастной случайности нужно приписать роковой выстрел» [38, 276]. Эту историю Мартынов рассказывал всем, кто интересовался дуэлью и желал из первых уст узнать, как было дело⁵³.

К концу жизни Мартынов, вероятно, и сам поверил, что именно это происшествие стало причиной дуэли, а его сыновья, передав переписку отца Оболенскому, или уговорили публикатора опустить даты, или сами расположили письма в выгодной для подтверждения рассказа отца последовательности.

Но вернемся к дальнейшей биографии Мартынова.

Возвратившись 21 апреля 1838 года в Петербург в Кавалергардский полк, Мартынов, вероятно, не раз встречался с поэтом в 1838 — 1839 гг. 30 октября 1839 года Мартынов по неизвестной причине был переведен на Кавказ в чине ротмистра Гребенского казачьего полка. Лето и осень 1840 года он провел вместе с Лермонтовым в экспедиционном отряде генерал-лейтенанта А.В.Галафеева, в Чечне и Дагестане. И поэт, и Мартынов были участниками сражения при речке Валерик 11 июля. Мартынов командовал линейцами, а Лермонтов — сотней охотников, доставшихся ему от раненного Дорохова⁵⁴.

После завершения Галафеевской экспедиции, Мартынов вернулся в Ставрополь. Вероятно, к этому времени относится написанное им стихотворение «Герзель-аул»⁵⁵. Чуть раньше Лермонтов создает поэтическое послание «Я к вам пишу случайно; право...», больше известное под названием «Валерик». Тема одна — военные события, но как по-разному она решена.

Если Лермонтов искренне страдает из-за вынужденного участия в бессмысленной и кровопролитной войне:

«...И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

то в стихотворении Мартынова ничего подобного нет, он, напротив, похвывается сожжением аулов, угоном скота, уничтожением посевов. На первый взгляд, это может показаться мелочью, но по таким мелочам можно судить о характере и взглядах автора.

Вот несколько отрывков из стихотворения «Герзель-аул»:

Стянули цепь, вот за оврагом
Горит аул невядалеке...
То наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит...
Чтоб упражняться нам в поджоге,
Всего, что встретим на пути:
Таков обычай на Кавказе,
Он с незапамятных времен
В чужой земле, при каждом разе,
Войсками строго соблюден;
Стога-ль забыты по соседству,
Стоит ли брошенный аул,
Все к нам доходит по наследству,
Солдатик всюду заглянул;
А чтоб другим не доставалось,
Чтоб не ушло из наших рук,
Наследство тут же зажигаюсь,
Копаться долго недосуг.
На всем пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов:
Застанем скот — его уводим,
Пожива есть для казаков,
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем все у них,
И об одном лишь только ропщем:
Не доберешься до самих...

Да, Лермонтов и Мартынов были давно знакомы; шутки и колкости в адрес друг друга стали для них привычным способом общения. Вот, например, отрывок из «Герзель-

аула», в котором Мартынов изображает Лермонтова и подтрунивает над ним:

Вот офицер прилег на бурке
С ученой книгою в руках,
А сам мечтает о мазурке,
О Пятигорске и балах,
Ему все грезится блондинка,
В нее он по уши влюблен...

Туманный бред своих стремлений
Исходной точкой он замкнул;
В надежде новых впечатлений
Счастливый прапорщик уснул.

В начале 1841 года Мартынов неожиданно подал в отставку. Почему? Причина отставки до сих пор неизвестна. Возможно, их было несколько.

Во-первых, Мартынов знал, что Лермонтов очень хотел выйти в отставку и полностью посвятить себя литературной деятельности. Мартынов, который довольно часто и порой неосознанно копировал Лермонтова (так, например, после выхода лермонтовской «Бэлы» он начинает писать свою «Гуашу»; «Герзель-аул» — ответ на лермонтовский «Валерик». — *Рег.*), подает в отставку раньше своего кумира (до этого Мартынов мечтал «дослужиться... до генеральского чина» [56]).

Во-вторых, по мнению А.В. и В.Б.Виноградовых, в феврале 1841 года Мартынов, не дожидаясь «возобновления сезона репрессивных походов в глубь Чечни и Дагестана, стал вести жизнь, по меткому замечанию П.Мартынова, *кавказского денди*. Вряд ли он был, как считают некоторые, безоглядным трусом. Он — профессиональный военный, связавший со службой свою карьеру... Но еще он — человек исключительного себялюбия, красавец и позер, ищущий и находящий успех у дам...

Такой не может не дорожить жизнью. И кровавая реальность очередной (едва ли не самой сильной) вспышки так называемой Кавказской войны, огромные, невиданные

прежде потери в ходе боев, вероятно, потрясли его, заставив остро задуматься о возможности собственной гибели, породили страх за свою жизнь («Герзель-аул»: «И я спросил себя невольно: «Ужель и мне так умереть?..»).

Не тут ли, — заключают А.В. и В.Б.Виноградовы, — главная причина отставки и превращения в статского повесу, всячески щеголявшего своим экзотическим видом, знанием местной обстановки, утрирующего вкусы горцев и казаков в костюме, замашках и прочем?..» [43, 11 — 12].

Современники не оставили свидетельств о храбрости Мартынова в экспедиции, как, например, о Лермонтове, который, будучи фаталистом, смело лез под пули. Забегая вперед, скажем, что трусость Мартынова обсуждалась и секундантами, сомневавшихся в возможности будущей дуэли.

Официально Н.С.Мартынов сформулировал причину своей отставки «по семейным обстоятельствам».

Правда, среди офицеров ходили слухи, что далеко не семейные обстоятельства заставили Мартынова внезапно оставить военную карьеру. Причину отставки следовало искать в сложных представлениях того времени об «офицерской чести». Дело в том, что у Мартынова к тому времени появилось прозвище «Маркиз де Шулерхоф». Шулерство в карточной игре сурово осуждалось в военной среде, и Мартынову, быть может, не оставалось ничего другого, как выйти в отставку, хотя бы на время. По прошествии некоторого времени можно было вновь проситься на военную службу, но уже в другой полк. Возможно, именно этим объясняется обнаруженная Э.Г.Герштейн в Центральном Государственном Военно-Историческом архиве запись о существовании дела «Об определении вновь на службу отставного майора Мартынова». Дело было закончено 27 февраля и впоследствии уничтожено, вероятно потому, что 23 февраля Николай I подписал приказ об отставке Мартынова «по домашним обстоятельствам».

Домой Мартынов не поехал, в апреле 1841 года появился в Пятигорске, где вскоре поселился вместе с М.П.Глебовым во флигеле дома Верзилиных.

Вот как описывают Н.С.Мартынова его современники, встречавшиеся с ним в Пятигорске в 1839 и 1841 годах: «Это был очень красивый молодой гвардейский офицер, — писал Я.Костенецкий, — блондин со вздернутым немного носом и высокого роста. Он был всегда очень любезен, весел, порядочно пел под фортепиано романсы и был полон надежд на свою будущность: он все мечтал о чинах и орденах и думал не иначе, как дослужиться на Кавказе до генеральского чина. После он уехал в Гребенский казачий полк, куда был прикомандирован, и в 1841 году я увидел его в Пятигорске. Но в каком положении! Вместо генеральского чина он был уже в отставке всего майором, не имел никакого ордена и из веселого и светского изящного молодого человека сделался каким-то дикарем: отрастил огромные бакенбарды, в простом черкесском костюме, с огромным кинжалом, в нахлобученной белой папахе, мрачный и молчаливый (чем не Печорин? — *Peg.*)» [56, 274].

Многие современники отмечали у Мартынова черты, присущие человеку с большим самомнением. Подтверждений этому масса, приведем некоторые из них.

Начнем с Н.П.Раевского: «Николай Соломонович Мартынов поселился в домике для приезжих позже нас и явился к нам истым денди *a la Circassienne**. Он брил по-черкесски голову и носил необъятной величины кинжал, из-за которого Михаил Юрьевич и прозвал его *poignard'*ом**. Эта кличка, приставшая к Мартынову еще больше, чем другие лермонтовские прозвища, и была главной причиной их дуэли, наравне с другими маленькими делами, поведшими за собой большие последствия. Они знакомы были еще в Петербурге, и, хотя Лермонтов не подпускал его к себе, но все же не ставил его наряду с презируемыми им людьми. Между тем говорилось, что это от того, что одна из сестер Мартынова пользовалась большим вниманием Михаила Юрьевича в прежние годы и что даже он списал свою княжну

* Под черкеса (*франц.*).

** Кинжалом (*франц.*).

Мэри именно с нее. Годами Мартынов был старше нас всех; и, приехавши, сейчас же принялся перетягивать все внимание «*belle noir*»*, милости которой мы все добивались, исключительно на свою сторону. Хотя Михаил Юрьевич особенного старания не прилагал, а так только вместе со всеми нами забавлялся, но действия Мартынова ему не понравились и раздражали его.

Вследствие этого он насмешничал над ним и настаивал на своем прозвище, не обращая внимания на очевидное неудовольствие приятеля, пуще прежнего» [170, 168 — 169].

А вот дневниковая запись, сделанная Н.Ф.Туровским 18 июля 1841 года в Пятигорске. Описывая вечер у Верзилиных, автор так характеризует Мартынова — он «только что окончил службу в одном из линейных полков и, уже получивши отставку, не оставлял ни костюма черкесского, присвоенного линейцам, ни духа лихого джигита и тем казался действительно смешным. Лермонтов любил его, как доброго малого; но часто забавлялся его странностью; теперь же больше нежели когда. Дамам это нравилось, все смеялись, и никто подозревать не мог таких ужасных последствий. Один Мартынов молчал, казался равнодушным, но затаил в душе тяжелую обиду» [138, 344].

Говоря об отношениях между Мартыновым и Лермонтовым, нельзя не упомянуть об одной из сестер Мартынова — Наталье Соломоновне. В сезон 1837 года Лермонтов часто встречался с ней на Водах. Поговаривали, что он был ею увлечен, а она отвечала ему взаимностью.

Проверить это мы не можем, как нельзя с точностью утверждать и то, что именно Наталья Соломоновна скрывается под именем княжны Мэри. Интересно, что эта версия распространилась после 1893 года, когда сыновья Мартынова обратились к литературоведу Д.Оболенскому с просьбой опубликовать хранившуюся у них семейную переписку, относящуюся к поэту⁵⁶.

* «Прекрасной смуглянки» (*франц.*) — так называли Е.Быховец. — В.З.

По-видимому, с их слов Оболенский и рассказал об отношениях Натальи Соломоновны и Лермонтова.

«Неравнодушна к Лермонтову была сестра Н.С.Мартынова — Наталья Соломоновна. Говорят, что Лермонтов был влюблен и сильно ухаживал за ней, а быть может, и прикидывался влюбленным. Последнее скорее всего, ибо когда Лермонтов уезжал из Москвы на Кавказ, то взволнованная Н.С.Мартынова провожала его до лестницы; Лермонтов вдруг обернулся, громко захохотал ей в лицо и сбежал с лестницы, оставив в недоумении провожавшую» [154, 612].

Далее Оболенский пишет, что сестры Мартынова, «как и многие тогда девицы, были под впечатлением таланта Лермонтова... Вернувшись с Кавказа, Наталья Соломоновна бредила Лермонтовым и рассказывала, что она изображена в «Герое нашего времени». Одной нашей знакомой она показывала красную шаль, говоря, что ее Лермонтов очень любил. Она не знала, что «Героя нашего времени» уже многие читали, и что «пунцовый платок» помянут в нем совершенно по другому поводу» [154, 612].

Вряд ли можно верить рассказам князя Оболенского, хотя на первый взгляд они кажутся вполне достоверными. Уж больно много в них натяжек. В 1837 году, а именно тогда вернулась Наталья Мартынова из Пятигорска, «Герой нашего времени» еще не был написан, а «Княжна Мэри» появилась только в 1840 году.

Э.Г.Герштейн в своей книге «Судьба Лермонтова» очень подробно рассмотрела взаимоотношения поэта с семейством Мартыновых, но не обнаружила никаких свидетельств об увлечении Лермонтова сестрами Мартынова [55]. Есть все основания предполагать, что и эта история была выдумана потомками Мартынова, по упоминавшейся уже причине*

* См. курсив на стр. 69. — *Рег.*

ЭПИГРАММА «РЕЦЕПТ»

Более тридцати лет назад в лермонтоведении появился документ, который считался важным свидетельством, подтверждающим мнение, что дуэль не была случайностью, «была организована при явном подстрекательстве со стороны». Речь идет об эпиграмме под условным названием «рецепт».

Впервые она была опубликована научным сотрудником Государственного Литературного музея И.А.Гладыш [58]. Она нашла эпиграмму в Российском Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в лермонтовском фонде, и высказала по ее поводу мнение, которое затем повторила И.С.Чистова в примечаниях к малому академическому собранию сочинений Лермонтова, вышедшему в 1979 году. Комментируя опубликованную эпиграмму, И.С.Чистова пишет:

«Мартынов и сам писал эпиграммы на Лермонтова. Известна его стихотворная шутка, относящаяся, по всей вероятности, к 1841 году; в ней упоминаются три знакомые Лермонтову женщины: Э.А.Клингенберг (по отчиму — Верзилина), Н.А.Реброва и Адель Оммер де Гель:

Mon cher Michel!

Оставь Adel...

А нет сил,

Пей эликсир...

И вернется снова
К тебе Реброва.
Рецепт возврати не иной,
Лишь Эмиль Верзилиной.

Текст эпиграммы известен по рукописи, в начале которой находится «Рецепт. Как составлять жизненный эликсир», написанный значительно раньше и другой рукой.

Эпиграмма задела Лермонтова; рядом с текстом сохранилась надпись, сделанная рукою поэта: *Подлец Мартышка*» [5, I, 624].

С.В.Чекалин развил мысли Гладыш в целую главу своей книжки «Наедине с тобою, брат...», в которой он поведал историю появления этого «произведения», авторство которого приписывается Мартынову.

По его словам, незадолго до войны Литературным музеем была приобретена у московского собирателя А.П.Зякина старинная рукопись «Рецепт. Как составлять жизненный эликсир», купленная при распродаже вещей умершего московского генерал-губернатора В.А.Долгорукого, известного библиофила. Рукопись привлекла внимание не своим содержанием, а приписанной внизу печатными буквами от руки эпиграммой (это был текст, приведенный выше). Эпиграмма была анонимной (под ней стояла подпись N). Текст ее был дважды перечеркнут карандашом, и на нем была сделана пометка: «*Подлец Мартышка!*», также иронически подписанная N.

Пересказав историю находки эпиграммы, Чекалин излагает далее свои предположения по этому поводу. Он, вслед за Гладыш, утверждает, что «при тщательном сличении почерка» Лермонтова с почерком, которым была сделана пометка «*Подлец Мартышка!*», установлено, что автором пометки является Лермонтов. Чекалин ссылается на И.А.Гладыш, которая предположила, что этот документ мог попасть к В.А.Долгорукому от брата Мартынова. Дальнейшие рассуждения пары Гладыш — Чекалин таковы:

«Вряд ли бы Мартыновы стали беречь, а потом раздавать компрометирующие их документы. Напротив, судя

по следам лака, покрывавшего карандашные пометки Лермонтова, рукопись сохранена его друзьями.

Я обратил внимание, — пишет далее Чекалин, — что среди близких друзей поэта упоминается Александр Николаевич Долгорукий, талантливый, острого ума молодой человек, с которым Лермонтов любил вместе рисовать и сочинять эпиграммы. По родословной он оказался родным племянником В.А.Долгорукого. Естественно предположить, что рукопись могла попасть к В.А.Долгорукому из бумаг племянника, впоследствии также погибшего на дуэли. Летом 1841 года А.Долгорукий находился в Петербурге и, возможно, эту рукопись получил в память о последних днях жизни поэта от секунданта Глебова, приехавшего туда осенью после окончания следствия. Известно, что черновики и бумаги убитого поэта были разобраны его друзьями на память, и при описи вещей Лермонтова Пятигорским властям достались только записная книжка, подаренная поэту князем Одоевским, да несколько лоскутков бумаг «с собственными сочинениями покойного».

В эпиграмме упоминаются имена женщин, знакомых Лермонтову по Кавказу, в частности, Эмилии Александровны Верзилиной, из-за которой у поэта с Мартыновым были столкновения. Знакомство Лермонтова с Э.А.Верзилиной произошло в последний приезд поэта в Пятигорск, что и позволяет относить время написания эпиграммы к преддзельному периоду. Насмешливый тон эпиграммы, затрагивающий стороны личной жизни поэта, в сочетании с курьезным текстом рецепта, утверждающего, что «ежедневное употребление одного эликсира... подкрепляет силы, острит чувство... и пр.», достиг своей цели, вызвав негодование Лермонтова.

Анонимность эпиграммы и сокрытие подлинного почерка под печатными буквами позволяют предположить, что у поэта было несколько недоброжелателей из ближайшего окружения. Эпиграмма свидетельствует о скрытых напаках на Лермонтова, провоцирующих его столкновение с Мартыновым...

Таким образом, — заключает Чекалин, — убеждаешься, что дуэль не носила случайного характера. Она была навязана Лермонтову, несмотря на его отказ стрелять в противника, и была организована при явном подстрекательстве со стороны» [194, 184 — 185].

Обширная цитата из книги Чекалина приведена с одной лишь целью — показать, как появляются гипотезы. Однако не подтвержденные документами предположения, какими бы логичными они не были, нельзя принимать за истину.

Ну а теперь перейдем к документированным свидетельствам и попытаемся разобраться с этой историей.

Рукопись «рецепта эликсира» с эпиграммой попала в ЦГАЛИ из фондов Государственного литературного музея. Это документально подтверждено, как и то, что она действительно была куплена директором музея В.Д.Бонч-Бруевичем в 1934 году у известного московского коллекционера А.П.Зякина. Вот на этом вся достоверность и обрывается. Дальше происходит почти детективная история. В архивной папке, кроме рукописи рецепта, хранится письмо ее прежнего владельца. Вот что написал А.П.Зякин:

«Рукопись эта мною приобретена в числе прочих вещей, выброшенных на рынок после смерти московского генерал-губернатора кн. В.А.Долгорукого.

На рукопись эту в то время я серьезного внимания не обратил, даже не развернул, а положил в одну из папок своего архива как старинный медицинский курьез.

Заинтересованный теперь Владимиром Дмитриевичем литературной стариной, я стал в этом направлении просматривать свой архив более внимательно и натолкнулся на эту рукопись...

Теперь перейдем к стихам. Судя по орфографии и чернилам — они современные рецепту. Написано печатным шрифтом — чтобы не узнали почерка.

Указанные в стихах лица существовали и действительно соприкасались с Лермонтовым. Adel была женой французского консула, которую поэт предпочел Ребровой, считавшейся чуть ли не невестой его. Чтобы повидать Adel, он

взял кратковременный отпуск и помчался с Кавказа в Крым на почтовых, где пробыл два дня.

Можно предположить, что Мартынов написал эти стихи для уязвления Лермонтова, чтобы выставить его в смешном виде перед Эмилией Верзилиной, к которой он Лермонтова ревновал. Он даже попытался соревноваться с Лермонтовым в писательстве стихов.

Карандашную пометку тоже можно приписать Лермонтову. Почерк похож. Карандаш старинный, твердый. Он покрыт лаком, конечно для сохранности*

Если все эти изложенные выше мои предположения правильны — то документ этот представляет большой интерес, т. к. опровергает статью кн. Васильчикова, бывшего секундantom Мартынова. В статье этой он всю вину за дуэль возлагает на Лермонтова, поведением своим якобы озлобившего Мартынова.

Если Лермонтов написал *«Поглец Мартышка!»*, то его вынудили так написать этими пасквильными стихами.

Впрочем, предоставляю решение вопроса более компетентным лицам, пусть решают и оценивают этот документ. А.Зякин. 11 марта 1934 года» [14, ф. 276, оп.1, № 77, л. 5—5 об.].

Письмо А.Зякина — это тот самый документ, на который опиралась версия Гладыш — Чекалина. Однако, как мы видим, само это письмо содержит ряд предположений и фактов, которые скорее можно отнести к домыслам, не подтвержденным никакими документами. Взять хотя бы связь Лермонтова с Адель Оммер де Гелль, о которой сообщалось в письме Зякина.

В 1933 году в издательстве «Academia» вышли «Письма и записки» Адель Оммер де Гелль, в которых содержались сведения, что между Лермонтовым и этой женщиной якобы такая связь существовала. Однако в 1934 году пушкинист Н.О.Лернер, а в 1935 году литературовед П.С.Попов

* Это сделано, само собою разумеется, позднейшими владельцами рукописи. — Прим. А.П.Зякина.

доказали, что фактическим автором «Писем и записок» был не кто иной, как князь Павел Петрович Вяземский, который их впервые «перевел» и опубликовал в 1887 году [166; 167]. Это в сочиненных Вяземским «Письмах и записках» Лермонтов ухаживает за Ребровой и скачет в Крым к Адель Оммер де Гелль, чего на самом деле не было. Но Вяземскому поверили П.А.Висковатый и многие советские лермонтоведы. Усомнился в этой истории в свое время лишь П.К.Мартыанов, он первый и доказал, что это подделка, хотя и не догадался, что ее автором был П.П.Вяземский. После того как в «Новом мире» вышла статья П.С.Попова, Бонч-Бруевич понял, что его попросту надули. Он поспешил отделаться от фальшивки и сдал этот «ценный» документ в архив.

Возвращаясь к «рецепту», необходимо обратить внимание, что надпись «*Подлец Мартышка!*» сделана вовсе не рукой Лермонтова. Никакой экспертизы рукописи «рецепта» никем и никогда не проводилось. Утверждение о сходении почерков — выдумка самого Чекалина. Даже простое сопоставление пометки с почерком Лермонтова свидетельствует, что считать его автором этой пометки нельзя.

Почерк Лермонтова быстрый, не совсем четкий, это мелкие буквы, соединенные одна с другой в слова, в то время как надпись «*Подлец Мартышка!*» совершенно типична для стандартного писарского почерка, в надписи каждая буква четкая, отделена одна от другой [73].

Так кто же настоящий автор эпиграммы? — Скорее всего, что автором и изготовителем эпиграммы был сам Зякин.

Зачем ему это понадобилось? — Об этом приходится только догадываться: может быть — азарт коллекционера, возможно — желание сказать нечто новое в лермонтоведении, или, что тоже может быть — элементарное желание заработать на продаже «уникального документа». К тому же именно в те годы усиленно разрабатывалась версия о заказном убийстве поэта.

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ АЛЬБОМ

В

Пятигорске молодые офицеры, среди которых был и Лермонтов, завели альбом, в котором записывались и зарисовывались смешные случаи, разнообразные события из жизни «водяного общества».

Н.П.Раевский, бывший участником многих подобных увеселений на Кавказских Минеральных Водах, писал: «У нас велся точный отчет об наших *partis de plaisir** Их выдающиеся эпизоды мы рисовали в «альбоме приключений», в котором можно было найти все: и кавалькады, и пикники, и всех действующих лиц. После этот альбом достался князю Васильчикову или Столыпину, не помню, кому именно. Все приезжие и постоянные жители Пятигорска получали от Михаила Юрьевича прозвища. И язык же у него был! Как, бывало, прозовет кого, так кличка и пристанет» [207, II, 195].

Об этом альбоме писали много, однако, сведения о нем до сих пор не собраны воедино.

П.А.Висковатый постарался обобщить те известия, которые ему были известны, но они оказались, мягко говоря, не совсем достоверны.

Что же сейчас можно сказать об этом альбоме карикатур и шаржей? Князь А.И.Васильчиков рассказал П.А.Висковатому, что главным объектом

Увеселительных прогулках (*франц.*).

лермонтовских карикатур в этом альбоме был Мартынов. Он помнил, например, рисунок, где Лермонтов изобразил Мартынова въезжающим в Пятигорск. Кругом стоят пораженные и восхищенные его красотой дамы. Лермонтов добился почти портретного сходства. Под рисунком была подпись «Monsier le poignard faisant son entree a Piatigorsk»*. В том же альбоме был и такой рисунок: огромного роста Мартынов с огромным кинжалом от пояса до земли, объясняется с миниатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, на пояс которой был прикреплен маленький кинжальчик.

В большинстве рисунков Мартынов был изображен на коне. Дело в том, что на самом деле Мартынов ездил довольно плохо, но с претензией — изгибаясь. Был, например, такой рисунок: Мартынов в стычке с горцами, он что-то кричит, размахивая кинжалом, сидя вполоборота на поворачивающей вспять лошади. По словам Васильчикова, Лермонтов якобы говорил: «Мартынов положительно храбрец, но только плохой ездок, и лошадь его боится выстрелов. Он в этом не виноват, что она их не выносит и скачет от них» [131, 66].

Васильчиков вспоминал рисунок, на котором Лермонтов запечатлел его самого — длинным и худым среди бравых кавказцев. Поэт нарисовал и себя — маленьким, сутуловатым, как кошка вцепившимся в огромного коня, длинногого Столыпина — с серьезным видом сидевшим на лошади, а впереди всех красовавшегося Мартынова, опять-таки с непременным длинным кинжалом. Вся эта кавалькада гарцевала перед открытым окном, вероятнее всего дома Верзилиных — из открытого окна выглядывали три женские головки.

Лермонтов, дававший всем меткие прозвища, называл Мартынова «le sauvage au grand poignard», «montagnard au grand poignard» или просто «monsier le poignard»**. Вообще Лермонтов довел этот тип до такой простоты, что просто

«Месье кинжал въезжает в Пятигорск» (франц.).

«Дикарь большой кинжал», «горец большой кинжал» или просто «месье кинжал» (франц.).

рисовал характерную кривую линию да длинный кинжал, и каждый тут же узнавал, кого поэт изобразил.

Все эти рисунки рассматривались в узком кругу друзей, поскольку многие из них были слишком вольные и откровенные. И хотя некоторые рисунки видел и Мартынов, но так как на них был изображен не только он один, то понимал, что глупо сердиться за эти рисунки. Но, как рассказывал все тот же Васильчиков, далеко не все карикатуры показывали Мартынову, что, конечно, его злило.

«Однажды он вошел к себе, когда Лермонтов с Глебовым с хохотом что-то рассматривали или чертили в альбоме. На требование вошедшего показать, в чем дело, Лермонтов захлопнул альбом, а когда Мартынов, настаивая, хотел его выхватить, то Глебов здоровою рукою отстранил его, а Михаил Юрьевич, вырвав листок и спрятав его в карман, выбежал. Мартынов чуть не поссорился с Глебовым, который тщетно уверял его, что карикатура совсем к нему не относилась» [131, 67].

Э.А.Шан-Гирей написала об альбоме лишь две строчки: «Лермонтов надоел Мартынову своими насмешками; у него был альбом, где Мартынов изображен был во всех видах и позах». Вероятнее всего, Эмилия Александровна альбома в руках не держала, поскольку он предназначался только для мужчин, но о содержании, о «видах и позах» Мартынова знала с чьих-то слов. Зато Арнольди изучил его внимательно: «Я часто забежал к соседу моему Лермонтову, — вспоминал он, — войдя неожиданно к нему в комнату, я застал его лежащим на постели и что-то рассматривающим в сообществе С.Трубецкого, и что-то они хотели, видимо, от меня скрыть. Позднее, заметив, что я пришел не вовремя, я хотел было уйти, но так как Лермонтов тогда же сказал: «Ну, этот ничего», — то я и остался. Шалуны товарищи показали мне тогда целую тетрадь карикатур на Мартынова, которые сообща начертали и раскрасили. Это была целая история в лицах вроде французских карикатур: Cryptogram M-r la Launisse (криптограммы месье Лениза (франц.)) и проч., где красавец, бывший когда-то кавалергард, Марты-

нов был изображен в самом смешном виде, то въезжающим в Пятигорск, то рассыпающимся перед какою-нибудь красавицей и проч. Эта-то шутка, приправленная часто в обществе злым сарказмом неугомонного Лермонтова, и была, мне кажется, ядром той размолвки, которая кончилась так печально для Лермонтова...»⁵⁷ [138, 222 – 223].

В одном из экспромтов 1841 года, приписываемых Лермонтову, и записанных П.К.Мартьяновым в Пятигорске в 1870 году, опять-таки обыгран ставший «знаменитым» и нарицательным кинжал Мартынова:

Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
Распояшься, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хожалый! [131, 67].

Вообще-то в едких экспромтах 1841 года доставалось всем. Вот, например, два, посвященные князю Александру Илларионовичу Васильчикову:

Велик князь Ксандр, и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной серебристой ярко освещен,
Но без зерна — пустой [5, IV, 525],

или

Наш князь Василь-
чиков — по батюшке,
Шеф простофиль,
Глупцов — по дядюшке,
Идя в кадриль,
Шутов — по зятюшке,
В речь вводит стиль
Донцов — по матушке [5, IV, 525].

Рассказывая о событиях лета 1841 года в Пятигорске нельзя не привести свидетельство Куликовского, записанное Мартьяновым [131, 67]. Как-то раз в казино после игры молодежь ужинала, каким-то образом разговор коснулся Мартынова и один из присутствующих в защиту его от какой-то неловкости заметил: «ну, что вы хотите, господа,

ведь он не Соломон же у нас». Лермонтов, как вспоминают, не выдержал и, встав со стула, сказал внушительно:

«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын,
Не мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг и стал известен всем
Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
Несет в себе самом» [5, IV, 525].

После смерти Лермонтова альбом с карикатурами пропал. Висковатый в примечаниях к своей книге писал: «Альбом этот со многими листами стихотворений и писем Лермонтова, о коих говорит и Боденштедт, кажется, погиб вместе с вещами Глебова во время экспедиции. Так, по крайней мере, думал А.П.Шан-Гирей. По смерти поэта Глебов его оставил у себя, и в опись вещам поэта он не вошел» [48, 403].

П.К.Мартьянов внес существенную поправку в это сообщение Висковатого: «Альбом, в котором рисовал Лермонтов в Пятигорске в 1841 году карикатуры на «водяное общество», взят после смерти поэта не Глебовым, а Алексеем Аркадьевичем Столыпиным, который и привез его в Петербург, а из Петербурга отослал в свое имение, село Пушкино, Инсарского уезда Пензенской губернии, где он вместе с другими его вещами был похищен обокравшими его дом ворами» [131, 155].

Думаю, не ошибусь, если скажу, что причина пропажи альбома более прозаична. Альбом с порнографическими карикатурами на Мартынова (а ведь именно этим прославились французские карикатуры в манере «криптограмм месье Лениза») был уничтожен Столыпиным с единственной целью — не дать повода для различных кривотолков о причинах дуэли, в том числе и таких, согласно которым поэт был сам виноват в своей гибели.

МОНГО

Прозвище «Монго» принадлежало Алексею Аркадьевичу Столыпину — двоюродному дяде Лермонтова, который был всего на два года моложе племянника. В 1841 году ему исполнилось 25 лет.

О том, как появилось это прозвище, имеется две версии. По одной из них, рассказанной П.А.Висковатым и основанной на воспоминаниях Дмитрия Аркадьевича Столыпина, Лермонтов как-то раз увидел лежавшую на столе у Алексея Столыпина французскую книгу, озаглавленную «Путешествие Монгопарка». Этого было достаточно, чтобы за Алексеем закрепилось прозвище «Монго». По другой версии, автором которой был дальний родственник поэта М.Н.Лонгинов, Столыпин получил прозвище по кличке своей собаки. Как бы то ни было, но прозвищем «Монго» Алексея Аркадьевича называли повсюду, а не только в дружеском кругу. До сих пор, чтобы выделить его из числа многочисленных родственников и однофамильцев, А.А.Столыпина зовут Монго или Столыпин-Монго.

Алексей был сыном родного брата бабушки Лермонтова Аркадия Алексеевича Столыпина и Веры Николаевны, в девичестве Мордвиновой. Таким образом, он по рождению принадлежал к высшему слою родовой аристократии и был, в

отличие от Лермонтова, совершенно своим в свете. Вспомним признание самого поэта, в письме к М.А.Лопухиной он писал: ...Вы знаете, что мой самый большой недостаток — это тщеславие и самолюбие; было время, когда я в качестве новичка искал доступа в это общество; это мне не удалось: двери аристократических салонов были для меня закрыты» [5, IV, 414].

Алексею Столыпину, напротив, все двери были открыты, и именно Алексей Аркадьевич, по просьбе поэта, стал вводить его в высший свет.

Каким человеком был Аркадий Алексеевич Столыпин?

Михаил Лонгинов, его дальний родственник, писал о нем: «Это был совершеннейший красавец; красота его, мужественная и вместе с тем отличавшаяся какою-то нежностью, была бы названа у французов *«proverbiale»** Он был одинаково хорош и в лихом гусарском ментике, и под барашковым кивером нижегородского драгуна, и, наконец, в одеянии современного льва, которым был вполне, но в самом лучшем значении этого слова. Изумительная по красоте внешняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать «Монгу-Столыпина» — значит для людей нашего времени то же, что выразить понятие о воплощенной чести, образце благородства, безграничной доброте, великодушии и беззаветной готовности на услугу словом и делом... [138, 154 — 155].

Столь же блистательную характеристику Столыпин заслужил у многих своих современников, которые выражали свое восхищение не только его красотой, но и человеческими качествами, внутренним достоинством⁵⁸. Но это было в XIX веке.

А вот в XX веке Алексею Аркадьевичу повезло меньше. Весь собранный о Столыпине материал опубликован, однако во многих публикациях документы подобраны таким образом, что при знакомстве с ними вырисовывается крайне неприятный образ заносчивого, самолюбивого, надмен-

* Баснословной (франц.).

ного человека⁵⁹. Стараясь не упоминать о хороших качествах Столыпина, лермонтоведы приводили любое, пусть даже незначительное, негативное суждение. Причина весьма прозаична — нужно было найти врага, причем врага скрытого, а такой должен был быть обязательно⁶⁰. Все равнялись на время, в котором жили...

Но если говорить о дружбе поэта со Столыпиным, то едва ли сегодня можно судить о том, достоин или недостойн ее был Монго. И если выбор Лермонтова пал на «великолепного истукана», каким, по мнению некоторых, был Монго, значит, в этом был для него какой-то смысл, значит, для Лермонтова этот человек был дорог.

В Пятигорске перед дуэлью Лермонтов оказался не среди клеветников и завистников, его окружали хорошо знакомые, близкие ему люди, друзья.

Недумов опубликовал письма Монго к сестре, датированные 1840 и 1841 годом, а также переписку его сестер, относящуюся к 1844 году⁶¹. После прочтения писем Столыпина, забавных и остроумных, немного пустых, перед нами вырисовывается человек, блестящая характеристика которого дана Лермонтовым в поэме, которая так и называется — «Монго».

Монго — повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был —
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немытый целый день,
Носил фуражку набекрень;
Имел он гладкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ногой он в пятку,

Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То верно в креслах замечали
Его внимательный лорнет...

Веселый, без претензий на ученость, по словам Л.Н.Толстого, «славный интересный малый» [143, 159], он был для Лермонтова незаменимым компаньоном и хорошим товарищем, особенно в бурные годы гусарской жизни.

Нельзя с позиций нашего времени судить о людях, живших совершенно в другую эпоху, имевших отличный от нас менталитет. Для нас Лермонтов — великий поэт и прекрасный художник, нам хочется видеть его зрелым, благоразумным, уравновешенным, словом, наделенным всеми положительными качествами человеком. Лермонтов же обладал трудным характером: был насмешливым, злым на язык, больно обижал своих друзей и знакомых, что, впрочем, часто сходило ему с рук. Т.А.Иванова отмечала, что о дурном характере поэта «были созданы легенды». К сожалению, это малоприятная действительность, с существованием которой мы должны считаться⁶².

Однако пора вернуться в Пятигорск в июльские дни 1841 года.

ССОРА

Ч

то же произошло в тот злополучный вечер 13 июля 1841 года в доме у Верзилиных? Рассказывает Эмилия Шан-Гирей, которая была очевидицей ссоры:

«Лермонтов жил больше в Железноводске, но часто приезжал в Пятигорск. По воскресеньям бывали собрания в ресторации, и вот именно 13-го июля собралось к нам несколько девиц и мужчин, и порешили не ехать в собрание, а провести вечер дома, находя это приятнее и веселее. Я не говорила и не танцевала с Лермонтовым, потому что и в этот вечер он продолжал свои поддразнивания. Тогда, переменив тон насмешки, он сказал мне: «M-lle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la derniere fois de ma vie»*. — «Ну уж так и быть, в последний раз, пойдемте». — М.Ю. дал мне слово не сердить меня больше, и мы повальсировав, уселись мирно разговаривать.

К нам присоединился Л.С.Пушкин, который также отличался злоязычием, и принялись они вдвоем острить свой язык а *quimex mieux*** Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но

Мадемуазель Эмилия, прошу Вас на один только тур вальса, последний раз в моей жизни (*франц.*).

** Взапуски (*франц.*).

смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его «montagnard au grand poignard». (Мартынов носил черкеску и замечательной величины кинжал). Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово poignard раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом, он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: «сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах», — и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал опомниться Лермонтову, а на мое замечание: «Язык мой — враг мой», — М.Ю. отвечал спокойно: «Ce n'est rien; demain nous serons bons amis»*. Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора. На другой день Лермонтов и Столыпин должны были ехать в Железноводск. После уж рассказывали мне, что, когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: «Что ж, на дуэль что ли вызовешь меня за это?». Мартынов ответил решительно: «Да!» — и тут же назначил день» [199, 315 — 316].

Другие известные свидетельства, ничего не добавляя, подтверждают воспоминания Эмилии Александровны.

14 июля, на следующий после ссоры у Верзилиных день, Лермонтов выехал в Железноводск.

Вот как об этом писал П.А.Висковатый:

«Особенное участие в деле (в ссоре Лермонтова с Мартыновым. — В.З.) принимали, конечно, ближайшие к сторонам молодые люди: Столыпин, князь Васильчиков и уже поименованный Глебов.

Так как Мартынов никаких представлений не принимал, то решили просить Лермонтова, не придавшего никакого серьезного значения делу, временно удалиться и дать Мартынову успокоиться. Лермонтов согласился уехать

* Это ничего; завтра мы будем добрыми друзьями (*франц.*).

в Железноводск, в котором вообще он проводил добрую часть своего времени⁶³.

В отсутствии его друзья думали дело уладить.

Как прожил поэт в одиночестве своем в Железноводске последние сутки — кто это знает!» [48, 415 — 416].

Н.А.Кузминский опубликовал воспоминания своего отца, командовавшего в те годы сотней в станице Горячеводской, и находившегося летом 1841 г. в Пятигорске, в которых говорится следующее:

«Лермонтовский кружок решил отправить Лермонтова со Столыпиным в Железноводск, будучи вполне убежден, что время даст забыть ссору: все забудется и пойдет своею обычною колеєю... В тот же день лермонтовский кружок посетил Мартынов; он пришел сильно взволнованный, на лице была написана решимость.

— Я, господа, — произнес он, — дожидаться не могу. Можно, наконец, понять, что я не шучу и что я не отступаю от дуэли.

Лицо его вполне говорило о том, что он давно обдумал этот решительный шаг; в голосе слышалась решимость. Все поняли тогда, что это не шутка. Тогда Дорохов, известный брестер, хотел попытать еще одно средство. Уверенный заранее, что все откажутся быть секундантами Мартынова, он спросил последнего: «А кто же у вас будет секундантом»? «Я бы попросил князя Васильчикова», — ответил тот: лица всех обратились на Васильчикова, который, к изумлению всех, согласился быть секундантом. «Тогда нужно, — сказал Дорохов, — чтобы секундантами были поставлены такие условия, против которых не допускались бы никакие возражения соперников» [111, 236 — 237].

Уже давно принято считать, что накануне дуэли друзья пытались примирить обе стороны.

Князь Васильчиков, ставший секундантом Мартынова, писал в воспоминаниях, опубликованных в 1872 году:

«Выходя из дома на улицу, Мартынов подошел к Лермонтову и сказал ему очень тихим и ровным голосом по-французски: «Вы знаете, Лермонтов, что я очень часто терпел

ваши шутки, но не люблю, чтобы их повторяли при дамах», на что Лермонтов таким же спокойным тоном отвечал: **«А если не любите, то потребуйте у меня удовлетворения»**. Больше ничего в тот вечер и в последующие дни, до дуэли, между нами не было, по крайней мере, нам, Столыпину, Глебову и мне, неизвестно, и мы считали эту ссору столь ничтожною и мелочною, что до последней минуты уверены были, что она кончится примирением. Тем не менее, все мы, и в особенности М.П.Глебов, который соединял с отважною храбростью самое любезное и сердечное добродушие и пользовался равным уважением и дружбою обоих противников, все мы, говорю, истощили в течение трех дней наши миролюбивые усилия без всякого успеха. Хотя формальный вызов на дуэль и последовал от Мартынова, но всякий согласится, что вышеприведенные слова Лермонтова «потребуйте от меня удовлетворения» заключали в себе уже косвенное приглашение на вызов, и затем оставалось решить, кто из двух был зачинщик, и кому перед кем следовало сделать первый шаг к примирению.

На этом сокрушились все наши усилия, трехдневная отсрочка не послужила ни к чему, и 15 июля часов в шесть-семь вечера мы поехали на роковую встречу, но и тут в последнюю минуту мы и, я думаю, сам Лермонтов, были убеждены, что дуэль кончится пустыми выстрелами и что, обменявшись для соблюдения чести двумя пулями, противники подадут себе руки и поедут... ужинать» [138, 367 — 368].

Н.А.Кузминский со слов своего отца привел мнение Д.А.Столыпина о ссоре: «Он (Алексей Столыпин. — В.З.) до последнего времени не верил, чтобы состоялась дуэль, он считал Мартынова трусом и был положительно уверен, что там, где дело коснется дуэли, Мартынов непременно отступит. Он поэтому и не много хлопотал о том, чтобы затушить это дело. Думали также, что Мартынов предпринял дуэль с тою целью, чтобы сбросить с себя то мнение, которое существовало о нем в тогдашнем обществе, как о необычайном трусе. Столыпин все последнее время до самой дуэли провел с Лермонтовым в Железноводске; он, а более всего

Лермонтов, не думали о дуэли, в которую положительно не верили» [111].

Так совершались ли на самом деле попытки примирить противников?

13 сентября 1841 года Н.С.Мартынов заполнил «вопросные пункты» Пятигорского окружного суда. В девятом пункте спрашивалось: «Когда вы посылали от себя приглашенного вами секундантом корнета Глебова к Лермонтову с вызовом его на дуэль, то каков получился ответ Лермонтова, и не говорил ли чего относящегося к миролюбию или продолжал те колкости, кои вас оскорбляли с согласием на ваш вызов и в чем заключались меры секундантов гг. Васильчикова и Глебова к примирению вас с Лермонтовым» [147, 56 – 57].

Существуют два варианта ответа, «черновой» и «белой», причем последний также не был окончательным.

Процитируем оба варианта. Первый вариант:

«Не знаю, продолжал ли он свои колкости во время вызова, только мне Глебов ничего об них не говорил. Переданный мне ответ <был>* состоял, что он готов исполнить мою волю. — Миролюбивых предложений <никаких не было сделано> он мне не делал. — Васильчиков и Глебов напоминали мне взаимные наши отношения и тесную связь, которая до сего времени существовала между нами, желая через то убедить меня взять назад вызов» [147, 58].

Второй вариант ответа был более подробным:

«Не знаю, продолжал ли он свои колкости во время вызова, только мне Глебов об них не говорил. — Переданный мне ответ состоял в простом согласии <исполнить мое желание> без всяких миролюбивых предложений <его с своей стороны>. Васильчиков и Глебов напоминали мне <взаимные наши> прежние мои отношения с ним и тесную связь, которая до сего времени существовала между нами <желая через то убедить меня взять назад вызов>, желая

* Здесь и далее: в угловые скобки заключены слова, зачеркнутые Мартыновым. — В.З.

кончить <миролюбиво> <дружелюбно> это дело дружелюбно» [147, 60].

Как видим, настоящей попытки примирения предпринято не было. Но в изображении некоторых современных исследователей картина выглядит иначе. Вот как описывала преддуэльные дни лермонтовед Т.А.Иванова:

«А по Пятигорску носится взволнованный Дорохов и убеждает секундентов развести, разъединить на время противников, чтобы легче было их примирить. Опытный дуэлянт, он знает все средства к примирению и учит этому секундентов. Но и среди секундентов есть не менее опытный дуэлянт, знаток дуэльного кодекса Столыпин-Монго. Лермонтов говорит секундентам, что он готов извиниться, что он не будет стрелять в Мартынова. Но секунденты не передают этого Мартынову. Он чем дальше, тем больше разгорается, точно кто-то все время подливает масла в огонь. О дуэли идут разговоры по городу, и пятигорские власти знают о ней, но мер не принимают, чтобы ее предотвратить» [98, 116].

Вся эта избыточная деталями картина — плод воображения исследователя. На самом деле, ничего подобного не было и обвинять Столыпина в его скрытых злых намерениях против Лермонтова никак нельзя⁶⁴. То, что ссора Лермонтова и Мартынова носила частный характер, и о ней знали немногие, находит подтверждение в воспоминаниях современников поэта, которых сохранилось множество⁶⁵. Некоторые рассказы обросли занимательными подробностями и домыслами, как, например, сообщение племянника уже упоминавшегося нами В.Н.Дикова, опубликованное С.Белоконом⁶⁶.

Другую причину дуэли назвал и Михаил Сергеевич Павлуцкий, отставной военный врач, в письме на имя редактора журнала «Русская Старина». Это письмо было реакцией на публикацию в 14-м томе журнала за 1875 год воспоминаний о Лермонтове Я.И.Костенецкого. Письмо это хранилось в архиве редакции журнала и не было опубликовано. М.Павлуцкий писал о своей встрече с Н.Мартыновым в Киеве в 1842 году. Появление Мартынова в городе

...возбудило общее внимание, а молодежь всеми силами старалась узнать всю подробность от самого виновника ея.

Успех был полный и обнаружил такую хлестаковщину в кружках нашей тогдашней молодежи высшего полета, что не знали, чему более удивляться — ея ли невежеству или легкому взгляду на жизнь человека? Мартынов сделался отвратительным для всех интеллигентных людей после открытия истины. Мартынова в Пятигорске его приятели *гразнили* не *M-ieuv le grand poignard*, а просто — *мартышкой*. Оставьте обстоятельства, — писал далее Павлуцкий, — описанные господином Костенецким в их виде и замените «Господин большой кинжал» словом *мартышка* и Вы получите вполне действительную причину дуэли, лишившей нас великого поэта» [13, оп. 4, д. 103, лл. 1об — 2].

Возвращаясь к ответам Мартынова на вопросы следственной комиссии, можно найти косвенное подтверждение того, что настоящей попытки именно примирить противников не сделал никто, и, главное, сам Мартынов не слишком хотел избежать дуэли. В своих ответах он написал (первая редакция): «На другой день описанного мною происшествия Глебов и Васильчиков пришли ко мне и всеми силами старались меня уговорить, чтобы я взял назад свой вызов. — Уверившись, что они все это говорят от себя, но что со стороны Лермонтова нет даже <признака> и тени сожаления о случившемся, — я сказал им, что не могу этого сделать, — что <после этого> мне на другой же день, <может быть> пришлось бы с ним <через платок стреляться> пойти на ножи.

Они настаивали; < к нему> <с ним> ожидает <нас> в Кисловодске и что все это будет <уничтожено> <нарушено> расстроено моей глупой историей.

Чтобы выйти из неприятного положения человека, который мешает веселиться другим, — я сказал им, чтоб они сделали воззвание к самим себе: поступили ли бы они иначе на моем месте. После этого меня уже никто больше <не уговаривали> <никто> не уговаривал» [147, 53].

Во второй редакции, сохранившейся в следственном деле и написанной после «консультации» с секундантами,

Мартынов ответил более обстоятельно: «Васильчиков и Глебов старались всеми силами помирить меня с ним; но так как они не <имели никакого полномочия> могли сказать мне ничего от его имени от <Лермонтова> и <просто> <и только> <а только> <уговаривать только> хотели меня <отказаться от вызова> взять <назад> <моего> мой назад: я не мог на это согласиться. Я отвечал им: что я уже сделал шаг к сохранению мира <за три недели перед тем> <тому назад>, прося его оставить свои шутки <и быть со мной при всех, так как он бывал>, что он пренебрег этим и что сверх того теперь уже было поздно, когда он сам надоумил меня <что> в том, что мне нужно было делать. — В особенности я сильно упирался на <этот> совет, который он мне дал накануне и показывал им, что <он> что этот совет <он> был не что иное как вызов. — После еще <с их стороны> нескольких <неудачных> попыток с их стороны они убедились, что <меня> уговорить меня взять назад вызов есть дело невозможное». Сбоку, напротив ответа, Мартынов написал: «а только хотели уговорить меня взять назад вызов» [147, 55].

Итак, ознакомившись со множеством документов, можно утверждать, что *единственным поводом к дуэли были насмешки Лермонтова над Мартыновым. Лермонтов сам провоцировал Мартынова на вызов, подсказывая, что тому следовало делать. Всерьез предстоящую дуэль никто не воспринимал. Настоящие попытки примирить соперников не предпринимались, скорее, все готовились к новому развлечению, разнообразившему жизнь на Водах.*

Выдвигать версию о заговоре против поэта — значит не считаться со множеством очевидных фактов, свидетельствами огромного числа современников. Хочется еще раз подчеркнуть, что в Петербурге даже не было известно, что Лермонтов находится в Пятигорске. Версия о существовании заговора и появившееся в 30-е годы XX века «документальное» обоснование — продукт эпохи, наполненной вымыслами о заговорах и врагах.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

К

ак прошел последний день жизни поэта — 15 июля 1841 года в Железноводске?

Попытаемся его восстановить.

Днем у Лермонтова были гости. Екатерина Быховец вспоминала, как она со своей теткой Обыденной отправилась в Железноводск в коляске. Их сопровождали Дмитревский⁶⁷, Бенкендорф⁶⁸ и Пушкин. На половине дороги они попили кофе у немки Рошке в Шотландии и уже в Железноводске встретились с Лермонтовым, с которым Е.Быховец долго гуляла. Она отметила, что ее «кузен» был почему-то очень грустный.

По-видимому, Бенкендорф и Дмитревский приезжали специально для того, чтобы сообщить Лермонтову о дне и месте дуэли.

Это подтверждают сравнительно недавно обнаруженные воспоминания А.И.Арнольди.

«Проехав колонию Шотландку, — пишет Арнольди, — я видел перед одним домом торопливые приготовления к какому-то пикнику его обитателей, но не обратил на это особого внимания, я торопился в Железноводск, так как огромная черная туча, грозно застилая горизонт, нагоняла меня как бы стеной от Пятигорска, и крупные капли дождя падали на ярко освещенную солнцем местность. На полпути в Железноводск я встретил Столыпина

и Глебова на беговых дорожках; Глебов правил, а Столыпин с ягдташем и ружьем через плечо имел перед собою что-то покрытое платком. На вопрос мой, куда они едут, они отвечали мне, что на охоту, а я еще посоветовал им убить орла, которого неподалеку оттуда заметил на копне сена. Не подозревая того, что они едут на роковое свидание Лермонтова с Мартыновым, я приударил коня и пустился от них вскачь, так как дождь усилился. Несколько далее я встретил извозчицьи дрожки с Дмитриевским и Лермонтовым и на скаку поймал прощальный взгляд его... последний в жизни» [115, 469 — 470].

Из Пятигорска приехали, как пишет Э.А.Шан-Гирей, Мартынов, Васильчиков, Глебов, Трубецкой и Дорохов. «Все они свернули с дороги в лес и там-то стрелялись» [203, 711].

Однако в пути произошла непредвиденная задержка. Гроза, от которой убегал Арнольди, все-таки разразилась. Буря поднялась страшная, старожилы не помнили подобной. Пришлось обедать в Шотландке у Рошке.

Висковатый без ссылок на свидетеля писал: «Говорят, Мартынов приехал туда на беговых дрожках с кн. Васильчиковым. Лермонтов был налицо. Противники раскланялись, но вместо слов примирения Мартынов напомнил о том, что пора бы дать ему удовлетворение, на что Лермонтов выразил всегдашнюю свою готовность. Верно только то, что кн. Васильчиков с Мартыновым на беговых дрожках, с ящиком принадлежавших Столыпину кухенрейторских пистолетов, выехали отыскивать удобное место у подошвы Машука, на дороге между колонией «Каррас» и Пятигорском» [48, 421 — 422].

Лермонтов с другими секундантами поехали следом. Разговор, который они вели, пересказал П.К.Мартьянов:

«Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений от него Глебов не слышал. Он ехал как будто на званный пир какой-нибудь. Все, что он высказал за время переезда, это сожаление, что он не мог получить увольнения от службы в Петербурге и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд.

«Я выработал уже план, — говорил он Глебову, — двух романов: одного — из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене, и другого — из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране, и вот придется сидеть у моря и ждать погоды, когда можно будет приняться за кладку фундамента. Недели через две нужно будет отправиться в отряд, к осени пойдем в экспедицию, а из экспедиции когда вернемся!..» [131, 93 — 94].

Осенью 1841 года В.Г.Белинский в рецензии на второе издание романа «Герой нашего времени» так отзывался о Лермонтове: «Беспечный характер, пылкая молодость, жадная до впечатлений бытия, самый род жизни, — отвлекали его от мирных кабинетных занятий, от уединенной думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура его начала устраиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романическую трилогию из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство, по примеру куперовской тетралогии, начинающейся «Последним из могикан», продолжающейся «Путеводителем по пустыне» и «Пионерами» и оканчивающейся «Степями» [30, 455].

Как видим, свидетельство Мартыанова совпадает с высказыванием Белинского. Даже по пути на дуэль Лермонтов думал не о возможных трагических последствиях поединка, а о своих планах на будущее.

Из множества неразрешенных вопросов, относящихся к поединку Лермонтова с Мартыновым, следует особо выделить один: сколько человек присутствовало на дуэли? На следствии были названы фамилии двух секундантов: Глебова и Васильчикова. Много лет спустя стали известны имена

еще двух: Трубецкого и Столыпина; Э.А.Шан-Гирей назвала Руфина Дорохова. А в записках Арнольди говорится: «Я полагаю, что кроме двух секундантов, Глебова и Александра Васильчикова, вся молодежь, с которою Лермонтов водился присутствовала скрытно на дуэли, полагая, что она кончится шуткой, и что Мартынов, не пользовавшийся репутацией храброго, струсит и противники помирятся» [115, 470].

П.А.Висковатый, ссылаясь на рассказ В.А.Елагина, замечает: «Даже есть полное (подчеркнуто Висковатым. — В.З.) вероятие, что кроме четырех секундантов: кн. Васильчикова, Столыпина, Глебова и кн. Трубецкого, на месте поединка было еще несколько лиц в качестве зрителей, спрятавшихся за кулисами, — между ними и Дорохов» [31, 420].

Приведем еще ряд свидетельств, подтверждающих присутствие Дорохова на дуэли. Один из современников Лермонтова рассказывает так: «Прискакивает Дорохов и с видом отчаяния объявляет: вы знаете, господа, Лермонтов убит!» [77, 171].

Жена священника Павла Александровского вспоминала: «Накануне памятной, несчастной дуэли, вечером пришел к мужу моему г. Дорохов, квартировавший у нас в доме на бульваре, и попросил верховую лошадь ехать за город недалеко; мой муж отказывал ему, думая, не какое ли нибудь здесь неприятное дело, зная его как человека, уже участвовавшего в дуэлях, и не соглашался, желая прежде знать, для чего нужна лошадь. Но тот убедительно просил, говоря, что лошадь не будет заморена и скоро ее доставят сохранно и неприятности никакой не будет; муж согласился, и действительно, лошадь привели вечером не заморенной» [17, 475].

Далее матушка рассказала о том, как на следующий день вечером к ним в дом пришли друзья Лермонтова и стали просить ее мужа совершить обряд погребения поэта. «Они ушли, а муж позвал меня к себе и сказал: «У меня было предчувствие, я долго не решался давать лошадь Дорохову. Вчера вечером у подошвы Машука за кладбищем была дуэль; Лермонтова убил Мартынов, а Дорохов спешил за город именно поэтому. — И опять задумавшись, сказал: —

Чувствую невольно себя виноватым в этом случае, что дал лошадь. Без Дорохова это могло бы окончиться примирением, а он взялся за это дело и привел к такому окончанию, не склоняя противников на мир» [17, 475].

И еще одно свидетельство Висковатого: «Когда я указывал кн. Васильчикову на слух, сообщаемый и Лонгиновым, он сказал, что этого не ведает, но когда утвердительно заговорил о присутствии Дорохова, князь, склонив голову и задумавшись, заметил: «Может быть, и были. Я был так молод, мы все так молоды и несерьезно глядели на дело, что много было допущено упущений» [48, 420].

Вопрос о присутствии на дуэли посторонних лиц далеко не праздный. Речь идет не о детективных историях, подобных тем, которые муссировались четверть века тому назад В.Швембергером, а затем И.Кучеровым и В.Стешицем [110]. Не о каком-то таинственном казаке, спрятавшемся за кустами и якобы выстрелившим в поэта сзади. Речь идет о конкретных лицах. Предварительно их круг можно очертить следующими именами: Дорохов, юнкер Бенкендорф, Евграф Чалов, возможно, Арнольди. Можно даже предположить, что все присутствовавшие на обеде у Рошке в Шотландке выехали на место дуэли. Кто-то из них мог стоять в стороне, кто-то — прятаться за кустами. Возможно, что кто-нибудь из них подзадорил Мартынова. Висковатый, разговаривая с Васильчиковым, задал ему подобный вопрос: «А были ли подстрекатели у Мартынова?». На что Васильчиков ответил: «Может быть, и были, мне было 22 года, и все мы тогда не сознавали, что такое Лермонтов. Для всех нас он был офицер-товарищ, умный и добрый, писавший прекрасные стихи и рисовавший удачные карикатуры. Иное дело глядеть ретроспективно!» [48, 420].

Как бы то ни было, но присутствие посторонних лиц было не только нарушением правил дуэли, но и ставило ее участников в двойственное положение.

Что же произошло дальше?

ДУЭЛЬ

В дневнике московского почт-директора А.Я.Булгакова сохранилась запись, которую он сделал 26 июля 1841 года, получив письма от В.С.Голицына и писателя Н.В.Путяты:

«Когда явились на место, где надобно было драться, Лермонтов, взяв пистолет в руки, повторил торжественно Мартынову, что ему не приходило никогда в голову его обидеть, даже огорчить, что все это была одна шутка, а что ежели Мартынова это обижает, он готов просить у него прощения не токмо тут, но везде, где он только захочет!..

«Стреляй!» — был ответ исступленного Мартынова. Надлежало начинать Лермонтову, он выстрелил на воздух, желая все кончить глупую эту ссору дружелюбно, не так великодушно думал Мартынов, он был довольно бесчеловечен и злобен, чтобы подойти к самому противнику своему, и выстрелил ему прямо в сердце. Удар был так силен и верен, что смерть была столь же скоропостижна, как выстрел. Несчастный Лермонтов тотчас испустил дух. Удивительно, что секунданты допустили Мартынова совершить его зверский поступок. Он поступил противу всех правил чести и благородства, и справедливости. Ежели он хотел, чтобы дуэль совершалась, ему следовало ска-

зять Лермонтову: извольте зарядить опять ваш пистолет. Я вам советую хорошенько в меня целиться, ибо я буду стараться вас убить. Так поступил бы благородный, храбрый офицер, Мартынов поступил как убийца» [151, 710].

Рассказ о выстреле Лермонтова в воздух, якобы имевшем место, с некоторыми незначительными деталями повторяется и в других воспоминаниях⁶⁹, но все они — свидетельства не очевидцев, а лиц, слышавших это от кого-то, что является весьма существенной деталью. Подобные же рассказы слышал в 70-е годы прошлого века и П.К.Мартынов, когда собирал в Пятигорске сведения о Лермонтове.

Непосредственные участники дуэли долгое время молчали. Князь Васильчиков не хотел рассказывать, кивал на Мартынова: пусть он вначале опубликует свою версию. Однако Мартынов тоже молчал.

Князь Александр Илларионович Васильчиков в 1872 году опубликовал в «Русском архиве» свои воспоминания о дуэли: «Когда мы выехали на гору Машук и выбрали место по тропинке, ведущей в колонию (имени не помню), темная, громовая туча поднималась из-за соседней горы Бештау.

Мы отмерили с Глебовым тридцать шагов; последний барьер поставили на десяти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на десять шагов по команде «марш». Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, я другой Лермонтову, искомандовали: «Сходись!». Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни назад, ни вперед, не успев даже захватить большое место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные.

Мы подбежали. В правом боку дымилась рана, в левом — сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкие» [139, 471; 174, 80].

После смерти Мартынова Васильчиков кое-что дополнительно рассказал Висковатому, который записал с его слов следующее: «Я помню, — говорил князь Васильчиков, — как он (Столыпин. — В.З.) ногою отбросил шапку, и она откатилась еще на некоторое расстояние. От крайних пунктов барьера Столыпин отмерил еще по 10 шагов, и противников развели по краям. Заряженные в это время пистолеты были вручены им (Глебовым? — Прим. П.А.Висковатого). Они должны были сходиться по команде: «Сходи!»». Особенного права на первый выстрел по условию никому не было дано. Каждый мог стрелять, стоя на месте, или подойдя к барьеру, или на ходу, но непременно между командою: *два* и *три*. Противников поставили на скате, около двух кустов: Лермонтова лицом к Бештау, следовательно, выше; Мартынова ниже, лицом к Машуку. Это опять была неправильность. Лермонтову приходилось целить вниз, Мартынову вверх, что давало последнему некоторое преимущество. Командовал Глебов... [...] Вероятно, вид торопливо шедшего и целившего в него Мартынова вызвал в поэте новое ощущение. Лицо приняло презрительное выражение, и он, все не трогаясь с места, вытянул руку кверху, по-прежнему кверху же направляя дуло пистолета* «Раз»... «Два»... «Три!» командовал между тем Глебов. Мартынов уже стоял у барьера. «Я отлично помню, — рассказывал далее князь Васильчиков, — как Мартынов повернул пистолет, курком в сторону, что он называл стрелять по-французски! В это время Столыпин крикнул:

* Рассказ князя Васильчикова. Когда я спросил, отчего же он не печатал о вытянутой руке, свидетельствующее, что Лермонтов показывал явное нежелание стрелять, князь утверждал, что он не хотел подчеркивать этого обстоятельства, но поведение Мартынова снимает с него необходимость щадить его. — Прим. П.А.Висковатого.

«Стреляйте! или я разведу вас!»... Выстрел раздался, и Лермонтов упал, как подкошенный...» [48, 424 — 425].

В некрологе, написанном В.Стоюниным на смерть Васильчикова, сообщалась, в частности, одна весьма любопытная деталь: «Когда Лермонтову, хорошему стрелку, был сделан со стороны секунданта намек, что он, конечно, не намерен убивать своего противника, то он и здесь отнесся к нему с высокомерным презрением со словами: **«Стану я стрелять в такого дурака»** (выделено мною. — В.З.), не думая, что были сочтены его собственные минуты. Так рассказывал князь Васильчиков об этой несчастной катастрофе, мы записываем его слова, как рассказ свидетеля смерти нашего поэта» [56, 303].

То, что роковые слова действительно были произнесены Лермонтовым, подтверждает найденная автором заметка, опубликованная в 1939 году в Париже в эмигрантской газете «Возрождение». В заметке сообщалось: «Княгиня С.Н.Васильчикова любезно предоставила нам выдержку из неопубликованных воспоминаний ее покойного мужа, князя Б.А.Васильчикова,... сына секунданта Лермонтова»:

«В 1839 г., — пишет кн. Б.А.Васильчиков, — отец был зачислен в II отделение Е<го> И<мператорского> В<еличества> Канцелярии. В качестве чиновника этой канцелярии он командирован на Кавказ для участия в сенаторской ревизии, во главе которой стоял Ган.

На Кавказе отец сблизился и даже подружился с Лермонтовым. Они жили в Пятигорске в одном доме, и отцу довелось быть свидетелем ссоры Лермонтова с Мартыновым, а затем — секундантом первого в роковой дуэли. При всей своей естественной сдержанности при суждении о роли Лермонтова в этом трагическом эпизоде, отец в откровенных беседах в интимном кругу не скрывал некоторой доли осуждения Лермонтова во всей этой истории...

Свои воспоминания об этой трагической дуэли отец поместил в семидесятых годах в «Русском Архиве», но в этом изложении он, щадя память поэта, упустил одно обстоятельство, которое я однако же твердо запомнил из одного

разговора моего отца на эту тему в моем присутствии с его большим другом Вас. Денисовичем Давыдовым, сыном знаменитого партизана.

Отец всегда был уверен, что все бы кончилось обменом выстрелов в воздух, если бы не следующее обстоятельство: подойдя к барьеру, Лермонтов поднял дуло пистолета вверх, обращаясь к моему отцу, громко, так что Мартынов не мог не слышать, сказал: **«Я в этого дурака стрелять не буду»**. Это, думал мой отец, переполнило чашу терпения противника, он прицелился и последовал выстрел» [153; ср.: 212, 178].

Приведем еще одно свидетельство, оно принадлежит уже знакомому нам плямяннику Дикова: «За несколько минут до назначенного срока приехал Л. с секундантом князем В.» Лермонтов «своими двусмысленными и дерзкими словами» вновь взбесил Мартынова [31, 91].

Попытаемся теперь восстановить весь ход дуэли, опираясь на доступные свидетельства.

15 июля 1841 года около семи часов вечера дуэлянты, секунданты и «зрители» оказались в четырех верстах от города на небольшой поляне у дороги, ведущей из Пятигорска в Николаевскую колонию вдоль северо-западного склона горы Машук (теперь это место называется «Перкальской скалой»).

Секунданты установили барьер — 15 шагов, и отсчитали от него в каждую сторону еще по 10 шагов, вручили дуэлянтам заряженные пистолеты.

Объявленные секундантами условия дуэли были следующие: стрелять могли до трех раз, или стоя на месте, или подходя к барьеру. Осечки считались за выстрел. После первого промаха противник имел право вызвать выстрелившего к барьеру. Стрелять могли на счет «два — три» (т. е. стрелять было можно после счета «два», и нельзя стрелять после счета «три»). Вся процедура могла повторяться, пока каждый не сделает по три выстрела. Руководил Глебов, он дал команду: «Сходишь».

Лермонтов остался на месте и, заслонившись рукой, поднял пистолет вверх. Мартынов, все время целясь в противника, поспешно подошел к барьеру (возможно, вид у него действительно был дурацкий. — *Ред.*).

Начался отсчет: «один»... «два»... «три»... Никто не выстрелил. Тишина... Нервы у всех на пределе, и тут Столыпин (по другой версии, Трубецкой) крикнул: «Стреляйте или я развожу дуэль!». На что Лермонтов ответил: **«Я в этого дурака стрелять не буду!»**.

«Я вспылал, — писал Мартынов в ответах следствию. — Ни секундантами, ни дуэлью не шутят... и опустил курок...

Прозвучал выстрел* Лермонтов упал как подкошенный, пуля прошла навывлет.

«Неожиданный строгий исход дуэли, — отметил Висковатый, — даже для Мартынова был потрясающим. В чаду борьбы чувств, уязвленного самолюбия, ложных понятий о чести, интриг и удалого молодечества, Мартынов, как и все товарищи, был далек от полного сознания того, что творится. Пораженный исходом, бросился он к упавшему. «Миша, прости мне!» вырвался у него крик испуга и сожаления...

В смерть не верилось. Как растерянные стояли вокруг павшего, на устах которого продолжала играть улыбка презрения. Глебов сел на землю и положил голову поэта к себе на колени. Тело быстро холодело...» [48, 426].

А.И.Арнольди вспоминал: «А.Столыпин, как я тогда же слышал, сказал Мартынову: «*Aller vous en, votre affaire est faite*»**, — когда тот после выстрела кинулся к распростертому Лермонтову... Только шуточная дуэль могла заставить всю эту молодежь не подумать о медике и экипаже на вся-

До сих спорным является вопрос о выстреле после счета «три» — в таком случае, на глазах у всех произошло убийство, после счета «три» дуэль считается приостановленной, и стрелять уже было нельзя до возобновления нового счета... Но секунданты неоднократно подчеркивали, что дуэль произошла «по правилам чести», и «стрелять можно было, когда угодно». — *В.З.*

** Уходите, вы сделали свое дело — *франц.*

кий случай, хотя бы для обстановки, что сделал Глебов уже после дуэли, поскакав в город за тем и другим, причем при теле покойного оставались Трубецкой и Столыпин. Не присутствие ли этого общества (речь идет о «свидетелях». — В.З.), собравшегося посмеяться над Мартыновым, о чем он мог узнать стороной, заставило его мужаться и крепиться и навести дуло пистолета на Лермонтова?» [115, 470].

В этом воспоминании прямо говорится о **розыгрыше** **Мартынова**, к которому приготовились все собравшиеся на дуэли, но никто не был готов к тому, что произойдет трагедия. Хотелось бы также защитить Столыпина от обвинений в подстрекательстве к дуэли. Причин для этого у него не было никаких. Гибель поэта была для него, как и для всех присутствовавших на дуэли, большим горем. **К подобному исходу никто из них не был готов.** Это подтверждается и тем, что никто даже не подумал о докторе.

Уже не раз в нашей печати обсуждались вопросы условия дуэли, ее правила, дуэльный кодекс графа де Шатовиллара 1836 года, который был хорошо известен в России и применялся на дуэлях. Одна из публикаций на эту тему появилась в 1988 году [162]⁷⁰, ее авторы, прокурор-криминалист Магаданской областной прокуратуры Б.Пискарев и инженер из Москвы Д.Алексеев, проанализировали условия дуэли и отметили те нарушения дуэльного кодекса, которые они обнаружили.

Позволим себе некоторые цитаты из этой статьи.

В России в 30 — 40-х годах XIX века правила дуэли, как считают Б.Пискарев и Д.Алексеев, регламентировались национальными дуэльными традициями, на которые оказал большое внимание французский кодекс графа де Шатовиллара. Но в то время на Кавказе, по мнению авторов статьи, «условия дуэлей были более суровыми, мелкие же формальности соблюдались не столь строго и педантично, как, скажем, в Петербурге».

«Кодекс и обычай, — пишут далее Б.Пискарев и Д.Алексеев, — гласили: противники обязаны беспрекословно под-

чиняться всем приказаниям секундантов, а последние должны неукоснительно выполнять выработанные ими же условия поединка. В частности, абсолютно точно фиксировать промежутки времени — не больше 10 — 15 секунд — между счетом «два» и «три», и ни в коем случае — момент чрезвычайно важный! — не подавать заранее неоговоренных команд. Противники не имели права стрелять ни на секунду раньше счета «два» или позже команды «три», после которой дуэль безоговорочно прекращалась или же возобновлялась на прежних условиях» [162, 67 — 68].

Далее события дуэли, по мнению авторов статьи, развивались следующим образом. После команды «три» никто не выстрелил... В это время лицо поэта приняло «презрительное выражение, и он, все не трогаясь с места, вытянул руку вверх, по-прежнему направляя кверху дуло пистолета... И вот в этот момент в ход поединка неожиданно вмешивается Столыпин. «Стреляйте! — закричал он. — Или я разведу вас!». В следующее мгновение Лермонтов разряжает свой пистолет в воздух. Следом гремит выстрел Мартынова, и поэт падает...

Экспертиза тела убитого поэта, которую сутки спустя провел врач И.Барклай-де-Толли⁷¹, подтвердила, что выстрел Мартынова застал Лермонтова стоящим с высоко поднятой вверх правой рукой» [162, 67].

Возможно, секунданты и договаривались проводить дуэль, руководствуясь дуэльным кодексом графа де Шатовиллара, но принятые ими условия были более жесткими, и поставили их секунданты только по одной причине: знали, что Мартынов трус, стрелять не будет. Лермонтов не успел сделать ни одного выстрела. Рассказы о выстреле его в воздух — лишь легенда*

Подтверждает это и кн. Васильчиков: «Поручик Лермонтов упал уже без чувств и не успел дать своего выстрела;

* Более того, по дуэльному кодексу первый выстрел нельзя было сделать *откровенно* в воздух — это было бы воспринято как попытка *вынудить* противника быть великодушным. — *Ред.*

из его заряженного пистолета выстрелил я гораздо позже на воздух» [114, 118], и Мартынов: «Хотя и было положено между нами считать осечку за выстрел, но у его пистолета осечки не было» [147, 60].

Завершая рассказ об этой дуэли, вспомним поединок, описанный Лермонтовым в «Герое нашего времени».

Распространено мнение, что прототипом Грушницкого является Мартынов. Те же Б.Пискарев и Д.Алексеев считали, что именно к Мартынову обращены слова из дневника Печорина: «...Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были восторжествовать...

Такое мнение ничем не оправдано. Во-первых, слова эти написаны Лермонтовым за три года до дуэли и предполагать, что он заранее все предвидел, по меньшей мере абсурдно. Во-вторых, есть ли основания считать, что они обращены именно к Мартынову? Ведь версия, согласно которой прототипом Грушницкого послужил Мартынов, появилась через много лет после дуэли в результате стремления сочувствующих Мартынову знакомых оправдать его поступок. Согласно этой версии, Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль, обидевшись на него за то, что он изобразил его в образе Грушницкого. Но в 1837 году на Водах, когда Лермонтов наблюдал жизнь «водяного общества» и продумывал замысел романа «Герой нашего времени», в Пятигорске и Кисловодске ему пришлось наблюдать совсем другие лица. Мартынов же в это время был в закубанской экспедиции Вельяминова и виделся с Лермонтовым лишь один день 29 сентября, хотя до этого они знали друг друга по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Необходимо отметить, что еще до революции многие современники Лермонтова знали, кто в действительности явился прототипом Грушницкого.

Так, например, Э.А.Шан-Гирей заявляла: ...Известно хорошо, что Лермонтов списал Грушницкого с Колюбакина, прозванного *немирным*» [200, 646].

Утверждение о том, что прототипом того или иного героя является реальное лицо, должно быть подкреплено серьезными доказательствами, а их-то мы в данном случае и не имеем⁷².

Версия о существовании тайных врагов поэта, появившаяся в 30-е годы, выросла на благодатной почве всеобщего недоверия друг к другу и поиска скрытых врагов среди своих близких, друзей, сослуживцев, недоверия, которое было одной из характерных примет эпохи становления культа личности.

Заголовки газетных и журнальных статей тех лет говорят сами за себя. Вот лишь небольшой их перечень — в 1938 году: П.А.Ефимов. «Дуэль или убийство?», В.Нечаева. «Новые данные об убийстве Лермонтова», Е.Яковкина, А.Новиков. «Как был убит Лермонтов»; в 1939 году: Э.Г.Герштейн. «Подлая расправа», В.С.Нечаева. «Убийцы».

Этот список можно продолжить.

Это были годы, когда развитие лермонтоведения приобрело, можно сказать, заговорщицко-обвинительное направление. И для этого были тогда свои причины.

Сейчас, по прошествии многих лет, когда в нашем распоряжении появились дополнительные документы и материалы, стоит ли настаивать на том, что гибель поэта — это результат происков его врагов, организовавших заговор против него? Не пора ли взглянуть непредвзято на события, предшествовавшие дуэли, и на саму дуэль, на отношения между ее участниками? Однако старые идеи живучи. Версия о существовании заговора против поэта и сегодня находит своих защитников.

ПОСЛЕ ДУЭЛИ

событиях, произошедших после дуэли, было рассказано несколькими ее участниками.

Вот как писал об этом князь А.И.Васильчиков:

«Хотя признаки жизни уже видимо исчезли, но мы решили позвать доктора. По предварительному нашему приглашению присутствовать при дуэли доктора, к которым мы обращались, все наотрез отказались. Я поскакал верхом в Пятигорск, заезжал к двум господам медикам, но получил такой же ответ, что на место поединка по случаю дурной погоды (шел проливной дождь) они ехать не могут, а приедут на квартиру, когда привезут раненого.

Когда я возвратился, Лермонтов мертвый лежал на том же месте, где упал; около него Столыпин, Глебов и Трубецкой. Мартынов уехал прямо к коменданту объявить о дуэли.

Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонте, разразилась страшной грозой, и перекааты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу.

Столыпин и Глебов уехали в Пятигорск, чтобы распорядиться перевозкой тела, а меня с Трубецким оставили при убитом. Как теперь помню странный эпизод этого рокового вечера; наше сиденье в поле при трупе Лермонтова продолжалось

очень долго, потому что извозчики, следуя примеру храбрости гг. докторов, тоже отказались один за другим ехать для перевозки тела убитого. Наступила ночь, ливень не прекратился... Вдруг мы услышали дальний топот лошадей по той же тропинке, где лежало тело, и, чтобы оттащить его в сторону, хотели его приподнять; от этого движения, как обыкновенно случается, спертый воздух выступил из груди, но с таким звуком, что нам показалось, что это живой и болезненный вздох, и мы несколько минут были уверены, что Лермонтов еще жив.

Наконец, часов в одиннадцать ночи, явились товарищи с извозчиком, наряженным, если не ошибаюсь, от полиции. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его вместе до общей нашей квартиры» [138, 368 — 369].

Совсем иначе рассказал об этом Глебов, по крайней мере, по словам Э.А.Шан-Гирей.

В 1889 году Эмилия Александровна опубликовала в «Русском архиве» небольшую заметку, в которой она писала, что Глебов рассказывал ей о том, какие мучительные часы провел он, «оставшись один в лесу, сидя на траве под проливным дождем. Голова убитого поэта покоилась у него на коленях. Темно, кони привязанные ржут, рвутся, бьют копытами о землю, молния и гром непрерывно; необъяснимо страшно стало! И Глебов хотел осторожно спустить голову на шинель, но при этом движении Лермонтов судорожно зевнул. Глебов остался недвижим и так пробыл, пока не приехали дрожки, на которых и привезли бедного Лермонтова на его квартиру» [202, 320].

Висковатый, создавая биографию поэта, использовал оба рассказа, несколько приукрасив их сведениями, источник которых до сих пор остался неизвестен:

«В смерть не верилось. Как растерянные стояли вокруг павшего, на устах которого продолжала играть улыбка презрения. Глебов сел на землю и положил голову поэта к себе на колени. Тело быстро холодело... Васильчиков поехал за доктором; Мартынов — доложить коменданту о случившемся и отдать себя в руки правосудия... Мы ничего не

знаем о других!.. Что делал многолетний верный друг поэта Монго-Столыпин?.. Князь Васильчиков упорно молчал относительно *других лиц, свидетелей дуэли* (курсив П.А.Висковатого. — В.З.). Он и Дорохов почему-то говорить не хотели. <...>

Между тем в Пятигорске трудно было достать экипаж для перевозки Лермонтова. Васильчиков, покинувший Михаила Юрьевича еще до ясного определения его смерти, старался привезти доктора, но никого не мог уговорить ехать к сраженному. Медики отвечали, что на место поединка при такой адской погоде они ехать не могут, а приедут на квартиру, когда привезут раненного. Действительно, дождь лил, как из ведра, и совершенно померкнувшая окрестность освещалась только блистанием непрерывной молнии при страшных раскатах грома. Дороги размокли. С большим усилием и за большие деньги, кажется, не без участия полиции, удалось, наконец, выслать за телом дроги (вроде линейки). Было 10 часов вечера. Достал эти дроги уже Столыпин. Князь Васильчиков, ни до чего не добившись, приехал на место поединка без доктора и экипажа.

Тело Лермонтова все время лежало под проливным дождем, накрытое шинелью Глебова, покоясь головою на его коленях. Когда Глебов хотел осторожно спустить ее, чтобы поправить — он промок до костей, — из раскрытых уст Михаила Юрьевича вырвался не то вздох, не то стон; и Глебов остался недвижим, мучимый мыслью, что быть может, в похолодевшем теле еще кроется жизнь. <...>

Наконец появился долго ожидаемый экипаж в сопровождении полковника Зельмица и слуг. Поэта подняли и положили на дроги. Поезд, сопровождаемый товарищами и людьми Столыпина, тронулся» [48, 426 — 428].

С.И.Недумов внес небольшие коррективы в сообщение Э.А.Шан-Гирей: «В действительности Глебову не удалось дожждаться дрожек и пришлось за ними ехать самому. Это видно из показаний слуги Мартынова Ильи Козлова, подтвержденных и слугой Лермонтова Иваном Вертюковым» [143, 239; 52, 154].

«Действительно, — показывал Илья Козлов, — было мною привезено тело убитого поручика Лермонтова с помощью кучера Ивана <Вертюкова> в 10 или же в 11 часу ночи, по приказанию приехавшего оттоль корнета Глебова» [143, 239].

Этим показанием опровергается участие в перевозке тела убитого поэта пятигорских извозчиков Кузьмой и Иваном Чухниными, о которых пишет Висковатый [48, 427].

Анализ воспоминаний современников, сопоставление одних фактов и документов с другими нередко заставляют усомниться в полной достоверности тех или иных материалов. В данном случае речь идет о воспоминаниях Васильчикова. По его словам, Мартынов уехал к коменданту, чтобы заявить о дуэли. Однако из приводимого ниже сообщения Ильяшенкова в Пятигорский земский суд будет видно, что первым о дуэли заявил не Мартынов, а Глебов.

Столь же сомнительными оказались при проверке и другие их свидетельства. Среди приехавших за телом Лермонтова не было полковника Зельмица — он в это время дождался приезда траурного поезда у Верзилиных.

От версий Васильчикова и Висковатого, видимо, следует отказаться. Наиболее правдоподобной (подтверждаемой) выглядит версия Глебова в пересказе Э.Шан-Гирей.

Проливной дождь, о котором пишут авторы, прошел перед дуэлью, и «страшных горных потоков» уже не было, иначе как можно объяснить слова акта осмотра места поединка, написанного на следующий день после дуэли 16 июля: «На месте, где Лермонтов упал и лежал мертвый, приметна кровь, из него истекшая» [114, 115]. Ливень непременно смыл бы все следы крови. Но дождь уже не столь сильный все-таки был, о чем вспоминал Глебов о своем сидении у тела. Однако, не дождавшись товарищей, ему пришлось обеспечить перевозку самому. Какое-то время **никто не оставался у тела убитого поэта!**

Еще один факт заставляет усомниться в точности воспоминаний Васильчикова. Он пишет, что «по предварительному нашему приглашению присутствовать при дуэли,

доктора, к которым мы обращались, все наотрез отказались», — отсюда следует, что о дуэли было известно не только секундантам; как писала Т.А.Иванова, «о ней знал весь город» [97, 209]. Но при таком большом числе «прикосновенных лиц» вряд ли не нашлось бы человека, сообщившего о готовящемся поединке начальству.

Те лица, которые присутствовали на дуэли и стали невольными свидетелями разыгравшейся драмы, были связаны обетом молчания, хотя молчание о дуэли считалось преступлением и строго наказывалось. Именно за то, что «не дали знать о дуэли местному начальству», Глебов и Васильчиков были преданы суду [147, 40].

Пока у Перкальской скалы собирались дуэлянты, в Пятигорске шли последние приготовления к балу, который затеял князь Владимир Голицын, собираясь удивить пятигорское общество. Открытие бала должно было состояться в «казенном саду» и было назначено на 7 часов вечера.

Ничего подобного в Пятигорске еще не бывало. В продолжение нескольких дней сооружался павильон из зеркал, спрятанных в зелени и цветах. Наконец настал назначенный день. Но тут разразилась необычайная гроза, каких старожилы не видели раньше, по улицам текли дождевые потоки, приглашенные на бал не могли выйти из дома.

«Сестры Верзилины, принарядившись, готовились отправиться на бал кн. Голицина, — вспоминала Э.А.Шан-Гирей, — но ливень не унимался. К нам пришел Дмитревский и, видя барышень в бальных туалетах и опечаленными, вызвался привести обычных посетителей из молодежи устроить свой танцевальный вечер. Не успел он высказаться, как вбегают полковник Антон Карлович Зельмиц с растрепанными длинными волосами, с испуганным лицом, размахивая руками, и кричит: «Один наповал, другой под арестом!». Мы бросились к нему: «Что такое, кто наповал, где?» — «Лермонтов убит!» — раздались роковые слова... Внезапное известие до того поразило матушку, что с ней сделалась истерика... Уже потом, от Дмитревского, узнали мы подробности о случившемся...» [48, 428].

«Мальчишки, мальчишки, что вы со мною сделали! — плакался, бегая по комнате и схватившись за голову, добряк Ильяшенков, когда ему сообщили о катастрофе», — писал П.А.Висковатый. — Комендант растерялся и, не зная еще, кто убит или ранен, приказал, что, как только привезут, Лермонтова немедленно поместить на гауптвахту» [48, 429].

«Тем временем тело Лермонтова привезли в Пятигорск, — рассказывал дальше Висковатый. — Разумеется, на гауптвахту его сдать было нельзя и, постояв перед нею несколько минут (пока выяснилось, что поручик Тенгинского полка Лермонтов мертв), его повезли дальше. Кто-то именем коменданта опять-таки остановил поезд перед церковью, сообщив, что домой его везти нельзя. Опять произошло замедление. Наконец смоченный кровью и омытый дождем труп был привезен на квартиру и положен на диван в столовую, где еще недавно у открытого окна по утрам работал поэт. Глебов, а затем Васильчиков были арестованы и под конвоем проведены к месту заключения. Было полночь, когда прибыла наконец давно ненужная медицинская помощь [48, 429, прим. 2].

Весть о дуэли быстро распространялась по городу. П.А.Гвоздев⁷³ рассказывал А.И.Меринскому⁷⁴, что в тот вечер, «услыхав о происшествии и не зная наверное, что случилось, в смутном ожидании отправился на квартиру Лермонтова и там увидел окровавленный труп поэта. Над ним рыдал его слуга. Все там находившиеся были в большом смущении» [138, 137].

А.Чарыков⁷⁵ вспоминал: ...Я тотчас же отправился разыскивать его квартиру, которой не знал. Последняя встреча помогла мне в этом; я пошел по той же улице, и вот на самой окраине города, как бы в пустыне, передо мною, в моей памяти вырастает домик, или, вернее, убогая хижина. Вхожу в сени, налево дверь затворенная, а направо, в открытую дверь, увидел труп поэта, покрытый простыней, на столе; под ним медный таз; на дне его алела кровь, которая несколько часов еще сочилась из груди его. Но вот что меня поразило тогда: я ожидал тут встретить толпу поклонников

погибшего поэта и, к величайшему удивлению моему, не застал ни одной души» [137, 194 — 195].

«Тот час отправились на квартиру Лермонтова, — вспоминал еще один очевидец. — На кровати, в красной шелковой рубашке лежал бледный, истекший кровью Лермонтов. На груди была видна рана от прострела кухенрейтеровского пистолета. Грудь была прострелена навывлет, а на простыне лужа крови» [95, 364].

Вечером 15 июля 1841 года был арестован Глебов, объявивший коменданту Пятигорска полковнику Ильяшенкову о дуэли, несколько позже — Мартынов. На следующий день арестовали Васильчикова, и началось следствие.

Дальнейшие события происходили в следующей последовательности. Утром 16 июля Ильшенков сообщил в Пятигорский земский суд: «Лейб-гвардии конного полка корнет Глебов вчерашнего числа к вечеру пришел ко мне на квартиру, объявил, что в 6 ч. веч. у подножия горы Машук была дуэль между отставным майором Мартыновым и Тенгинского пехотного полка поручиком Лермонтовым, на коей последний был убит» [55, 426].

Вслед за этим комендант подготовил рапорт на имя Граббе: «Вашему Превосходительству имею честь донести, что находящиеся в городе Пятигорске для пользования болезней Кавказскими минеральными водами, уволенный от службы Гребенского Казачьего полка майор Мартынов и Тенгинского пехотного полка поручик Лермантов, сего месяца 15-го числа, в четырех верстах от города, у подошвы горы Машух имели дуэль, на коей Мартынов ранил Лермантова из пистолета в бок на вылет, от каковой раны Лермантов помер на месте. Секундантами у обоих был находящийся здесь для излечения раны Лейб-гвардии Конного полка корнет Глебов. Майор Мартынов и корнет Глебов арестованы, и о происшествии сем производится законное расследование и донесено Государю Императору за № 1356» [55, 426 — 427].

Но в таком виде рапорт послан не был. Появление князя Васильчикова заставило Ильяшенкова сформулировать

вторую его часть несколько иначе. Во втором варианте комендант написал: «Секундантами были у них находящиеся здесь для пользования минеральными водами («со стороны» — вычеркнуто. — В.З.) Лейб-гвардии Конного полка корнет Глебов и служащий во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии в чине титулярного советника князь Васильчиков...» [147, 30 — 31].

Этот новый вариант рапорта и поступил к Граббе.

Существование двух вариантов рапорта В.И.Ильяшенкова объясняется просто: утром, по горячим следам комендант отправил письмо в Пятигорский земский суд и составил черновик донесения к Граббе. О присутствии Васильчикова на дуэли Ильяшенков еще ничего не знал. Но не успел он послать донесение, как появился Васильчиков, и рапорт пришлось переписывать.

Приведенный документ подтверждает воспоминание Васильчикова о том, что друзья не сразу смогли решить, кого указать в качестве второго секунданта, не было также решено и кто из них на чьей стороне выступал.

«Собственно секундантами были: Столыпин, Глебов, Трубецкой и я, — рассказывал позже Васильчиков. — На следствии же показали: Глебов, себя секундантом Мартынова, я — Лермонтова. Других мы скрыли, Трубецкой приехал без отпуска и мог поплатиться серьезно. Столыпин уже раз был замешан в дуэли Лермонтова, следовательно, ему могло достаться серьезнее» [48, 423].

Приведем воспоминания Арнольди, также подтверждающие рассказ Васильчикова.

«Рассказывали в Пятигорске, — писал Арнольди, — что заранее было установлено, чтобы только один из секундантов пал жертвою правительственного закона, что поэтому секунданты между собой кидали жребий, и тот выпал на долю Глебова, который в тот же вечер доложил о дуэли коменданту и был посажен на гауптвахту. Так как Глебов жил с Мартыновым на одной квартире, правильная по законам чести дуэль могла казаться простым убийством, и вот, для обеления Глебова, Васильчиков на другой день сообщил

коменданту, что он был также секундантом но у Лермонтова, за что посажен был в острог, где за свое участие и содержался» [138, 225 — 226].

Утром 16 июля тело Лермонтова обмыли.

«Окостенелым членам трудно было дать обычное для мертвеца положение; сведенных рук не удалось расправить, и они были накрыты простыней. Веки все открывались, и глаза, полные дум, смотрели чуждыми земного мира» [48, 430].

С утра и дом, и двор, где жил Лермонтов, были переполнены народом. Многие плакали. «А грузин, что Лермонтову служил, — вспоминал впоследствии Н.П.Раевский, — так убивался, так причитал, что его и с места сдвинуть нельзя было. Это я к тому говорю, что если бы у Михаила Юрьевича характер, как многие думают, в самом деле был заносчивый и неприятный, так прислуга бы не могла так к нему привязаться» [170, 186 — 187].

Н.И.Лорер узнал о трагической гибели поэта утром 16 июля от товарища по сибирской ссылке А.И.Вегелина, который тоже лечился в Пятигорске.

«Знаешь ли ты, что Лермонтов убит?» — сказал Вегелин. Ежели бы гром упал к моим ногам, я бы и тогда, был менее поражен, чем на этот раз.

«Когда? Кем?» — мог я только воскликнуть.

Мы оба с Вегелиным пошли к квартире покойника, и тут я увидел Михаила Юрьевича на столе, уже в чистой рубашке и обращенного головой к окну. Человек его обмахивал мух с лица покойника, а живописец Шведе снимал портрет с него масляными красками. Дамы — знакомые и незнакомые — и весь любопытный люд стали тесниться в небольшой комнате, а первые являлись и украшали безжизненное чело поэта цветами...» [138, 331].

ТРАСКИН

М

ногие представители кавказского начальства сыграли ту или иную роль в судьбе Лермонтова. Самой противоречивой фигурой среди них можно смело назвать Александра Семеновича Траскина.

Первым подробные сведения о Траскине собрал С.А.Андреев-Кривич. Исследователь обнаружил послужной список, из которого стало известно, что А.С.Траскин находился «при особе Государя» 14 декабря 1825 года, за что получил «Высочайшую признательность». В 1833 году он был членом секретной следственной комиссии, а в 1834 году, будучи членом военно-цензурного комитета, стал флигель-адъютантом. Он служил в военном министерстве, где состоял для особых поручений при самом министре [24, 149].

Дальнейшей карьере Траскина повредило его большое самомнение. По словам Г.И.Филипсона⁷⁶, Траскин «испортил свою карьеру тем, что стал в обществе слишком много говорить о своем участии в делах военного министерства и что князь Чернышев воспользовался удобным случаем с почетом удалить его от себя на Кавказ» [187, 258].

Декабрист В.С.Толстой, знавший о многих закулисных историях, касавшихся представителей кавказских военных властей, описал в своих анонимных записках немало пикантных подробнос-

тей из жизни Траскина, рисующих его человеком угодливым, не очень щепетильным в вопросах чести, готовым на все ради продвижения по службе (см. Приложение 1):

«При назначении Граббе на Кавказ, — писал Толстой, — ему назначили начальником штаба флигель-адъютанта полковника Генерального штаба некоего Траскина, которого прохождение службы — рисующие порядки того времени — внушало Граббе, что Траскин преставлен к нему шпионом, почему он ему предоставил всю хозяйственную часть, подряды и расходы немаловажных сумм, которыми Траскин широко пользовался.

Военный министр, выскочка князь Чернышев — в лексиконе Трюест'а обозначенный «*aventurie Russe*»^{*} — был вторым браком женат на девице графине Зотовой, по матери внучке князя Куракина, отца побочных семейств баронов Вревских и Сердобиных. Одна из девиц этих семейств жила у своей ближайшей родственницы княгини Чернышевой, и ее соблазнил князь Чернышев, через что оказалось необходимо ее выдать замуж, для чего и выбрали Траскина, отличавшегося единственно своим безобразием лица и уродливою тучностью.

Очень скоро после свадьбы Траскина померла при родах, и Траскин вдовец обчелся в своих расчетах, лишившись покровительства всесильного временщика Чернышева.

Как-то раз при дворе затеяли маскарад, для которого готовялась китайская кадриль. Для этой кадрили в числе прочих избрали уродливого Траскина, который после репетиции во дворце, в китайском наряде, в полутемном коридоре встретил чем-то взбешенного князя Орлова, перед которым надумал бужонить (задираться. — В.З.) и задержал придворного Бок Магога, который своею богатырскою дланью отвесил могучую пощечину ширококрылому Траскину, но после, узнав, что этот ряженный китаец — полковник Генеральского Штаба, сделался его покровителем.

В день маскарада Траскин заключил свое бужонство в

^{*} Русский авантюрист (франц.)

кадриле, упавши на спину своего огромного туловища, так что паркет затрясся и тем возбудил неистовый хохот всех присутствующих, в особенности Императора Николая I, чем князь А.Ф.Орлов воспользовался для представления Траскину звания Флигель-адъютанта»⁷⁷ [15, ф. 176, 4629 «а», л. 17].

В.С.Толстой немного ошибся. Траскин действительно получил повышение, но ему дали не звание Флигель-адъютанта, а перевели на генеральскую должность Начальника штаба Кавказской линии и Черномории. 25 декабря 1837 года он был назначен исполняющим обязанности начальника штаба, а 25 января 1839 г. утвержден в этой должности. Все годы своего пребывания на Кавказе он вел активную переписку (на французском языке) со своим родственником П.А.Вревским, который был начальником I Отделения канцелярии военного министра и одновременно состоял для особых поручений при Чернышеве.

«Эта переписка носила очень важный характер, — пишет Андреев-Кривич, — этим путем сообщались какие-то закулисные сведения. Она даже сыграла очень большую роль в возникновении напряженных отношений между Головиным⁷⁸ и Граббе.

В письме от 3 октября 1840 года Головин, имея в виду переписку Траскина с Вревским, пишет: «Путь французской корреспонденции, отзывающийся в кабинете министров, мне известен, и вот где все зло. Оно-то затмевает взаимные наши отношения и причиняет существенный вред ходу служебному» [24, 149].

Необходимо отметить некоторые детали, характеризующие ставропольскую обстановку в 1840 — 1841 гг., в которой Лермонтову пришлось оказаться. Люди, с которыми сблизился поэт, были весьма интересными. В Ставрополе Лермонтов посещал не только дом Командующего. Его часто можно было встретить у И.А.Вревского, где бывали С.Трубецкой, Н.И.Вольф, Р.Дорохов, тот же А.Столыпин. Заезжал сюда и декабрист М.Назимов. Но, что самое интересное, здесь довольно часто можно было встретить и Траскина (братья Ипполит и Поль Вревские были родными

братьями его жены). А.И.Дельвиг, оказавшись в Ставрополе в том же доме, отметил, что Траскин был здесь «совершенно своим человеком» [64].

Короче говоря, все эти люди составляли так называемый «ставропольский кружок», о котором уже немало написано. Однако следует повторить точку зрения В.Э.Вацуро, написавшего об одной особенности ермоловской среды, которое нашло отражение в письме Траскина к Граббе от 17 июля 1841 года, к которому мы еще не раз вернемся. Траскин вращался в среде интеллектуальной, «литературной». «Совершенно естественно поэтому, что Траскин знает Лермонтова-литератора. Литературные интересы ему отнюдь не чужды: он следит за новинками, в частности французской прозы, и обменивается книгами с Граббе» [40, 118]. Более того, именно ему Граббе адресует свои сожаления по поводу смерти Лермонтова: «Несчастливая судьба нас, русских. Только явится между нас человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти. Что касается до его убийцы, пусть на место всякой кары он продолжает носить свой шутовской костюм» [48, 444].

Это ответ на письмо Траскина, справедливо считает В.Э.Вацуро, «и он весьма знаменателен: Граббе знал, что его корреспондент сочувствует Лермонтову, а не Мартынову, и что к нему в этом случае можно обращаться как к единомышленнику» [40, 118].

Траскин познакомился с Лермонтовым в период его второй ссылки на Кавказ. Его отношение к поэту было порой заботливым. Траскин действительно был личностью незаурядной, хотя при своем положении он мог и не прочь был попользоваться государственной казной, и любил испытать свою власть над подчиненными, оставаясь в то же время предупредительным с равными по положению.

Однако вернемся в Пятигорск. 16 июля 1841 года штабом Отдельного Кавказского корпуса было начато следствие о дуэли. Второй документ в этом деле — рапорт Начальника штаба Кавказской области и Черномории полковника А.С.Траскина. Приведем его полностью, так как этот доку-

мент в течение десятилетий служил мишенью для критики со стороны многих исследователей:

«Честь имею представить при сем Вашему Превосходительству донесение Пятигорского коменданта о дуэли отставного майора Мартынова с поручиком Лермонтовым и копии данных мною по сему предмету предписаний как Пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову, так и состоящему здесь для секретного надзора корпуса жандармов подполковнику Кушинникову.

На рапорте полковника Ильяшенкова сделана запись для донесения о сем происшествии г-ну корпусному Командиру, которую не благоугодно ли будет Вашему Превосходительству подписать и отправить прямо от себя, ибо копия оного оставлена при деле.

В заключении имею честь донести, что я на основании приказа г. военного министра донес о сем происшествии Его Сиятельству, дабы князь Чернышев известился о сем происшествии в одно время с графом Бенкендорфом, которому донес о сем штаб-офицер корпуса жандармов, здесь находящийся» [147, 31].

Траскин упоминает следующие предписания.

Первое: «копия с предписания Начальника штаба пятигорскому коменданту от 16 июля за № 83: «Получив рапорт Вашего Высокоблагородия к г. Командующему войсками, от сего числа за № 1357-м, о дуэли отставного майора Мартынова и Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова, имею честь уведомить Вас, что я вместе с сим прошу присланного сюда для секретного надзора корпуса жандармов подполковника Кушинникова находиться при следствии, производимом по сему происшествию плац-майором подполковником Унтиловым» [147, 32].

И второе: «копия с отношения Начальника штаба, корпуса жандармов подполковнику Кушинникову, от 16 июля № 84: «За отсутствием г. Командующего войсками, вследствие рапорта к нему Пятигорского коменданта полковника Ильяшенкова, от сего числа за № 1357-м, о дуэли отставного майора Мартынова и Тенгинского пехотного полка

поручика Лермонтова, имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что по поручению, на Вас возложенному, я считал бы необходимым присутствие Ваше при следствии, производимом по сему произшествию пятигорским плац майором подполковником Унтиловым, почему я ныне же и предписал пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову не приступать ни к каким распоряжениям по означенному произшествию без Вашего содействия» [147, 32].

Многие исследователи (В.С.Нечаева, Т.А.Иванова и др.) заявляли, что первые же документы «Дела» свидетельствуют о значительности роли Траскина в следствии. Особая важность придавалась тому, что Траскин оказался к моменту начала «Дела» не в Ставрополе, а в центре трагедии, в Пятигорске. Это обстоятельство послужило обвинительным актом против Траскина, которому, как уже отмечалось, приписывалась роль «главного вдохновителя дуэли, исполнителя злой воли Петербурга». Но так ли это?

Во-первых, как видно из первых документов следственного дела, отданные Траскиным распоряжения были вовсе не самоуправством, а следствием «отсутствия господина Командующего войсками». По положению, именно Начальник штаба должен был заменять Командующего при его отсутствии. При этом Траскин пользовался доверием Граббе⁷⁹. Во-вторых, оказавшись самым старшим по должности и по положению из всех находившихся в тот момент в Пятигорске, Траскин понимал, что на него возлагается обязанность принимать немедленные решения.

Все попытки связать присутствие Начальника штаба в Пятигорске с происшедшей дуэлью и сделать из этого соответствующие выводы — беспочвенны⁸⁰.

Узнав о дуэли лишь утром 16 июля, Траскин начинает активно действовать.

Писарь Пятигорского комендантского управления К.И.Карпов вспоминал об этом: «Является ко мне один ординарец от Траскина и передает требование, чтобы я сейчас явился к полковнику. Едва лишь я отворил, придя к нему на квартиру, дверь его кабинета, как он своим сильным металли-

ческим голосом отчеканил: «Сходить к отцу протоиерею, поклониться от меня и передать ему мою просьбу похоронить Лермонтова. Если же он будет отговариваться, сказать ему еще то, что в этом нет никакого нарушения закона, так как подобною же смертью умер известный Пушкин, которого похоронили со святостью, и провожал его тело на кладбище почти весь Петербург... Я отправился к о. Павлу и передал буквально слова полковника. Отец Павел подумал-подумал и, наконец, сказал: «Успокойте г. полковника, все будет исполнено по его желанию» [104, 78].

Не будем сомневаться в подлинности этих воспоминаний, как это сделал Висковатый. Для этого нет никаких оснований. 17 июля следственная комиссия на запрос священника Александровского, боявшегося хоронить убитого на дуэли поэта, дала официальный ответ: «...Мы полагали бы, что приключившаяся Лермонтову смерть не должна быть причтена к самоубийству, лишаящему христианского погребения. Не имея в виду законоположения, противящегося погребению поручика Лермонтова, мы полагали бы возможным предать тело его земле, так точно, как в подобном случае камер-юнкер Александр Сергеевич Пушкин отпет был в церкви конюшен Императорского двора в присутствии всего города» [103, 855].

Как заметил В.Э.Вацуру, «действуя в пределах своих официальных обязанностей, соблюдая предельную дипломатическую осторожность, Траскин все же отдает себе отчет в том, что разбираемое им дело неординарно, что он стоит у конца жизненного пути поэта, в котором как бы повторилась трагедия Пушкина» [40, 119].

Можно утверждать, что Траскину пришлось, вероятно, приложить усилия для того, чтобы следственная комиссия приняла решение разрешить церковное отпевание Лермонтова. В этом случае он повел себя достойно, как истинно православный верующий человек.

СЛЕДСТВИЕ

Н

а следующий день, 16 июля, на место поединка выехала следственная комиссия вместе с секундантами. Результаты обследования были изложены в акте:

«1841 года, июля 16 дня, следователь плац-майор подполковник Унтилов, пятигорского земского суда заседатель Черепанов, квартальный надзиратель Марушевский и исправляющий должность стряпчего Ольшанский 2-й, пригласив с собою бывших секундантами: корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова, ездили осматривать место, на котором происходил 15 числа, в 7 часу по полудни поединок.

Это место отстоит на расстоянии от города Пятигорска верстах в четырех, на левой стороне горы Машухи, при ее подошве. Здесь пролегает дорога, ведущая в немецкую Николаевскую колонию. По правую сторону дороги образуется впадина, простирающаяся с вершины Машухи до самой ее подошвы; а по левую сторону дороги впереди стоит небольшая гора, отделившаяся от Машухи. Между ними проходит в колонию означенная дорога. От этой дороги начинаются первые кустарники, кои, изгибаясь к горе Машухе, округляют небольшую поляну. Тут-то поединщики избрали место для стрельяния. Привязав своих

лошадей к кустарникам, где приметна истоптанная трава и следы от беговых дрожек, они, как указали нам, следовательно, г. Глебов и князь Васильчиков, отмерили вдоль дороги барьер в 15 шагов и поставили по концам оного по шапке, потом от этих шапок еще отмерили по дороге в обе стороны по 10-ти шагов и на концах оных также поставили по шапке, что составилось уже *четыре* шапки (курсив мой. — В.З.). Поединщики сначала стали на крайних точках, т. е. каждый в 10-ти шагах от барьера: Мартынов от севера к югу, а Лермантов от юга к северу. По данному секундантами знаку они подошли к барьеру. Майор Мартынов, выстрелив из рокового пистолета, убил поручика Лермантова, не успевшего выстрелить из своего пистолета. На месте, где Лермантов упал и лежал мертвый, приметна кровь, из него истекающая. Тело его по распоряжению секундантов привезено того же вечера в 10 часов на квартиру его ж Лермантова.

Плац-майор подполковник *Унтилов*.

Заседатель *Черепанов*.

Квартальный надзиратель *Марушевский*.

Исполняющий должность окружного стряпчего

Ольшанский 2.

Находящийся при следствии корпуса жандармов
подполковник *Кушинников*» [126, 168 — 169].

С.Б.Латышев и В.А.Мануйлов отметили, что допрос секундантов был начат 16 июля до поездки на место дуэли и продолжен непосредственно на месте поединка, и уже по возвращении был составлен акт. Это вполне вероятно.

В тот же день Столыпин и друзья Лермантова, «распорядившись относительно панихид», стали хлопотать о погребении. Полковник Ильяшенков направил отношение за № 1352 в пятигорский военный госпиталь для произведения осмотра тела поэта.

Тело Лермантова было освидетельствовано ordinарным лекарем пятигорского военного госпиталя, титулярным советником Барклаем-де-Толли.

Современники по-разному оценивали профессиональную компетентность Барклая-де-Толли как врача-курорто-

лога; тем более трудно сказать, имел ли он опыт в судебной медицине. Во всяком случае, являясь военным врачом, он должен был знать основы военно-полевой хирургии и разбираться в боевых травмах⁸¹.

Осмотрев тело Лермонтова (вскрытия не производилось), И.Е.Барклай-де-Толли составил два свидетельства.

Первое из них за № 34 было выдано 16 июля 1841 года по запросу священника Павла Александровского. В этом свидетельстве не было описания раны, а лишь констатировался факт смерти Лермонтова: «Тенгинского пехотного полка поручик Михайло, Юрьев сын, Лермонтов, 27 лет от роду, холост, греко-российского вероисповедания, застрелен противником на поле, близ горы Машук, 15-го июля, вечером. Потому тело Лермонтова может быть передано земле по христианскому обряду» [103, 854].

Второе свидетельство за № 35 было датировано 17 июля 1841 года. В нем говорится, что: «При осмотре оказалось, что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастении ребра с хрящем, пробила и правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе прорезала мягкие части левого плеча, от которой раны поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка помер»⁸² [126, 169 — 170].

Барклай-де-Толли не вскрывал тело Лермонтова. Возможно, что его попросил об этом хозяин дома В.И.Чилаев, который по вполне понятным мотивам не хотел, чтобы его дом был превращен в прозекторскую; местное же начальство не решилось перевезти труп Лермонтова в морг Пятигорского военного госпиталя⁸³.

Вряд ли Барклай-де-Толли мог предположить, что с течением времени появится версия об убийстве Лермонтова таинственным казаком из-за кустов, в основе которой будет лежать его свидетельство⁸⁴.

О ране поэта обстоятельно написали С.Б.Латышев и В.А.Мануйлов, они же привели заключение судебно-медицинской и криминалистической экспертной комиссии, созданной по просьбе ИРЛИ. Ее выводы следующие:

«Как известно, труп Лермонтова не вскрывался, поэтому установить, какие именно внутренние органы и кровеносные сосуды повредила пуля, можно лишь приблизительно, учитывая расположение входного и выходного пулевых отверстий и гипотетический ход раневого канала.

Ранение левого легкого бесспорно. Можно допустить, что было повреждено и правое легкое в его нижней (диафрагмальной) части, если учесть, что входное отверстие располагалось на уровне 10-го ребра. Кроме того, могли быть повреждены: правый купол диафрагмы, правая доля печени, аорта или сердце. Так как пуля была крупного калибра и имела достаточно большую скорость, то, даже проходя вдоль аорты или сердца, она могла причинить ушиб либо разрыв этих органов благодаря передаче энергии окружающим их тканям.

Пулевые ранения обоих легких могут вызвать быстрое наступление смерти вследствие двустороннего пневмоторакса, а ранение аорты или сердца — вследствие быстрой кровопотери; сочетание пневмоторакса с острой кровопотерей тем более может обусловить быструю смерть» [114, 126 — 128].

Возвратимся к событиям тех дней.

Э.А.Шан-Гирей рассказывала со слов Мартынова, будто бы он провел три ночи в тюрьме в ужасном обществе: один из арестантов все время читал псалтырь, другой произносил страшные ругательства. На самом же деле Мартынов находился под арестом в здании гауптвахты (на ее месте в 1889 году был поставлен памятник поэту). В обнаруженной автором ведомости, содержащей сведения о заключенных Пятигорской городской тюрьмы, Мартынов числился в тюрьме лишь с 28 августа [11, ф. 79, оп. 2, д. 626, л. 75 — 76]. Но уже в сентябрьской ведомости отмечено: «Отставной майор Мартынов числится содержащимся за комиссией военного суда» [11, ф. 79, оп. 2, д. 626, л. 82].

17 сентября А.С.Траскин предписал коменданту Пятигорска «отставного майора Мартынова, Лейб-Гвардии Конного полка Корнета Глебова и Титулярного Советника Кня-

зя Васильчикова судить военным судом не арестованными...» [147, 36]. Васильчиков, по-видимому, вообще не был арестован, а Глебов провел на гауптвахте лишь короткое время.

17 июля Мартынову, Глебову и Васильчикову были розданы «вопросные пункты», которые должны были зафиксировать в письменной форме результаты устных допросов. Таков был порядок любого следственного дела в середине XIX века: «По предписанию пятигорского коменданта и окружного начальника Полковника и кавалера Ильяшенкова, от 16-го сего июля № 1351, производится нами исследование, о произошедшей 15-го числа дуэли, на которой вы убили из пистолета Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова.

Покорнейше просим, Ваше Высокоблагородие, уведомить нас, на сем же (имеется в виду тот же лист бумаги. — В.З.).

Указ об отставке и все документы о вашей службе, равно и патенты на чины, не оставьте препроводить к нам, для приобщения оных к производимому делу.

Плац майор подполковник *Унтилов*.
Квартальный надзиратель *Марушевский*.

Исправляющий должность
окружного стряпчего *Ольшанский*.
Корпуса жандармов подполковник
Кушинников» [147, 50 — 51].

На это Мартынов тут же ответил: «Мне еще не высланы из полка указ об отставке и прочие документы о моей службе <по прибытии моем на воды я требовал из полка через посредничество коменданта и окружного начальника господина полковника и кавалера Ильяшенкова, но (до сих пор оные мне не высланы) еще их не получил>. — Патент же производства моего в офицеры и грамоту на орден св. Анны 3-й степени с бантом при сем имею честь препроводить.

Отставной майор *Мартынов*» [147, 51 — 52].

Ниже рукой Мартынова было написано:

«На сей запрос господ следователей имею честь объяснить, как было дело» [147, 52].

Содержание объяснений Мартынова и двух секундантов будут приведены ниже. Но первоначально следует обратить внимание на тот факт, что Мартынов и секунданты довольно активно общались во время следствия. Они обменивались записками, давали советы. Это говорит в пользу того, что никакой предварительной договоренности о том, как вести себя на дуэли, между секундантами не существовало. Решение о дуэли, о ее условиях было принято скоропалительно, причем, как уже отмечалось, условия были поставлены жесткие, вероятно, чтобы напугать Мартынова и заставить его отказаться от дуэли.

Теперь же, оказавшись в столь неожиданном и неприятном положении, каждый старался выгородить себя. Замечены были и попытки арестованных договориться между собой, чтобы не было разницы в показаниях. Сохранилось несколько записок секундантов, которые сберег ставший предусмотрительным Мартынов.

Вот одна, написанная Глебовым от своего имени и от имени Васильчикова:

«Посылаем тебе брүльон 8-й статьи. Ты к нему можешь прибавить по своему уразумению; но это сущность нашего ответа. Прочие ответы твои совершенно согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал верхом на своей лошади, а не на дрожках беговых со мной. Ты так и скажи. Лермонтов же поехал на моей лошади: так и пишем. Сегодня Траскин еще раз говорил, чтобы мы писали, что до нас относится четверых, двух секундантов и двух дуэлистов. *Признаться тебе, твое письмо несколько было нам неприятно* (выделено Висковатым. — В.З.). Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и всем, но потому, что не видим ничего дурного с твоей стороны в деле Лермонтова и приписываем этот выстрел несчастному случаю (все это знают): судьба так хотела, тем более, что ты в третий раз в жизни своей стрелял из пистолета (два раза, когда у тебя пистолеты рвало в руке, и в этот третий), а совсем не потому, что ты хотел пролить кровь, в доказательство чего приводим то, что ты сам не походил на себя,

бросился к Лермонтову в ту секунду, как он упал, и простился с ним. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только в отношении к Т<рубецкому> и С<толыпину>, которых имена не должны быть упомянуты ни в коем случае. Надеемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали. Придя на барьер, напиши, что ждал выстрела Лермонтова» [102, 461 — 462].

Обмен черновиками сделал свое дело. Мартынов и оба секунданта описали следствию примерно одинаковую картину. Разногласий между ними почти не было.

Версия Мартынова:

«С самого приезда своего в Пятигорск Лермонтов не пропускал ни одного случая, где бы мог он сказать мне что-нибудь неприятное. Остроты, колкости, насмешки на мой счет; одним словом, все чем только можно досадить человеку, не касаясь до его чести. — Я показывал ему как умел, что не намерен служить мишенью для его ума, — но он делал вид как будто не замечает, — как я принимаю его шутки. — Недели три тому назад, — во время его болезни, я говорил с ним об этом откровенно; просил его перестать, и хотя он не обещал мне ничего, — отшучиваясь и предлагая мне, в свою очередь, смеяться над ним, — но действительно перестал на несколько дней. — Потом взялся опять за прежнее. — На вечере <у Верзилиных> в одном частном доме, за два дня до дуэли, — он вывел меня из терпения, привязываясь к каждому моему слову, — на каждом шагу показывая явное желание мне досадить. Я решился положить этому конец. При выходе <от Верзилиных> из этого дома, я удержал его за руку, чтобы он шел рядом со мной; — остальные все уже были впереди. Тут, я сказал ему, что прежде я просил его прекратить эти несносные для меня шутки, но что теперь, предупреждаю, что если он еще раз вздумает выбрать меня предметом для своей остроты, то я заставлю его перестать. Он не давал мне кончить и повторял несколько раз сряду: что ему тон моей проповеди не нравится; что я не могу запретить ему говорить про меня, то что он хочет, и в довершении <сказал мне> прибавил:

«Вместо пустых угроз, ты гораздо бы лучше сделал, если бы действовал. Ты знаешь, что я никогда не отказываюсь от дуэлей; следовательно, ты никого этим не испугаешь». В это время мы подошли к его дому. Я сказал ему, что в таком случае пришло к нему своего секунданта, и возвратился к себе. Раздеваясь, я <сказал> велел человеку <чтобы он> <попросил> попросить ко мне Глебова, когда он придет домой. Через четверть часа вошел ко мне в комнату Глебов. Я объяснил ему, в чем дело, просил его быть моим секундантом и, по получении от него согласия, сказал ему, чтобы он на другой же день с рассветом отправился к Лермонтову. Глебов попробовал было меня уговорить; но я решительно объявил ему, что он из слов самого же Лермонтова увидит, что в сущности не я его вызываю, но меня вызывают, и что <поэтому> потому мне не возможно сделать <ни одного шагу> первому шаг к примирению» [147, 54 – 55].

Версия князя Васильчикова:

«О причине дуэли знаю только, что в воскресенье 13-го июля поручик Лермонтов обидел майора Мартынова насмешливыми словами; при ком это было и кто слышал сию ссору, не знаю. Также неизвестно мне, чтобы между ними была какая-либо давнишняя ссора или вражда... Формальный вызов был сделан майором Мартыновым; но сем долгом считаю прибавить, что в самый день ссоры, когда майор Мартынов при мне подошел к поручику Лермонтову и просил его не повторять насмешек, для него обидных, сей последний отвечал, что он не в праве запретить ему говорить и смеяться, что, впрочем, если обижен, то может его вызвать и что он всегда готов к удовлетворению.

Корнет Глебов и я всеми средствами старались уговорить майора Мартынова взять свой вызов назад, но он отвечал, что чувствует себя сильно обиженным, что задолго предупреждал поручика Лермонтова не повторять насмешек, для него оскорбительных, и, главное, что вышеприведенные слова сего последнего, которыми он как бы подстрекал его к вызову, не позволяют ему, Мартынову, отклониться от дуэли.

Начальству я не донес потому, что дал честное слово покойному поручику Лермонтову не говорить никому о готовящейся дуэли» [114, 117].

Версия корнета Глебова:

«Поводом к этой дуэли были насмешки со стороны Лермонтова на счет Мартынова, который, как говорил мне, предупреждал несколько раз Лермонтова, но, не видя конца его насмешкам, объявил Лермонтову, что он заставит его молчать, на что Лермонтов отвечал ему, что вместо угроз, которых он не боится, — требовал бы удовлетворения. О старой же вражде между ними нам, секундантам, не было известно. Мартынов и Лермонтов ничего нам об этом не говорили... Формальный вызов сделал Мартынов. Что же касается до средств, чтобы примирить ссорящихся, я с Васильчиковым употребили все усилия, от нас зависящие, к отклонению этой дуэли; но Мартынов, несмотря на все убеждения наши, говорил, что не может с нами согласиться, считая себя обиженным, и не может взять своего вызова назад, упираясь на слова Лермонтова, который сам намекал ему о требовании удовлетворения. Уведомить начальство мы не могли, ибо обязаны были словом дуэлистам не говорить никому о происшедшей ссоре» [114, 117].

Дальнейшие события участники дуэли изложили так:

Мартынов:

«Условлено было между нами сойтись на место к 6¹/₂ часам по полудни. — Я выехал немного ранее из своей квартиры верхом; — беговые дрожки свои дал Глебову. — Он, Васильчиков и Лермонтов догнали меня уже на дороге. Последние два были также верхом. — Кроме секундантов и нас двоих, никого не было на месте дуэли и никто решительно не знал об ней... Проводников у нас не было. Лошадей мы сами привязали к кустарникам, а дрожки поставили в высокую траву, по правой стороне дороги» [147, 54].

Васильчиков:

«На эту дуэль выехали мы, т.е. поручик Лермонтов и я, из нашей квартиры, что в доме капитана Чилаева, в седьмом часу по полудни. Кроме нас четверых, а именно майора

Мартынова, поручика Лермонтова, корнета Глебова и меня, никто из посторонних лиц при дуэли не присутствовал и об оной не знал... На место поединка поехали Лермонтов и я верхом; ни кучеров, ни проводников при том не было» [114, 117].

Почти слово в слово повторил эту версию и М.П.Глебов.

Теперь познакомимся с показаниями участников о том, как происходила дуэль.

Мартынов:

«Мы стрелялись по левой стороне горы, — на дороге, ведущей в какую-то колонку, вблизи частого кустарника. Был отмерен барьер в 15 шагов и от него в каждую сторону еще по десяти. Мы стали на крайних точках. По условию дуэли каждый из нас имел право стрелять, когда ему вздумается, — стоя на месте или подходя к барьеру. Я первый пришел на барьер; ждал несколько времени выстрела Лермонтова, потом спустил курок... Мне неизвестно, в какое время взято тело убитого поручика Лермонтова. Простившись с ним, я тотчас же возвратился домой; послал человека за своей черкеской, которая осталась на месте происшествия, чтобы явиться в ней к коменданту. Об остальном же и до сих пор ничего не знаю» [147, 54].

Описание Мартыновым и Васильчиковым дуэли полностью совпадают, если не считать следующего добавления.

Васильчиков:

...Майор Мартынов выстрелил. Поручик Лермонтов упал уже без чувств и не успел дать своего выстрела; из его заряженного пистолета выстрелил я гораздо позже на воздух.

Об условии, стрелять ли вместе, или один после другого, не было сказано, по данному знаку сходиться — каждый имел право стрелять, когда заблагорассудит... Я оставался при теле убитого поручика Лермонтова, когда корнет Глебов поехал в город и прислал двух людей: Илью — человека Мартынова и Ивана — кучера поручика Лермонтова. Положив тело на дрожки, я оставил при нем сих двух людей, а сам поехал вперед. Оно было привезено в десятом часу на квартиру» [114, 118].

В эти объяснения искусно вплетена ложь. Васильчиков пишет о том, что оставался при теле убитого поэта он — как секундант Лермонтова* (по версии для следствия). На самом деле, как мы уже знаем, Васильчиков был секундантом Мартынова, а при теле Лермонтова в течение какого-то времени вообще никого не было, о чем признаться Васильчикову, конечно, было нельзя.

Ознакомившись с ответами Мартынова, секунданты, как уже говорилось, давали ему советы, как их изменить, с пользой для него. Из уже цитированной записки М.П.Глебова:

«Скажи, что мы тебя уговаривали с начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Лермонтова предупреждал тому три недели, чтоб тот не шутил на твой счет. О веселостях Кисловодска писать нечего. Я должен же сказать, что уговаривал тебя на условия более легкие, если будет запрос. Теперь покамест не упоминай о условии 3 выстрелов; если позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего: надо будет сказать всю правду.

Ответ на 8 статью. Вследствие слов Лермонтова (см. вопрос 6); «вместо пустых угроз и пр.», которые были уже некоторым образом вызов, я на другой день требовал от него формального удовлетворения. Васильчиков и Глебов старались меня (Мартынова. — В.З.) примирить с Лермонтовым; но я отвечал, что: 1) предупреждал Лермонтова не смеяться надо мною, 2) что слова Лермонтова уже были вызов (особенно настаивай на этих словах Лермонтова, которые в самом деле тебя ставили в необходимость его вызвать, или лучше сказать, были уже вызов).

Вот вкратце брүльон, — заканчивал свою записку Глебов, — обделай по этому плану. Ответ на 4 вопрос. Глебов на

* Как писал П.А.Висковатый: «Когда я спросил кн. Васильчикова, кто собственно был секундантами Лермонтова? он ответил, что собственно не было определено кто чей секундант. Прежде всего Мартынов просил Глебова, с коим жил, быть его секундантом, а потом как-то случилось, что Глебов был как бы со стороны Лермонтова...» [48, 423].

беговых дрожках, Васильчиков верхом. В 6 вопросе: вместо *в доме Верзилиных* напиши *в одном частном доме*» [102, 462].

Висковатый был совершенно прав, когда писал: «Мартины сам себя да и другие его выгораживали» [48, 437]. Думаю, что ход мыслей участников дуэли был таким: Лермонтов убит, его уже не вернешь, а оставшимся в живых предстоит жить дальше, но жить с пятном убийцы тяжело. Поэтому надо оправдать себя в глазах следствия.

30 июля следствие было закончено. Из заключения Мартынов переслал М.П.Глебову записку:

«Меня станут судить гражданским судом; мне советуют просить военного. Говорят, что если здесь и откажут, то я имею право подать об этом просьбу на Высочайшее Имя. Узнай от Столыпина, как он сделал? Его, кажется, судили военным судом. Комендант был у меня сегодня; очень мил, предлагал переменить тюрьму, продолжать лечение, впускать ко мне всех знакомых и проч. А бестия стряпчий пытал меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу в чем. *Н.М.*» [141, 163].

Ответы не замедлили себя ждать. Записка М.П.Глебова:

«Непременно и непременно требуй военного суда. Гражданским тебя замучают. Полицмейстер на тебя зол, и ты будешь у него в лапках. Проси коменданта, чтобы он передал твое письмо Траскину, в котором проси, чтобы судили тебя военным судом. Столыпин судился военным судом; его теперь нет дома, а как приедет, напишет тебе все обстоятельства. Комендант, кажется, решается перевести тебя из тюрьмы. *Глебов*» [141, 163].

Письмо А.А.Столыпина было столь же кратким и деловым: «Я не был судим; но есть параграф Свода Законов, который гласит, что всякий штатский соучастник в деле, с военным должен быть судим по военным законам, и я советую это сделать, так как законы для военных более определены, да и кончатся в десять раз скорее. Не думаю, чтобы нужно было обращаться к Траскину; обратись прямо к коменданту. Прощай. Что же касается до того, чтобы тебе выходить, не советую. Дай утихнуть шуму. *А.Столыпин*» [141, 163].

Совет Столыпина был справедлив. После всего случившегося Мартынову было, по меньшей мере, нетактично показаться в Пятигорске, принимать, как ни в чем не бывало, ванны, ходить к источнику. Думаю, не ошибусь, если скажу, что не было дня, чтобы то в одном, то в другом кругу не вспоминали Лермонтова, чтобы не обсуждали детали дуэли, чтобы не возникали разнообразные, подчас противоречивые, слухи. И появление Мартынова в среде «водяного общества» было бы вызовом общественному мнению.

Мартынов вынужден был смириться со своим положением. Конечно, в одиночестве он не остался, его посещали и знакомые, и друзья, давали советы и, как мы увидим, безуспешно.

Небезынтересно привести последнее из сохранившихся писем Мартынова к М.П.Глебову. Подлинник, который попал к адресату, отсутствует, видимо, он пропал вместе с другими бумагами после гибели М.П.Глебова. У Мартынова сохранился черновик, который и был опубликован Д.Оболенским в «Русском архиве».

«Пятигорск, 8 августа 1841 года.

Сейчас отправляю письмо к графу Бенкендорфу. Вероятно, тебе интересно будет знать его содержание, вот оно:

Сиятельнейший граф, милостивый государь. Бедственная история моя с Лермонтовым заставляет меня утруждать Вас всепокорнейшею просьбою. По этому делу я передан теперь гражданскому суду. Служивши постоянно до сих пор в военной службе, я свyksя с ходом дел военных ведомств и властей и потому за счастье почел бы быть судимым военными законами. Не оставьте, В<аше> С<иятельство>, просьбу мою благословенным вниманием. Я льщу себя надеждою на милостивое ходатайство Ваше тем более, что сентенция военного суда может доставить мне в будущем возможность искупить проступок мой собственной кровью на службе Царя и отечества.

Скажи ты мне, не находишь ли чего лишнего. Письмо это сочинил Диомид Пассек. Я никогда подобных писем не писал ни к кому и потому не надеялся на себя, чтобы

не сделать какого-нибудь важного промаха. Можешь просить его моим*; не вижу причины скрывать от них просьбы моей, тем более, что исполнение ее истинно составило бы счастье мое в теперешнем положении. Чего я могу ожидать от гражданского суда? Путешествия в холодные страны? Вещь совсем не привлекательная. Южный климат гораздо полезнее для моего здоровья, а деятельная жизнь заставит меня забыть то, что во всяком месте было бы нестерпимо моему раздражительному характеру. Скажи им еще от меня, что нынче не успел к ним написать. Лег в три часа утра, а встал в семь: был занят делом, для меня очень важным. С будущей почтой они (речь идет о матери и сестрах. — В.З.) получают от меня с избытком за то. Н.М.» [154, 610 — 612].

Обращение к шефу жандармов возымело свое действие. Но произошло это несколько позже.

Прежде чем перейти к описанию похорон Лермонтова, необходимо остановиться еще на одной фигуре, принимавшей непосредственное участие в следствии.

* Вероятно, родные Мартынова приехали тогда к заточенному в тюрьме Н.С.Мартынову; Глебов уже пользовался свободой. — Прим. П.Бартенева.

Иллюстрации к книге В.А.Захарова «ЗАГАДКА ПОСЛЕДНЕЙ ДУЭЛИ»

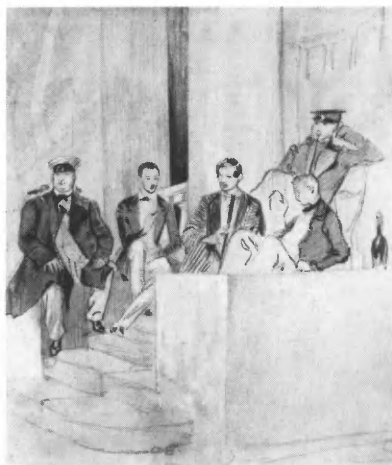
1

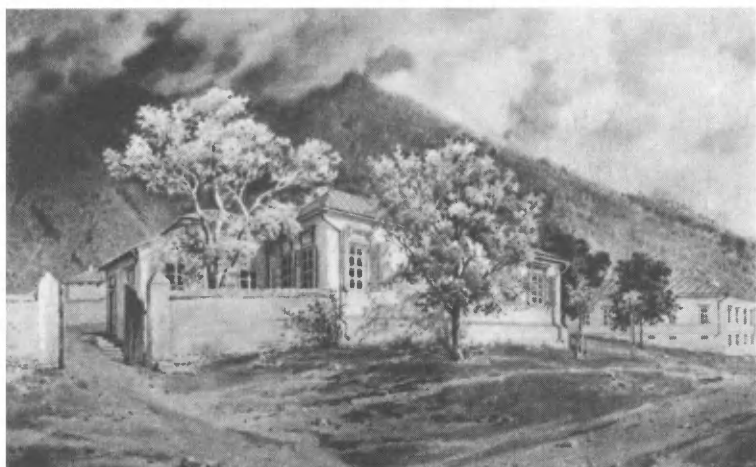
2

		6	
3			7
4	5	8	

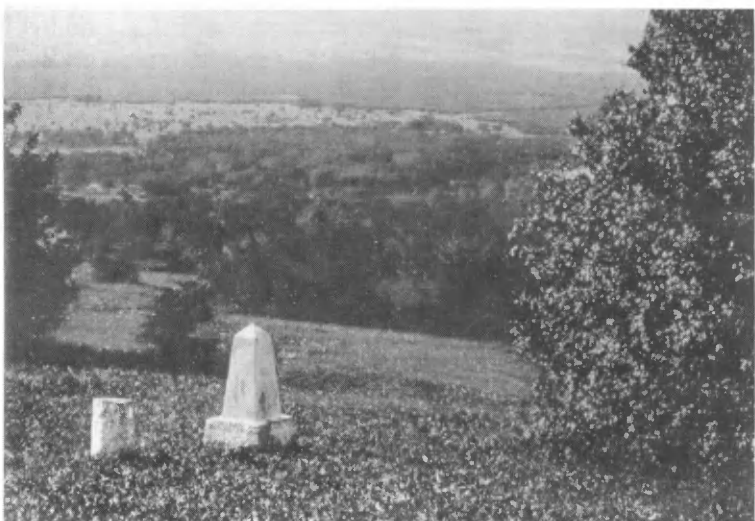
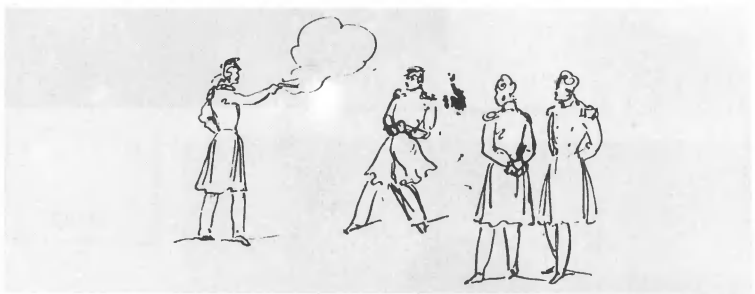
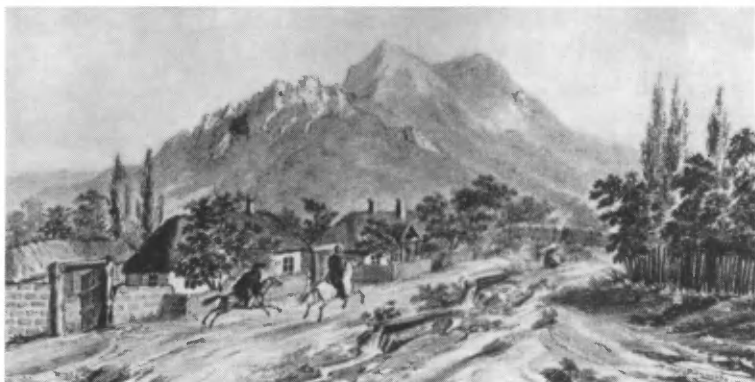

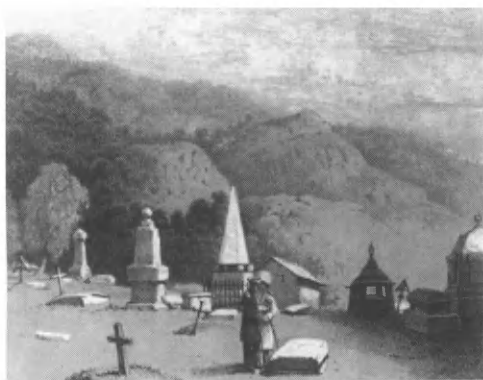

9	11
10	12

13	16
14	17
15	18

19	20
21	

Цятиторскъ.
Паметникъ Лермонтову и г. Машукъ.

ПОДПОЛКОВНИК КУШИННИКОВ

Одним из членов комиссии, расследовавшей обстоятельства гибели Лермонтова, был жандармский офицер Александр Николаевич Кушинников (в документах он иногда фигурировал под фамилией Кувшинников). В.С.Нечаева, опубликовавшая в 1939 году военно-судное дело о дуэли в Пятигорске, выдвинула версию, что «в круг наблюдения жандармского офицера Кушинникова, находившегося в Пятигорске для секретного надзора, входил и Лермонтов» [147, 19].

Основанием этой версии послужило распоряжение Траскина о включении жандармского офицера в следственную комиссию. Также она предположила, что Траскин якобы знал о секретном поручении Кушинникова и всячески содействовал ему. Это подтверждалось, по ее мнению, тем, что Траскин оказался в Пятигорске сразу же после дуэли и держал в своих руках всю организацию следствия по этому делу.

Согласиться с таким бездоказательным заявлением невозможно; попробуем объяснить почему.

Прежде всего, следует заметить, что случившаяся в Пятигорске дуэль была чрезвычайным событием. Естественно, что нашлись лица, увидевшие в ней «слабость или попустительство во-

инских властей». Именно об этом сообщает Траскин в письме к Граббе от 17 июля:

«Пятигорск наполовину заполнен офицерами, покинувшими свои части без всякого законного и письменного разрешения, приезжающими не для того, чтобы лечиться, а чтобы развлекаться и ничего не делать».

Естественно предположить, что Граббе счел необходимым прислать в Пятигорск из Ставрополя жандармов для наведения порядка⁸⁵. Жандармские офицеры были обязаны следить и «усугублять надзор за тишиной и порядком и вообще за поведением большого скопления приезжих в Пятигорске» [114, 114]. Дуэль и смерть Лермонтова не могли не привлечь их внимания, и остаться в стороне от следствия Кушинников никак не мог.

Особо отметим, что Кушинников приехал в Пятигорск ранней весной 1841 года, до появления здесь Лермонтова и Столыпина.

Обратим внимание на несколько любопытных документов. Прежде всего, это обнаруженные автором письма А.П.Ермолова к П.Х.Граббе, хранящиеся в Центральном Государственном военно-историческом архиве.

Первое письмо датировано 16 июля 1838 года; в нем А.П.Ермолов пишет: «Меня многие просили о письмах к тебе и хотя с трудом, но кое-как я увертывался, а потому ты ни одного не имел от меня. Однако же может быть что и не всегда успею я отделаться, то я предупреждаю почтейнейший Павел Христофорович, что письма мои будут следующей формы: Такой-то N°... просит меня дать ему письма к В<аше>му П<ревосходительст>ву и прочее, тут, чего бы я ни просил, Вы можете быть равнодушны и, если ничего не сделаете, меня не огорчите, ибо я, конечно, таким образом буду писать о человеке, которого лично не знаю и в его достоинствах не уверен» [16, ф. 62, оп. 1, № 15, лл. 5—5 об].

Это письмо публикуется впервые и является как бы ключом к содержанию второго письма Ермолова к Граббе.

Зимой 1841 года Ермолов приехал в Петербург на свадьбу наследника. Там с ним и встретился Кушинников, который

получил новое назначение: он был направлен на Кавказские Минеральные воды для осуществления там тайного надзора. До этого он выполнял «особые поручения» начальника I-го Петербургского жандармского округа генерал-лейтенанта Полозова.

18 апреля Ермолов написал на имя Граббе рекомендательное письмо⁸⁶: «Отправляющийся на Кавказ корпуса подполковник Кушинников просил меня поручить его благосклонному вниманию Вашему. Об нем много говорили мне хорошего, и я в этом не хотел отказать близкому родному хорошему и долгое время приятелю моему Марченко, бывшего членом Государственного Совета.

Он едет, как обыкновенно отправляется к Минеральным водам чиновник жандармский и, вероятно, не будет напрашиваться на военные действия, на чем впрочем, я не настаивал, зная, что ты имеешь г-на Юрьева, к которому сделал уже привычку. Итак, да будет по благоусмотрению твоему, а человеку достойному тебе приятно быть полезным! — Он будет иметь высокую цену благоклонному отзыву насчет его, отзыву много уважаемому» [16, ф. 62, оп. 1, № 15, л. 29].

Как видим, рекомендация Ермолова была составлена точно по форме, указанной им в первом письме к генералу Граббе, и ни к чему Граббе не обязывала. Однако 1841 год был для Кушинникова удачным, во всяком случае, его усердие было замечено Командиром Отдельного Кавказского корпуса генералом от инфантерии Е.А.Головиным. От него 17 сентября на имя Бенкендорфа ушло письмо следующего содержания:

«Милостивый государь Граф Александр Христофорович. В бытность мою минувшим летом на Кавказских Минеральных водах я имел случай лично удостовериться, что находившийся там на службе подполковник корпуса жандармов Кушинников в исполнении своем <своих> обязанностей действовал с полным усердием, которое приобрело ему уважение <и> признательность и со стороны посетителей Минеральных Вод.

Вменяя в обязанность довести о сем до сведения Вашего Сиятельства, имею честь быть с совершенным почтением и истинною преданностью» [144, 21].

И все-таки можно утверждать, что усердие Кушинникова направлялось, скорее всего, не на Лермонтова, а на других офицеров, так как, отправляясь на Кавказ, Кушинников никаких специальных поручений и указаний о слежке за Лермонтовым получить не мог. Ведь, как уже ранее отмечалось, в апреле 1841 года в Петербурге никто не знал, что в мае Лермонтов окажется в Пятигорске. В столице было известно, что он должен отправиться в Тенгинский пехотный полк, на Кубань.

В этой связи необходимо еще раз отметить, что приводимые практически всеми исследователями слова из воспоминаний декабриста Н.И.Лорера о том, что после гибели Лермонтова «на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру» [138, 331], которые, на первый взгляд, могут показаться подтверждением мнения, что Кушинников, как писала, например, В.С.Нечаева, «действовал, конечно, не одни, а с целой сворой голубых мундиров» [91, 19], не выдерживает никакой критики.

Присутствие слишком большого числа военных на Кавказских Минеральных водах в июле — августе 1841 года, вызвало у Траскина, возможно с подачи Кушинникова, определенное отрицательное мнение. 3 августа 1841 года он писал Граббе из Кисловодска о своем решении: «Я предписал Пятигорской Госпитальной конторе переосвидетельствовать всех больных и всех выздоровевших отправить в полки или к своим местам» [16, ф.62, оп.1, д.25, л.71].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что все предположения о каком-то специальном наблюдении именно за Лермонтовым со стороны Кушинникова можно отнести к разряду досужих вымыслов некоторых исследователей, в особенности после публикации серьезной работы С.И.Недумова: «Этот жандармский чин, как и его предшественники, — писал Недумов, — несомненно, вел наблюдение за всеми посетителями Минеральных вод» [143, 148]. А возможное

присутствие в Пятигорске «слишком большого количества жандармских офицеров», объясняется лишь только распоряжением, поступившем вовсе не по воле Кушинникова, а по воле Ставрополя.

Тем временем, подполковник Корпуса жандармов честно и исправно выполнял возложенные на него обязательства. 16 июля Кушинников отправил в Петербург рапорт на имя Бенкендорфа:

«Шефу жандармов Командующему
Императорскою главною квартирою
господину генерал-адъютанту и кавалеру
графу Бенкендорфу

Корпуса жандармов
подполковника Кушинникова

Рапорт.

Уволенный от службы из Гребенского казачьего полка майор Мартынов и Тенгинского пехотного полка поручик Лермантов, находившиеся в городе Пятигорске для пользования минеральными водами, 15-го числа сего месяца при подошве горы Машух и в четырех верстах от города имели дуэль, на которой поручик Лермантов ранен пулею в бок навывлет, от каковой раны через несколько минут на месте и умер. Секундантами были: у майора Мартынова лейб-гвардии Конного полка корнет Глебов, а у Лермантова — служащий во II отделении собственной Его Величества Канцелярии титулярный советник князь Васильчиков.

Об аресте гг. Мартынова, Глебова и князя Васильчикова и о производстве законного по сему происшествию исследования сделано немедленно со стороны местного начальства распоряжение; причем Начальник штаба войска войска Кавказской линии и Черномории флигель-адъютант полковник Траскин от 16-го сего июля за № 84-м поручил мне находиться при означенном следствии.

Почтительнейше донося о сем Вашему Сиятельству, имею честь присовокупить, что откроется по следствию, не замедлю представить особо.

Подполковник *Кушинников*.
№ 16-ый. Июля 16-го дня 1841 года
г. Пятигорск» [114, 115].

Жандармский подполковник сообщил Бенкендорфу абсолютную правду, ничего не приукрасив и не изменив. Такие же по смыслу рапорты были отправлены в тот же день, 16 июля, Траскиным и Ильяшенковым в Ставрополь и Петербург.

Не следует видеть в отосланных рапортах «соревнование на скорость между военными и жандармскими властями», как это квалифицировала В.С.Нечаева. Поспешность, с которой были отсланы донесения, объясняется общей ситуацией на Кавказе и нормами следствия и гражданского судопроизводства того времени.

Вернемся к событиям 17 июля.

После осмотра тела Лермонтова комиссией начались приготовления к похоронам.

Необходимое свидетельство о гибели Лермонтова было, как мы помним, выдано. В нем, в частности, было специально оговорено: «тело Лермонтова может быть предано земле по христианскому обряду» [103, 854; 81, 8 – 17].

ПОХОРОНЫ ПОЭТА

Д

рузьям Лермонтова пришлось преодолеть немало трудностей, прежде чем было получено разрешение на православное погребение. Мы уже говорили о роли Траскина в организации похорон.

Как же похоронили поэта? Было ли совершенно отпевание по погибшему или, как свидетельствует выставленная в экспозиции Государственного Лермонтовского музея-заповедника в Пятигорске выписка из метрической книги пятигорской церкви, сделанная в начале XX века, где в графе о погребении указано: «погребение пето не было»?

Сохранились воспоминания декабриста Лорера, в которых он описывает похороны Лермонтова: «На другой день были похороны при стечении всего Пятигорска. Представители всех полков, в которых Лермонтов, волею и неволею, служил в продолжение короткой жизни, явились почтить последней почестью поэта и товарища. Полковник Безобразов был представителем от Нижегородского драгунского полка, я от Тенгинского пехотного; Тиран от Лейб-гусарского и А.И.Арнольди — от Гродненского гусарского. На плечах наших вынесли мы гроб из дому и донесли до уединенной могилы кладбища, на покатоости Машука. По закону, священник отказывался было сопровождать останки поэта, но сдался, и похороны совершены

были со всеми обрядами христианскими и воинскими. Печально опустили мы гроб в могилу, бросили со слезою на глазах грость земли, и все было кончено» [207, II, 223].

Лорер многого не знал. Дело в том, что друзья поэта обратились с просьбой отпеть Лермонтова к отцу Павлу, настоятелю Скорбященской* церкви. Присутствовавший при разговоре второй священник Василий Эрастов воспротивился этому. Между двумя священниками возник спор о законности совершения чина отпевания. Отец Павел Александровский, хотя и получил разъяснение от следственной комиссии, что смерть Лермонтова не должна быть причислена к самоубийству, лишаящему умершего христианского погребения, все же не смог отпеть поэта в церкви. К тому же Эрастов активно этому противился: забрав тайком ключи от храма, он скрылся; найти его не смогли.

Однако отец Василий этим не ограничился и через несколько месяцев затеял тяжбу против отца Павла, совершившего отпевание. В результате этого 15 декабря 1841 года было начато «Дело по рапорту Пятигорской Скорбященской церкви Василия Эрастова о погребении в той же церкви протоиереем Павлом Александровским тела наповал убитого на дуэли поручика Лермонтова». Закончено же это дело было только через 13 лет. В.Эрастов обвинял П.Александровского в том, что он «погребши честно в июле месяце того года тело убитого на дуэли Лермонтова, в статью метрических за 1841 год книг его не вписал, и данные... 200 рублей ассигнациями в доходную книжку причта не внес». В деле есть показания коллежского регистратора Дмитрия Рощановского, который свидетельствует, что самого обряда отпевания в храме в действительности не было, гроб с телом Лермонтова внести в церковь не удалось, поскольку, как мы уже отметили, Эрастов закрыл храм и унес ключи.

Декабрист Лорер ничего не знал об отпевании, как, впрочем, не знали не только собравшиеся посетители, но

* Так в Пятигорске называли церковь во имя иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости.

даже и друзья поэта. Чтобы не вскрывать силой двери храма, Столыпин и самые близкие люди устроили отпевание Лермонтова на дому, что вполне разрешено по церковным канонам. Духовенство разошлось, а через несколько часов отец Павел с причтом опять вернулся, они и сопровождали траурную процессию до кладбища. Подтверждение этому находим в постановлении Кавказской духовной Консистории от 31 декабря 1843 г., найденном автором в Ставропольском государственном архиве. В нем предписывалось «взыскать штраф не только с Александровского, **но и со всех духовных лиц, участвовавших в похоронах Лермонтова** (выделено мною. — В.З.)» [911 ф. 135, оп. 1, д. 877, лл. 1169 — 1170]. Иными словами следователи из духовного управления установили, что в похоронах поэта принимали участие различные лица духовного звания не просто в качестве зрителей, а в качестве непосредственных **исполнителей** требы по церковным канонам, каковой является совершение погребения.

Считаем необходимым привести еще одно свидетельство очевидца, которое, после его публикации в 1885 году никогда не цитировалось даже частично. Оно принадлежит коллежскому секретарю Д.Рощановскому, который не мог видеть того, что происходило в доме Чилаева и вокруг него с утра. Он прибыл туда уже к выносу тела поэта.

Вот что рассказал Д.Рощановский:

«В прошлом 1841 году, в июле месяце, кажется, 18 числа в 4 или в 5 часов пополудни, я, слышавши, что имеет быть погребение тела поручика Лермонтова, пошел, по примеру других, к квартире покойника, у ворот коей встретил большое стечение жителей г. Пятигорска и посетителей Минеральных вод, разговаривавших между собой: о жизни за гробом, о смерти, рано постигшей молодого поэта, обещавшего многое для русской литературы. Не входя во двор квартиры сей, я с знакомыми мне вступил в общий разговор, в коем, между прочим, мог заметить, что многие как-будто с ропотом говорили, что более двух часов для выноса тела покойника они дожидаются священника, которого до сих

пор нет. Заметья общее постоянное движение многочисленного собравшегося народа, я из любопытства приблизился к воротам квартиры покойника и тогда увидел на дворе том не в дальнем расстоянии от крыльца дома стоящего отца протоиерея, возлагавшего на себя епитрахиль. В это же самое время с поспешностью прошел мимо меня во двор местной приходской церкви диакон, который тотчас, подойдя к церковнослужителю, стоящему близ о. протоиерея Александровского, взял от него священную одежду, в которую немедленно облачился, и взял от него кадило. После сего духовенство это погребальным гласом общее начало пение: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас», и с этим вместе медленно выходило из двора этого; за этим вслед было несено из комнат тело усопшего поручика Лермонтова. Духовенство, поя вышеозначенную песнь, тихо шествовало к кладбищу: за ним в богато убранном гробе было попеременно несено тело умершего штаб- и обер-офицерами, одетыми в мундиры, в сопровождении многочисленного народа, питавшего уважение к памяти даровитого поэта или к страдальческой смерти его, принятой на дуэли. Таким образом, эта печальная процессия достигла вновь приготовленной могилы, в которую был спущен в скорости несомый гроб без отправления по закону христианского обряда: в этом я удостоверяю как самовидец, но было ли погребение сему покойнику отпевасмось отцом протоиереем в квартире, я того не знаю, ибо не видел, не слышал одного и даже тогда не был во дворе том.

Дмитрий Рощановский. 12 октября 1842 г.» [103, 848].

Отца Василия Эрастова, вероятно, волновало прежде всего то, что ни копейки из переданных Александровскому 200 рублей ему не перепало. К делу приложено частное письмо все того же Д. Рощановского к отцу Василию.

«Вы желаете знать, — писал коллежский регистратор, — дано ли что-нибудь причту за погребение Лермонтова дуэлиста. На предмет этот сим честь имею уведомить вас. Нижегородского драгунского полка капитан Столыпин, распорядившийся погребением Лермонтова, бывши в доме у

коменданта говорил всем бывшим тогда там, в том числе и мне, что достаточно он в пользу причта пожертвовал за то, что до погребения 150 р. и после онаго 50 рублей, всего двести рублей. Имею честь быть Ваш покорный слуга» [103, 853].

Следственная комиссия Кавказской духовной консистории посчитала Александровского виновным в том, что он провожал гроб с телом Лермонтова, «яко добровольного самоубийцу, в церковном облачении с подобающею честью» и наложила на него штраф «в пользу бедных духовного звания в размере 25 руб. ассигнациями». В декабре 1843 года деньги были взысканы с Александровского [103, 873 — 875].

За час до выноса тела писарь при пятигорском комендантском управлении К.И.Карпов был вызван к коменданту Ильяшенкову. Перед этим Мартынов передал ему наскоро написанное письмо, содержание которого было изложено в воспоминаниях Карпова, опубликованных в 1891 году в «Русских ведомостях».

Мартынов писал: «Для облегчения моей преступной скорбящей души, позвольте мне проститься с телом моего лучшего друга и товарища». Комендант несколько раз перечитал записку и вместо ответа поставил сбоку на поле бумаги вопросительный знак и подписал свою фамилию, — продолжает Карпов. — Вместе с этим он приказал мне немедленно отправиться к Начальнику штаба и доложить ему просьбу Мартынова, передав и самое письмо. Полковник Траскин, прочитав записку и ни слова не говоря, надписал ниже подписи коменданта: «!!! нельзя. *Траскин*» [48, 432].

Один из очевидцев похорон Лермонтова П.Т.Полеводин писал: «17-го числа в час поединка его хоронили. Все, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб до самого кладбища несли штаб- и обер-офицеры и все без исключения шли пешком до кладбища. Сожаления и ропот публики не умолкали ни на минуту. Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь 6-й день после печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу» [138, 350 — 351].

Висковатый подчеркивал: «Плац-майору Унтилову приходилось еще накануне несколько раз выходить из квартиры Лермонтова к собравшимся на дворе и на улице, успокаивать и говорить, что это не убийство, а честный поединок. Были горячие головы, которые выражали желание мстить за убийство и вызвать Мартынова» [48, 434 — 435].

Видимо, этим настроением пятигорского общества объясняется нежелание властей допустить Мартынова к гробу Лермонтова.

Эмилия Александровна Шан-Гирей вспоминала:

«На другой день, когда собрались к панихиде, долго ждали священника, который с большим трудом согласился хоронить Лермонтова, уступив убедительным и неотступным просьбам кн. Васильчикова и других, но с условием, чтобы не было музыки и никакого парада. Наконец приехал отец Павел, но, увидев на дворе оркестр, тотчас повернул назад; музыку мгновенно отправили, но зато много усилий употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконец все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище; гроб несли товарищи; народу было много, и все шли за гробом в каком-то благоговейном молчании. Это меня поражало: ведь не все же его знали и не все его любили! Так было тихо, что только слышен был шорох сухой травы под ногами.

Похоронили и положили небольшой камень с надписью *Михаил*, как временный знак его могилы... Во время панихиды мы стояли в другой комнате, где лежал его окровавленный сюртук, и никому тогда не пришло в голову сохранить его» [207, II, 223 — 224].

А в своей статье, опубликованной в 1881 году в газете «Новое время» (5/17 сентября, № 1983), являвшуюся ответом на ряд публикаций о пребывании поэта в 1841 году в Пятигорске, Эмилия Александровна, уточняя чью-то ошибку, написала более определенно: «Похоронен Лермонтов был в Пятигорске протоиереем, отцом Павлом, на общем кладбище, по обряду православной церкви...» [198].

Кроме жителей Пятигорска, отдыхающих, друзей и близких Лермонтова в похоронах принимали участие: Траскин,

Ильяшенков, князь Владимир Голицын, камер-юнкер Отрешков и «больше чем 50 человек одних штаб- и обер-офицеров при шарфах».

После погребения квартальный надзиратель Марушевский в присутствии отца Павла (Александровского), городского головы Рышкова, словесного судьи Тупикова и других официальных лиц составили опись «имения, оставшегося после убитого на дуэли Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова». 28 июля Столыпин написал расписку:

«Нижеподписавшийся, даю сей реверс Пятигорскому Коменданту Господину Полковнику и кавалеру Ильяшенкову в том, что оставшиеся после убитого отставным майором Мартыновым на дуэли двоюродного брата моего Тенгинского Пехотного полка Поручика Лермантова поясненные в описи деньги две тысячи шесть сот десять рублей ассигнациями, разные вещи, две лошади и два крепостных человека Ивана Вертюкова и Ивана Соколова, я обязуюсь доставить в целости родственникам его Лермантова. В противном же случае, предоставляю поступить со мною по закону...» [207, II, 227 — 228].

В конце июля 1841 года, не дожидаясь суда, Алексей Аркадьевич Столыпин покинул Пятигорск. Среди вещей, которые Столыпин обязался доставить родственникам поэта, были иконы: образ Святого Архистратига Михаила в серебряной вызолоченной ризе; образ Святого Иоанна Воина и образ Николая Чудотворца, еще одна небольшая икона, не названная в описи, маленький серебряный крест с частицами мощей святых. Посуда и одежда, постельное белье, оружие, складная походная кровать, сундуки и чемоданы, подсвечники, много других вещей. Из бумаг до наших дней дошла лишь записная книжка, подаренная Лермонтову князем Одоевским, но вот судьба «собственных сочинений покойного на разных ласкуточках бумаги кусков 7 и писем разных лиц и от родных — 17» нам неизвестна.

О СКОРБЯЩИХ

то же стало с Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, бабушкой поэта, когда до нее дошло это страшное известие?

Более двадцати лет назад в замке Вартхаузен (ФРГ) И.Андроников обнаружил переписку между Е.А.Верещагиной, родственницей Елизаветы Алексеевны, и ее дочерью, которая, выйдя замуж за барона Хюгеля, уехала из России. Верещагина писала дочери почти каждую неделю. Вот что она сообщила 26 августа 1841 года: «Наталя Алексеевна (Столыпина. — В.З.) намерена была, как я тебе писала, прибыть на свадьбу, но несчастный случай, об котором видно уже до вас слухи дошли, ей помешал приехать, Мишеля Лермонтова дуэль, в которой он убит Мартыновым, сыном Саввы (ошибка: сыном Соломона Михайловича, Савва его брат. — В.З.)... Сие несчастье так нас всех, можно сказать, поразило, я не могла несколько ночей спать, все думала, что будет с Елизаветой Алексеевной. Нам приехал о сем объявить Алексей Александрович (Лопухин. — В.З.), потом уже Наталя Алексеевна ко мне написала, что она сама не может приехать — нельзя оставить сестру — и просит, чтобы свадьбу не откладывать, а в другом письме описывает, как они объявили Елизавете Алексеевне, она сама догадалась и приготовилась,

и кровь ей прежде пустили. Никто не ожидал, чтобы она с такой покорностью сие известие приняла, теперь все Богу молится и собирается ехать в свою деревню, на днях из Петербурга выезжает Мария Якимовна (Шан-Гирей. — В.З.), которая теперь в Петербурге, с ней едет» [59, 53 — 54].

Скорбили все друзья и родственники⁸⁷ поэта. 18 сентября 1841 года М.А.Лопухина пишет все той же А.М.Верещагиной (Хюгель): «Последние известия о моей сестре Бахметевой (Вареньке Лопухиной. — В.З.) поистине печальны. Она вновь больна, ее нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву — она отказалась и заявила, что решительно не желает больше лечиться. Быть может, я ошибаюсь, но я отношу это расстройство к смерти Мишеля, поскольку эти обстоятельства так близко сходятся, что это не может не возбудить известных подозрений. Какое несчастье эта смерть; *бедная бабушка самая несчастная женщина, какую я знаю. Она была в Москве, но до моего приезда; я очень огорчена, что не видала ее. Говорят, у нее отнялись ноги и она не может двигаться. Никогда не произносит она имени Мишеля, и никто не решается произнести в ее присутствии имя какого бы то ни было поэта.* Впрочем, я полагаю, что мне нет надобности описывать все подробности, поскольку ваша тетка, которая ее видала, вам, конечно, об этом расскажет. В течение нескольких недель я не могу освободиться от мысли об этой смерти, и искренно ее оплакиваю. Я его действительно очень, очень любила» [59, 55 — 56].

(Впоследствии Елизавета Алексеевна Арсеньева добилась разрешения на перезахоронение тела Лермонтова, которое состоялось 23 апреля 1842 года в Тарханах. Умерла она в 1845 году, и захоронена рядом с могилой внука⁸⁸).

Со слов М.П.Погодина: когда «проконсул Кавказа» прославленный генерал А.П.Ермолов узнал о гибели Лермонтова, он сказал: «Уже я бы не спустил этому Мартынову. Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать, да вынудивши часы считать,

через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься» [207, II, 240].

Известие о гибели поэта прокатилось по России. Первое сообщение было опубликовано в провинции. 2 августа газета «Одесский вестник» сообщила: «Здесь получено из Пятигорска прискорбное известие о кончине М.Ю.Лермонтова, одного из любимейших русских поэтов и прозаиков, последовавшей 15-го минувшего июля. В бумагах его найдено несколько небольших, не конченных пьес».

В следующем номере этой же газеты в статье А.Андреевского, содержащей самую разнообразную информацию, сообщалось также: «Погода в Пятигорске стоит довольно хорошая. Сильные жары прохлаждаются порывами ветра. Маленькие дожди перепали изредка. Но 15-го июля, около 5-ти часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался лечившийся в г. Пятигорске М.Ю.Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда, бездыханное тело поэта... Кто не читал его сочинений, проникнутых тем глубоким чувством, которое находит отпечаток в душе каждого?» [25].

Последующие отклики на это печальное событие были менее выразительны. Исключение составило сообщение в петербургской «Литературной газете», в номере от 9 августа, издаваемой другом Лермонтова А.А.Краевским: «Первая новость наша печальная. Русская литература лишилась одного из талантливейших своих поэтов. По известиям с Кавказа, в последних числах прошедшего месяца скончался там М.Ю.Лермонтов. Молодой поэт, столь счастливо начавший свое литературное поприще и со временем обещавший нам замену Пушкину, преждевременно нашел смерть. Нельзя не пожалеть, что столь свежий, своеобразный талант не достиг полного своего развития; от пера Лермонтова можно было ожидать многого».

ПИСЬМО КУЗИНЫ

В окружении любого великого человека можно встретить немало женщин. У них разные судьбы, они по-разному воспринимались современниками и потомками. О некоторых из них мы знаем совсем немного.

Из всех писем Екатерины Григорьевны Быховец, правнучатой сестры Лермонтова, до нас дошло только одно. Это письмо было одним из первых по времени свидетельств о трагической кончине Лермонтова и именно поэтому чрезвычайно интересно. Впервые оно было напечатано более ста лет назад, однако скептицизм по отношению к этому эпистолярному памятнику не пропадал никогда, несмотря на то, что Быховец была, вероятно, единственной женщиной, с которой виделся и разговаривал поэт за несколько часов до своей гибели.

Письмо Е. Быховец, датированное 5 августа 1841 года и отправленное из Пятигорска, было опубликовано в 1892 году в третьей книжке «Русской старины». Как сообщалось в публикации, оно было случайно найдено в 1891 г. среди листов книги, купленной у букиниста в Самаре учеником 7 класса Самарского Реального училища Акербломом. На бумаге, в которую оно было завернуто, кто-то написал: «Письмо Катеньки Быховец, ныне

госпожи Ивановской, с описанием последних дней жизни Лермонтова».

Это письмо ни разу не перепечатывалось в том виде, в котором оно было впервые опубликовано М.Семевским. Приведем его полностью (в соответствии с копией, хранящейся в рукописном отделе Пушкинского Дома) [13, ф. 524, оп. 4, № 111]:

«Пятигорск, 1841 августа 5-го,
Понедельник*

Бесценный мой дружок, Лизочка! Как я тебе поза-видовала, моя душечка**, что ты была в Успенском. О! как бы я дорого дала, чтобы провести это время с вами; как бы мы приятно его провели; воображаю, как мамаша тебе обрадовалась, моему милому*** дружку; она с такою радостью мне описывает, что Манюшка к ней очень ласкова. Ваш бал был очень хорош; тебя удивляет, что все так переменились. Я не знаю, что сделалось с Тарусовым уездом, от куда Танюшка учится этим гримасам, и так уж она на гримасу похожа, некому без меня ее останавливать.

Как же весело провела время этот день. Молодые люди делали нам пикник в гроте, который был весь убран шальями; колонны обиты**** цветами, и люстры все из цветов: танцевали мы на площадке около грота; лавочки были обиты прелестными коврами; освещено было чудесно; вечер очаровательный небо было так чисто; деревья от освещения необыкновенно хороши были, аллея также освещена и в конце аллеи была уборная прехорошенькая; два хора музыки. Конфет, фрукт, мороженого беспрестанно подавали; танцевали до упада; молодежь была так любезна, занимала своих гостей; ужинали; после ужина опять танцевали; даже Лермонтов, который не любил танцевать, и тот был так весел; оттуда мы шли пешком. Все молодые люди

* 5-го августа был вторник. — В.З.

** В подлиннике «душка». — В.З.

*** Это слово вставлено М.Семевским. — В.З.

**** В подлиннике «обвиты». — В.З.

нас провожали с фонарями; один из них начал немного шалить. Лермонтов, как *cousin** предложил сейчас мне руку; мы пошли скорей и он до дому меня проводил.

Мы с ним так дружны были — он мне правнучатый брат — и всегда называл *cousine***, а я его *cousin* и любила как родного брата. Так меня здесь и знали под именем «*charmante cousine**** Лермонтова. Кто из молодежи приезжал сюда, то сейчас его просили, чтобы он их познакомил со мной.

Этот пикник последний был: ровно через неделю мой добрый друг убит, а давно ли он мне этого изверга, его убийцу, рекомендовал как товарища, друга!

Этот *Мартынов* глуп ужасно, все над ним смеялись; он ужасно самолюбив, карикатуры (на него) беспрестанно**** прибавлялись; Лермонтов имел дурную привычку острить. Мартынов всегда ходил в черкеске и с кинжалом; он его называл при дамах *M-r le Poignard et Sauvage'*ом***** Он (т.е. Мартынов) тут ему сказал, что при дамах этого не смеет говорить, тем и кончилось. Лермонтов совсем не хотел его обидеть, а так посмеяться хотел, бывши так хорош с ним.

Это было в одном частном доме. Выходя оттуда, Мартынка глупой вызвал Лерм<онтова> Но никто не знал. На другой день Лермонтов был у нас ничего весел; он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела, судьба его так гнала, Государь его не любил, Великий князь (Михаил Павлович?) ненавидел, (они?) не могли его видеть — и тут еще любовь: он (Лермонтов) был страстно влюблен в *В.А.Бахметеву*; она ему была кузина; я думаю, он меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был.

* Кузен (*франц.*)

** Кузина (*франц.*)

*** Очаровательная кузина (*франц.*)

**** Это слово в подлиннике не вполне разборчиво. *Прим. М.Семевского.*

***** Господин Кинжал и Дикарь (*франц.*)

Через четыре дня он* (Лермонтов) поехал на Железные; был этот день несколько раз у нас и все меня упрашивал приехать на Железные; это 14 верст отсюда. Я ему обещала и 15-го (июля) мы отправились в шесть часов утра, я с Обыденной (sic) в коляске, а Дмитревский, и Бенкендорф, и Пушкин — брат сочинителя — верхами.

На половине дороги, в колонке** мы пили кофе и затракали. Как приехали на Железные, Лерм<онтов> сейчас прибежал; мы пошли в рощу и все там гуляли. Я все с ним ходила под руку. На мне было бандо. Уж не знаю, какими судьбами коса моя распустилась и бандо свалилось, которое он взял и спрятал в карман. Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоем, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все та же***; уговаривала его, утешала, как могла, и с полными глазами слез (он меня) благодарил, что я приехала, умаливал, чтобы я пошла к нему на квартиру закусить, но я не согласилась; поехали назад, он поехал тоже с нами.

В колонке обедали. Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит:

— «Cousine, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни». Я еще над ним смеялась; так мы и отправились. Это было в пять часов, а [в] 8 пришли сказать, что он убит.

Никто не знал, что у них дуэль, кроме двух молодых мальчиков, которых они заставили поклясться, что никому не скажут; они так и сделали.

Лерм<онтову> так жизнь надоела, что ему надо было первому стрелять, он не хотел, и тот изверг <Мартынов> имел духа долго целиться, и пуля навывлет! Ты не поверишь, как его смерть меня огорчила, я и теперь не могу вспомнить.

* Зачеркнуто: «был». — Прим. М.Семевского.

** Колония Каррас или Шотландка. — Прим. П.Висковатого.

*** Т.е. любовь к В.А.Бахметевой. — Прим. М.Семевского.

Прощай, мой милый друг, грустно и пора на почту. Сестра и брат вам кланяются. Я тебя и детишек целую бесчисленно раз. Не забывай верного твоего друга и обожающего тебя сестру

Катю Быховец.

Сейчас смотрела на часы, на почту еще рано и я еще с тобой поговорю. Дмитревский меня раздосадовал ужасно: бандо мое, которое было в крови Лерм<онтова> взял, чтоб отдать мне, и потерял его; так грустно, это бы мне была память. Мне отдали шнурок, на котором он всегда носил крест.

Я была на похоронах: с музыкой его хоронить не позволили, и священника насилу уговорили его отпеть.

Он мертвый был так хорош, как живой. Портрет его сняли. Я теперь принялась пользоваться; у меня такая жестокая боль в боку, что я две недели кроме блузы, не могу ничего надеть; только, душка, не пиши к мамаше, это пройдет, все прежняя моя болезнь, воды мне помогают.

Прощай» [39, 765 – 769].

В течение многих лет никто не предпринимал попыток узнать о судьбе Екатерины Быховец⁸⁹. Что же все-таки нам известно о ней?

Екатерина Григорьевна, или Катенька, как ее многие называли, родилась в 1820 году. Она была старшей дочерью Григория Андреевича Быховца, Калужского Тарусского уезда помещика капитана артиллерии, и его жены Натальи Федоровны, урожденной Вороновой. Семья Григория Андреевича была большой — два сына и семь дочерей. В 1847 году отец разорился, и его имение село Истомино было продано за долги. Но и до этого семья Быховец в течение длительного времени получала поддержку от тетки — Мавры Егоровны Быховец, в девичестве Крюковой, вдовы бывшего Нижегородского губернатора С.А.Быховец. Через эту Мавру Егоровну и был связан родственными узами с Катенькой Лермонтов, он приходился ей правнучатым кузеном. Мавра Егоровна проживала в Москве, в Пречистен-

ской части, в доме генерала Павленкова, в котором Лермонтов и познакомился с Екатериной Быховец. Они встретились в доме Мавры Егоровны в 1837 и 1840 годах.

А вот как писал в 1989 г. правнук Е.Г.Быховец А.Б.Ивановский о родстве своей прабабушки с Лермонтовым: «Если Екатерина Быховец называла жену двоюродного деда (урожденную Крюкову. — В.З.) «бабушкой», а ее приятельницу, родственницу деда Лермонтова (Крюкову по мужу. — В.З.) тоже «бабушкой», то все становится понятным. И сейчас многие именуют жену дяди «тетей», а мужа тети — «дядей» [55]. Отец Екатерины Григорьевны тоже считал Лермонтова родственником. В феврале 1842 года он писал А.А.Краевскому: «Дочь моя... кузина и друг покойного милого нашего поэта...»⁹⁰. В России роднились до десятого колена; такое родство называлось «свойством». И сама Катенька, называя в своем письме Лермонтова «кузеном», была уверена в том, что она имеет на это право.

Столь подробное освещение родственных связей Лермонтова с Е.Г.Быховец стало необходимым в связи с появлением начиная с 1989 г. статей Д.Алексеева и Е.Рябова [171; 172; 173], в которых ставилось под сомнение не только существование этих родственных связей, но и само письмо объявляется мистификацией. Сочинено оно, по мнению авторов П.Вяземским. Однако наличие ряда свидетельств современников, а главное анализ содержания самого письма, полностью опровергают утверждение о том, что это письмо — фальшивка.

Мы не можем утверждать, как это сделали Д.Алексеев и Е.Рябов, что Катенька Быховец «никогда не принадлежала к кругу Лермонтова». Вполне возможно, что в Петербурге Лермонтов не обратил бы на Катеньку внимания, но на Водах нравы были совершенно иными, более свободными. И здесь присутствие молоденькой и весьма привлекательной девушки, с которой можно было общаться на правах «родственника» более свободно и раскованно, нежели с жеманными барышнями Пятигорска, было в общем-то определенной привилегией.

Больше того, мы знаем, что все «водяное общество» было уже не первый год знакомо друг с другом, а тут появление нового человека — интересной барышни, которой как мы знаем, многие молодые люди уделяли немалое внимание, предпочитая «перезревших» обитательниц Кавказских Минеральных Вод. Естественно, у постоянных жительниц курортного городка это вызывало постоянное раздражение. Отсюда и те сплетни о Быховец, которые появились в Пятигорске сразу же после гибели поэта, когда у него в кармане нашли окровавленный головной убор (бандо) Катеньки.

Василий Чилаев и Николай Раевский, рассказывая Мартьянову о пятигорском окружении Лермонтова, упомянули о доме «близкой соседки Верзилиных тарумовской помещицы М.А.Прянишниковой, где гостила тогда ее родственница девица Быховец, прозванная Лермонтовым за бронзовый цвет лица и черные очи «la belle noire»^{*} Она имела много поклонников из лермонтовского кружка и сделалась известной благодаря случайной встрече с поэтом в колонии Каррас, перед самой дуэлью» [138, 311 — 312].

Вполне возможно, что при встречах с Катенькой Лермонтов был довольно откровенен в тот период своей жизни, изливая ей свою душу и находясь в особенно встревоженном состоянии. А Катенька Быховец, как это видно из ее письма, была сердечной и отзывчивой девушкой, чего было вполне достаточно, чтобы поэт общался с ней.

Скорее всего, на написание статьи Д.Алексеева и Е.Рябова подвигло мнение П.Мартьянова, который считал это письмо подделкой. Попробуем разобраться, так ли это.

По мнению П.Мартьянова, фраза «Государь его не любил» свидетельствует о том, что письмо было сфабриковано. Дело в том, что ко времени опубликования письма (1892 г.) Лермонтов уже стал признанным классиком русской поэзии, произведения которого были включены во все учебные программы. Именно поэтому П.Мартьянов не мог понять, как такая фраза могла появиться в письме.

^{*} «Прекрасная смуглянка» (франц.).

Однако публикация фразы: «Государь его не любил, Великий князь (Михаил Павлович?) ненавидел...», в таком виде свидетельствует о том, что Семевский сам сомневался, что в письме упоминался Великий князь Михаил Павлович. Похоже, что ни Семевский, ни консультировавший его Висковатый не знали, почему и за что Михаил Павлович мог ненавидеть Лермонтова (более того, было известно, что он совсем неплохо относился к Лермонтову). Поэтому-то его имя, как имя предположительного ненавистника поэта, было взято в скобки. Местоимение «они?» также взято в скобки и тоже со знаком вопроса.

Вся фраза кажется странной: вначале подчеркивается различие между отношением к поэту Государя и Великого Князя, а потом они уравниваются: «не могли его видеть».

А не было ли в подлиннике написано: «В.К. ненавидела» — то есть «Великая Княгиня ненавидела»? Тогда все становится на свои места, но Семевский мог не понять этого и внести изменения по своему пониманию. В то время еще не было известно, что по заказу Великой Княгини Марии Николаевны В.А.Соллогуб написал повесть-пасквиль на Лермонтова «Большой свет».

Если все было именно так, то становится ясным, почему сохранилась только первая половина наборного экземпляра акербломовской копии. Ответы на эти вопросы необходимо искать в документах цензурного комитета, переписке — частной и официальной. Необходимо выяснить, не было ли у Семевского неприятностей за публикацию этого письма. Пока этого сделать не удалось.

Многих исследователей удивляло упоминание в письме имени Варвары Александровны Лопухиной, в замужестве Бахметевой. Мог ли Лермонтов назвать Катеньке имя женщины, к которой был неравнодушен?

Ответить на этот вопрос трудно. С одной стороны, Лермонтов мог это сделать — Катенька не была предметом его увлечения и поэт не боялся вызвать ее ревность, тем более, что отношения между Лермонтовым и Быховец были действительно доверительными. С другой стороны, вполне

возможно, имя Бахметевой при публикации этого письма вставил Семевский, выделив его курсивом и даже указав инициалы «В.А.» — вряд ли Катенька сделала это сама.

Почему я так думаю? При публикации в редакционном предисловии Семевский отметил: «10 февраля 1892 года мы прочитали письмо Е.Быхолец посетившему нас профессору П.А.Висковатому, и уважаемый биограф Лермонтова нашел документ весьма интересным дополнением тех, к сожалению, все еще недостаточных сведений, каковые имеет история отечественной литературы о последних днях славного поэта М.Ю.Лермонтова» [48, 176]. Итак, Висковатый познакомился с подлинником письма еще до его публикации, и, возможно, подсказал Семевскому, что в данном месте речь идет, по его мнению, скорее всего, о Лопухиной-Бахметевой, и Семевский вставил в корректуру ее имя. То, что имя «*Бахметевой*» напечатано в отличие от других имен курсивом, говорит в пользу этого предположения⁹¹.

В письме Екатерины Григорьевны имеются подробности, которые мог знать только очевидец тех событий, но которые уже не были известны в 80-е годы XIX века. Одна из них — фраза о похоронах поэта: «Я была на похоронах: с музыкой его хоронить не позволили, и священника насилу уговорили его отпеть». Дело в том, что с конца прошлого века считалось, что Лермонтова не отпевали. В советское время исследование этой темы было, по сути, запрещено: когда мною были обнаружены документы, свидетельствующие об обратном, то мой доклад на Лермонтовской конференции «Дело о погребении поручика Лермонтова» был снят.

О дальнейшей судьбе Екатерины Григорьевны Быхолец известно немного. В начале 40-х годов она вышла замуж за Константина Иосифовича Ивановского⁹², в 1845 г. у них родился сын Лев, ставший впоследствии ученым-археологом. Умерла Е.Быхолец 22 октября 1880 года, похоронена в Петербурге

СУД

З

августа, находясь в Кисловодске, Траскин отправил Граббе очередное письмо, в котором сообщал: «Расследование по делу о дуэли закончено, и, так как Мартынов в отставке, дело перешло в Окружной суд, и мне дадут только выписку из следствия, касающуюся Глебова, которую надо будет послать Великому Князю Михаилу, потому что он (Глебов. — В.З.) гвардеец. Впрочем, я думаю, что прежде чем все это примет юридический ход, из Петербурга прибудет распоряжение, которое решит участь этих господ» [22, 425].

Это письмо, по мнению многих исследователей, якобы, свидетельствует о том, что Траскин был заранее уверен, «что Петербург сам решит вопрос о наказании Мартынова». Дело в том, что право окончательного утверждения приговоров (конфирмация. — В.З.) в военно-судных делах принадлежало царю. 4 августа за подписью Чернышева было отправлено в Тифлис Корпусному командиру Головину «Высочайшее повеление о предании всех троих военному суду неарестованными, с тем, чтобы судное дело было окончено немедленно и представлено на конфирмацию установленным порядком». Повеление было выполнено к концу месяца. В Пятигорске был учрежден военный суд, председателем которого назначили

Кавказского Линейного № 2-го батальона подполковника Манаенко.

Кроме официальных известий о случившейся трагедии из Пятигорска ушли и другие письма, частные, часть из которых дошла до наших дней, но многие, видимо, безвозвратно исчезли. Участники дуэли известили о происшествии, разными путями, и своих близких. Так, Государственный секретарь Модест Корф записал в своем дневнике: «Молодой Васильчиков в самый день дуэли отправил нарочного с известием о ней к своему отцу, который вследствие того тотчас и приехал сюда (третьего дня) прежде чем могло прийти к нему письмо от Левашова» [55, 430]. Естественно, сообщение о дуэли было для старшего Васильчикова полной неожиданностью.

17 октября председатель Государственного Совета отправил пятигорскому коменданту письмо:

«Милостивый государь Василий Иванович!

Узнав от сына моего, что Вы находитесь комендантом в Пятигорске, я как к старому сослуживцу обращаюсь с покорнейшей просьбою: не будучи уверен, что письмо найдет сына моего в Пятигорске, я счел необходимым препроводить к Вам, милостивый государь, две тысячи рублей ассигнациями, и буде он еще на месте, вручить ему сии деньги; в случае же отсутствия переслать ко мне обратно, сим премоного обяжете имеющего быть с истинным почтением.

Вашего Высокоблагородия покорнейшим слугою.

Князь И. Васильчиков» [114, 121].

Растроганный Ильяшенков тут же послал ответ князю: «Сиятельнейший князь милостивый государь Илларион Васильевич. Письмо Вашего сиятельства и две тысячи рублей ассигнациями я имел честь получить 29 октября; деньги эти я вручил тогда же Александру Илларионовичу, в получении коих представляю при сем записку его руки.

С чувством высокого уважения к особе Вашего Сиятельства смею доложить Вам, что и в это время я с особенным удовольствием помню, как с 1792 года в конной Гвардии имел честь служить под командою дядюшки Вашего

Сиятельства покойного Григория Алексеевича, где и вы с братьями тогда служили там.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейший слуга

Василий Ильяшенков» [114, 121].

Для многих было ясно, что И.В.Васильчиков попытается выгородить своего сына. Московский почт-директор Булаков еще 8 августа в письме к П.А.Вяземскому заметил:

«Князь Васильчиков будучи одним из секундантов можно было предвидеть, что вину свалят на убитого, дабы облегчить наказание Мартынова и секундантов, впрочем того уже не воскресишь, так почему же не употребить смерть Лермонтова в пользу тех? Намедни был я у Алек<сея> Фед<оровича> Орлова⁹³ и он дуэль мне совсем уже иначе рассказывал. Что это за напасть нашим поэтам» [120, 712].

Судебное заседание продолжалось четыре дня, с 27 по 30 сентября. Первыми без особого пристрастия допросили подсудимых, спросив, «не имеют ли к оному (т. е. к уже описанному следователями. — В.З.) чего-либо добавить или убавить?». И Мартынов, и секунданты подтвердили, что дуэль проходила так, как описано в показаниях, и заявили, что им нечего добавить. В последующие дни были рассмотрены все собранные материалы, свидетельские показания и была оглашена составленная на их основе выписка.

В последний день Ильяшенков прислал в судебную комиссию пистолеты Лермонтова, сопроводив их следующей бумагой: «Препровождая при сем в оную Комиссию пару пистолетов, принадлежащих убитому на дуэли поручику Лермонтову, из которых он стрелялся с отставным майором Мартыновым, а имеющиеся в оной таковые ж пистолеты, принадлежащие ротмистру Столыпину, взятые Частною управою по ошибке при описи имения Лермонтова, предлагаю возвратить ко мне для отдачи по принадлежности» [114, 122]. Пистолеты по решению суда были заменены, 5 октября Глебов написал расписку, что обязуется доставить их Столыпину⁹⁴.

30 сентября был объявлен приговор: Мартынова, Глебова и Васильчикова предлагалось лишить чинов и прав состояния с оговоркой, которая по тем временам была обязательной: «Сей приговор... в присутствии сей комиссии подсудимым объявлен, но не чиня по нем никакого исполнения, представить оный обще с делом на Высшую конфирмацию. Выше упомянутые подсудимые находятся все не арестованными на свободе» [114, 123].

При прохождении дела по следующим высоким инстанциям к решению суда было приложено несколько мнений, в том числе мнение Командующего войсками Кавказской линии и Черномории Граббе, предлагавшего лишить Мартынова ордена и «написать его в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства», а Глебова и Васильчикова «выдержать еще некоторое время в крепости с записанием сего штрафа в формулярные их списки» [147, 43].

20 ноября в Пятигорск из столицы пришло предписание, под которым стояла подпись военного министра князя Чернышева. В нем излагалось Высочайшее повеление, что если суд уже закончился и документы отправлены на Высочайшую конфирмацию, «дозволить отправиться: князю Васильчикову и Глебову в С.-Петербург, а майору Мартынову по выбору места жительства, обязав их всех троих подпискою не выезжать из сих мест до окончательной конфирмации военно-судного об них дела» [147, 47].

23 ноября из Тифлиса дело было, наконец, отправлено в Петербург на имя военного министра. Вслед за бумагами в Петербург выехали Васильчиков и Глебов. Мартынов избрал местом жительства Одессу.

Николаю I «Извлечение из военно-судного дела» было подано 3 января 1842 года генерал-аудитором Ноинским. К делу было приложено мнение Е.А.Головина, датированное 21 ноября, в котором он подробно описал дуэль и, признав подсудимых виновными, предложил следующее: «Майора Мартынова, в уважение прежней его беспорочной службы начатой в гвардии, отличия оказанного в экспедиции против горцев в 1837 году, за что он удостоен орде-

на св. Анны 3 степени с бантом и того, что Мартынов вынужден был к произведению дуэли с Лермантовым беспрестанными обидами, на которые долгое время отвечал он увещанием и терпением, лишить чина, ордена и написать в рядовые до отличной выслуги, а Корнета Глебова и князя Васильчикова, хотя следовало бы подвергнуть одинаковому наказанию с Майором Мартыновым; но принимая во внимание молодость их, хорошую службу, бытность первого из них в экспедиции против горцев в 1840 году и полученную им тогда тяжелую рану, вменив им в наказание содержание под арестом до предания суду, выдержать еще в крепости на гауптвахте один месяц и Глебова перевести из гвардии в армию тем же чином, подвергая впрочем участь подсудимых на Высочайшее Его Императорского Величества благоуважение» [147, 44 – 45].

Через несколько дней на обложке дела рукой Ноинского было написано: «Высочайше повелено: майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, титулярного же советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им тяжелой раны» [114, 123].

Приговор был окончательным. Анализируя этот приговор, который многие считали слишком мягким, следует заметить, что царь обычно смягчал решение суда. Кроме того, в данном случае Николаю не хотелось осложнять отношения с преданным ему князем Илларионом Васильчиковым. Это видно хотя бы из записи в дневнике М.А.Корфа: «Дело» получило тот конец, какого почти наверное ожидать надлежало». Молодого Васильчикова «Государь всемилостивейше повелеть изволил... простить по уважение к знаменитым заслугам отца». Новая цепь благодарности, привязывающая последнего к службе...» [55, 429]. Что касается Глебова, то у него была действительно тяжелая рана, которая с трудом залечивалась. К тому же, его участь была связана с участью первого секунданта, а так как Васильчиков был помилован, то же решение ждало и второго секунданта.

Отвечая на вопрос, чем руководствовался Николай I, вынося приговор Мартынову, нельзя не учитывать того, что общегосударственной идеологией в России было православное вероучение. В «Пространном православном катехизисе», в котором изложено учение о православной вере, даются пояснения к шестой заповеди «не убий», относящиеся, в частности, и к поединкам: «Поелику разрешать частные распри есть дело Правительства, но вместо того поединщик своевольно решается на такое дело, в котором предстоит явная смерть и ему, и сопернику: то в поединке заключаются три ужасные преступления: мятеж против Правительства, убийство и самоубийство» [169, 98].

Там же содержится и ответ на вопрос: «Что должно думать о невольном убийстве, когда убивают нечаянно и без намерения?» — «Невольный убийца не может почитаться невинным, если не употребил надлежащих предосторожностей против нечаянности, и во всяком случае имеет нужду в очищении совести, по установлению Церкви» [169, 97].

Возможно, ход рассуждений Николая I был такой: Лермонтов погиб, повод к дуэли подал сам. Воскресить его невозможно. Естественно, Мартынов виновен в убийстве, пусть невольном, непреднамеренном, но убийстве, и наказание следует определить для него такое, чтобы он мог постоянно размышлять над тем, что совершил, чтобы он мог постоянно ощущать свое моральное, нравственное падение. Мартынов должен всей своей последующей жизнью искупить свою вину. А делается это путем покаяния.

Вновь обратимся к катехизису: «Покаяние есть таинство, в котором исповедующий грехи свои, при видимом изъявлении прощения от священника, невидимо разрешается от грехов самим Иисусом Христом». А от кающегося требуется искреннее сокрушение о грехах, «намерение исправить свою жизнь, вера во Христа и надежда на Его милосердие» [169, 60].

НАКАЗАНИЕ

И

так, по решению Николая I наказанием для Мартынова стало церковное покаяние, и не следует думать, что такое наказание было легким.

Отбывать его Мартынов должен был в Киеве. Духовная Консистория определила ему пятнадцатилетний срок, а предварительно перед этим он отсидел три месяца в Киевской крепости на гауптвахте. Духовного отца он себе выбрал сам — им оказался протоиерей Прозоровской Александра-Невского церкви отец Иассон Мациович.

Висковатый между прочим заметил, что Мартынов «отбывал церковное покаяние в Киеве с полным комфортом. Богатый человек, он занимал отличную квартиру в одном из флигелей Лавры. Киевские дамы были очень им заинтересованы. Он являлся изысканно одетым на публичных гуляньях и подыскивал себе дам замечательной красоты, желая поражать гуляющих и своим появлением, и появлением прекрасной спутницы. Все рассказы о его тоске и молитвах, о «ежегодном» навещании могилы поэта в Тарханах — изобретение приятелей и защитников» [48 445].

Справедливость слов Висковатого подтверждается документально.

Да, действительно, могилу Лермонтова в Тарханах Мартынов не навещал, а предпринимал

многократные попытки облегчить себе участь через ходатайства родственников.

С.К.Кравченко опубликовала письмо, написанное в апреле 1842 года киевскому военному губернатору Д.Г.Бибикову его близким родственником, имя которого установить не удалось. Приведем отрывок из него:

«Не знаю, любезный Дмитрий, почему здесь пронесся слух, что ты едешь через Москву; мы поверили приятной молве и два месяца протекли в беспричинном ожидании провести с тобой несколько дней. Многие желали тебя видеть, в числе этих находится добрая наша старая знакомая Елизавета Михайловна Мартынова. Эта столь несчастная женщина в семейных отношениях вполне чувствует, увы, расположение к заключенному ее сыну, и просит меня передать тебе всю пылкость, всю нежность своей благодарности. Но как можно выразить чувства принательной матери?

Сердцу доступно понять их, но описать невозможно. Она надеется, или лучше сказать, она уверена, что ты ходатайством своим сократишь время наказания. В горести своей она справедливо говорит, что краткая, но усердная молитва, при искреннем раскаянии, приятнее Царю Небесному и царю земному, чем пятнадцать лет ропота и отчаяния. Молодость есть весна жизни, а что за жизнь в отшельничестве монастырском? Сойти живым в гроб в самые лета пылких страстей, полных высших радостей, наслаждений поэзии и призраков счастья? Провидение избрало тебя, Дмитрий, чтоб достойно воздать сыну все то, что блаженной памяти Соломон Михайлович делал для твоей матери и для тебя самого, во время изгнания нашего. Когда ты свершишь начатое дело, то поблагодарю Бога и поздравлю тебя, что ты мог и хотел заплатить добро добром. Семейство Мартыновых уже благословляет тебя и полагает всю надежду на твое ходатайство» [107, 72].

Думается, что слух о возможном проезде Д.Г.Бибикова через Москву — всего-навсего предлог, чтобы изложить просьбы семейства Мартыновых, присовокупив напоминание о прошлых благодеяниях отца Мартынова⁹⁵. Ясно, что

ни Мартынов, ни его близкие не могли смириться с неза-
видной участью совсем еще молодого человека.

15 июля 1842 г. Мартынов подал Бибикову прошение:

«С чувством живейшей признательности, вспоминая
о милостивом решении Государя Императора, я равномерно
сознаюсь в справедливости возложенного на меня нака-
зания приговором Киевской Духовной Консистории, — но
мысль, что я должен буду провести 15 лет в бездействии,
разлучен с родными, не принося пользы ни отечеству, ни
им, — эта мысль заставляет меня прибегнуть к Вам и покор-
нейше просить Вашего ходатайства об уменьшении срока
моего покаяния. Зная готовность Вашу на пользу ближних,
я в надежде на то, что Вы не откажете мне в моей просьбе,
если только возможно ее исполнение» [107, 72].

Епитимья, налагаемая духовником на своего подопеч-
ного, была разной степени сложности: это и усиленный
пост, продолжительная молитва, немалое число земных по-
клонов, которые Мартынов должен был класть ежедневно
под наблюдением, запрет причащаться. Запрещалось учас-
тие в светской жизни, балах и вечеринках, и это далеко не
полный перечень ограничений, к которым Мартынов не
был подготовлен. Вынести все тяготы церковного покаяния
он не мог и уже в августе подал прошение в Святейший
Синод, как тогда полагалось, на Высочайшее Имя:

«Всепресветлейший Державный Великий Государь Им-
ператор Николай Павлович Самодержец Всероссийский,
Государь Всемиловитвейший.

Просит отставной Майор Николай Соломонов сын
Мартынов, а в чем мое прошение тому следующие пункты:

1. За убиение на дуэли поручика Лермонтова, я был пре-
дан Военному Суду и по высочайшей Вашего Император-
ского Величества конфирмации, посажен на три месяца
в крепость, с повелением предать меня Церковному покая-
нию, по освобождению из-под ареста — Киевская Духов-
ная Консистория на основании существующих правил о
умышленных убийствах определила мне пятнадцатилетний
срок для покаяния к сему.

2. Не имея средств доказать положительно, что убийство было не умышленное, я могу однако же представить некоторые обстоятельства из самого дела, сообразуясь с которыми и впоследствии стало столь милостивое решение Вашего Императорского Величества. По следствию оказалось: а) что я был вынужден стреляться вызовом моего противника, б) что уже на месте происшествия выжидал несколько времени его выстрела, стоя на барьере и, наконец, что в самую минуту его смерти я был возле него, старался подать ему помощь, но видя бесполезность моих усилий, простился с ним как должно христианину. Взяв во внимание все вышеизложенные мною обстоятельства, я Всеподданейше прошу, дабы повелено было, истребовать (прошение) означенное дело из Киевской Духовной Консистории и, рассмотрев его, сколько возможно облегчить мою участь» [107, 72 — 73].

В январе 1843 года прошение Мартынова было удовлетворено: синод сократил срок покаяния до десяти лет, а Киевский митрополит Филарет убавил еще два года.

В сентябре Мартынов получил паспорт сроком на три месяца на проезд до Петербурга и с разрешением жительства в Москве. В конце октября Мартынов с молодой женой — дочерью киевского губернского предводителя дворянства, уехал в Петербург.

В марте 1844 года Мартынов вновь в Киеве, к этому времени он сменил духовника — им стал священник Старо-Киевской Сретенской церкви отец Василий Панов. Тогда же Мартынов начал хлопотать о разрешении выехать в Германию для лечения на Воды. Его прошение достигло столицы и, оказавшись в руках начальника III Отделения графа А.Ф.Орлова, получило категоричную резолюцию: «Невозможно. Всюду, кроме заграницы, даже на Кавказ. Могу предст<авить> Г<осударю>» [107, 76].

В 1845 году Мартынов снова в Петербурге, духовную епитимью проходит у священника церкви Святых и праведных Захария и Елисаветы, «состоящей в казармах Кавалергардского Его Величества полка». Побывав в Воронеже,

он возвращается в Киев, и в начале следующего года впервые допускается к причастию. Незадолго до этого Мартынов вновь обращается в Киевскую Духовную Консисторию с прошением: «Освободите меня, искренно кающегося грешника, от дальнейшего прохождения епитимии, предоставив остальное время покаяния моей совести, совершенно сознающей содеянный грех». Консисторские власти переслали прошение в Петербург, и в декабре 1846 года было принято решение об освобождении Мартынова «от дальнейшей публичной епитимии с предоставлением собственной его совести приносить чистосердечное пред Богом раскаяние в учиненном им преступлении» [70, 48 – 51].

Как видим, Мартынов приносил покаяние всего около четырех лет, но если вычесть из этого срока его поездки, то вряд ли в общей сложности наберется два года.

Мучила ли Мартынова совесть? Возможно, мучила. Рассказывают, что ежегодно в день дуэли он заказывал панихиду «по убиенному болярину Михаилу»...

Остаток жизни он прожил спокойно и в полном достатке, окруженный многочисленным семейством. У него было одиннадцать детей, пять дочерей и шесть сыновей. Скончался Мартынов в 1875 году в Москве, похоронили его в родовом имении Знаменском.

После революции в барском доме разместили детский дом для беспризорных. Когда они узнали, что в могиле покоятся останки человека, убившего на дуэли Лермонтова, ее разрыли, кости разбросали...

На этом можно было бы и поставить точку, но...

* * *

В 1974 году в музее-заповеднике М.Ю.Лермонтова «Тарханы» при подготовке к юбилею срочно подновляли экспозицию в доме Арсеньевой. Секретер конца XVIII века, стоявший в комнате бабушки поэта, совсем разваливался; из Москвы вызвали реставраторов, они разобрали его и обнаружили тайничок.

Небольшой ящичек был так удачно спрятан, что за 70 лет его никто не смог обнаружить. Внутри лежали перевязанные ленточкой какие-то бумаги, которые мне пришлось разбирать. Удивлению не было границ — в тайнике хранились личные бумаги Виктора Николаевича Мартынова! и его жены Софьи Михайловны, в девичестве Катениной, дочери бывшего наказного атамана Оренбургского казачьего войска⁹⁶.

Как секретер сына Николая Мартынова оказался в Тарханах?

В 1976 году, встретившись в Москве с Николаем Павловичем Пахомовым — старейшим музейным работником нашей страны, который был организатором музея М.Ю.Лермонтова в Тарханах, я стал расспрашивать его о том, как создавался музей и его экспозиция. Оказывается, в 1939 году Николай Павлович получил задание собрать в музеях Москвы и Подмосковья предметы и материалы для музея, открывающегося в Тарханах. Пахомов поехал в Дмитров, тамошний музей срочно раздавал все экспонаты, освобождая монастырские помещения, которые приглянулись НКВД. Вещи, не поместившиеся в выделенную для музея и срочно закрытую церковь, лежали под открытым небом. Там-то Николай Павлович и отобрал мебель конца XVIII — первой четверти XIX века, то есть такие предметы, которые вполне могли быть в имении бабушки Лермонтова. В Дмитровский музей в свою очередь свозились вещи из разоренных подмосковных усадеб. Таким образом секретер Мартынова попал в дом Арсеньевой...

К этой истории с секретером можно отнести по-разному. Автора она заставила еще раз задуматься о фатальности судьбы Лермонтова.

1977—1999

Тарханы — Тамань — Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В 1991 г. М. Дамианиди и Е. Рябов доказали, что это не больше, чем вымысел. Они впервые исследовали и опубликовали переписку Марии Щербатовой с А. Д. Блудовой. «Теперь не подлежит сомнению, — пишут исследователи, — что поспешный отъезд Щербатовой 22 февраля 1840 года из Петербурга в Москву был обусловлен чисто семейными причинами — болезнью отца. Укоренившееся мнение о ее поспешном отъезде после того, как ей стало известно о дуэли Лермонтова с Барантом, следует отвергнуть как не имеющее оснований. Необходимо отказаться и от предположения, согласно которому поэт, находясь под арестом, встречался с Щербатовой, приехавшей якобы из Москвы на могилу сына. Эти предположения опровергают ее письма из Москвы в Петербург 15, 23 марта и 17 апреля» [145, 199].

Блудова Антонина (Антуанетта) Дмитриевна — дочь Анны Андреевны Блудовой (1777 — 1848), урожденной княжны Щербатовой, и главноуправляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Д. Н. Блудова, который был дружен с В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским, был членом литературного общества «Арзамас». В своих воспоминаниях о поэте Антонина Дмитриевна писала: «Вот Лермонтов с странным смешением самолюбия не совсем ловкого светского человека и скромности даровитого поэта, неумолимо строгий в оценке своих стихов, взыскательный до крайности к собственному таланту и гордый весьма посредственными успехами в гостинных. Они скоро бы надоели ему, если бы не сгубили безвременно тогда именно, когда возрастал и зрел его высокий поэтический дар» [34, 64].

В альбоме Блудовой сохранились 5 рисунков Лермонтова и списки двух стихотворений: «Молитва» («В минуту жизни трудную») и «Тучи». Известен отзыв о Лермонтове ее отца — Д. Н. Блудова, который говорил дочери, что очень ценит Лермонтова и «...почитает единственным из наших молодых писателей, чей талант постепенно созревает, подобно богатой жатве, возвращаемой на плодоносной почве...» [118, 65].

Об этой хитрости на Кавказе знали все. Так, кстати, поступил Лермонтов и во время первой ссылки в 1837 г. [см.: 75, 139 — 151]. Дело в том, что в 1840 году, как и в 1837 году, Николай I отправил Лермонтова в полк, который не принимал участия в активных военных действиях.

В 1837 году поэт был прикомандирован в Нижегородской драгунский полк. Однако и Лермонтов, и его дядя — генерал П.И.Петров, бывший в то время в Ставрополе начальником Штаба Кавказской линии и Черномории, прекрасно понимали, что во время военных действий показать себя в бою, отличиться будет проще. Такая возможность могла быть осуществлена лишь при участии в экспедиции, которые были на Кавказе каждый год. Это как раз и давало повод для прощения.

Но вот как отправить Лермонтова в экспедицию? Перевести поэта самочинно было возможно, но это означало нарушение воли Государя, решиться на что было весьма рискованно. И хотя П.И.Петров с помощью начальника Штаба Кавказского корпуса смог перевести Лермонтова в экспедицию, он все-же постарался обзавестись защитой. К этому делу привлекли А.И.Философова — флигель-адъютанта Великого князя Михаила Павловича, младшего брата Императора. Философов был женат на кузине Лермонтова. 7 мая 1837 года он написал в Тифлис письмо к своему старому приятелю В.Д.Вольховскому — начальнику Штаба Кавказского корпуса:

«Письмо твое, любезнейший и почтеннейший Алексей Илларионович, — отвечал Вольховский Философову, от 7/19 мая получил я только в начале июля в Пятигорске и вместе с ним нашел там молодого родственника твоего Лермонтова. Не нужно тебе говорить, что я готов и рад содействовать добрым твоим намерениям на счет его: кто не был молод и неопытен? На первый случай скажу, что он, *по желанию ген. Петрова*, тоже родственника своего, командирован за Кубань, в отряд ген. Вельяминова: два, три месяца экспедиции против горцев могут быть ему небесполезны... По возвращении Лермонтова из экспедиции постараюсь действовать на счет его в твоём смысле».

Но пока письмо нашло В.Д.Вольховского в Пятигорске, куда он приехал для лечения, в Ставрополь, в Штаб войск, пришел рапорт, подписанный все тем же Вольховским, датированный 10 июля, об отправлении в действующий за Кубань отряд Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова. Оказывается, Павел Иванович Петров, воспользовавшись присутствием Вольховского в Пятигорске, просил его отдать соответствующий приказ. Ведь именно об этом пишет В.Д.Вольховский в письме к Философову.

В 1837 году друзья рассчитывали, что прощение Лермонтова может произойти в самое ближайшее время. Философов, находясь в свите Великого князя на маневрах, пишет жене в Петербург 1 сентября: «Тетушке Елизавете Алексеевне (бабушке Лермонтова. — В.З.) скажи, что граф Орлов сказал мне, что Михайло Юрьевич будет наверное прощен в бытность Государя в Анапе, что граф Бенкендорф два раза об этом к нему писал и во второй раз просил доложить Государю, что прощение этого молодого человека он примет за личную себе награду; после этого, кажется, нельзя сомневаться, что последует милостивая резолюция».

И действительно, все тогда произошло так, как и предполагали. 11 октября 1837 г. в Тифлисе Государь отдал Высочайший приказ по кавалерии о переводе «прапорщика Лермантова лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом» [75, 140 — 141, 144].

- 3 В отделе рукописей ИРЛИ был обнаружен рапорт Выласкова в Штаб Отдельного Кавказского Корпуса:

«30 октября 1840 г.	В Штаб отдельного Кавказского
№ 3795	корпуса от командующего
из кр<епо<сти> Анапы	Тенгинским пехотным полком
	подполковника Выласкова

Рапорт.

В следствии отношения ко мне начальника штаба войск Кавказской линии флигель-адъютанта полковника Траскина от 14-го октября № 176-й честь имею представить при сем в оный штаб формулярный список о службе командуемого мною полка поручика Лермонтова; присовокупляю, при том, что офицер этот — **по переводу к полку не пребывал**, из отзыва только господина полковника Траскина узнал я, что он находится в отряде господина генерал-лейтенанта, а по сему и не приписано в графе времени прибытия к полку» [75, 146].

- 4 В конце прошлого века П.К.Мартьянов обнаружил в Московском архиве Главного штаба документы, которые позволили уточнить и исправить ряд неточностей, вкравшихся в биографию поэта, опубликованную П.А.Висковатым. К сожалению, в свое время на публикацию П.К.Мартьянова не обратили внимания. Советские лермонтоведы с недоверием относились к Мартьянову, за ним закрепилась слава «правого» журналиста и даже «выдумщика». Однако некоторые неточности и незначительные ошибки, действительно имевшие место в статьях Мартьянова, не умаляют значения его труда, который в чем-то может соперничать с первой биографией, написанной П.А.Висковатым. Первым, кто проверил свидетельства Мартьянова и нашел им полное подтверждение, был С.И.Недумов.

Как писал Мартыанов, по месячным отчетам Тенгинского полка за 1840 и 1841 годы, «...поручик Лермонтов показан: с 11-го июня по ноябрь 1840 года в прикомандировании к отряду генерал-лейтенанта Галафеева, откуда и получил разрешение на командировку в Пятигорск и Ставрополь — в августе-сентябре. За декабрь 1840 и январь 1841 года он показан состоящим налицо, в крепости Анапе, с февраля по июнь — в домашнем отпуску, а за июнь по день смерти — за болезнью в Пятигорском военном госпитале» [131, 152 — 154].

- 5 Что касается местонахождения штаб-квартиры Тенгинского полка, Д.В.Ракович, историк 77-го пехотного Тенгинского полка, сообщил: «К концу июля месяца (1840 года) в станицу Ивановскую прибыли маршевые баталионы 6-го пехотного корпуса на укомплектование людьми, всю штаб-квартирою и 4-мя баталионами выступили в крепость Анапу... По прибытии в Тамань, люди были посажены 24 августа на суда и перевезены в места расположения баталионов» [75, 147]. В Ивановской остались лишь нестроевая и инвалидные роты, часть полковых подъемных лошадей, обоз, цейхгаузы. Все остальные роты были в течение нескольких лет разбросаны по укреплениям восточного берега Черного моря, и «...только Анапа, полковая наша штаб-квартира, — писал Ракович, — производила впечатление города с довольно удобными домами». В те годы Анапа имела «вид богатой малороссийской деревни; дома большею частию мазанки, покрыты камышом; улиц почти нет... Дом турецкого коменданта сильно пострадал от нашего флота во время осады и теперь пуст. Жители отправляются с конвоем брать воду в речке Анапа, в расстоянии двух верст от крепости. Крепостные лошади пасутся за крепостью под прикрытием пушки» [75, 148].

- 6 В альбоме А.А.Капнист, хранящемся в РГБ, есть любопытная запись, сделанная декабристом Н.И.Лорером, она озаглавлена — «Мое первое знакомство с Лермонтовым»: «Я жил тогда в Фанагорийской крепости в Черномории. В одно утро явился ко мне молодой человек, в сюртуке нашего Тенгинского полка и рекомендовался поручиком Лермонтовым, переведенным из лейб-гусарского полка — он привез мне из Петербурга от племянницы моей Александры Осиповны Смирновой письмо и книгу «Imitation de Jesus Christ» («О подражании Христу», соч. Фомы Кемпийского. — В.3.) в прекрасном переплете. Я тогда еще ничего не знал про Лермонтова, да и он в то время не печатал, кажется, ничего замечательного, и «Герой нашего времени» и другие его сочинения вышли позже...». В этом небольшом отрывке имеется указание на место встречи — Фанагорийскую крепость, которая находилась в двух верстах от Тамани. В декабре 1840 года

Лермонтов встретился с Лорером в той самой избушке, которую совершенно случайно поэт зарисовал в 1837 году, когда впервые побывал в Тамани.

⁷ Д.В.Ракович в своей книге пишет, что 31 декабря 1840 года Лермонтов «приказом по полку за № 365 был зачислен налицо» в Тенгинский пехотный полк [75, 146].

⁸ 11 декабря 1840 года военный министр А.И.Чернышев в отношении за № 10415 сообщил Командиру Отдельного Кавказского Корпуса о том, что «Государь Император, по всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, Высочайше повелеть соизволил: офицера сего ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца» [126, 143 — 144].

⁹ Командующий Кавказской линией и Черноморией П.Х.Габбе жил в Ставрополе в просторном доме, построенном еще в 1824 г. архитекторами братьями Бернардацци в той части города, которая была расположена на возвышенности и называлась местными жителями Воробьевкой. Перед домом был огромный пустырь и по базарным дням здесь шумело разноголосое торжище. Назначенный на должность после смерти своего предшественника генерал-адъютанта А.А.Вельяминова, он не считал Ставрополь местом ссылки и гордился своим положением.

Габбе Павел Христофорович (1789 — 1875) начал военную службу в 1805 г. В сентябре того же года он получил офицерское звание, а с 1807 г. принимал участие в войнах против наполеоновской Франции. В 1808 г. молодой Габбе был назначен военным агентом в Мюнхен. В начале войны 1812 года он состоял адъютантом при военном министре М.Б.Барклае-де-Толли. Вскоре он стал адъютантом А.П.Ермолова и принял участие в Бородинском сражении. С большой теплотой отзывался Габбе о своем командире.

«Совершенно отеческое его обращение со мною оставило во мне сыновнюю к нему привязанность, — вспоминал он в своих «Записках». — Мое отношение к А.П.Ермолову со времени моего адъютантства еще более походило на быт семейный» [100, 17].

В 1820 г. М.А.Фонвизин принимает Габбе в Союз Благодеяния, где он становится одним из видных деятелей. Габбе возглавлял Лубенский гусарский полк, офицеры которого в 1822 г. отказались выполнять приказания своего бригадного командира генерал-майора Н.В.Васильчикова. После этого Габбе было предложено немедленно выйти в отставку с «непременным» поселением в Ярославле и запрещением выезжать оттуда без специального разрешения. За ним был установлен бдительный

надзор как за человеком, который «быв всегда благодетельствован Е<го> В<еличеством>, дозволил себе явно нарушить правила военной субординации и чинопочитания» и «занимался непозволительными сообщениями с шайкою людей, коих побуждения весьма подозрительны» [113, 241 – 242].

В этом месте предписания, направленного Ярославскому губернатору и содержащего указание установить строгий надзор за Граббе, имелось в виду его участие в Московском съезде декабристов, о котором Александр I узнал из доноса. Во время следствия над декабристами Граббе отказался от этого обвинения, но в дальнейшем был вынужден признать, что он все же «участвовал в совещании, происходившем у Фонвизина в Москве в 1821 году» [21, 73].

При этом Граббе скрыл, что именно он по поручению Ермолова предупредил членов тайного общества о том, что Император Александр I узнал о его существовании.

После восстания на Сенатской площади Граббе был посажен на четыре месяца в Динабургскую крепость, после чего вернулся на службу в тот же полк. В 1829 г. он был произведен в генерал-майоры, в 1837 — в генерал-лейтенанты, в 1838 г. был переведен на Кавказ на должность Командующего войсками Кавказской линии и Черномории, штаб которого находился в Ставрополе.

В «Записках» декабриста В.С.Толстого, к которым придется обращаться еще не раз, сохранились многочисленные свидетельства о личной жизни Граббе. Ему посвящена отдельная глава «Записок» (см. Приложение 1).

Портрет Граббе в длинном плаще с поднятым воротником автор нашел в альбоме близкого знакомого Лермонтова Д.А.Милютина, который был на Кавказе довольно долго, с конца 30-х годов он вел подробнейший дневник. Под портретом «неизвестного» имеется довольно недвусмысленная приписка: «Наш вождь в ночном дозоре» [15, ф. Р — 169, п. 1, ед. 12, л. 26]. В этом «неизвестном» легко угадывался Граббе.

У нас нет причин не доверять воспоминаниям В.С.Толстого. Ему пришлось послужить на Кавказе довольно долго, за это время перед его глазами прошла целая галерея «начальствующих особ», о каждой из которых у него скопилось немало самых разнообразных сведений.

Однако о Граббе удалось собрать и другие свидетельства. Так, известно, что он был лично знаком с А.С.Пушкиным, которого высоко ценил, что видно из его личного письма к Траскину, в котором нашла отражение неприязнь и к убийце Лермонтова. Поэт был принят в доме Граббе домашним образом, при этом был весьма в теплых отношениях с супругой командующего.

Да, можно сказать, что Граббе был человеком весьма противоречивым. Возможно, несколько авантюрным по своему складу, но находясь на должности Командующего войсками Кавказской линии и Черномории, он встречался со многими людьми, которые оказались на Кавказе не по своей воле, и довольно часто оказывал им помощь. Постепенно сложилось мнение, что он друг и соратник прославленного Ермолова и глава оппозиционно настроенной по отношению к николаевскому режиму части военных, служивших на Кавказе. На самом деле такой оппозиции не существовало, но вольные, свободные разговоры были, их вели там все.

Что же касается Граббе, то, очевидно, ему льстило, что его считают оппозиционером. Поэтому либерализм по отношению к ссыльным ему не претил, наоборот, генерал даже гордился, что может оказать содействие этим людям, ведь посути это ему ничего не стоило.

Прибыв летом 1840 года в Ставрополь, Лермонтов, естественно, попал в поле зрения Граббе, который вместе со своим начальником штаба Траскиным принял самое активное участие в судьбе сосланного поручика.

Узнав о сентенции (решении) генерал-аудиториата по поводу дуэли Лермонтова с де Барантом и о последующем распоряжении Николая I «поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином», Граббе решил выполнить это распоряжение по-своему. На свой страх и риск, вопреки воле Императора, он командует Лермонтова на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции генерала Галафеева.

Как уже отмечалось, распоряжение Государя направить Лермонтова в Тенгинский пехотный полк расценивалось некоторыми исследователями как желание избавиться от неудобного поручика [22, 132], другие же считали, что это был путь к выслуге [48, 377]. С.И.Недумов, исследовав многочисленные архивные документы, сделал вывод, что в Галафеевских экспедициях 1840 г. на левом фланге, где поэт неоднократно проявлял отчаянную храбрость, «опасность для его жизни была, по-видимому, большей, чем в Тенгинском полку на правом фланге» [143, 377].

Чем объяснить, что Граббе решил подвергнуть Лермонтова столь большому риску?

Любопытную оценку подобного же приказания, правда, относительно другого лица, обнаруживаем у М.В.Нечкиной. Говоря о декабристе Добринском, историк пишет: «Добринского надо было устроить в полк, предназначенный для ближайших боевых действий, это давало способы быстрее продвижения сосланного на Кавказ и приближало перспективы снятия кары.

Попасть же в бездействующий полк где-либо в отдалении боевых действий, значило обречь себя на длительное прозябание без перспективы продвижения» [146, 500].

Как видим, расчет Граббе, решившего перевести Лермонтова в экспедицию, сводился к тому, чтобы дать ему возможность быстрее продвинуться по службе. Вначале все шло именно так, как было задумано. Однако, когда в Петербург пришло второе представление к награде, подписанное Головиным, Николай I разгадал намерение кавказских друзей поэта. Что было дальше, мы уже знаем...

- ¹⁰ До нас дошло письмо, которое в феврале 1840 года Граббе отправил к Ермолову со штабс-капитаном Д.А.Милютиним. Вот содержание этого письма: «Это письмо, глубокоуважаемый Алексей Петрович, вручит вам гвардейского генерального штаба штабс-капитан Милютин, один из самых отличных офицеров Армии. С умом, украшенным положительными сведениями, он соединяет практический взгляд и не на одни военные предметы. К тому же примерной храбрости, благороднейших чувств, он во всех отношениях мне полезен и приятен. Приласкайте его и расспрашивайте о чем хотите. Он столько знаком со всем, что здесь происходит, что передаст вам изустно хорошо и подробнее, нежели позволило бы то письменное изложение. Он расскажет Вам также о семейном моем быте, где он был принят по достоинству. — Он скромнен и даже несколько застенчив: вам нужно будет его ободрить» [19, 107].

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816 — 1912) — соученик Лермонтова по Московскому Благородному Университетскому Пансиону. С 1861 г. — военный министр. С 1878 г. — граф. Последний русский генерал-фельдмаршал (с 1898). Как считают многие исследователи, Милютин был близок Лермонтову по развитию и интересам.

- ¹¹ Это подтверждает и цитировавшееся выше отношение полковника А.С.Траскина от 20 января 1841 года.

- ¹² В феврале 1843 года Ермолова в этом доме посетили М.П.Погодин и генерал Н.П.Годеин. Комната, в которой они встретились с Ермоловым, была та же, в которой генерал беседовал два года назад с Лермонтовым. «Мы вошли в низенькую комнату, оклеенную желтыми обоями; на голых стенах не висело ничего, кроме медальонов графа Толстого, изображающих сражения двенадцатого года... Перед небольшим оконцем стоял рабочий стол, за которым в углу, на простом стуле, сидел славный сподвижник 1812 года, один из победителей Наполеоновых. Голова у него была вся белая, глаза маленькие, соколиные, тело тучное. На нем был серый поношенный сюртук из казинета (род сук-

на. — В.З.); жилет темного цвета был застегнут наглухо до шеи. На столе лежал носовой платок и очки» [20, 339].

¹³ Самарин Юрий Федорович (1819 — 1876) — известный русский философ, историк, общественный деятель, публицист, один из идеологов славянофильства, участвовал в разработке крестьянской реформы в 1859 — 1860 гг.

¹⁴ Стихотворение Лермонтова «К портрету» было напечатано в 1840 году в 13 томе «Отечественных записок».

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь, ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!

То истиной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

Портрет работы знаменитого французского художника и литографа Анри Греведона был действительно превосходен. Вот как напишет о нем дальний родственник Лермонтова М.Н.Лонгинов: «У меня висит в рамке один из редких уже теперь экземпляров этой литографии, полученный из рук оригинала, любезнейшей из светских женщин того времени» [157, 104].

Трудно было предположить, сколь печален будет конец этой «нарядной бабочки». Она умерла в нищете в Париже через шестнадцать лет: француз-доктор, за которого она вышла вторично замуж, обобрал ее до нитки. Н.А.Некрасов в стихотворении «Княгиня» написал:

...И одна осталась
Память: что с отличным вкусом одевалась!..
Да в строфах небрежных русского поэта,
Вдохновенных ею чудных два куплета...

¹⁵ Об этом бале подробно рассказала Э.Г.Герштейн, которая впервые опубликовала много новых документов в книге «Судьба Лермонтова» [55].

¹⁶ Великий Князь Михаил Павлович (1798 — 1848) — младший брат Николая I, в 30-е годы Командир Отдельного Гвардейского корпуса и главный начальник военно-учебных заведений. Знал Лермонтова еще в Школе юнкеров. Сочувственно относился к поэту, не раз помогал ему.

¹⁷ В июне того же 1841 года Николай I вновь увидел имя Лермонтова в представлении Командира Отдельного Кавказского корпуса Е.А.Головина о пожаловании наград генералу, штаб- и обер-офицерам, медицинским чиновникам, нижним чинам и азиатам за отличие в деле против горцев в 1840 году в Большой и Малой Чечне. Неизвестно, знал ли Головин о приказе Государя или подписал документ, не вникнув в его суть. И вполне естественно, что царь был рассержен, видя такое невнимание к своим распоряжениям. Многим в этом списке было отказано в награде, а по поводу Лермонтова 30 июня была повторена предыдущая резолюция. На представлении рукой дежурного генерала-адъютанта было записано «Высочайшее мнение»: «Зачем не при своем полку? Велеть непременно быть налицо во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы то ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку».

В тот же день Головину было отправлено предписание, в котором резолюция царя излагалась в несколько смягченной форме:

«Его Величество, заметив, что поручик Лермантов при своем полку не находился, но был употреблен в Экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, Милостивый Государь, о *подтверждении* (курсив мой. — В.З.), дабы поручик Лермантов непременно состоял во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку» [126, 163].

С легкой руки С.А.Андреева-Кривича, слову «фронт» в этом приказе было придано значение «фронта военных действий». Другими словами, Лермонтов, по мнению исследователя, должен был непосредственно участвовать в военных действиях. На самом же деле, слово «фронт» в предписании имело значение строевой службы в своем полку [22, 19].

¹⁸ Вероятнее всего с графиней Е.Ростопчиной Лермонтов встретился 8 марта 1841 — именно эта дата, обнаруженная известным пушкинистом М.Гиллельсоном, стоит в ее альбоме под стихотворением «На дорогу».

Есть длинный, скучный, трудный путь...
К горам ведет он, в край далекий;
Там сердцу в скорби одинокой
Нет где пристать, где отдохнуть!

Там к жизни дикой, к жизни странной
Поэт наш должен привыкать
И песнь, и думу забывать
Под шум войны, в тревоге бранной!

Там блеск штыков и звук мечей
Ему заменят вдохновенье,
Любви и света обольщенья
И мирный круг его друзей.

Ему — поклоннику живому
И богомольцу красоты —
Там нет кумира для мечты,
В отраду сердцу молодому!

Ни женский взор, ни женский ум
Его лелеять там не станут;
Без счастья дни его увянут...
Он будет мрачен и утрюм!

Но есть заступница родная
С заслугою преклонных лет, —
Она ему конец всех бед
У неба вымолит, рыдая!

Но заняты радушно им
Сердец приязненных желанья, —
И минет срок его изгнания,
И он вернется невредим!

Позже появится новая дата — 27 марта 1841 года, которая будет стоять под стихотворением при первой публикации в журнале «Русская беседа» в том же 1841 году и при всех последующих публикациях.

¹⁹ 9 марта Жуковский вернулся из Москвы в Петербург и вечером того же дня был у Карамзиных. Вот записи из его дневника, обнаруженные М.Гиллельсоном: «9/21 марта... Приехал в 4 часа. Нашел у себя Вяземского с женою, князя Федора (Гагарина. — В.З.), Четвертинского. Потом Веневитинов, Мятлев и Валуев <...> у Карамзиных: Лермонтов, Ростопчина» [57, 191].

²⁰ Это была церковь Великомученика и целителя Пантелеимона. Не так давно обнаружили исповедальную книгу, которая велась в храме. В ней под № 368 (среди лиц мужского пола) значится «Тингинского полка поручик Михаил Юрьевич Лермантов — 26 лет», под № 369 «Артиллерийского училища прапорщик Иоаким Павлов Шан-Гирей — 21 год». Под № 324 (из лиц женского пола) «Гвардии поручица вдова Елизавета Алексеева Ар-

сентяева — 65 лет» [37, 140]. Запись в исповедальной книге датируется двадцатыми числами марта.

21 Об этом упоминает в своем дневнике Жуковский: «24 марта... У детей (т.е. у Великих Князей. — В.З.) на лекции. У обедни. Отдал письмо бабушки Лермонтова» [57, 199].

22 Текст черновика разделен поденными записями, вероятно, потому что автор думал над ним в течение нескольких дней, время от времени его дополняя:

«11/23 <апреля> К Великому Князю. Бог благословит Ваше семейное счастье, когда Вы сами вызовете это благословение, заставив других благословить Вас и молиться Богу о Вашем счастье. По случаю Вашей свадьбы будет много публичных милостей, — все это для народа. Для Бога нужно более — нужно чтобы Ваше сердце принесло Ему дань тайного милосердия; а за благость к Нему восходящую из нашего сердца, нисходит от Него на жизнь нашу благодать. То, что Вашим именем раздадут другие, как бы ни велико было деяние, будет не Ваше. То, что Вы дадите от себя, сожалением, участием, сердечною просьбою перед Государем, то одно будет Вашим истинным благом, записанным в приветную книгу Вашей жизни.

12/24 апреля ...У Уварова, у меня Лермонтов, Унгерн. В Российскую академию: Бутков, Арсеньев, Лубяновский. Предложение Данилевского. Корнеслов. — У Сиверса — во дворец. Обед у Константина Николаевича. Явление Государя... В английский магазин, где видел Салтыкова и Васильчикова. Вечеру у Плетнева с Левашевым. Потом у Карамзиных.

13/25 <апреля> ...Это предисловие ведет к тому, чтобы Вы оказали некоторые милости одним ходатайством перед Государем. Для первых прилагаю письмо графини Чернышевой-Кругликовой: она просит помилование брату. Не забудьте об осужденных. Сделайте, что можете от себя: остальное во власти Бога и в сердце Государя.

2. Герцен, за которого вы уже просили, наказан снова [за] такой проступок, которого и проступком назвать не можно: он начал было служить прекрасно; теперь переведен в Новгород, и этот случай едва не убил его жену, бывшую в родах, когда случилась с мужем ее такая неожиданная беда.

3. Лермонтов. Утром у меня... Никитенко, которого родные получили свободу. — К обедне во дворец. Осмотр приданного. Странность о неприличии шуток Г<ерцена>. Отказ в прощенье. Обед у Карамзиных с Плетневым. Вечер дома» [57, 198].

23 Что же скрывалось за этой переменой?

Возможно, что в гибели Пушкина Лермонтов винил Наталью Николаевну, чему способствовали людская молва и светские

сплетни! Возможно, длительная беседа изменила его прежнее представление о ней.

Подтверждение этому мы находим в одной любопытной записи, которую сделал в 1936 году В.А. Мануйлов: «Анна Ивановна Бонди (родственница поэта. — Прим. В.А. Мануйлова.) рассказывает: моя мать много рассказывала про Михаила Юрьевича Лермонтова, я даже хотела составить книжицу этих воспоминаний. Сестра моей матери красавица Карамзина рассказывала моей матери об увлечении ею Лермонтовым. Мой дед — Иван Николаевич Лермонтов — был в хороших отношениях с поэтом.

Как-то раз, например, М.Ю. неожиданно прикатил к деду в имение за печаткой, которая была у них, конечно, общая, свою М.Ю. потерял.

Рассказывала мне мать и о том, как М.Ю. не терпел Натали Пушкину, как [он] скорбел о смерти Пушкина» [7].

24 Почему можно утверждать, что альбом был подарен именно в тот вечер? Дело в том, что если бы это было сделано за несколько дней до отъезда, то Ростопчина успела бы вручить Лермонтову ответный подарок — свою книгу стихов. Однако эту книгу Ростопчина передала Елизавете Алексеевне для ее внука 20 апреля, когда poeta уже не было в Петербурге. Лермонтов, узнав о подарке, очень сожалел, что не получил его: «Напрасно вы мне не послали книгу графини Ростопчиной, — упрекал он бабушку, — пожалуйста, тотчас по получении моего письма пошлите мне ее сюда, в Пятигорск» [5, IV, 429].

На титульном листе книги было написано: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову, в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому. Петербург, 20-е апреля 1841».

Увы, лермонтовский альбом не дошел до наших дней, а стихотворение Лермонтова наряду со стихотворением Ростопчиной «На дорогу» было напечатано некоторое время спустя в «Русской беседе». Через год после гибели Лермонтова во втором номере «Москвитянина» поэтесса опубликует большое стихотворение «Пустой альбом». В качестве эпиграфа она поставит строки из стихотворения Лермонтова «Памяти А.И.Одоевского»:

...С собой

В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений.

Стихотворение Ростопчиной удивительно по глубине переживаний, связанных с гибелью ее друга.

Среди листов, и белых и порожных,
Дареного, заветного альбома

Есть лист один — один лишь носит он
 Следы пера, слова и начертанья
 Знакомой мне и дружеской руки...
 И дорог мне сей лист красноречивый,
 И памятен и свят его залог...
 О! живо помню я тот грустный вечер,
 Когда его мы вместе провожали,
 Когда ему желали дружно мы
 Счастливый путь, счастливейший возврат:
 Как он тогда предчувствием невольным
 Нас испугал! Как нехотя, как скорбно
 Прощался он!.. Как верно сердце в нем
 Недоброе, тоскуя, предвещало!..

Переписав спустя некоторое время в свой альбом стихотворение А.И.Одоевского «На смерть Грибоедова», Ростопчина, сравнивая с ним стихотворение Лермонтова, посвященное памяти поэта-декабриста, написала: «Грибоедов, бывши посланником России при Персидском дворе, в Тегеране, — погиб, зарезанный персианами; князь Александр Одоевский, замешанный в заговоре 14-го декабря, был в крепости, под судом, и приговорен к вечной ссылке на каторжные работы в Сибири, с лишением чинов и дворянства; потом прощен, и умер на Кавказе рядовым. К нему относятся прекрасные стихи М.Ю.Лермонтова: «Мир праху твоему, мой милый Саша» <...>.

Н.В.: Желала бы я знать, кому суждено оплакать мою смерть поэтическим воспоминанием?... и главное, — будет ли моя смерть оплакана и воспета кем-нибудь?..

Вороново, 19 июня 1852» [57, 193 — 194].

Она тихо скончалась через шесть лет после написания этих строк — поэтесса и друг Лермонтова. Отпевали ее 7 декабря 1858 года в церкви святых Петра и Павла, что на Басманной. Совсем рядом с домом генерала Толя, в котором появился на свет Мишель Лермонтов.

25 О рождении, детстве и отрочестве поэта, о беззаветной любви Елизаветы Алексеевны к своему внуку подробнее см. статью В.А.Мануйлова (с комментариями и примечаниями В.А.Захарова), опубликованную в настоящем издании как Приложение 3.

26 П.А.Висковатый, ссылаясь на Боденштедта, утверждал, что имеется в виду А.И.Васильчиков. Однако Васильчиков в это время в Москве не был, он находился в Тифлисе. — *Прим. М.И.Гилельсона и В.А.Мануйлова.*

27 Князь Владимир Федорович Одоевский подарил Лермонтову записную книжку в прощальный вечер в Петербурге и на первой странице написал: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и

любимая книга с тем, чтобы он возвратил ее сам, и всю исписанную». На двух следующих страницах сделаны выписки из Евангелия. После смерти поэта Владимир Федорович, передавая записную книжку в Императорскую Публичную библиотеку, пояснил: «Эти выписки имели отношение к религиозным спорам, которые часто подымались между Лермонтовым и мною».

Об этих спорах, к сожалению, не сохранилось никаких прямых свидетельств. Больше того, в советские годы никто напрямую к этой теме не обращался. М.А.Турьян первым проанализировал взаимоотношения Одоевского и Лермонтова в статье, опубликованной в 1995 году [183, 182 — 197].

Первая запись в книжке была сделана князем Одоевским, это строки из Первого послания Иоанна Богослова (приведем их в русском переводе):

«И мир проходит, и похоть его; а исполняющий волю Божию пребывает во век» (1 Иоан., 2, 17).

«Ибо, если сердце наше осуждает нас, *то кольми паче Бог*, потому что Бог больше сердца нашего и знает все.

Возлюбленные! если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу,

Это есть дерзновение, если имеем к Сыну Божьему, и если чего просим по воле Его, Он послушает нас» (1 Иоан., 3, 20 — 22).

Смысл евангельских цитат — тщетность мирских страстей, необходимость покаяния, смирения и молитвы.

Лермонтов и Одоевский познакомились в 1838 году, но особенно сблизились в следующем. Одоевский читал в рукописи «Демона», «Мцыри». Интересно, что возвращая в Петербурге в августе 1839 г. рукопись поэмы «Мцыри» и не застав Лермонтова, Одоевский написал на обороте одной из её страниц: «Ты узнаешь, кто привез тебе эти две вещи — одно прекрасное и редкое издание мое любимое — читай Его. О другом напиши, что почувствуешь, прочитавши». То, что «любимое издание» — Евангелие, нет никаких сомнений. Одоевский, как истинно верующий человек, написал подразумеваемое название с прописной буквы, как и полагается. Вторая рукопись, как предположил Турьян, могла быть рукописью повести «Косморама» — самой мистической повести Одоевского.

Тема монастыря, тема фатальности человеческой судьбы занимала их обоих, но каждый решал ее по-своему. Возможно, приведенные выше евангельские цитаты были написаны Одоевским после прочтения «Мцыри».

В середине января 1840 г. в Петербурге у Карамзиных в присутствии Жуковского, Вяземского, А.Тургенева и Лермонтова князь Одоевский читал свою повесть «Косморама». Как потом

записал Тургенев, после чтения возникли «прения за высшие начала психологии и религии». Через пять месяцев, 9 мая 1840 г. Лермонтов, направляющийся на Кавказ в свою вторую ссылку, был в Москве на именинном обеде у Гоголя, где читал отрывок из «Мцыри». На вечере опять присутствовал А. Тургенев, вспомнивший позднее, что вновь возник «разговор о религии».

Нам не известно, о чем конкретно говорили между собой присутствующие, но судя по косвенным свидетельствам, вполне возможно, что обсуждая отдельные положения поэмы, многие возвращались к теме фатальности, неизбежности, предрешенности тех или иных событий в жизни человека.

Анализ евангельских цитат, выписанных князем Одоевским, — предмет отдельного исследования, здесь же хочется лишь отметить, что в зиму 1841 г. Лермонтов всерьез задумался над смыслом бытия, над православным содержанием человеческой жизни.

Возможно, что результатом этих размышлений стало желание Лермонтова резко изменить свою жизнь, бросить военную службу, заняться совершенно мирным делом — изданием журнала, в котором можно было бы «пророчествовать», давая читателю пищу духовную, наконец, просто найти свое самовыражение. Но, как мы знаем, по своей воле покинуть полк поэт не мог.

Записная книжка, которую преподнес князь Одоевский, заполнялась быстро и с обеих сторон: то запись карандашом с прыгающими строчками, сделанная на ходу, в коляске, то аккуратная — многие стихи переписаны набело уже пером. В записной книжке стихов немного — четырнадцать, но каких! И среди них пророческое — «Сон»:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь сочилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне...

28 «22 апреля в семь часов пополудни «Нижегор<одского> драгун<ского> п<олка> Кап<итан> Сталыпин» выехал из Москвы в Тифлис», — отметил в «Утреннем рапорте» московский комендант генерал-лейтенант Стааль I-й [177, 121].

«Я только что приехал в Ставрополь, дорогая Софи, и отправляюсь в тот же день в экспедицию с Столыпинам-Монго. Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что только можно мне пожелать. Надеюсь, что это письмо застанет вас еще в С.-Петербурге и что в тот момент, когда вы будете его читать, я буду штурмовать Черкей. Так как вы обладаете глубокими познаниями в географии, то я не предлагаю вам смотреть на карту, чтоб узнать, где это; но, чтобы помочь вашей памяти, скажу вам, что это находится между Каспийским и Черным морем, немного к югу от Москвы и немного к северу от Египта, а главное довольно близко от Астрахани, которую вы так хорошо знаете.

Я не знаю, будет ли это продолжаться; но во время моего путешествия мной овладел демон поэзии, или — стихов. Я заполнил половину книжки, которую мне подарил Одоевский, что, вероятно, принесло мне счастье. Я дошел до того, что стал сочинять французские стихи, — о падение! Если позволите, я напишу вам их здесь; они очень красивы для первых стихов и в жанре Парни, если вы его знаете.

ОЖИДАНИЕ

Я жду ее в долу печальном;
Белеет тень во мраке дальном,
Как если б кто-то тихо шел...
Но нет! — обманчивы надежды,
То ивы старые одежды:
Блестит сухой, колеблясь, ствол.
Склонясь, гляжу на скат отлогий
И, мнится, слышу по дороге
Легчайших отзвуки шагов...
Нет, ничего! Над мохом мимо
Листок в ночи шумит, гонимый
Волной душистою ветров.
И полон горькою тоскою,
Ложусь на луг с густой травой,
Все сном глубоким замело...
Очнулся, — явственно для слуха
Ее дыханье шепчет в ухо,
Уста лобзают мне чело.

Вы можете видеть из этого, какое благотворное влияние оказала на меня весна, чарующая пора, когда по уши тонешь в грязи, а цветов меньше всего. Итак, я уезжаю вечером; признаюсь вам, что я порядком устал от всех этих путешествий, которым, кажется, суждено вечно длиться. Я хотел написать еще кое-кому

в Петербург, в том числе и г-же Смирновой, но не знаю, будет ли ей приятен этот дерзкий поступок, и поэтому воздерживаюсь... Прощайте; передайте, пожалуйста, всем вашим почтение; еще раз прощайте — будьте здоровы, счастливы и не забывайте меня.

Весь ваш *Лермонтов*» [5, IV, 428; 53, 21].

Приведенный поэтический перевод стихотворения Лермонтова был сделан Ив. Новиковым и опубликован в 1939 году в журнале «Огонек». Обычно в собрании сочинений поэта печатают подстрочник: «Я жду ее в сумрачной равнине; вдали я вижу белеющую тень — тень, которая тихо подходит... Но нет — обманчивая надежда! — это старая ива, которая покачивает свой ствол, высохший и блестящий. — Я наклоняюсь и долго слушаю: мне кажется, я слышу по дороге звук легких шагов... Нет, не то! Это во мху шорох листа, гонимый ароматным ветром ночи. — Полный горькой печали, я ложусь в густую траву и засыпаю глубоким сном... Вдруг я просыпаюсь дрожа: ее голос говорил мне на ухо, ее губы целовали мой лоб» [5, I, 478].

30 «По Указу Его Величества Государя Императора Николая Павловича, самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая. От города Ставрополя до крепости Темир-Хан-Шуры Тенгинского Пехотного полка господину поручику Лермонтову с едущим из почтовых давать по две лошади с проводником, за указанные прогоны, без задержания».

На обороте подорожной имеется отметка: «В ставропольском Ордонанс-гаузе явлена и в книгу под № 1027 записана мая 10 дня 1841 г. Плац-адъютант штабс-капитан *Перминов*» [119, 77 — 78].

31 Рассказ П.И.Магденко впервые появился в мартовском номере «Русской старины» за 1879 год. П.К.Мартынов, прочтя его, назвал эти воспоминания «неосновательными и странными» [131, 38—39]. Однако не доверять им у нас нет причин. Упомянутое Магденко событие — гибель в семи верстах от крепости унтер-офицера — произошло на самом деле.

В 1946 году С.И.Недумов, пытаясь установить дату встречи Лермонтова и Столыпина с Магденко, обнаружил в ГАСК «Ведомость о происшествиях за первую половину мая 1841 года». В ней содержался рапорт Георгиевской градской полиции от 14 мая 1841 года, в котором сообщалось, что «с 10-го под 11-е число сего мая месяца в 12 часов ночи за Подкумком саженьях в десяти неизвестные люди три человека, как полагать можно горские хищники или бежавшие из бабуковского аула казаки из татар, напав на ночевавших отставного унтер-офицера Боброва и казенных крестьян Воронежской губернии, Богучарского уезда Дениса и Федора Васильченковых, первого убили, а последних изранили кинжалами».

Сопоставление воспоминаний Магденко с найденными документами привело к выводу, что Лермонтов был на почтовой станции в Георгиевской крепости в ночь с 12 на 13 мая 1841 года [148, 68 — 69].

32 В конце 80-х годов прошлого века в преддверии лермонтовского юбилея в Пятигорск приезжало немало журналистов, писателей, чтобы увидеться с теми, кто знал поэта лично, услышать из первых уст рассказы о нем. Эти записи печатались в периодической прессе. Так, в весьма популярном журнале «Нива» появилась статья писательницы В.Желиховской (сестры Е.П.Блаватской), в которой было много рассказано о Лермонтове со слов Николая Павловича Раевского, он вместе с поэтом служил в Тенгинском пехотном полку, а летом 1841 г. проживал в одном из флигелей, сдававшихся внаем Верзилиными, иными словами был соседом Лермонтова и всей его компании.

33 13 июня 1841 г. Лермонтов отправил в Анапу рапорт своему командиру:

«Командиру Тенгинского пехотного полка
г<осподину> полковнику и кавалеру Хлюпину
оного же полка поручика Лермонтова
Рапорт.

Отправляясь в отряд Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории г<осподина> генерал-адъютанта Граббе, заболел я по дороге лихорадкой, и, быв освидетельствован в гор<оде> Пятигорске докторами, получил от пятигорского коменданта, г<осподина> полковника Ильяшенкова, позволение остаться здесь впредь до излечения.

Июня 13-го дня 1841 года, гор. Пятигорск.

О чем Вашему Высокоблагородию донести честь имею.

Поручик *Лермонтов*» [207, II, 177]

18 июня поэт подал Ильяшенкову рапорт следующего содержания:

«Ваше Высокоблагородие предписать мне за № 1000 изволили отправиться к месту моего назначения или, если болезнь моя того не позволит, в Георгиевск, чтобы быть зачисленному в тамошний госпиталь.

На что имею честь почтительнейше донести Вашему Высокоблагородию, что, получив от Вашего Высокоблагородия позволение остаться здесь до излечения и также получив от Начальника штаба флигель-адъютанта полковника Траскина предписание, в коем он также дозволил мне остаться здесь, предписав о том донести полковому командиру полковнику Хлюпину и отрядному дежурству, и так как я уже начал пользование минеральными водами и принял 23 серных ванны, то, прервав курс, подвергаюсь

совершенно расстройству здоровья, и не только не излечусь от своей болезни, но могу получить новые, для удостоверения в чем имею честь приложить свидетельство меня пользующего медика.

Осмеливаюсь при том покорнейше просить Ваше Высокоблагородие исходатайствовать мне у Начальника штаба, флигель-адъютанта полковника Траскина позволение остаться здесь до совершенного излечения и окончания курса вод» [207, II, 178].

К рапорту действительно прилагалось свидетельство:

«Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев сын Лермонтов, одержим золотухой и цынготным худосочием, сопровождаемым припухлостью и болью десен, также изъязвлением языка и ломотью ног, от каких болезней г. Лермонтов, приступив к лечению минеральными водами, принял боле двадцати горячих серных ванн, но для облегчения страданий необходимо поручику Лермонтову продолжать пользование минеральными водами в течение целого лета 1841 года; остановленное употребление вод и следование в путь может навлечь самые пагубные следствия для его здоровья.

В удостоверение чего подписом и приложением герба моей печати свидетельствую, гор. Пятигорск, июня 15-го 1841 года.

Пятигорского военного госпиталя ординатор, лекарь, титулярный советник *Барклай-ге-Толли*» [207, II, 177 – 178].

34 *Чилаев (Чиляев) Василий Иванович* — плац-майор, служивший в Пятигорской военной комендатуре. В «Памятной домовой книге», которую вел Чилаев, сохранилась запись: «С коллежского секретаря Александра Илларионовича князя Васильчикова, из С.-Петербурга, получено за три комнаты в старом доме 62 руб. 50 коп. серебром; с капитана Алексея Аркадьевича Столыпина и поручика Михаила Юрьевича Лермонтова, из С.-Петербурга, получено за весь средний дом 100 руб. серебром» [138, 313].

35 *Васильчиков Александр Илларионович* — сын Председателя Государственного Совета, «царева друга» князя Иллариона Васильевича Васильчикова, один из друзей Лермонтова.

36 *Трубецкой Сергей Васильевич* — офицер Лейб-гвардии Кавалергардского полка, знаком с Лермонтовым с 1834 г. Вместе с поэтом участвовал в экспедиции А.В.Галафеева, был ранен в сражении при реке Валерик. С осени 1840 г. жил в Ставрополе. Летом 1841 г. лечился в Пятигорске.

37 *Раевский Николай Павлович* — знакомый Лермонтова, офицер, прикомандированный в 1837 г. к Навагинскому пехотному полку, а затем назначенный в Тенгинский пехотный полк.

38 *Глебов Михаил Павлович* — офицер Лейб-гвардии Конного полка, друг Лермонтова, вместе с поэтом участвовал в сражении при реке Валерик, где был тяжело ранен.

39 В конце 30-х годов С.И.Недумов обнаружил в Пятигорском архиве «Книгу Дирекции Кавказских Минеральных Вод на записку прихода и расхода купаленных билетов и вырученных с посетителей денег за ванны на горяче-серных водах в Пятигорске на 1841 год». Первые шесть билетов поэт приобрел в Сабанеевские ванны 26 мая, то есть почти через две недели после приезда в Пятигорск. К этому времени он, по-видимому, окончательно оформил свое пребывание в городе. 9 июня он купил 10 билетов в Варвациевские ванны. В этот день вместе с Лермонтовым приходили за билетами Столыпин, Быховец, князь Васильчиков.

14 июня поэт снова взял в Варвациевские ванны четыре билета и 18 июня приобрел последние пять билетов [143, 130].

40 Обращает на себя внимание преувеличенная цифра принятых Лермонтовым ванн («более двадцати») в медицинском свидетельстве, выданном 15 июня врачом Барклаем-де-Толли. К этому дню поэт мог принять только 13 ванн. Возможно, эта неточность была допущена, чтобы окончательно убедить начальство в том, что Лермонтов действительно нуждается в лечении и аккуратно выполняет все предписания врачей.

41 Возможно, что Лермонтов впервые встретил Эмилию задолго до 1841 года. Известна записка, написанная им 8 июля 1830 года. «Кто мне поверит, что я знал любовь, имея 10 лет от роду?

Мы были большим семейством на Водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату; она была тут и играла с кузиною в куклы; мое сердце затрепетало, ноги подкосились.

Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; с тех пор я еще не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнения в лице. Я плакал потихоньку без причины, желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату. Я не хотел говорить об ней и убегал, слыша ее название (теперь я забыл его), как бы страшась, что биение сердца и дрожащий голос не объяснил другим тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу; не поверят ее существованию — это было бы мне больно!.. Бело-

курые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность — нет; с тех пор я ничего подобного не видал, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы кавказские для меня священны... И так рано! в 10 лет... о эта загадка, этот потерянный рай до могилы будут терзать мой ум!.. иногда мне странно, и я готов смеяться над этой страстью! — но чаще плакать».

Далее Лермонтов сделал небольшое примечание: «Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. Я думаю, что в такой душе много музыки» [5, IV, 351 — 352].

В 1859 году эта юношеская записка Лермонтова была опубликована и впоследствии перепечатывалась неоднократно. Когда ее прочла Эмилия Александровна, она сразу узнала себя. Эмилии в 1825 году действительно было около десяти лет. Позже ее дочь Евгения Акимовна оставила в своих воспоминаниях рассказ об этом, записанный со слов матери: «Эта девочка была моя мать, она помнит, как бабушка ходила в дом Хастатова в гости к Столыпиным и водила ее играть с девочками, и мальчик брюнет вбегал в комнату, конфузился и опять убежал, и девочки называли его Мишель» [13, ф. 276, оп. 1, д. 145-а, л. 1].

Скорее всего, встретившись с Эмилией в 1841 году, Лермонтов ее не узнал. Прошло много лет, и было весьма трудно предположить, что нынешняя «роза Кавказа» и кокетливая десятилетняя девочка из детских грез — одно и то же лицо.

⁴² А.Я.Булгаков, московский почт-директор, имел по всей стране огромное количество добровольных информаторов, сообщавших ему массу ценнейших сведений, которые нельзя было получить официально.

⁴³ С.И.Недумов разыскал в архиве опись имущества дома Мерлини: «Внутренность главного дома, благодаря обилию картин, производила лучшее впечатление, чем его внешний вид. Но мебель — несколько предметов из ореха с бронзовыми украшениями, была довольно незатейлива и изношена, за исключением двух больших зеркал в рамках красного дерева с бронзой... Обращает на себя внимание отсутствие в описи каких-либо музыкальных инструментов и обилие ломберных столов. Можно предполагать, что главные интересы владельцев дома были, по-видимому, сосредоточены на «зеленом поле» [143, 138 — 140, 292].

⁴⁴ Бал в Цветнике очень подробно описал декабрист Н.И.Лорер, появившийся в Пятигорске в конце мая (в РГВИА удалось обнаружить точную дату отъезда Лорера из Тамани на Воды: 13 мая 1841 г., следовательно, в Пятигорске он был уже до 20 мая). Вот что писал Лорер о бале в Цветнике: «Июля 3-го молодежь за-

думала дать бал в честь знакомых пятигорских дам. Деньги собрали по подписке. Лермонтов был главным инициатором, ему помогали другие. Местом торжества избрали грот Дианы возле Николаевских ванн. Площадку для танцев устроили так, что она далеко выходила за пределы грота. Свод грота убрали разноцветными шальями, соединив их в центре в красивый узел и прикрыв круглым зеркалом; стены обтянули персидскими тканями; повесили искусно импровизированные люстры, красиво обвитые живыми цветами и зеленью. На деревьях аллей, прилегающих к площадке, горели более 2000 разноцветных фонарей. Музыка, помещенная и скрытая над гротом, производила необыкновенное впечатление, особенно в антрактах между танцами, когда играли избранные музыканты или солисты.

Во время одного антракта кто-то играл тихую мелодию на струнном инструменте, и Лермонтов уверял, что он приказал перенести нарочно для этого вечера Золую арфу с «бельведера», выше Елизаветинского источника. От грота лентой извивалось красное сукно до изящно убранной палатки — дамской уборной. По другую сторону вел усталый ковры путь к буфету. Небо бирюзовое с легкими небольшими янтарными облачками, между которыми мерцали звезды. Была полная тишина — ни один листок не шевелился. Густая пестрая толпа зрителей обступала импровизированный танцевальный зал. Свет фантастически ударял по костюмам и лицам; озаряя листву деревьев изумрудным светом. Общество было весело настроено, и Лермонтов танцевал необыкновенно много.

После одного бешеного тура вальса Лермонтов, весь запыхавшийся от усталости, подошел ко мне и тихо спросил:

«Видите ли вы даму Дмитревского? Это — его «карие глаза»! — не правда ли, как она хороша?».

Дмитревский был поэт, и в то время влюблен был и пел прекрасными стихами о каких-то карих глазах. Лермонтов восхищался этими стихами и говорил: «После твоих стихов разлюбишь поневоле черные и голубые глаза и полюбишь карие очи...

В самом деле она была красавицей. Большие карие глаза, осененные длинными ресницами и темными, хорошо очерченными бровями, поразили бы всякого... Бал продолжался до поздней ночи, или вернее до утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а скоро и все стали расходиться. С вершины грота, — заключил описание вечера Лорер, — я видел, как усталые группы спускались на бульвар. Разошлась и молодежь,... а я все еще сидел, погруженный в мечты!..» [131, 73 — 74].

О Дмитревском ничего не было известно свыше ста лет. Биографические материалы о нем впервые разыскал В.С.Шадури в

Центральном государственном историческом архиве Грузии и в своей великолепной статье он впервые ввел имя Михаила Васильевича Дмитриевского в биографию Лермонтова [196]. Летом 1841 года, как пишет Н.И.Лорер, Лев Пушкин свел его с Дмитриевским, «нарочно приехавшим из Тифлиса, чтобы с нами, декабристами, познакомиться» [122, 257]. С Лермонтовым Дмитриевский, видимо, был знаком и раньше. Они могли встретиться в 1837 году в доме Чавчавадзе. И, как предположила И.С.Чистова, видимо Дмитриевский входил в тот круг лиц, о котором Лермонтов писал в своем письме из Грузии Святославу Раевскому: «Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные» [196].

О «прекрасных стихах Дмитриевского о каких-то прекрасных карих глазах», которыми так восхищался Лермонтов летом 1841 года в Пятигорске ничего не известно. Вероятно, они были очень популярным романсом, но текст их так и не дошел до нашего времени. Весьма любопытно, что Николо Бараташвили в письме к своему дяде графу Орбелиани 28 мая 1841 года заметил: «Я очень перед тобой виноват, но ежели бы ты представил себя на моем месте — не осудил бы меня строго. Ты попросил стихи Дмитриевского — я опросил весь город — и нигде не сумел найти. А нот словно никогда и не было» [196].

⁴⁵ Павел Александрович Висковатый, первый биограф Лермонтова, свыше 10 лет занимался поисками материалов о поэте.

«Желая дать по возможности полную биографию М.Ю.Лермонтова, — писал П.А.Висковатый в своей книге «М.Ю.Лермонтов. Жизнь и творчество», впервые увидевшей свет в 1891 году, — я собирал материалы для нее, начиная с 1879 года... Тщательно следя за малейшим извещением или намеком о каких-либо письменных материалах или лицах, могущих дать сведения о поэте, я не только вступил в обширную переписку, но и совершил множество поездок. Материал оказался рассеянным от берегов Волги до Западной Европы, от Петербурга до Кавказа.

Иногда поиски были бесплодны; иногда увенчивались неожиданным успехом. История разыскивания материалов этих представляет много любопытного и поучительного, и я предполагаю со временем описать испытанное мною. Случалось, что клочок рукописи, найденный мною в Штутгарте, пополнял и объяснял, что случайно уцелело в пределах России. Труда своего я не пожалел, о достоинстве биографии судить Читателю. Я постараюсь проследить жизнь поэта шаг за шагом, касаясь творчество его в связи с нею» [48, 449].

Действительно, Висковатый собрал большой материал о Лермонтове. Однако В.А.Мануйлов считал, что в книге П.А.Вискова-

того современному читателю многое представляется «наивным, а иногда и просто неверным» [140, 129].

Случалось, что Висковатый дописывал строчки некоторых стихотворений Лермонтова своими, и даже выдавал свои стихи за лермонтовские, в чем был со скандалом уличен Мартыновым. Случалось также, что нехватку материала биограф дополнял своими рассказами, якобы записанными со слов очевидцев.

Тенденциозность в подаче материала, относящегося к последней дуэли Лермонтова, привела Висковатого к ошибочному выводу, что «между интригами, погубившими Пушкина и Лермонтова, много общего» и что их главную пружину следует искать в ведомстве графа Бенкендорфа. Этот тезис был подхвачен в советское время. Вопросов и сомнений при прочтении биографии поэта, написанной первым биографом, появляется не мало. Переиздавая книгу Висковатого в 1989 году в издательстве «Книга», автор писал об этом в комментариях к ней.

46 Правда, в библиографии, приложенной к статье о Лисаневиче в Лермонтовской энциклопедии, можно увидеть еще четыре названия. Но при проверке оказалось, что в каждом из источников приведена все та же цитата из Висковатого.

47 *Лисаневич Семен Дмитриевич* — прапорщик Эриванского Карабинерного полка, был одним из поручителей Аграфены Петровны Верзилиной при ее венчании в горячеводской церкви с В.Н.Диковым 6 февраля 1842 года.

48 Остановимся подробнее на происхождении Мартыновых, чтобы опровергнуть утверждение, высказанное Н.Бурляевым в статье «Выиграем ли битву за душу человека?», опубликованной в 1989 г. Вот оно: «Шулер и подлец, тайный жандармский осведомитель Мартынов застрелил Лермонтова наповал. Любому грамотному лермонтоведу, читавшему книгу Нарцова (1914 г.), известен красочный герб рода Мартыновых, сотканный из масонской символики» [38].

Если с первыми двумя характеристиками — шулер и подлец, можно согласиться, то последнее утверждение попросту фантастично.

Герб рода Мартыновых помещен в Общем Гербовнике дворянских родов Российской империи в третьей части под № 86.

Вот его описание: на щите, разделенном горизонтально пополам, в верхней части, в серебряном поле, изображена выходящая из облака рука с мечом, облаченная в латы. В нижней части, в голубом поле, между двумя серебряными шестиугольными звездами виден серебряный полумесяц рогами вверх, над которым находится такая же звезда. Щит увенчан дворянским шлемом с дворянской короной на нем. Что же здесь масонского?

Начнем с руки, изображенной на гербе. Дело в том, что литовским гербом издавна была фигура, называемая в геральдике «Погонь» — всадник на коне с мечом в правой руке и щитом в левой. В геральдике различают пять видов Погони. На гербе Мартыновых представлен четвертый ее вид — именно это изображение, дававшееся в знак храбрости и отваги, помещалось на гербах, владельцы которых вели свою родословную от литовских князей. Луна и звезды (как о пяти, так и о шести лучах) имели древнейший смысл в польской, иллирийской и богемской геральдике. Они означали победу христианства над язычеством и мусульманством, одержанную мечом, а отдельно звезды — награду, которая ожидала на небесах всякого, кто исполнил на земле повеление, завет данный Богом [112, 389, 403 — 440, 453].

Звезды на гербе Мартыновых имеют шесть лучей, но они расположены иначе, чем на масонской шестиконечной звезде, или на «магендовиде», называемой «звезда» или «щит» Давида. И это существенно. Никакого отношения к масонской символике герб Мартыновых не имеет.

49 *Объяснение отчества Н.С.Мартынова.* В архивах, находящихся в США, А.В.Кторова обнаружила записки под названием «Воспоминания о Пугачеве», написанные матерью П.П.Зубова, известного церковного деятеля. Приведем выдержки из них:

«Не стану излагать русским известную всем историю Пугачева, но расскажу случай с моей семьей, происшедший в те смутные времена «Пугачевщины» и переданные устно мне моей бабушкой Шереметевой, когда мне было приблизительно двенадцать лет. <...> Вот что я помню об её рассказах о Пугачеве. Её дед, Мартынов, был помещиком большого имения «Липяги». Он был женат три раза и имел тридцать восемь детей, многие из них умерли младенцами. Его же третья жена была на много лет моложе его старших детей, так что был оригинальный случай: в одной и той же люльке лежали два младенца — дед и внук, правильнее сказать — брат деда и внук. И вот к этой многочисленной патриархальной семье вдруг донеслась ужасающая весть о приближении Пугачева и его необузданных войск. <...> В доме случилась ужасная суеда и невыразимый переполох, тем более что меньше недели перед этим жена Мартынова родила сына. Напуганные, все кое-как собрались и решили бежать из имения прямо в лес, а оттуда куда глаза глядят.

Взяли с собою молодую мать, но оставили новорожденного сына с мамкой-кормилицей, а также, что было очень необдуманно, двух мальчиков от второй умершей жены. Одного из них звали Савва, другого не помню, — было им по 4 и 6 лет. И вот неизбежное случилось. К вечеру того же дня усталые, злые всад-

ники разбойников подъехали к имению. <...> Мамка-кормилица затряслась. «А это что? — крикнул Пугачев, дергая ребенка за голову из её рук, — барчонок, что-ли? Давай его!». «Не тронь! — закричала кормилица, — Не тронь его, это мой сопляк!»

Тут бабушка останавливалась, кашляла и прибавляла улыбаясь: «Этим скверным словом она спасла моего отца... Тот маленький ребенок был моим отцом! <...> «Почему твоему отцу дали такое странное имя!» — спрашиваю я. Бабушка смотрит на меня: «Странное? Нет, но неожиданное». Напуганная мамка решила окрестить ребенка до возвращения родителей. Пошла в церковь. «А как назвать его?» — спрашивает священник. «А Бог весть! — отвечает мамка, — уж и не знаю». «По святому назовем, — решил священник. — На сей день святой будет Соломон-царь — так и назовем». Так и называли» [108].

50 Николай I, прибывший в Геленджик с инспекторской проверкой хода строительства черноморской береговой укрепленной линии, неожиданно оказался свидетелем огромного пожара, случившегося на его глазах в геленджикской крепости. Все запасы продовольствия и фуража были уничтожены в считанные часы. Реакция Государя была однозначна — при сложившейся обстановке продолжать экспедицию бессмысленно. Полки отправили на зимние квартиры. Мартынов вместе со всеми вернулся в Ольгинское. Лермонтов, оказавшийся в конце сентября в Тамани, получил предписание выехать не в Геленджик, как было указано в подорожной, а вернуться в Ставрополь в связи с отменой зимнего периода экспедиции. Появившись в Ольгинском укреплении 29 сентября, поэт встретил многих знакомых офицеров, в том числе и Мартынова [75]. Мартынов описал закубанскую экспедицию Вельяминова в рассказе «Гуаша» (см. Приложение №2). Рукопись этого незаконченного произведения была опубликована лишь однажды, до революции [141].

51 Приведем письмо 1840 года полностью, выделив строки, пропущенные Д.Оболенским: «Где ты, мой дорогой Николай? Я страшно волнуюсь за тебя, здесь только и говорят, что о неудачах на Кавказе; мое сердце трепещет за тебя, мой милый; я стала более, чем когда-либо, суеверна: каждый вечер гадаю на трефового короля и прихожу в отчаяние, когда он окружен пиками: *не будь таким же лентяем, как Мишель, пиши мне почаще, не лишай меня моего последнего утешения.*

Мы еще в городе, погода все еще холодная, но я думаю перебраться во вторник; но сколько бы я ни меняла обстановки, воспоминание о моем горе всюду преследует меня, я влачу свое жалкое существование. Оплакивать воспоминания прошлого — занятие каждого моего дня, когда только я могу это делать; меня

часто утомляют несносными делами. Лермонтов у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык, и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сестрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их; эти дамы находят большое удовольствие в его обществе. Слава Богу, он скоро уезжает; для меня его посещения неприятны. Прощай, дорогой Николай, целую тебя от всей души, да благословит тебя Бог.

Е.М.

Р.С.Твои сестры спят, как обычно, я их еще не видела. Они здоровы и много веселятся; от кавалеров они в восторге» [55, 281 – 282].

52 Николай Мартынов выстрелил после слов Лермонтова: «Я в этого дурака стрелять не буду» (свидетельство кн. А.И.Васильчикова). См. главу «Дуэль».

53 В 1885 году в «Ниве» появились отклики читателей на воспоминания Н.П.Раевского о дуэли. Среди написавших был доктор Пирожков из Ярославля, который рассказал о своей встрече с Мартыновым еще в 40-е годы, то есть вскоре после дуэли. Пирожков отзывался о Мартынове как о человеке хорошо образованном, с сильным характером и «вполне изящными манерами».

«Я видел, — писал Пирожков, — какую во время рассказа он испытывал душевную борьбу. Я видел, как тяжело ему было вызывать эти воспоминания, но он говорил под влиянием внутреннего движения с чувством глубокой скорби о роковом событии.

По словам Мартынова, дело было так. Отец Мартынова с двумя дочерьми постоянно жил в Петербурге. В этой семье Лермонтов всегда был хорошо принят. Случилось, что когда Мартынов был на Кавказе, Лермонтов также готовился туда отправиться. При последнем прощальном посещении Лермонтова сестры Н.Мартынова поручили ему передать брату их работы и дневники, а отец, со своей стороны, вручает ему пакет на имя сына, не говоря ничего о содержимом. Является Лермонтов на Кавказ и при свидании с Мартыновым рассказывает, что с ним в дороге случилась неприятность: его обокрали на одной станции и в числе украденных вещей, к сожалению его, находились также посылки и дневник сестер Мартынова и пакет от его отца с деньгами — 300 руб. Деньги Лермонтов передал Мартынову. Как ни грустно было Мартынову услышать вест о пропаже писем и дневника сестер, но что же делать?

Это, конечно, не повредило их хорошим отношениям. Затем Мартынов пишет отцу, что дневники сестер и пакет с деньгами у Лермонтова украдены на дороге. Почтовые сообщения в те времена с Кавказом были очень медленны, и потому ответ со

стороны отца последовал не так-то скоро. Но вот получено письмо от отца Мартынова, который задает в нем сыну довольно странный вопрос: почему Лермонтов мог знать, что в пакете были деньги?

Вручая ему пакет, он ни слова не сказал о них. Вышел разговор, и, очевидно, не пустые остроты играют роль побудителей к тяжелой развязке. Мартынову было тяжело вообразить, как дерзко, как, скажем, нагло было попорчено доверие сестер, отца, оказанное товарищу... Что за несчастное побуждение влекло Лермонтова к такому просто непонятному поступку? Ведь он, конечно, понимал, что рано или поздно оно во всяком случае должно было выйти наружу? Так оно и случилось... Само собой, для Мартынова с того момента пропажа представилась уже совершенно в другом свете. Это обстоятельство он, быть может, резко высказал Лермонтову, и тогда уже роковое столкновение явилось само собой, как неизбежное последствие.

Вот собственно причина, которая поставила нас на барьер, — заключил свой рассказ покойный Мартынов, — и она дает мне право считать себя вовсе не так виновным, как представляют меня вообще...

Выдумывать Мартынову предо мной было не для чего, мы в жизни встретились раз за несколько дней и затем уже больше не полагали видеться и не виделись» [17, 474].

Пирожков безусловно поверил рассказу и пересказал его читателям одного из самых популярных журналов, каким был «Нива», может быть, желая отчасти изменить негативное отношение к Мартынову многих окружающих. Немалому числу читателей этот рассказ показался вполне достоверным.

⁵⁴ Вот, например, как рассказывает об этом Э.Г.Герштейн в своей книге «Судьба Лермонтова». В 1840 году Р.И.Дорохов был «во главе собранной им команды охотников, в которую входили казаки, кабардинцы, много разжалованных.

Эта команда, действуя партизанскими методами борьбы, обращала на себя внимание отчаянностью всех участников. 10 октября Дорохов был ранен и контужен на речке Хулху-лу и передал командование своими «молодцами» Лермонтову. Ранение Дорохова в ногу было тяжелым. Один глаз был поврежден (следствие контузии головы)» [55, 151].

Все вышеизложенное вполне правдоподобно и очень занимательно, но в нашем распоряжении имеются два любопытных письма, которые рисуют совершенно в ином виде только что описанную картину. Цитируемые ниже письма к М.В.Юзефовичу принадлежат участникам сражения при реке Валерик. Первое письмо написано Р.И.Дороховым 18 ноября 1840 года, второе —

А.С.Пушкиным (известным современникам под именем Левушка) 21 марта 1841 года, письма адресованы одному и тому же лицу. Их опубликовала в 1971 году С.К.Кравченко в журнале «Радянське літературознавство».

Приведем эти письма полностью:

«Шестимесячная экспедиция и две черкесские пули, — одна в лоб, а другая в левую ногу навывлет, помешали мне, любезный и сердечно любимый Мишель, отвечать на твое письмо. — К делу: я теперь лечусь от ран под крылышком у жены — лечусь и жду погоды! Когда-то проветрит? в Кр<епо>сти Грозной, в Большой Чечне, я раненый встретился с Левушкой, он, наконец, добился махровых эпюлет и счастлив как медный грош. Он хочет писать к тебе. В последнюю экспедицию я командовал летучею сотнею казаков, и прилагаемая копия с приказа начальника кавалерии объяснит тебе, что твой Руфин еще годен куда-нибудь; по силе моих ран я сдал моих удалых налетов Лермонтову. Славный малый — честная, прямая душа — не сносить ему головы. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Какое-то черное предчувствие мне говорило, что он будет убит. Да что говорить — командовать летучею командою легко, но не малина. Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр, — не сносить ему головы. Я ему говорил о твоём журнале, он обещал написать, если останется жить и приедет в Пятигорск. Я ему читал твои стихи, и он был в восхищении. Это меня обрадовало. Будь здоров и счастлив, чтобы тебя увидеть и провести с тобою неделю, я дал бы прострелить себе другую ногу...

Твой Р.Дорохов» [106, 85].

А вот что написал несколько месяцев спустя Лев Сергеевич Пушкин:

«Ты перепугал меня своим письмом от 20 февр<аля>. — Твоя болезнь не выходит у меня из ума. Не можешь вообразить, до какой степени я сделался мнителен. Успокой меня скорым ответом и не сердись за мое иногда непростительно долгое молчание. К тому же, кажется, что наши обоюдные письма теряются. Это неприятно... Ты спрашиваешь, что я делаю? Скучаю, милый... Ты хочешь знать, какую я играю роль? — Самую обыкновенную: ссорюсь с начальниками (исключая Г<енера>ла Граббе, который примерный человек и которого я от души уважаю), 8 месяцев в году бываю в экспедиции, зиму бью баклуши, кроме теперешнего времени, потому что, по причине отсутствия толкового командира, команду полком уже 2-й месяц. Каким полком, ты спросишь? Казачьим Ставропольским, к которому я прикомандирован... Что тебе наврал Дорохов? Мне кажется из твоего письма, что он себя все-таки выставляет каким-то героем роман-

тическим и полусмертельно раненым. Дело в том, что он, разумеется, вел себя очень хорошо, командовал сотнею, которая была в деле более прочих, получил пресчастливую рану в мякиш ноги и уверяет, что контужен в голову. Опасения его насчет Лермонтова, принявшего его командование, ни на чем не основано; командование же самое пустое, вскоре уничтоженное, а учрежденное единственно *для предлога к представлению* (курсив мой. — В.З.).

Дорохов теперь в Пятигорске, а жена его в Москве или Петербург^{<урге>} — не знаю. Я к нему на днях съездил и не застал, он уезжает в Тифлис... Прощай, еще раз, 1000 раз целую тебя» [106, 86].

Нет оснований сомневаться в искренности Льва Сергеевича, ведь это частное письмо предназначалось приятелю, хорошо знавшему нравы и обычаи военной службы тех лет. И уж ни в коей мере Левушка Пушкин не рассчитывал на то, что оно когда-то станет документальным свидетельством.

Ясно и то, что Дорохову хотелось немного прихвастнуть. Рана — пусть даже и пустяковая — повод освободиться от военной службы хотя бы на время. А уж контузия, пусть даже мнимая, но подтвержденная врачебной справкой — это долгий отдых на водах, где в это время была его супруга.

О Лермонтове, как, впрочем, и о других наказанных, разжалованных, хлопотали многие представители кавказского начальства. Простой анализ их действий говорит в пользу этого предположения. Так, 9 декабря 1840 года был подан рапорт о награждении участников сражения на реке Валерик, к которому был приложен наградной список и просьба перевести Лермонтова «в гвардию тем же чином с отданием старшинства». А 24 декабря того же года Командующий кавалерией левого фланга Кавказской линии полковник князь Д.Ф.Голицын в своем рапорте просил генерал-лейтенанта П.Х.Граббе наградить Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость» [126, 140 — 141].

8 января 1841 года документы были отправлены в Петербург. В них речь шла, конечно, не только о Лермонтове — испрашивали о Высочайших наградах, прощении для проштрафившихся офицеров и рядовых. К ордену был представлен и Николай Сомонович Мартынов.

⁵⁵ Стихотворение Н.С.Мартынова «Герзель Аул» полностью приводится в Приложении 2.

Здесь Мартынова можно заподозрить в подражательстве Лермонтову. Но сил, а, главное, таланта, ему-то и не хватило. Его произведения были слабыми в литературном и поэтическом плане, и все его старания стать поэтом и писателем потерпели фиаско. В то же время Мартынов довольно хорошо знал быт и нра-

вы горцев, и его произведения в плане этнографическом — находка для современных исследователей.

Впервые версия о Наталье Соломоновне появилась в 1885 г., когда В.Желиховская опубликовала в «Ниве» воспоминания Н.П.Раевского. Дети Мартынова ухватились за эту версию, поскольку она оправдывала их отца. Спустя некоторое время были опубликованы письма членов семьи Мартыновых, на которых были изменены даты написания. Эта уловка сделала свое дело — понадобилось почти 80 лет, чтобы восстановить истину. См. прим. 51.

По мнению А.В. и В.Б. Виноградовых, значение имеет вовсе не литературоведческий спор о прототипах романа Лермонтова. «Нам важно знать, что об этом думали, что могли домысливать тогдашние читатели, в том числе и сами Мартыновы, в первую очередь Николай. А его, судя по ряду свидетельств, донесших до нас расхожую молву, роман должен был остро задеть, — причем, при всей своей ограниченности, Мартынов наверняка понимал, что если он тотчас и круто изменит отношение к автору романа (не говоря уж о прямом «выяснении отношений»), то тем самым лишь подтвердит справедливость слухов и пересудов (как зло шутил А.С.Пушкин: «Завоет сдуру — это я!»). Кстати, именно так объяснил его дальнейшее поведение В.С.Оболенский: не желая компрометировать сестру, Мартынов оставался внешне в приятельских отношениях с Лермонтовым» [43, 9 — 10].

⁵⁷ Существует еще одно свидетельство об альбоме, его автор — ставропольский помещик К.Любомирский. В письме к своим друзьям по Московскому университету К.Н. и В.Н. Смольяниновым, написанном вскоре после дуэли, он сообщал:

Лермонтов нарисовал Мартынова «в сидячем положении, державшегося обеими руками за ручку кинжала и объяснявшего в любви, придав корпусу то положение и выражение, которое получает он при испражнении, и эту карикатуру показал ему первому» [139, 463].

⁵⁸ Не все современники были единодушны в оценке Столыпина. Лев Толстой, встречавшийся с Алексеем Аркадьевичем во время Крымской войны, писал так: «Вечером зашел к Столыпину, откуда вынес не совсем приятное чувство...», или даже: «Человек пустой, но с твердыми, хотя и ложными убеждениями» [98]. Приводя это свидетельство, Т.А.Ивановна опустила более важное — познакомившись ближе Л.Н.Толстой нашел А.А.Столыпина-«Монго» «славным интересным малым» [143, 159].

⁵⁹ Как считала Т.А.Иванова, заговор против поэта в июле 1841 года был в самом разгаре. «Лермонтов попал в компанию, — пишет исследовательница, — где была подходящая почва для семян,

которые разбрасывал Траскин... От этого уютного домика (речь идет о квартире Чилаева. — В.З.) тянулись нити в Петербург. Лермонтов оказался как зверь в загоне. Его окружали Мартынов, Васильчиков, Столыпин...» [98, 80].

60 Почему вообще мог возникнуть такой ход мыслей?

В письме к автору этой книги 6 апреля 1975 года Т.А.Иванова объясняла: «Для такой концепции дал основной тезис еще первый биограф Лермонтова Висковатый... На основе этого тезиса проделана большая архивная работа, анализ документов нашими современными исследователями: Нечаевой («Суд над убийцами Лермонтова») и Андреевым-Кривичем («Два распоряжения Николая I»). Эта работа завершена в только что вышедшей книге С.И.Недумова. Роли распределены: Бенкендорф, Траскин, Васильчиков (?). Если отдельные моменты дуэльной истории не достаточно ясны, то вряд ли возможно теперь уточнить, так запутано секундантами, стремившимися себя оправдать. Изучены и отзывы о дуэли современников (Андроников, Герштейн). Я в своей книге «Посмертная судьба поэта» специально дуэлью не занималась, основываясь на фактах, уже установленных исследователями, а дуэльную историю использовала лишь с целью *разгримировки* «рыцаря чести», «друга» Монго (глава «Под маской друга»). К сожалению, не смогла прибавить к его характеристике цитаты из переписки, найденной И.С.Недумовым. Как своей единомышленице он дал нужное мне из этих писем списать, но не разрешил приводить в печать до того, как опубликует сам. Узнав в мае от Селигея (Селигей Павел Евдокимович в то время был директором Музея-Заповедника М.Ю.Лермонтова в Пятигорске. Он редактировал книгу С.И.Недумова. — В.З.), что «Лермонтовский Пятигорск» выйдет не позже декабря 1974 года, я, вернувшись домой, включила нужный мне материал в рукопись новой книги «Лермонтов в Москве»...

Статья Вацуρο в «Русской литературе» (речь идет о статье В.Э.Вацуро, в которой он опубликовал неизвестное письмо А.С.Траскина к П.Х.Граббе, написанное в Пятигорске 17 июля 1841 года [40, 115 — 125]. — В.З.) ничего нового не прибавила к дуэльной истории Лермонтова. Если жива и сил хватит (а их становится все меньше и меньше), напишу памфлет (!!!): «Две лже-находки». Одна — Найдича, нашедшего письмо Философова, якобы доказывающее, что у него была авторитетная рукопись «Демона», другая Вацуро, нашедшего письмо Траскина, из которого якобы видно, что он «любит» Лермонтова (не советую вам делать подобных!). Чтобы вычитать такое, желаемое, «находчикам» надо вооружиться кривыми зеркалами, в простых очках такого не увидишь. Из такой темы можно сделать шедевр юмо-

ристики. Мне теперь не под силу! Иногда вспоминают мысль из статьи Вацуро о различном понимании чести, но кроме некоторых сословных и эпохальных оттенков понимания чести есть одна единая общечеловеческая честь.

Молодые офицеры дворянского общества хотели вызвать Мартынова на дуэль и этому помешал только Траскин, выслав его из Пятигорска. А Монго поддерживал убийцу своими советами, как облегчить наказание, тогда как на нем-то, если он «рыцарь» и «друг», и лежала в первую очередь обязанность стреляться с убийцей поэта...» [9].

Т.А.Иванова порой не считалась с документальными свидетельствами. Так, например, В.Э.Вацуро отметил, что она в своей книге «Посмертная судьба поэта» (стр. 62 и далее) цитирует приводимый Вацуро фрагмент из письма Граббе Траскину с сочувственной характеристикой Лермонтова; однако поскольку Траскин уже определен ею как зловещая фигура и враг Лермонтова, то имя его как адресата не называется, а цитата из письма Граббе преподносится как устная речь [40, 116].

⁶¹ Вряд ли можно согласиться с мнением Недумова, что между Столыпиным и Лермонтовым установились холодные отношения. Свое заключение Недумов строит на том факте, что в письмах Столыпина от 20 сентября из Пятигорска и в декабрьском из Тифлиса нет ни слова о Лермонтове [143, 148 — 161]. Но почему имя Лермонтова обязательно должно упоминаться в письмах?

Во-первых, до нас дошли лишь некоторые письма, мы не знаем, что было написано в тех, которые пропали и не дошли до адресатов. Во-вторых, по имеющимся сведениям, Лермонтов был в Пятигорске около 12 сентября недолго, в Тифлисе же в 1840 году поэт вообще не был, в декабре он поехал совершенно в другом направлении: Ставрополь — Тамань — Анапа. И, наконец, в-третьих, для Столыпина было важнее сообщить ближайшим родственникам прежде всего о себе.

⁶² Несколько лет назад я разослал анкету писателям и поэтам, включавшую вопросы о жизни и творчестве Лермонтова. Среди многих вопросов был и такой: «Как вы относитесь к распространенному мнению, будто Лермонтов был неуживчивым человеком?». Вот что ответил кубанский писатель Виктор Лихоносов: «В публичных высказываниях мы не можем задеть характер Лермонтова. Здраво, во всей глубине. Лермонтов — национальный гений, вечная слава России. Когда мы думаем, что он возвышает нашу нацию, нам дела нет до того, какой у него характер. Мы ему все прощаем. Лермонтов нам дороже Мартынова, и, если бы он в тот последний поединок убил Мартынова, мы бы не ста-

вили ему этого в вину, а в печати постарались бы говорить об этом как можно реже. Величие затмевает для потомков мораль, как это ни странно. Но в ту пору о гибели Лермонтова (как и Пушкина) сожалели далеко не все хорошие люди, потому что над ними царствовала не литература, а жизнь, и относились они к трагедии с точки зрения своих жизненных симпатий и антипатий. У жизни очень жестокие законы, они одинаково безжалостны к людям простым и гениальным. А законы эти таковы, что человек любит, оберегает прежде всего самого себя и ни с какой чужой гениальностью не считается.

Чтобы хоть немножко понять трагедию Лермонтова среди людей, надо перенести его в наш век, в наши дни и подумать, как бы поступили с ним друзья, женщины теперь, с живым, а не с памятником, как бы относились они к его злым островам, обидам, оскорблениям и резким стихам.

Да, общественные отношения сейчас другие, но не забудем, что природа человеческая все та же! Не только общество, но прежде всего люди сделали и Пушкина, и Лермонтова такими одинокими. Все это печально. Гению все прощают поздние века. Все его жалеют, боготворят, готовы даже якобы пожертвовать собой. А современники забывают в суете человеческих тщеславий, распрей, выгод о том, что перед нами гений, слава Отечества. Так всегда было. Характер у Лермонтова был не из легких» [121, 184 — 185].

63 В начале 50-х гг. С.И.Недумов проверил утверждение П.А.Висковатого. Недумов доказал, что Лермонтов находился в Железноводске в период с 6 по 13 июля: 8 июля ему было продано 4 билета в Калмыцкие ванны. Более того, учитывая, что четвертый билет мог быть использован 11 или 12 июля, можно с уверенностью утверждать, что на вечер к Верзилиным 13 июля Лермонтов приехал из Железноводска и возвратился туда для продолжения лечения 14 июля, а 15-го, в день дуэли, он и Столыпин приобрели еще по пять билетов все в том же Железноводске.

64 Также ничем не подкреплена версия С.В.Чекалина, который приписывает роль тайного врага поэта князю А.И.Васильчикову. Для подтверждения своего мнения Чекалин приводит текст письма, якобы написанного отцом Васильчикова старым князем Илларионом Васильевичем, Председателем Государственного Совета: «Я очень хотел бы помочь тебе и даже пытался говорить о Лермонтове с Государем, но это принесло мне только огорчение. Государь обиделся, что я напомнил ему об этом человеке. Он не хотел слышать о нем. «Лермонтов не вернется в Петербург с Кавказа», — сказал мне Государь и прекратил дальнейший разговор. Я беседовал с графом Александром Христофоровичем.

Он советует вам самим в Пятигорске обуздать Лермонтова, на Водах много горячих голов, которые сумеют выпроводить его из Пятигорска. О последствиях беспокоиться не следует» [193, 198].

Вышеприведенный отрывок из письма, по словам Чекалина, якобы был передан ему Н.П.Пахомовым, который рассказал, что его жена обнаружила в каком-то архиве письмо на французском языке, из которого она и сделала эту выписку. Непонятно, почему Пахомов не опубликовал этот фрагмент тогда же, уж кто-кто, а он знал цену любым новым воспоминаниям о поэте. Еще в июне 1976 года Н.П.Пахомов в беседе с автором сообщил, что, хотя эти сведения и любопытны, он им не доверяет. Об этом же было известно многим его знакомым.

В самом деле, можно ли доверять этому источнику? Обратите внимание на следующую фразу: «Он советует вам самим в Пятигорске обуздать Лермонтова... Но в Петербурге до первых чисел августа не было известно о том, что Лермонтов находится в Пятигорске, и только 31 июля пришло сообщение о гибели поэта. Для всех это было полной неожиданностью, так как в столице считали, что поэт отправился в Тенгинский пехотный полк, квартировавший на Кубани и на Черноморском побережье.

Поддельность этого, с позволения сказать, документа доказывают и обнаруженные Э.Г.Герштейн письма старого князя И.В.Васильчикова к министру внутренних дел Д.Н.Блудову. 20 июня 1841 года князь Илларион писал, что Государь соизволил уволить его сына в отпуск «с 1 июля на 3 месяца для отъезда ко мне в деревню». Но уже через день Блудов узнает из письма П.В.Гана, что Васильчиков-младший находится на лечении в Пятигорске с начала июня, о чем свидетельствует приложенное свидетельство о болезни. Министр поспешил сделать «увольнительный вид для сына Вашего к Кавказским Минеральным Водам и потом в Саратовскую губернию» и приложил его к письму.

«Когда же, — спрашивает Э.Г.Герштейн, — могли отец и сын обменяться письмами, когда мог старший Васильчиков иметь беседу с царем и вести переговоры с Бенкендорфом?». В столице князь Илларион Васильевич появился 5 августа, сын написал ему в деревню о дуэли, и отец поспешил во дворец улаживать непредвиденные и грустные дела, правда, встретиться с царем ему удалось лишь 8 августа [56, 254].

Таким образом, фиктивность приводимых С.В.Чекалиным сведений очевидна.

- 65 Вот что писал П.Т.Полевоедин 21 июля 1841года, то есть по горячим следам, из Пятигорска: «В одно время Лермонтов с Мартьяновым и прочею молодежью были у Верзилиных (семейство казацкого генерала). Лермонтов, в присутствии девиц, трюнил

над Мартыновым целый вечер до того, что Мартынов сделался предметом общего смеха, — предложением к тому был его, Мартынова костюм. Мартынов, выйдя от Верзилиных вместе с Лермонтовым, просил его на будущее время удержаться от подобных шуток, а иначе он заставит его это сделать» [139, 449].

Сохранилась дневниковая запись Н.Ф.Туровского, бывшего в те дни на Водах (в свое время он учился в Московском Пансионе вместе с поэтом): «18 июля. Лермонтова уже нет, вчера оплакивали мы смерть его. Грустно было видеть печальную церемонию, еще грустней вспомнить: какой ничтожный случай отнял у друзей веселого друга, у нас — лучшего поэта. Вот подробности несчастного происшествия. «Язык наш — враг наш». Лермонтов был остер, и остер иногда до едкости; насмешки, колкости, эпиграммы не щадили никого, ни даже самых близких ему; увлеченный игрою слов или сатирическою мыслию, он не рассуждал о последствиях: так было и теперь.

Пятнадцатого числа утро провел он в небольшом дамском обществе (у Верзилиных) вместе с приятелем своим и товарищем по гвардии Мартыновым, который только что окончил службу в одном из линейных полков и, уже получивши отставку, не оставлял ни костюма черкесского, присвоенного линейцам, ни духа лихого джигита и тем казался действительно смешным. Лермонтов любил его как доброго малого, но часто забавлялся его странностью; теперь же больше, нежели когда. Дамам это нравилось, все смеялись, и никто подозревать не мог таких ужасных последствий. Один Мартынов молчал, казался равнодушным, но затаил в душе тяжелую обиду. «Оставь свои шутки — или я заставляю тебя молчать», — были слова его, когда они возвращались домой. «Готовность всегда и на все», — был ответ Лермонтова, и через час-два новые враги стояли уже на склоне Машука с пистолетами в руках» [138, 343 — 344].

В воспоминаниях Туровского даже дата ссоры названа неверно, вполне возможно, что автор пользовался слухами, появившимися уже после дуэли, но вот причины ссоры ему были хорошо известны и называет их он правильно.

⁶⁶ В 1984 году в альманахе «Ставрополье» Сергей Белоконов опубликовал рассказ «Аул Кирка» ученика 6 класса ставропольской гимназии Дикова. Он был написан в 1853 году, вероятно, племянником В.Н.Дикова. В сочинении гимназиста описаны события трех последних дней жизни поэта — от ссоры до дуэли и смерти. Очерк представляет большой интерес, поскольку сведения автор почерпнул из семейных рассказов очевидцев и даже участников событий. Главными источниками сведений были, по-видимому, Грушенька, ее супруг Василий Николаевич и «старичок» Чилаев.

Имена действующих лиц скрыты за инициалами, под которыми легко угадываются все герои будущей драмы. Рассказ начинается с описания дома Верзилиных.

«Старичок Ч. помнит Л., — пишет Диков. — Домик небольшой с палисадником, несколько деревьев вишен, яблонь растут в палисаднике, и ветви их врываються в окна. С боковой стороны его бывшей квартиры стоит несколько высоких яблонь и груш; из ворот идет поляна... Воздух здесь свеж и не заражен серой, как в некоторых других частях города.

Вот бывшая квартира поэта. Наш дом стоит в соседстве с этим домом, но прежде в то время в нашем дворе был другой дом генерал-майора В., они разделялись одною каменной стеною, и в этом доме квартировал М...».

Описывая дом Верзилиных, автор очерка отмечает:

«Здесь Л. был хорошо принят и убивал большую часть дня... Л. был первым кавалером на этих вечерах и танцевал без устали (нужно заметить, что он танцевал, как мне говорили, довольно легко и грациозно)».

Рассказывая далее о характере поэта, его поведении в Пятигорске, Диков пишет: «Л. смеялся над всеми и всем. Даже в доме, где он был так радушно принят, он говорил иногда колкости, и молодые девицы ссорились с ним (конечно, как вообще ссорятся их прекрасный пол — полушутя).

Но М. именно был щелью, куда он сыпал без умолку свои насмешки... Л. не позволял М. сказать ни слова или после каждой фразы ставил его в такое затруднительное положение, что тот краснел и умолкал невольно. Здесь Л. ловил каждое его слово. Эта история повторялась всегда, и Л. своими сарказмами преследовал М. ужасно.

Говорят, что часто после подобных сцен М., возвращаясь уже домой, дружески говорил Л.: «Я прошу тебя, Л., чтобы ты перестал шутить надо мной в обществе, я даю полную волю твоему языку издеваться надо мною, но — ради дружбы, где хочешь — дома, среди товарищей, но не там, где дамы, где двадцать человек посторонних...». И Л. давал ему слово оставить эти шутки».

Большой интерес представляет описание Диковым событий вечера 13 июля. О них автор знал, вероятно, со слов Аграфены Петровны.

«Я сидела перед окном, и вечерний воздух освежал ослабевшие мои силы. Ко мне подошел Л.

— О чем вы думаете? — спросил он меня.

— Я думаю, что вы самый ужасный насмешник, даже злой...

— И за это сердитесь на меня? — спросил Л.

— Очень сержусь, — отвечала я.

— Я насмешник, даже злой?! Так не говорите больше. Я знаю, что это отзыв обо мне всех. Нет, верьте мне, я не зол. Нет, это клевета моих завистников...

Тут проговорил Л. тираду вроде той, которую сказал Печорин Мэри во время прогулки к Провалу...

Ужин был готов, и разговор был прерван. После ужина Л. повеселел. Тут гости стали расходиться. Офицеров человек 7 вышло из дому вместе. В числе их был Л. с М.».

Последующие события изложены гимназистом со слов одного из этих семи офицеров, возможно, самого В.Н.Дикова.

«Когда они отошли от дому на порядочное расстояние, М. подошел к Л. и сказал ему:

— Л., я тобой обижен, мое терпение лопнуло: мы будем завтра стреляться; ты должен удовлетворить мою обиду.

Л. громко рассмеялся.

— Ты вызываешь меня на дуэль? Знаешь, М., я советую тебе зайти на гаубвахту и взять вместо пистолета хоть одно орудие; послушай, это оружие вернее — промаху не даст, а силы поднять у тебя станет.

Все офицеры захохотали, М. взбесился.

— Ты не думай, что это была шутка с моей стороны.

Л. засмеялся.

Тут, видя, что дело идет к ссоре, офицеры подступили к ним и стали говорить, чтобы они разошлись» [31, 90 — 91].

⁶⁷ *Дмитревский Михаил Васильевич* — старший помощник секретаря гражданской канцелярии Главноуправляющего по Грузии. Был дружен с ссыльными декабристами. С Лермонтовым познакомился в 1837 г. О Дмитревском см. также прим. 44.

⁶⁸ *Бенкендорф Александр Павлович* — юнкер, сын двоюродного брата шефа жандармов А.Х.Бенкендорфа, знакомый Лермонтова.

⁶⁹ Подобная же версия содержится и в письме студента А.А.Елагина своему отцу: «Лермонтов выстрелил в воздух, а Мартынов подошел и убил его. Все говорят, что это убийство, а не дуэль, но я думаю, что за сестру Мартынову нельзя было поступить иначе. Конечно, Лермонтов выстрелил в воздух, но этим он не мог отвести удара и обезоружить обиженного. В одном можно обвинить Мартынова, зачем он не заставил Лермонтова стрелять. Впрочем, обстоятельства дуэли рассказывают различным образом, и всегда обвиняют Мартынова как убийцу» [55, 437 — 438].

⁷⁰ Эта же статья, но с существенными дополнениями перепечатана в 1992 году [См.: 18].

⁷¹ Здесь Д.Алексеев и Б.Пискарев некорректно ссылаются на И.Е.Барклая-де-Толли — из его заключения никак не следует вывод «о высоко поднятой вверх правой руке» поэта. Полностью

заключение пятигорского ординарного лекаря Барклая-де-Толли приведено в главе «Следствие».

72 Подробно вопрос о прототипах Грушницкого рассмотрен В.А.Мануйловым в комментариях к роману «Герой нашего времени» [130, 170 – 178; 6]. Известный лермонтовед привел все существовавшие версии, среди которых имя Мартынова, как возможного прототипа Грушницкого, никем из предыдущих исследователей всерьез не рассматривалось.

73 Гвоздев П.А. — воспитанник школы юнкеров, поэт, дружески общался с Лермонтовым в период его пребывания на Кавказе.

74 Меринский А.М. — соученик Лермонтова по школе юнкеров.

75 Чарыков А. — офицер, служивший на Кавказе и встречавшийся с Лермонтовым в Ставрополе и Пятигорске в 1840 и 1841 гг.

76 Филлипсон Г.И. — капитан Генерального штаба, в 30 – 40 гг. состоял при штабе войск Кавказской линии и Черномории и хорошо знал кавказское военное начальство.

77 Э.Г.Герштейн, которой приношу искреннюю благодарность, любезно предоставила автору текст афиши «китайского маскарада», который состоялся 6 января 1837 г. На печатной афише Траскин значился одним из семи младших сыновей «короля бобов Па-ли-фи» («Лу-Чин — г-н Траскин»).

78 Головин тогда был Командующим Кавказским корпусом.

79 Вспомним одну подробность из семейной жизни Граббе. В.С.Толстой, описывая жену Командующего, сообщил о том, что она изменила своему мужу «для прекрасного молодого человека Глебова». Точно известно, что Траскин 11 июля 1841 года сопровождал жену генерала Граббе в Кисловодск, где она поселилась для прохождения лечения, но возможно, мадам Граббе хотела вновь встретиться с Глебовым (эта встреча так и не состоялась).

80 Личное письмо Траскина к Граббе, посланное им из Пятигорска и датированное 17 июля 1841 года, было опубликовано В.Э.Вацуро. Знакомство с письмом заставляет отказаться от бездоказательной версии о роли Траскина в качестве «главного вдохновителя» дуэли и о его влиянии на ход следствия.

Несмотря на то, что в письме излагаются факты, известные из других источников, приведем некоторые его фрагменты, чтобы лучше понять отношение Траскина к дуэли и ее участникам.

В начале письма Траскин рассказывает Граббе о его супруге и о том, как обстоят дела с её лечением: «Г-жа Граббе поселилась в Кисловодске с 11 числа. Я оставил ее 12-го и вернулся сюда, чтобы продолжить свое лечение. Ей очень нравится у Принца, и она кажется все более спокойной. Ее осмотрели доктора Норман и Рожер, и, как они мне сказали, она уже начала принимать ванны и совершает длительные прогулки».

Далее процитируем ту часть письма, в которой рассказывает о дуэли: «Из прилагаемого при сем рапорта коменданта Пятигорска Вы узнаете о несчастливой и неприятной истории, происшедшей позавчера. Лермонтов убит на дуэли с Мартыновым, бывшим казаком Гребенского войска. Секундантами были Глебов из кавалергардов и князь Васильчиков, один из новых законодателей Грузии. Причину их ссоры узнали только после дуэли; за несколько часов их видели вместе и никто не подозревал, что они собираются драться. Лермонтов уже давно смеялся над Мартыновым и пускал по рукам карикатуры, наподобие карикатур на г-на Майе, на смешной костюм Мартынова, который одевался по-черкесски, с длинным кинжалом, — и назвал его «г-н Пуаньяр с Диких гор». Однажды вечером у Верзилиных он смеялся над Мартыновым в присутствии дам. Выходя, Мартынов сказал ему, что заставит его замолчать; Лермонтов ему ответил, что не боится его угроз и готов дать ему удовлетворение, если он считает себя оскорбленным. Отсюда вызов со стороны Мартынова, и секунданты, которых они избрали, не смогли уладить дело, несмотря на все предпринятые ими усилия; они собирались драться без секундантов. Их раздражение заставляет думать, что у них были и другие взаимные обиды. Они дрались на расстоянии, которое секунданты с 15 условленных шагов увеличили до 20-ти. Лермонтов сказал, что он не будет стрелять и станет ждать выстрела Мартынова. Они подошли к барьеру одновременно; Мартынов выстрелил первым, и Лермонтов упал. Пуля пробила тело справа налево и прошла через сердце. Он жил только пять минут — и не успел произнести ни одного слова...» [40, 124 — 125].

Как видим, в письме довольно объективно излагаются обстоятельства поединка, вместе с тем нельзя не заметить сочувствия Траскина к поэту.

⁸¹ Подробный анализ действий Баркляя-де-Толли произвел кандидат медицинских наук Борис Александрович Нахапетов, уже много лет занимающийся темой «Медики и медицина в жизни Лермонтова». В письме к автору от 10 октября 1988 года он писал:

«Привлечение И.Е.Баркляя-де-Толли в качестве судебно-медицинского эксперта было осуществлено в рамках требований изданного в 1829 года «Наставления врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел», в параграфе 2 которого говорилось: «Осмотр и вскрытие мертвых тел обязаны производить в уездах уездные, а в городах городовые и полицейские врачи, но если они по болезни или по другой законной причине не могут оным заняться, то вместо их обязанность сия возлагается на всякого военного, гражданского или вольнопрактикующего медицинского чиновника». <...> Упомянутым наставлением (параграф

12) предписывалось ведение специального протокола судебно-медицинского исследования: «Медицинский чиновник обязан вести подробный протокол всему ходу исследования. По совершенном же окончании осмотра должно протокол прочитать вслух и сличить его с протоколом, в то же время составленным чином полиции». Присутствие полицейского чиновника являлось обязательным при производстве судебно-медицинского освидетельствования.

Согласно параграфу 21 Наставления «с представлением врачом в судебное место акта осмотра обязан он в то же время точную копию представить в Врачебную управу».

Разделом Наставления, посвященным исследованию наружных повреждений, предписывалось: «Буде на теле оказываются следы наружного насилия, то должно оные прежде всего обстоятельно исследовать. Сначала определить род повреждения, потом место и части тела, где оное находится, описать величину, вид, длину и ширину самого повреждения и сличить оное с орудиями, коими оное (как предполагается) причинено.

Наконец следует описать направление повреждения. В случае ран от огнестрельных орудий должно исследовать, одною ли пулей произведена рана или несколькими, крупною ли, или мелкою дробью. Когда рана сквозная, то определить, где вход и где выход, какое направление имеет рана, какие именно части повреждены и не найдены ли в оной пули, дробь, пыж, часть одежды, костяные обломки и т. п.» [9].

⁸² Впервые это свидетельство привел П.К.Мартьянов [131, 101 — 102], затем его повторил В.А.Мануйлов [126, 169 — 170]. Анализируя заключение, составленное Барклаем-де-Толли, можно прийти к выводу, что он без особого усердия отнесся к порученному делу. Возможно, что у него были основания считать рану в правом боку входным, а в левом — выходным отверстием, но из составленного им текста такого вывода сделать нельзя.

И.Е.Барклай-де-Толли недостаточно четко охарактеризовал раны, не описал их форму и размеры, не привел характеристики краев ран и окружающих тканей, то есть всего того, без чего судебно-медицинский эксперт, не располагающий к тому же необходимыми данными об обстоятельствах травмы, не может сделать квалифицированного заключения о том, какое раневое отверстие является входным, а какое выходным.

И.Е.Барклай-де-Толли нарушил также обязательное требование параграфа 35 Наставления:

«Необходимо нужно всегда вскрывать по крайней мере три главные полости человеческого тела и описывать все то, что найдено будет замечания достойным».

83 Нарушения требований Наставления врачами были не редкостью в судебно-медицинской практике того времени, в связи с чем Медицинский департамент был вынужден повторно обращать внимание на недостаточно серьезное отношение врачей к проведению судебно-медицинских экспертиз. Примером подобного рода может, в частности, служить судебно-медицинское исследование трупа А.С.Пушкина, которое также было проведено с нарушением требований Наставления. И это несмотря на то, что вскрытие производил доктор И.Т.Спасский, дипломированный судебный медик. В.И.Даль писал по этому поводу: «Время и обстоятельства не позволили продолжить подробнейших изысканий» [9].

84 Уже давно существует легенда о том, что Лермонтов был убит неким таинственным казаком, выстрелившим в него сзади из-за кустов. Ее автором был директор пятигорского музея «Домик Лермонтова» С.Д.Коротков. Его предположения были изложены Ан. Павловичем в статье, опубликованной в «Комсомольской правде» [160] и с тех пор гуляют по свету. В.А.Швембергер обосновал эту легенду, опубликовав в 1957 году в журнале «Литературный Киргизстан» свою статью «Трагедия у Перкальской скалы». В 1966 году эту версию (с некоторыми изменениями и дополнениями) повторили И.Кучеров и В.Стешиц, но она не выдержала критики [110, 90].

Тем не менее, в 1984 году С.В.Чекалин в книжке «Наедине с тобою, брат...» вновь напомнил читателям об этой истории, сопроводив это напоминание следующей оговоркой: «По всей видимости, факты из личной жизни поэта были перепутаны с событиями и героями из его произведений» [193, 6; 194].

В 1967 г. один из членов комиссии профессор Ленинградской Военно-медицинской академии В.И.Молчанов напечатал статью: «О ранении и смерти М.Ю.Лермонтова», в которой был дан исчерпывающий ответ не только последним скептикам, но и В.А.Швембергеру.

Описывая рану Лермонтова, В.И.Молчанов отметил, что «восходящее направление раневого канала можно объяснить еще рикошетом пули от верхнего края 10 ребра или от какого-нибудь предмета на одежде Лермонтова. Рикошет мог иметь место и в глубине тела, например, от печени, и в области выхода пули из левой плевральной полости.

Сказанное позволяет утверждать, что ранение Лермонтову могло быть причинено выстрелом Мартынова, и что последний мог стоять в обычной позе дуэлянта, и ему не нужно было «поставить пистолет на землю в полутора метрах от жертвы и стрелять в таком положении», как полагают И.Кучеров и В.Стешиц.

Вызывает споры еще вопрос о патогенезе смерти и о продолжительности умирания Лермонтова.

В Свидетельстве № 35 сказано, что пуля «...пробила правое и левое легкое...», в результате чего «...Лермонтов мгновенно на месте поединка помер». Однако профессор С.П.Шиловцев [205] высказал иную точку зрения. Он полагает, что пуля вначале попала в живот и могла поранить печеночный угол поперечно-ободочной кишки, желудок или малый сальник, печень, затем диафрагму и нижнюю долю левого легкого, а крупные сосуды и сердце не были затронуты, поэтому смерть наступила от внутреннего кровотечения и шока спустя несколько (4 – 5) часов после ранения. Так как труп Лермонтова не вскрывался, то невозможно установить, какие именно органы и сосуды были повреждены. Об этом можно судить лишь приблизительно, учитывая локализацию раневых отверстий, позу в момент ранения и гипотетический ход раневого канала, как это сделал Барклай-де-Толли. Нам кажется, что мнение последнего более близко к истине, чем предположения С.П.Шиловцева.

Если пуля вошла на уровне 10 ребра, то она могла пройти через синус правой плевральной полости, повредить диафрагму и печень, затем левое легкое. Не исключена возможность повреждения аорты или сердца, поскольку крупная пуля, имеющая большую скорость, проходя даже вблизи этих органов, могла причинить ушиб или разрыв их. Огнестрельное ранение обеих плевральных полостей и легких вызывают быстрое наступление смерти вследствие двустороннего пневмоторакса, повреждения аорты или сердца, а также обширные ранения печени — вследствие острой кровопотери. Сочетание пневмоторакса с кровопотерей тем более может обусловить быструю смерть.

Все сказанное позволяет отвергнуть версии о ранении М.Ю.Лермонтова подставным лицом и о длительном процессе умирания раненого поэта, как не имеющие достаточных объективных оснований» [136; 501 – 503].

85 Недумов в своем исследовании «Лермонтовский Пятигорск» посвятил отдельную главу тайному надзору на Кавказских Минеральных Водах [143, 140 – 148]. Он установил, что с 1834 года на Воды регулярно посылались жандармы для надзора за лечущимися военными. Жандармские офицеры посылались на разные сроки: одни — на три года, другие — меньше, чем на год.

86 Об этом письме автор рассказал Э.Г.Герштейн, и оно было опубликовано во втором издании ее книги «Судьба Лермонтова».

87 Можно привести свидетельство Э.Гарда, видевшего дневниковые записи Надежды Петровны Верзилиной. Э.Гард в 1939 году разыскал жившую под Курском дочь Надежды Петровны и

Алексея Шан-Гирея — Марию Алексеевну Трувеллер, ей в то время было уже 83 года: «Записи дневника под датами 15—17 июля 1841 года передают, как была потрясена смертью Лермонтова Надежда Петровна Верзилина. В дневнике она рассказывает, что после похорон поэта она в сопровождении горничной девушки тайком, ночью, отправилась на могилу поэта и взяла оттуда простой серенький камушек. Камушек был треугольный, его отдали отшлифовать и отправить в золото, в виде булавки; на оборотной стороне была вырезана буква «Л»... Для Шан-Гиреев и Верзилиных, как и для доживших до наших дней их дочерей, Лермонтов — не только великий поэт, но и — Михаил Юрьевич, Мишель, шалун, забияка, иногда злой и даже грубоватый насмешник, но все-таки близкий и милый всегда...» [53, 20].

88 21 января 1842 года Пензенский гражданский губернатор был уведомлен о Высочайшем разрешении на перевозку тела Лермонтова на «фамильное кладбище» в село Тарханы, «с тем, чтобы помянутое тело закупорено было в свинцовом и засмоленном гробе и с соблюдением всех предосторожностей, употребляемых на сей предмет». 21 апреля гроб с телом Лермонтова был привезен в Тарханы. 23 апреля поэт был перезахоронен в склепе, рядом с могилами деда и матери. Вскоре, по распоряжению Елизаветы Алексеевны над могилами была сооружена часовня, в которой похоронили и Арсеньеву [188, 259].

89 В 1940 году В.В.Баранов, преподаватель из Калуги, разыскал некоторые сведения о Е.Г.Быховец. Он выступил в лермонтовской группе Института мировой литературы им. Горького с докладом «Об истинном адресате стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю». Но только через 17 лет в ученых записках Калужского пединститута была опубликована его статья.

В 60-е годы саратовский лермонтовед Л.И.Прокопенко установил дату рождения Е.Быховец, он же стал автором заметки о ней в Лермонтовской энциклопедии [118, 74].

Материалы данной главы были опубликованы автором после обсуждения в коллективе Государственного лермонтовского музея-заповедника в Пятигорске [90].

90 Письмо Г.А.Быховца, отца Катеньки, к издателю журнала «Отечественные записки» А.А.Краевскому было обнаружено автором книги не так давно.

«Милостивый государь Андрей Александрович! Письмо Ваше от 6-го февраля я имел удовольствие получить, на которое приятным долгом поставляю Вас уведомить, что манускриптов покойного Лермонтова у меня никогда и не было и никто их не видел, и не знаю, из каких источников г. Еропкин заимствовал сведения, коими Вас известил; это правда, что дочь моя, живущая

ныне в Тарусе кухня и друг покойного милого нашего поэта, писала ко мне, что она будет иметь некоторые последние сочинения его, но не знаю, успела ли она снести что-нибудь из гениальных сочинений несчастного, из рук хищников, решивших воспользоваться вслед за роковою пулею, моментом, растащить сокровища оставшейся вдохновенной поэзии, излившейся в последние его дни и неизвестные еще публике. Между тем чтоб угодить Вашему благородному чувству я через почту напишу моей дочери, которая в то время была на Водах, что буде ей угодно какие-нибудь манускрипты, то отослали бы их прямо к Вам, как достойному другу, обще всеми уважаемого поэта. Примите искренние уважения мои к Вам, с коими имею честь пребывать. Милостивого государя покорный слуга *Григорий Быховец*. 17-го февраля 1842. Таруса Калуж<ской> Губер<нии>» [49, 177 – 178].

- 91 В рукописном отделе ИРЛИ хранится лишь первая страничка копии, снятой Акербломом и ставшей наборным экземпляром в типографии при подготовке письма к публикации. В этой копии все исправления внесены рукой Семевского, больше того, в рукописи имеются как вставки, так и исключения отдельных слов.

Вот лишь несколько примеров; в скобках приведены слова, вставленные Семевским: «Как бы я тебе позавидовала моя душка («душечка»); «моему (милому) дружочку»; «обвиты» («обиты») и т.д. В последнем случае редактором допущена явная ошибка. Не зная подлинных обстоятельств и никогда не видя грота Дианы, Семевский исправил слово «обвиты» на «обиты», решив, что так будет правильно. На самом же деле непосредственный участник событий, каким и была Е.Быховец, понимала, что каменные колонны **обить** цветами невозможно.

Деталь на первый взгляд незначительная, но подтверждающая подлинность письма.

Нужно сделать еще одно важное добавление: М.Семевский, редактор и издатель журнала «Русская старина», любил вносить в публикуемые материалы существенную редакторскую правку; он исправлял или уточнял некоторые слова и фразы, иногда заменял их другими, добавлял недостающие по смыслу, а кое-что и выбрасывал, как, по его мнению, несущественное.

- 92 К.И.Ивановский окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1832 году (в год поступления в нее Лермонтова) и был выпущен в Лейб-гвардии Московский полк. Прослужив 5 лет, в 1837 году Ивановский вышел в отставку, затем был некоторое время лесным ревизором Кавказской области, после чего уехал в Казань.

В начале 40-х гг. на Кавказских Минеральных Водах он познакомился с Е.Быховец, которая и стала впоследствии его женой.

⁹³ Орлов Алексей Федорович — граф, брат декабриста М.Ф.Орлова. С 1844 г. — шеф жандармов и Начальник III Отделения.

⁹⁴ Об этой «подмене» пистолетов написано немало. Вслед за С.Латышевым и В.Мануйловым хочется отметить, что никаких преступных целей при замене пистолетов ни у кого не было. Вероятно, Столыпин просто захотел иметь у себя подлинный пистолет, из которого был убит Лермонтов [114].

Аким Павлович Шан-Гирей видел этот пистолет: «Это кухенрейтер № 2 из пары; я его видел у Алексея Аркадьевича Столыпина, на стене над кроватью, подле портрета, снятого живописцем Шведе с убитого уже Лермонтова» [138, 53]. После смерти А.А.Столыпина пистолеты, по свидетельству Висковатого, достались его родному брату Дмитрию [48, 422].

⁹⁵ Позже связи Бибикова с семейством Мартыновых укрепились. Старшая сестра Мартынова — Елизавета Соломоновна Шереметева отдала свою дочку Елизавета Петровну замуж за Дмитрия Дмитриевича Бибикова — сына Киевского, Подольского и Волынского войскового генерал-губернатора [141, 67].

⁹⁶ Виктор Николаевич, десятый ребенок Н.С.Мартынова, унаследовал после смерти отца имение Знаменское, но в имении почти не жил, сначала служил инспектором уделов на Кавказе и проживал в Тифлисе, а в 1902 года, получив должность управляющего государственными имуществами, переехал в Москву. Правда, пока его дети были маленькими, его жена большую часть времени проводила в Знаменском. Она вела активную переписку; и хотя в письмах Софьи Михайловны нет ни слова о Лермонтове, они очень интересны. Дело в том, что она была дружна с Львом Николаевичем Толстым и его семейством, знала друзей Толстого. Кроме того, из писем выяснилось, что Мартыновы помогали духоборам, способствовали их переселению из России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕКАБРИСТА В.С.ТОЛСТОГО О КАВКАЗЕ

В рукописном отделе РГБ хранится рукопись, которая долгое время считалась анонимной. На ее титульном листе имеется авторское название: «Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать». Впоследствии был установлен автор этой рукописи, им оказался декабрист Владимир Сергеевич Толстой**.*

РГБ, ф. 178, № 4629 (а). В правом верхнем углу рукописи стоит мастичный фиолетовый штамп: «Сычевский музей при Отделе Народного образования», свидетельствующий о первоначальном месте хранения записок.

** О Владимире Сергеевиче Толстом мы знаем сравнительно мало. Член Северного общества, прапорщик Московского пехотного полка. Родился в 1806 г. в селе Курбатове Скопинского уезда. Сын гвардии капитан-поручика Сергея Васильевича Толстого (†1831 г.), женатого на княжне Елизавете Петровне Долгоруковой. В службу вступил юнкером в один из кирасирских полков в 1823 г., а затем был произведен прапорщиком в Московский пехотный полк, где состоял ординарцем при графе Витгенштейне. С 1824 г. член Северного общества. 4 января 1826 г. он был доставлен в Петропавловскую крепость (с предписанием: «содержать под строгим арестом»).

На следствии было установлено, что Толстой знал главную цель Общества — введение конституции. В «Алфавите», составленном в 1827 г. А.Д.Боровским — правителем дел Следственной Комиссии, указано: «слышал, что Общество, может быть, принуждено будет ускорить кончину некоторых священных особ царствующей фамилии и что, в случае надобности, совершится

Владимир Сергеевич прослужил на Кавказе в общей сложности около 25 лет. Хорошо зная этот край, В.С.Толстой в 1860—1870-х гг. опубликовал в ряде журналов («Русский архив», «Чтения в обществе истории и древностей

сие людьми вне Общества. На совещаниях нигде не был и о замыслах возмущения 14-го декабря не знал» [50, VIII, 186]. Был осужден по VII разряду и по Высочайшей конфирмации 10.VII.1826 г. приговорен на каторжную работу на два года. 22.VIII.1826 срок каторги был сокращен до одного года. По особому Высочайшему повелению был обращен прямо на поселение в Тункинскую крепость, Иркутской губернии. 22.VIII.1829 был переведен на Кавказ вместе с А.Бестужевым-Марлинским, Э.Г.Чернышевым и другими. По прибытии в Ставрополь 18.IX.1829 Толстой был определен рядовым в 41-й егерский полк, а 1 января 1830 г. переведен в Кавказский линейный № 1-й батальон.

Толстой оказался участником событий Русско-турецкой войны. В течении последующих лет он служил в различных полках Кавказской армии. 28.I.1833 был произведен в унтер-офицеры, 19.IV.1835 в прапорщики черноморского линейного «2-й батальона. 13.XI.1837 в подпоручики. 9.I.1839 был переведен в Навагинский пехотный полк. За отличие в делах против горцев указом от 20.VIII.1839 — в поручики. 11.III.1840 переведен в Кавказский линейный казачий полк, с зачислением по кавалерии. Этими продвижениями он обязан Командующему Кавказским Корпусом Головину, женатому на двоюродной сестре Толстого.

В январе 1843 г. Толстого увольняют от службы по болезни, с запрещением въезда в столицы и в Одессу и с установлением секретного надзора. Он поселился в своем имении, в Сычевском уезде Смоленской губернии. Но через два года вновь определен на военную службу и прикомандирован к Кавказскому линейному казачьему войску. С 1849 г. Толстой на гражданской службе, жил в Тифлисе и состоял по особым поручениям при Наместниках Кавказа М.С.Воронцове, а затем при Н.Н.Муравьеве. По амнистии 26.VIII.1956 г. освобожден от всех ограничений и вслед за этим, выйдя в отставку в чине надворного советника, поселился в подмосковном имении, полученном в наследство от своей тетки, княгини Е.В. Хованской — Баранове, Подольского уезда. Умер 27 .02.1888 году холостым, погребен при церкви села Переделкиц [50, VIII, 402 — 403; 65, 175 — 176].

российских» и др.), немало статей* о народах Кавказа, их быте, о военных экспедициях.

В 1955 г. были опубликованы интересные заметки Толстого, сделанные им на полях книги А.Е.Розена «Записки декабриста» [182].

На рукопись «Биографий...» В.С.Толстого впервые указал автору известный лермонтовед Я.Л.Махлевич в 1982 г. По результатам изысканий в 1984 г. автором был сделан доклад на Лермонтовской научной конференции в Пятигорске: «Кавказское окружение Лермонтова по неопубликованным воспоминаниям декабриста В.С.Толстого».

Публикацией «Биографий...» В.С.Толстого мы вновь вводим в научный оборот** факты, важные не только для кавказоведения. Толстой хорошо знал описываемых им лиц и разбирался в довольно сложных отношениях, существовавших между руководством Кавказской линией и Черноморией и Кавказским корпусом. Характеристики лиц Пушкинского и Лермонтовского окружения, данные Толстым, существенно дополняют неизвестные страницы биографий русских поэтов*** и проливают свет на некоторые вопросы, связанные, в том числе, и с темой последней дуэли Лермонтова.

Кавказоведческие работы В.С.Толстого были предметом изучения. См., например: [192, 106 – 107.].

** Впервые «Биографии...» В.С.Толстого были опубликованы в VII-м томе «Российского архива» (М., 1996).

*** Читателю будет небезинтересно прочесть, например, о взятии Арзрума Бековичем-Черкасским — ведь свидетелем этого события был А.С.Пушкин, находившийся тогда при Паскевиче. (Почему эти события не нашли отражения в его «Путешествии в Арзрум» — загадка, но до сих пор никто из пушкинистов не использовал этот интересный факт.)

Князь Федор Александрович БЕКОВИЧ-ЧЕРКАССКИЙ

Я его застал 29 августа 1829 года в Эрзеруме, начальником Егерской бригады 21 пехотной дивизии, в которую я был определен с прибывшим со мною Бестужевым (Марлинским) в 41 Егерский полк. В это время князь Бекович был комендантом Эрзерума.

Князь Бекович-Черкасский был наследственный владелец Малой Кабарды, что казалось странным, потому что мужественный высокий мужчина, черты его лица были чисто ногайского пошиба.

Относительно прежней жизни князя Федора Александровича мне только известно, что он был православный: по черкесскому обычаю, лет десяти, его отдали на воспитание в дом Аталыка¹, славившегося своею храбростью, предприимчивостью и мудростью, и, само собою, лихим хищником. При жизни Бековича у Аталыка была молва, что, возмужав, он самолично [л. 10б.], собрав шайку хищников, предпринял набег в наши границы, где и отбил какое стадо, отбитое у него обратно погоней наших лихих линейных Кавказских казаков.

Знаю тоже, что князь Бекович вступил на службу в Петербург<е> в царствование императора Александра I-го в Лейб-Казачий полк; по производству в генералы он был переведен на Кавказ.

В Эрзеруме князь Бекович считался героем Кавказской Армии, вследствие его подвига занявшая Эрзерум без боя.

Во всю свою боевую жизнь, быть может единственно Паскевич внял гласу своих дивных сподвижников, чьими подвигами забирал себе славу, и в эту войну совершил сме-

Воспитателя. — Прим. В.С.Толстого.

лый и опасный стратегический ночной переход через Саян-Гангуский горный хребет, и утром наш отряд явился в тылу огромного лагеря Сераскира, последовал полный разгром Турецкой Армии, и которая с самим Сераскиром спаслась в Эрзеруме.

Наши доблестные войска без препятственного наступали к Эрзеруму, без сопротивления заняли крепость Гасан Каш, стоящей сооруженной на прекрасной местности, и [л. 2] наконец стали лагерем под самый Эрзерум, в котором не имелось достаточно средств для сопротивления, почему Паскевич послал уведомить Сераскира, что на другой день в двенадцать часов дня он его примет в лагере для переговоров о сдаче Эрзерума.

В назначенный час у палатки Главнокомандующего собрались весь генералитет и Штаб, офицеры в пышных парадных мундирах для встречи Сераскира, который и в четыре часа по полудни не прибыл.

Тогда Паскевич вне себя от негодования обратился к князю Бековичу и приказал ему взять сотню казаков с парламентским флагом и трубачом ехать в Эрзерум объявить Сераскиру, что если он сей час не явится в наш лагерь, то богатый город возьмется на копье, предастся разграблению и не останется в нем камень на камне.

Князь Бекович как был в шитом генеральском мундире с лентами и орденами, сел верхом и в сопровождении своего адъютанта и сотни кавказских казаков направился к Эрзеруму, в который его безпрепятственно впустили.

Князь Бекович прекрасно и красноречиво говорил по-турецки [л. 2об.], только что он въехал в Эрзерум, все население и мужское, и старухи его обступили, с ревом прося заступничество, чтоб русские их не разорили и не избили. Бекович отвечал в смысле, что русский главнокомандующий их и прекрасный Эрзерум искренне жалеет, доказательства тому очевидные, так как турецкая армия разбита наголову до того, что нечем защищать город и нечего бы не было легче утром того же дня занять и разграбить Эрзерум, но Главнокомандующий вместо этого еще накануне послал

пригласить Сераскира прибыть в лагерь для переговоров о правильной сдаче города, дабы никто из жителей не подвергался ни малейшим убыткам и притеснениям, но Сераскир не прибыл на приглашение, поэтому Главнокомандующий послал его — Бековича — объявить Сераскиру, что если он тот час не прибудет в русский лагерь, то на рассвете завтрашнего дня начнется штурм города, который будет предан грабежу и разорению! Поэтому всякий поймет, что участь Эрзерума и всего его населения зависит не от русских, а от Сераскира!

Все возрастающие толпы, дружелюбно, с воплями и мольбами препровождали Бековича до помещения Сераскира, состоящего из двухэтажного дома, окруженного открытыми [л. 3] верандами, во втором этаже из приемной дверь на веранду была открыта настежь, в большой зале, служившей приемною, на турецком диване, поджавши ноги сидел Сераскир, окруженный стоящими начальниками его разбитой армии, спасшимися с ним.

Бекович со своим адъютантом, казачьим сотенным начальником и ординарцами, взошел в приемную Сераскира, оставя сотню на прилегающей к дому площади, теперь занятую всем населением Эрзерума.

Князь подошел к Сераскиру и строго, резко передал ему свое поручение, упрекая его в том, что через свое упрямство или трусость он губит богатый город со всем его населением.

Сераскир, указывая рукою на Бековича приказал его схватить! Но князь вышел на веранду, а вышедшие с ним заняли двери, выходящие на веранду, обнажив свои шашки.

Бекович объявил толпе, что Сераскир решал ее участь, приказав русского парламентаря схватить, за что [л. 3об.] Русская Армия страшно накажет город Эрзерум.

Вся толпа ринулась в дом Сераскира, схватила его и всех тут же бывших турецких начальников, обезаружила их и передала князю Бековичу, немедленно приставившему к заарестованным караул, взятый в казачьей сотне, а саблю Сераскира со своим адъютантом отправил к фельдмаршалу.

На утро наша армия вошла в замиренный Эрзерум с распущенными знаменами, с музыкой и песенниками при радушной встрече поголовного населения спасенного города.

По заключении мира с Турциею, возвратившимся славным Кавказским войскам в свои пределы тот же час открылась долголетняя, тяжелая борьба с кавказскими горцами.

Кавказское население гор разделялось на многочисленные племена, независимые друг от друга; иные из них управлялись строго выборным началом, очень не сложных республик; другие подчинялись самодержавным наследственным владельцам.

С давних пор, из самой изуверной магометанской [л. 4] страны, именно из Бухары, проникали к кавказским племенам изуверы проповедующие, что эти горцы отошли от учения Пророка, и увещающие возвратиться к строгой спартанской жизни, предписанной Кораном.

До Турецкой войны 1828 года, с нашей стороны война на Кавказе ограничивалась нападением в наших пределах прославившихся наездников, собиравших шайки отпетых смельчаков, и с ними грабивших и избивавших не только аулы замиренных кавказцев, но еще и русские селения и станицы, в которых захватывали в плен, продавая в неприступные горы, после таких прорывов неприятеля, наши войска ходили наказывать аулы, в которых хищники набирались.

Во время же самой турецкой <войны>, с одной стороны, оборона наших границ со стороны Кавказских племен значительно ослабла, так войска были оттянуты в азиатскую Турцию, а с другой стороны начальствующие лица удалились со своими частями, этими обстоятельствами воспользовались Бухарские пришельцы, и к мусульманской проповеди стали передавать увещевание жителям вести Казават (священную войну) против русских.

[л. 4об.] В горах не оказалось недостатка предприимчивых, отчаянно храбрых начальников шаек и отношения наши с горцами, преимущественно с левой стороны — за Терреком — стороны военно-грузинской дороги, следуя в Грузию стали более и более усложняться.

Паскевич не постиг значения этого усложнения событий и, передавая в Петербург проект покорения Кавказа, прозванный Тифлисским Генеральным Штабом «проектом двадцати отрядов»! По утверждению этого проекта, фельдмаршал сосредоточил небывалый на Кавказе сбор войск у реки Кубани в земле Черноморских казаков, перешел нашу границу и несколько недель проходил по предгорным степям без цели и решительно без всякой пользы, после чего возвратился в Тифлис героем пышного фиаско.

Когда читаешь этот пошлый «проект» особенно теперь, когда факты доказали его несостоятельность и каких усилий и жертв потребовалось для покорения Кавказа, изумляешься, как человек не признанный сумасшедшим мог подписать подобную нелепость! и рождается сомнение, не был ли замысел Тифлисского Генерального Штаба выказать Петербургу всю нелепость [л. 5] и умопомешательство Паскевича, соделавшимся самою несносною личностью, своим хвастовством, шарлатанством и дерзким обращением.

Паскевич, обратил все внимание, которое он только был в состоянии вызвать на свой донкихотский проектированный поход, не счел нужным позаботиться о левом фланге и ограничился назначением Федора Александровича Бековича начальником этого левого фланга.

Князь Бекович — по туземному «Тембот» — был очень умный человек, в азиатском смысле, добродушный, прямой, правдивый, самой строгой честности и изумительно хладнокровно храбрый, без малейшей тени европейского воспитания и образования: от рождения крещен в Православие, но с детства окруженный магометанами, <поэтому> не было возможности вывести заключение, какого он вероисповедания.

Не имея понятия ни о стратегии, ни о тактике он, однако, был незаменимым военачальником в Азии, так как его мышление было направлено совершенно одинаково с мышлением и мирозерцанием азиатцев, которых он всегда отгадывал замыслы, предупреждая их поползновения.

[л. 50б.] К солдатам князь Бекович был добр, ласков и заботлив о их обеспечении, но не умел с ними обходиться, вовсе не зная их превосходные качества.

Как правитель края, населенного азиатцами, он был незаменим, так как до мелочей знал обычаи, дух, умственное направление и характер кавказских туземцев, и соображался со всеми этими нравственными их свойствами. К тому же и уважение к его положению владетельного князя много содействовало глубокому уважению, которое горцы к нему питали.

Князь Федор Александрович был женат по магометанскому обряду на магометанке, слывущей красавицей, но не показывавшейся мужчинам; детей у него не было.

Я близко знал князя Бековича, состоя при нем казначеем сборов с горцев левого фланга, вновь обложенных податью и штрафом за участие в восстании, поднятом Казы Муллою.

Этот гениальный Казы Мулла стоит, чтобы вкратце его описать, как образец судьбы гения, даже среди совершенно дикого народа.

Рожденный в ауле Гимрин племени койсубулинцев, **[л. 6]** он вышел из школы мечети родного аула, успешным учеником, почему и признан Муллою.

Скудность его жизненных средств в горах побудили отправиться в наши пределы, в пограничный город Кизляр, где основал мусульманскую школу, года два процветавшую; но изобилие средств жизни вовлекли Казы Муллу вкушать сладость кизлярских вин, и он спился с круга, почему местные мусульмане перестали посылать своих детей в его школу.

Дошедши до крайности, Казы Мулла стал искать пропитание в поденной работе в роскошных виноградниках кизлярских армян; влюбился в дочь садовладельца, у которого постоянно работал поденщиком, воспользовался грозой воробьиной ночи, убил садовладельца, но не успел похитить его дочь и, не теряя времени, бежал в свои родные горы, перешел в Табасаран и скрылся в горную потаенную

пещеру, к бывшему своему учителю отшельнику в своем ските, погруженному в изучение мудрости, внесенной Бухарскими изуверами. Этот мудрец считался у горцев святым, и народ благоговел к нему, тщательно скрывая от преданных нам туземцев его местопребывание в горной трущобе, и тайно посещаючи скитника, познали его сожителя [л. 60б.] и ученика Казы Муллу.

По окончании Турецкой войны 1828 года, когда Паскевич сосредоточил Кавказские войска для своего бесцельного закубанского похода, близ окраин правого фланга Линии, Бекович прибыл начальником левого фланга Кавказской линии в затерскую страну, и в тоже время Казы Мулла, вышедши из пещеры своего наставника, поднял знамя Казавата (священной войны), фанатизируя мусульманское население своими иступленными пылкими проповедями, резко обличая перед горскими племенами: пороки, распущенность, отступничество от истинного магометанства и кривду владельцев и правителей Кавказских племен, именем Аллы и его пророка Магомета, убеждая низвергать и убивать не только самих правителей, но и все их роды поголовно.

Вскоре Казы Мулла возмечтал из всего горского населения затеречного создать магометанскую республику, над которою самому стать Президентом-первосвященником и для этой цели даже приступил было в одной из крепчайшей местности гор, среди племен Ауховцев, воздвигать первопрестольную мечеть огромных размеров, которая должна была служить [л. 7] собором всему мусульманству Кавказа.

Князь Бекович всюду самым удачным образом вел военное дело, когда действовал самостоятельно. Только однажды, под начальством Командующего войсками на Кавказской линии и Черномории, генерала от кавалерии Емануеля, когда сей генерал ввел отряд, составленный из плохих сборных частей в глухую трущобу, где сам был ранен, то князь Бекович хотя успел вывести этот отряд 1-го июля 1829 года в крепость Внезапную, уже разбитый на голову, при огромной потере убитыми и ранеными и при потере большого количества оружия и двух пушек с их

ящиками, вследствие того, что князь принял начальство над войском, уже совершенно расстроенным, не имеющим ни одной части и представлявшем толпу смешавшихся воинов.

Это неудавшееся дело имело пагубные последствия, основательно потрясшее самонадеянность наших войск и сильно поощривши дерзость неприятеля, несмотря на это князь Бекович с недостаточным числом войск превосходно прикрывал наши границы и громил неприятеля при всякой встрече, несмотря на то, что еще вся 14 пехотная [л. 70б.] дивизия в самое это критическое время была вытребована в Рязань, уже не помню, для какого парада или маневров.

Последствия разгрома дела 1-го июля была замена генерала Емануеля генерал-лейтенантом Вельяминовым, бывшим начальником штаба Кавказского Корпуса при незабываемом Алексее Петровиче Ермолове, превосходно знающего Кавказ, его особенности и войну с горцами.

При Вельяминове князю Бековичу много облегчалось бремя усмирения восстания жителей гор, так как он с Вельяминовым находился в самых дружеских отношениях и в нем постоянно встречал полное содействие своим деятельным предположениям.

К военным заслугам князя Бековича должно добавить несравненно плодотворнейших для будущего края, его труды по устройству управления и положению местных инородцев и на этот труд, впоследствии принесший такие обильные плоды он настойчиво всего себя посвятил.

Все образование князя Бековича состояло в том, что он чисто говорил по-русски и на том же языке писал хорошим почерком. Остальное его воспитание было до мелочей [л. 8] всецело черкесское, почему и жизнь его была совершенно азиатского пошиба. Он не имел привычки в свободное от службы время заниматься чем-либо умственным, всегда и всюду окруженный своими узденями, которые, в сущности, были его камердинерами, подвластными ему князьями, гостями, приезжими из других племен. День проводил в пустой болтовне, осмотре и пробах оружия, которыми туземцы обвешаны. Иногда случалось, что подвластные князя

Бековича приезжали для судебных разбирательств взаимных тяжб, но князь Бекович не был в состоянии вести какой-либо неслужебный серьезный и назидательный разговор общественный, никогда не брал в руки какую-либо книгу или газету, не имел понятия о картежной игре, в пище и употреблении вина был крайне воздержан. Политические его воззрения и мышление ограничивались кавказскими вопросами.

Он помер в 1829 году лет сорока с небольшим вследствие простуды: во время похода в горной стране поздней осенью, когда уже наступили заморозки, палатку его согревали жаровнями. Раз ночью он, чтобы освежиться, в одном белье вышел из палатки, чрез меру нагретую, и лег на голую землю [л. 80б.] следствием чего было воспаление внутренних, положивших его в гроб вопреки всех стараний лучших докторов.

[л. 9]

Алексей Александрович ВЕЛЬЯМИНОВ

О молодости и воспитании генерал-лейтенанта Вельяминова я ничего не знаю.

Лично я стал его знать, когда он заменил Емануеля на Кавказской линии, когда ему было лет пятьдесят.

Алексей Александрович был человек замечательно образованный, умный, не увлекающийся вспыльчивостью и, понятно, руководствующийся хладнокровною обдуманностью.

Время его воспитания, естественно, повлияло на его отрицательное направление и он был, что наши отцы называли, Вальтерианцем (последователем Вольтера. — В.З.).

Знаю, что Вельяминов долго служил в артиллерии в части, подчиненной А.П.Ермолову, близко его знавшего, почему и выбрал его в своего начальника Кавказского корпусного Штаба.

Когда же Петербургские интриги, зависть и клеветы добились удаления Ермолова и замены Паскевичем при

разгаре враждебных отношений с смежною Персиею, Паскевич с частью, взятою в геройском Кавказском Корпусе, воспитанной и одушевленной Ермоловым, двинулся к Елизаветополью — древняя [л. 9об.] Ганжа — откудова выступил противу подошедшего персидского наследного принца Абас Мирзы с 60-тысячною армией. Паскевич изумленный остановил свой отряд и ни на что не решаясь, потерянный, уселся на барабане сзади фронта. Вельяминов подъехал к нему, и стал ему представлять несносность с нашей стороны оставаться в бездействии. Паскевич в исступлении закричал ему: «место русского генерала под неприятельскими ядрами!» Вельяминов отъехав направился к кургану, стоящему перед фронтом наших войск, слез с лошади и лег на разосланную бурку. Тут <было> несколькими неприятельскими ядрами выбито сколько-то лошадей из конвойной команды Вельяминова, к которому подъехал бешенный храбрец, армянин генерал-майор князь Мадатов — в Отечественную войну в Париже известный под прозвищем Prince du Karabaque*, требуя наступления; но получив ответ, что это зависит от Главнокомандующего, Мадатов вне себя поскакал к Паскевичу, ругаясь непечатанными словами, упрекал его, что опозорит непобедимые до днесь славные знамена Кавказские, так как неприятель их закидает своими шапками! Паскевич, окончательно [л. 10] потрясенный, с отчаянием махнул рукой, выговорив: «делайте, как знаете!» Мадатов, как вихрь, направился к Вельяминову, запыхаясь, передал слова Главнокомандующего, требуя распоряжений и приказаний.

Вельяминов сел на лошадь, приказав Нижегородского драгунского полка дивизиону рубака Левковича идти марш в атаку самого центра Персидской линии, а Ширванскому батальону Юдина последовать в подкрепление драгунскому дивизиону. Ширванцы в мгновение ока сбросили свои ранцы и кивера, заменив их фуражками, по-кавказски бегом понеслись за далеко опередивших их драгун, которые

Карабахский князь. — Франц.

геройски неслись на 60 тысяч неприятеля. Персияне же с обеих флангов на быстрых своих лошадях помчались окружить дивизион героев драгун, но в то самое мгновение последние ударили в лоб персианам. А Ширванцы с ревом «Ура!» в штыки ударили в хвост заскакавшей персидской кавалерии. И ту же секунду персидская армия, не выдержавши геройского столкновения из славных славнейших героев Кавказцев, была опрокинута. Вся наша кавалерия [л. 10об.] понеслась крошить опрокинутого неприятеля, сам Абас Мирза спасся, присев за камень, вся артиллерия неприятеля, пропасть его оружия, знамен и значков достались победителям, урон персиян ранеными и изкрошенными нашею кавалериею был громаден и спасшиеся от преследования были рассеяны.

В реляции о Елизаветопольском погроме Паскевич себе одному приписал эту победу и Император Николай I, поверив своему фавориту, в оскорблении славнейшей Кавказской армии отрёшил и предал опале славнейшего современного полководца Ермолова, заменив его Паскевичем, придав ему всех лучших русских генералов, получивших свое военное образование на исторических полях Отечественной войны, в то же время усилив Кавказскую Армию многочисленными войсками, двинутыми из России.

Вельяминов тогда отказался от занимаемой им должности начальника Штаба и на все убеждения Паскевича отзывался своею неспособностью занимать ее, а на замечания, что однако он долгое время занимал эту должность, Вельяминов отвечал, что обстановка была совершенно иная, так как Ермолов был его благодетелем во всем до [л. 11] мелочи руководящего его!

Вельяминова перевели начальником Дивизии корпуса генерала Рота, ненавистного в нашей Армии. В Турецкую войну при переправе через Дунай Рот во всеуслышание разругался и наговорил такие дерзости Вельяминову, что тот впоследствии говаривал: «Этот немец наемщик глумится над русскими дивизионными начальниками с целью унижить русских, и потому обходится с нами, как никакой по-

рядочный благовоспитанный человек не обходится со своей прислугой».

В тот же вечер при вступлении в лагерь Вельяминов подал рапорт, что болен и на утро лег в лазаретную фуру.

Целый переход Рот ехал около этой фуры, уговаривая Вельяминова и упрашивая его взять назад свой рапорт, но не добился другого ответа как постоянно повторяемый: «я болен»!

Вельяминов был переведен начальником 14 пехотной дивизии, назначенной вторично на Кавказ и с нею совершил зимний поход в Чечню, принесший обильный плод.

На лето Паскевич прибыл в Пятигорск на воды, куда и вызвал Вельяминова, который, прибыв утром, вошел в залу, где толпились начальствующие лица, ожидающие выхода фельдмаршала, царского фаворита.

[л. 110б.] Вошедший Вельяминов назвался дежурному адъютанту, поспешно ушедшему доложить фельдмаршалу, который против своего обыкновения заставлял себя ждать. Он в мундире торопно вошел с распростертыми руками говоря: «прошедшее забыто!» Вельяминов отступил, отвечая: «если забыто, то и нечего вспоминать!».

Как Командующий войсками на Кавказской линии Вельяминов до того удачно действовал походами на левом фланге Кавказской линии, что восстание в этой стране потеряло весь свой угрожающий характер и все племена, прилегающие к нашим пределам совершенно покорились и были обращены в охрану наших границ, так что оказалось возможным приступить к покорению племен закубанских и занимающих побережье Черного моря, постоянно подстрекаемых против России приплывающим агентами турецкими и английскими, посылаемыми Британским посольством в Константинополе.

Вельяминов владел в высшей степени искусством начальствовать и всем подчиненным, даже состоящим в равном с ним чине, внушал глубокое уважение и почтение. Солдаты не любили его, прозвав «четыреглазый», вследствие того, что в походе он носил очки-консервы, но питали

к нему неограниченное доверие, придающее им в боях неустрашимую отвагу.

[л. 12] Вся жизнь Вельяминова была посвящена занятиям. Дома, в Ставрополе, он исписывал своеручно целые дести бумаги, хранящихся ныне в Архиве Штаба Ставрополя. То правила для следования огромных рекрутских партий по безмолвным степям Ставропольской области, то проекты управления казачьими войсками, ему подчиненными, но более всего прилагал он настойчивое внимание на составление предположений военных действий на предстоящее лето.

В этих предположениях заключались все подробности, необходимые для ведения горной войны. В правилах, которые превосходно созданы Вельяминовым, к сожалению не изданных, но в подробности изложенных в вышепоименованных предположениях, равно и в первых приказах по собранным отрядам, о выступлении, где подробно пояснены порядок марша и расчет войскам в горной стране. К правилам в горной войне должно добавить, что Вельяминов создал превосходную во всех отношениях горную артиллерию. Так все присылаемые горные орудия: английской, парижской и американской систем, оказывались никуда не годными через свои лафеты, а наши лафеты, Вельяминовские, испытаны и оказываются превосходны своею легкостью и прочностью.

[л. 12об.] Во всех проектах Вельяминова военных действий постоянно выказываются широкие, гениальные взгляды на дело военного покорения Кавказа, дальновидность его, строгую логику, последовательность его выводов. С Петербургом, не имеющим понятия об особенностях края и всех затруднений горной войны, он не лукавил и правдиво выставял всю нелепость его теоретических узких воззрений и тем внушал боязнь самому тогдашнему Военному Министру Чернышеву, в сущности наглому шарлатану.

Вельяминов не задумался выставить Петербургу нелепость издания правил для наших крейсеров, посылаемых к черкесским берегам Черного моря, и принятых без возра-

жения славным адмиралом Лазаревым, по собственному признанию этого адмирала, вследствие совершенного незнания этим адмиралом особенностей Черкесского побережья.

В походе всегда полы палатки Вельяминова были подняты для прохлады, и весь отряд видел как он лежит на своей походной кровати, читая книгу. В закубанских походах он читал философический лексикон Вольтера.

Когда Вельяминов начальствовал на Кавказской линии, командиром Отдельного Кавказского корпуса был барон [л. 13] Григорий Володимирович Розен, в сущности добрый, но препустой и вовсе необразованный человек, покровительствуемый Военным Министром Чернышевым.

Все семейство барона Розена представляло самое развращенное сонмище в домашнем быту: он сам и оба его сына были отъявленные содомисты, вовсе не скрывая этого. Жена его, по уверению французских газет, вероятно по сообщению французских консулов в Тифлисе, слыла за имеющую плотскую страсть к арапам, сверх того нагло хватала чужое и слыла взяточницею, учредив свои вечерние разгулы у начальницы института благородных девиц.

Все это в совокупности в управлении барона Розена обратило Тифлис в новый Содом и Гомор, к тому же и войска, расположенные в Закавказье, были распущены до безобразия и более служили насыщением корысти начальников, чем военным целям.

Корпусное начальство оказывало явное недоброжелательство и совершенно несправедливо придирчивость к Вельяминову, чем сильно стесняло его.

По хозяйственной и фронтовой частям войск, подчиненных Вельяминову, он не обращал никакого внимания, в этом отношении [л. 13об.] все представляя дивизионному начальнику в походе, а атаману относительно казачьего войска.

Как областной начальник Вельяминов не обращал никакого внимания на гражданское управление, представляющее совершенно безобразный колос.

Вельяминов помер в Ставрополе в самое прибытие генерала Головина — его двоюродного брата; <назначенного> командиром Отдельного Кавказского Корпуса и Главнокомандующим на Кавказе и Закавказье.

[л. 14]

Павел Христофорович ГРАББЕ

По смерти Алексея Алексеевича Вельяминова в Ставрополь был назначен Командующим Войсками на Кавказской Линии и в Черномории и начальником Ставропольской области генерал-лейтенант Граббе.

Он был сын лютеранского пастора прибалтийского края. Мне ничего не известно о его воспитании, на службу же он поступил в гвардейскую конную артиллерию.

Высокого роста, стройный, самой нарядной наружности, от природы наделенный пышным красноречием, в обществе смелый до дерзости, он в первых офицерских чинах стал в положении, на которое ему не давало право ни его воспитание, ни образование, ни происхождение.

Пред самым разрывом Отечественной войны, не знаю по какому случаю, Граббе находился за границей, где у него завелась связь с Великою Княгинею (Анной Федоровной — Юлианой-Генриеттой-Ульрикой, герцогиней Саксен-Кобургской. — В.З.), разъехавшейся со своим мужем <Великим Князем> Константином Павловичем. Но <Граббе> вынужденный возвратиться в Россию, к своей части, по случаю предстоящей войны. В то время что въезд в наши пределы уже представлял немалые [л. 14об.] затруднения, но он ловко совершил переезд, и в Петербург привез рекомендательное письмо от своей Великой Княгини к вдовствующей Императрице Марии Федоровне.

В 12-м году Граббе состоял адъютантом начальника штаба 1-й Армии А.П.Ермолова.

По заключении мира Граббе встречается командиром, кажется, Елизаветградского полка, где имел скандальную

историю в обществе офицеров, но в царствование Александра Павловича подобные случаи скрывались, с целью избежать необходимости признать начальника виновным.

При восшествии на престол Николая I Граббе был замешан в Южном политическом тайном обществе и привезен в Петербург, где посажен в Петропавловскую крепость, в которой просидел несколько месяцев. Но оказалось, что он только смутно знает о существовании общества, а участия его в нем не могли доказать. Сверх того, в Следственной Комиссии он говорил резко и смело. Даже раз временщик Чернышев сказал ему дерзость, Граббе засвидетельствовал всем присутствием, что пока полковник не осужден, закон не позволяет с ним такое обращение, по осуждению же виновного обращение с ним зависит от личных [л. 15] свойств, степени чувств честности того, кто в положении оскорблять, пользуясь своей безнаказанностью. Это столкновение имело последствием обе поименованные личности в непримиримые, заклятые враги.

Когда Граббе выпустили из крепости, возвращаясь к своему полку, расположенному в Херсонской губернии, у него что-то сломалось в экипаже, и он остановился в крестьянской хате имения Скоропадских, потомков Запорожского гетмана, и послал просить помещицу дозволить своим мастеровым починить его экипаж.

Госпожа Скоропадская пригласила Граббе переехать в ее дом, где и приняла его самым радушным образом.

Починка экипажа продолжалась несколько дней, в которые Граббе заметил, что младшая дочь Скоропадской находится в загоне у матери и послана на господскую кухню. Девушка понравилась Граббе, он просил ее руку у матушки и тут же обвенчался; но она не долго прожила замужем и оставила Граббе вдовцом.

После Турецкой войны 1828 года Граббе остался при войсках занимавших Молдавию под начальством графа Киселева [л. 15об.]. Главная квартира находилась в Бухаресте, оживленном непрерывными блестящими праздниками и балами, на которых царила дочь молдованина медика, по

которой вся молодежь с ума сходила, и эта Катенька, которой фамилии не помню, была предметом общего волокитства.

Должно быть, ее отцу это надоело и <в один> прекрасный вечер разнесся слух, что Катеньку венчают в церкви с каким-то стариком молдованином.

Катенька, едва преступив порог <дома> своего навязанного мужа, прямо отправилась в спальню, где и заперлась, не поддаваясь никаким просьбам и увещаниям отпереть замок, и на рассвете подожгла комнату. Сама же посредством постельных гардин спустилась в окно и бежала к своему отцу.

То же утро Граббе отправился к Бухарестскому архиерею и убедил его расторгнуть насильственный брак Катеньки, а вечером с ней обвенчался и она стала Екатериною Евстафьевной Граббе. Она была малого роста, черноволоса, смугла, с чертами, встречаемыми на античных греческих камнях.

В Ставрополе Екатерина Евстафьевна, впоследствии родов, от прилива молока к мозгу, помешалась, позднее [л. 16] изменила своему мужу, для прекрасного молодого человека Глебова — позже убитого состоя адъютантом у князя Воронцова и, вследствие этой измены, сам Граббе сделался всеобщим посмешище, по целым ночам ходя он по тротуару под окнами спальни своей жены в длинном плаще с красным воротником, скрывая пару заряженных пистолетов.

Трагически кончила Екатерина Евстафьевна. Блестящая карьера Граббе при императоре Николае I прервалась, и он без назначения, со всем многочисленным семейством, удалился в свою деревню, полученную еще от Скоропадского, как долю его первой жены.

Раз за вечерним чаем Екатерина Евстафьевна встав, поцеловала мужа, потом поочередно своих детей, которых благословила и удалилась в свои покои; вскоре послышался пистолетный выстрел, кинулись по направлению его звука, и застали труп самоубийцы.

Генерал Граббе слыл нестерпимым подчиненным, что он и доказал на Кавказе, куда он прибыл генерал-лейтенантом под непосредственное начальство Командира Отдельного Кавказского Корпуса.

[л. 160б.] По гражданской части, в звании начальника Ставропольской области Граббе оказался невозможным, допустив неслыханные злоупотребления и целый хаос беспорядков. Как Командующий войсками он, по хозяйственной части тут очень сложной, в особенности относительно Линейного казачьего войска, Граббе показал отсутствие даже маломальских понятий. В военном деле, быть может величайшим, является понятие горной войны, а генерал Граббе оказался не только бездарным и без соображения военачальником, но еще и весьма вредным по своим не соображениям относительно сбережения войска. И всюду, где он лично начальствовал, войска несли неслыханные на Кавказе потери совершенно без малейшей пользы.

Надменен в мелочах Граббе по своему свойству был непроходимо ленив. По природе образованный плохим воспитанием и слабым образованием, он проводил жизнь в совершенном *far niente* [безделье. — *итальян.*], мастерски загребая жар чужими руками бессовестного шарлатана, и чрез это его управление отличалось наглым лихоимством и вопиющими злоупотреблениями его подчиненных. К тому же стечение обстоятельств сложилось благоприятно для природной лени Граббе **[л. 17]**.

При назначении Граббе на Кавказ, ему назначили начальником штаба флигель-адъютанта полковника Генерального Штаба некто Траскина, которого прохождение службы, рисуящие порядки того времени, внушало Граббе, что Траскин приставлен к нему шпионом, почему он ему предоставил всю хозяйственную часть, подряды и расходы немаловажных сумм, которыми Траскин широко пользовался.

Военный Министр выскочка князь Чернышев — в лексиконе Бусета обозначенный «*Aventurie Rapse*» [тертый авантюрист — *франц.*], был вторым браком женат на девице графине Зотовой, по матери внучке князя Куракина,

отца бобочных семейств баронов Вревских и Сердобинов. Одна из девиц этих семейств жила у своей ближайшей родственницы княгини Чернышевой и ее соблазнил князь Чернышев, через что оказалось необходимо ее выдать замуж, для чего и выбрали Траскина, отличающегося единственно своим безобразием лица и уродливой тушностью.

Очень скоро, после свадьбы, Траскина померла при родах, и Траскин вдовец обчелся в своих расчетах, лишившись покровительства всесильного временщика Чернышева.

<Как-то раз> при Дворе затеяли Маскарад, для которого приготавлился [л. 17 об.] китайский кадрили. Для этой кадрили в числе прочих избрали уродливого Траскина, который после репетиции во дворце, в китайском наряде, в полутемном коридоре встретил чем-то взбешенного князя Орлова, пред которым вздумал буфонить и задержал придворного Бок Малога, который своею богатырскою дланью отвесил могучую пощечину ширококрылому Траскину, но после узнав, что этот ряженный китаец полковник Генерального Штаба, сделался его покровителем.

В день Маскарада Траскин заключил свою буфонство в кадрили, упавши на спину своего огромного туловища, так что паркет затрясся и тем возбудил неистовый хохот всех присутствующих, в особенности Императора Николая I, чем К<нязь> А.Ф.Орлов воспользовался для представления Траскину звания флигель-адъютанта.

У Граббе была страсть рисоваться и, например, к разводу или наряду на площадь, против занимаемого им дома, он выходил, держа за руки обоих своих сыновей, одетых в пажеские шинели и постоянно пользовался всяким случаем выказывать надменную важность и торжественность, почему на Кавказе в войсках [л. 18] его прозвали «Каратыгин» по памяти славного актера Петербургского театра.

Дар красноречия у Граббе был развит до высшей степени. Прекрасное лицо его прелестно оживлялось, синие глаза блестели, благозвучный голос принимал прекрасную интонацию и слушатель до того очаровывался им, что не было возможности логически разбирать высказываемое

им. Это был в полном смысле Трибун, увлекающий ораву, никогда не разбирающей высказываемое ей, и как Трибун, Граббе увлекался и доходил до абсурда, это-то и разочаровывало Императора Николая на его счет.

Зимой Граббе поехал в Петербург под влиянием горя, причиненного в Северном Дагестане летом 1839 года Ахульговской компанией, самым витийским образом описанной в вымышленных военных реляциях.

Однажды на вечернем чае у Императрицы, на который был приглашен Граббе, поднесший Ее Величеству ребенка — девочку, плененную в Ахульго, дочь журхая, одного из наибов Шамиля, которая была крещена при восприемниках: Ее Величестве и Граббе. К чаю пришел Император Николай, обратившийся к Граббе с разговором о предполагаемых военных действиях на предстоящее лето.

[л. 180б.] Граббе увлекся своим красноречием и до того очаровал Императора, что получил приказание на утро привести все вышесказанное им изложенное в записке.

Приехав домой Граббе, с одной стороны под влиянием опьянения, в которое вовлекло его красноречие, с другой стороны не видя возможности противоречить словам, очаровавшим царя, составил записку проекта военных действий за Терекон, на предстоящее лето.

Государь, утвердив этот проект, приказал Военному Министру отправить его Корпусному Командиру Головину, с повелением: предоставить все нужные военные средства Кавказского Корпуса.

Этот проект был замечателен по пышному красноречию его изложения, но не выдерживал внимательного обсуждения. В нем были одни хвастливые выражения, как напр<имер>, «разбив на голову неприятеля в такой-то местности», «занять его неприступную твердыню», или «для обеспечения безопасности такой-то нашей границы, составить летучий отряд!». Но из каких войск и в какой численности, не упоминалось, так что, вероятно, не хватило бы всего Кавказского Корпуса **[л. 19]** если бы всем раздробленным отрядам придали бы надлежащую численную силу.

О продовольствии, парках, перевозных средствах, госпиталях и мест расположения всего этого не упоминалось ни единого слова. Вообще этот военный проект был еще нелепее и бессмысленнее, чем пресловутые 20 отрядов Паскевича, имевшие цель окончательного покорения Кавказа.

По получении этого проекта, уже Высочайше утвержденного, Головин, по соображениям, <высказанным> Генеральным Штабом, тот же час распорядился передвижением войск, расположенных в Закавказье и парков, имеющих участвовать в военных действиях, порученных Граббе. О продовольствии пришлось заботиться Корпусному Командиру потому, что только он утверждал торги на поставку провианта и фуража, потребного для войск, расположенных на Кавказской Линии, представляя затем Командующему войсками на Кавказской Линии распределять их по его личному соображению и по военным обстоятельствам.

Весною Военный Министр Чернышев прибыл на Кавказ по особому Высочайшему поручению, оставя управление военного министерства дежурному генералу графу Клейнмихелю.

Раз ночью прибыл к Корпусному Командиру курьер от [л. 190б.] Граббе. Головин меня потребовал, дал прочесть донесение Граббе, в котором извещалось, что не имея ни провианта, ни сухарей, он не в состоянии исполнить Высочайше утвержденный проект экспедиции, посему находит вынужденным войска, предназначенные для похода, расположить по внутренним нашим селениям, для получения продовольствия, о чем, вместе с сим курьером, он доносил в Анапу князю Чернышеву и в Петербург графу Клейнмихелю.

Головин дал мне предписание, с неопределенными, самыми широкими полномочиями, дабы непременно, немедленно доставить провиант и сухари в полном количестве для предстоящего похода Граббе, и ту же ночь отправил меня на Кавказскую Линию.

На Линии я застал что целый месяц провиант совершенно без надобности перевозился взад и вперед по магази-

нам так, что оказывалось суммы израсходованные на эти передвижения, только питали жадное лихоимство Начальника Штаба Траскина и неизвестно <было>, где именно находится сам провиант.

Несмотря на эту путаницу, я быстро его разыскал и в силу данных мне полномочий заключил подряды на перевозку его спешно, [л. 20] к месту сбора войск, где устроил земляные печи для обращения муки в хлебы, а последние в сухари, вытребованными двумя батальонами и так как истощил все прочие провиантские магазейны на Тереке, то помчался в Астрахань, для ускорения перевозки провианта в истощенные магазейны, которые постоянно пополнялись провиантом, доставляемым Волгою, через астраханский царевский магазейн Кавказского ведения.

Из Астрахани я прибыл в место сбора отряда, где представился Граббе и вручил ему донесение, в котором подробно описал, что имеется на месте сбора продовольствие для всего отряда на шесть месяцев.

Утром дня, в который я прибыл, выехал из отряда князь Чернышев, приказавший с курьером ему донести, если получат какие-либо сведения от меня поэтому ему отослали подлинный мой отчет.

Когда я откланивался Граббе, он, грустен до истомы, сказал мне: «Вы удивительно как распорядились, это просто невероятно, непостижимо, но меня окончательно погубили!».

Действительно, Граббе уже не имел возможности откладывать своего выступления с отрядом! Он это и исполнил, [л. 20об.] но несколько дней спустя вернулся из Ичкерийских дебрей страшно, как ни бывало на Кавказе, разбитый наголову, с огромными потерями.

Настал конец особого благоволения Императора Николая к Граббе.

Император Александр Николаевич очаровывался даром слова Граббе, и он опять удостоился царского благоволения.

Полководцем Граббе никогда не мог быть, а кроме в России, где не личные достоинства, а совершенно иные частные влияния возвышают людей.

Во-первых, Граббе, в своих соображениях о военных действиях, не имел и призрака усмотрительности, осторожности и, постоянно соображался своими фантазиями, которые постоянно рассчитывал, что они осуществляются, и это почти никогда не случалось.

Во-вторых, в неудачах Граббе совершенно терялся и продолжительное время оставался окончательно неспособен к какому-либо соображению. Например: по взятии укрепления Ахульго, стоившего нашим геройским Кавказским войскам столько потерь и столь долго длившейся осады, потому, что Граббе вел дело напролом [л. 21], и только под конец, когда прибегли к хитрости и внушениям, удачно окончилось разгромом твердыни, предпринято было занять и наказать пребольшого, богатого и привлиятельного в горах аул Чиркей. Несмотря на все предостережения о каких-то темных заговорах жителей, отряд выступил утром из Темир-Хан-Шуры и шел безо всякой предосторожности как бы мог следовать в наших пределах.

На привале явился преданный мне чиркеевец Биакай с известием, что чиркеевские заговорщики условились допустить наш отряд до ворот своей каменной высокой и толстой стены и тут напасть на нас со всех сторон.

Чиркей состоял из узких улиц, пролегающих между высокими каменными оградами дворов, в которых стояли каменные двухэтажные дома. К аулу вела узкая извилистая дорога, более версты протяжения, с обеих сторон окаймленная валяжными каменными высокими стенами, составляющими ограды роскошных черкесских фруктовых садов и виноградников. Эта дорога оканчивалась мостом через бешеный пенистый поток Сулака [л. 21об.] Граббе на бурке уселся над мостом и приказал авангарду двинуться с песельниками. Ширванский полк с песельниками впереди запел: «Унеси ты наше горе, быстро реченька бежит!» и скрылись в дефилай дороги.

Горные единороги авангарда, с увязанными на них мешками овса и кипами сена только что въехали на мост, как послышался ружейный залп, со стен Чиркея, и из-за садо-

вых стен показалась толпа авангарда, опрометью бежавших по мосту, кто потеряв шапки, кто амуницию, кто самое оружие и за ними толпа чиркеевцев, рубящих наших беглецов. Хотя адъютанты Граббе кинулись рубить веревки, перевязывающие фураж, навьюченный на горных единорогах, но не успели обратить эти орудия, которые неприятель отбил и увез в свой аул.

Граббе совершенно потерялся и удалился куда глаза глядят, как помешанный, сняв шапку и рукою потирая лоб, я за ним следовал как его тень, опасаясь, чтобы с ним чего не случилось и усиливался вызвать его к памяти и к распоряжениям, тем более, что подошедшая колонна без всякого распоряжения по инстинкту этих столь боевых и славных войск завязала горячую [л. 22] перестрелку с неприятелем.

В оправдание Ширванского полка должно пояснить, что перед этим на одном неудавшемся штурме Ахульго, этот полк в несколько минут, а кроме полковых казначей и квартирмейстера, потерял от полкового командира до младшего офицера всех фельдфебелей, большею часть капральных унтер-офицеров и огромное число рядовых, так что убыль штаб и обер-офицеров и отчасти унтер-офицеров комплектовали из других полков личностями незнающими своих новых частей и им неизвестных.

Впечатление, оставившее по себе в Петербурге, сделало то, что это странное чиркеевское дело ни мало не уронило Граббе, быть может и навранная реляция, которую я не видел, тоже представила позорное дело под Чиркеем, блистательною победой.

Но если Граббе не был военачальником, то оказался еще худшим администратором. Но в обществе, в салоне, в кабинете, во всякой беседе он имел дар редкого очарователя. Его речь, составленная из избранных приличных и благозвучных слов, постоянно выражала рыцарские благородные, высоконравственные, честные чувства, просто очаровывал и отуманивал слушателя. Поэтому, естественно, лица, от которых зависела судьба [л. 22об.] Граббе, или знавшие его

по его красноречию, не могли разгадать, что это было единственно роль, разыгрываемая искуснейшим актером.

Все здесь сказанное о вреде, причиненном на Кавказе управлением Граббе, подтверждается всеми событиями, воспоследовавшими при его преемнике, при котором наши крепости с артиллериею брались на копие, и гарнизоны их избивались. Наконец, все бывшие замеренные туземцы, отложась, переходили в неприятельские ряды.

Без сомнения, если новоназначенный Корпусный Командир Нейдгард соответствовал своему назначению и имел бы военные соображения, а главное, умел бы внушать подчиненным исполнять свои обязанности, и преемник Граббе был бы военный, а не парадный генерал, умевший командовать, то все-таки избегли весь позор, столь правдиво описанный бароном Торнау во 2-й части «Русского Архива» за 1881 год, и князь Аргутинский не заменил бы свой долг своими армянскими расчетами, сумасбродный храбрец Клюке фон Клюгенау был бы употреблен соответственно его способностям. Пассек не дерзал бы своевольничать столь нагло, а Гурко сумел бы быть начальником и не подражал бы пошлостям своих подчиненных.

[л. 23]

Евгений Александрович ГОЛОВИН

В моих бумагах находится биография генерала Головина: но она предназначалась для печати, что не состоялось, поэтому я ее здесь дополню.

Евгений Александрович воспитывался в Москве в университетском пансионе известного Антона Антоновича Антонского. По собственному его сознанию это образование было очень слабо и уже на службе настойчивыми знаниями он сам себя образовал и это весьма удовлетворительно.

В Отечественную войну он служил в Армии. По производству в генералы, еще в царствование Императора Александра I, Головин был назначен начальником Гренадерской

бригады, расположенной в Туле. В этой бригаде состоял именитый Фанагорийский полк.

Евгений Александрович был родной брат Ивана Александровича Головина, начальствующего в Москве масонскою ложею «Ожидающих манну». Это обстоятельство повлияло на нравственное направление Евгения Александровича, обратив его в истого масона.

Он не имел никогда никакого покровителя и всегда служил в Армии во фронте.

Начало его известности истекли из смотра Императора Александра I-го, особенно довольного бригадою Головина, назначившего его Командиром Гвардейского Егерского полка.

[л. 23об.] Последующие <служебные> прохождения Евгения Александровича описаны в разных журналах, даже его привлечение в секту Татариновой предписывавшую, что-то более образованного скопческого раскола.

Назначение его Командиром Отдельного Кавказского Корпуса было для него нелегким.

Войска Закавказья были до того распущены, что строевые солдаты выходили на большие дороги вооруженные, где стреляли и грабили проезжих.

Начальники хвастовством заносились до наглой лжи. Например, Командир Нижегородского Драгунского полка Безобразов, за свою жену (урожденная княжна Лопухина) лишенный флигель-адъютантского звания и высланный из Петербурга, представлял реляции, что со своим полком в рукопашном бою он истребил значительные шайки лезгин, а на поверку оказалось, что во всем полку не было ни одной шашки отточенной.

По гражданской части злоупобления и невообразимые беспорядки далеко превышали военные.

Ревизовавший гражданское управление барона Розена сенатор барон Ган был оставлен в Закавказье ознакомить Головина со всею грязью, им открытой, что он и исполнил. Но несмотря на его близкое исследование края, он только указывал на зло, но не мог придумать средства устранить

это зло и указать на личности [л. 24] из тамошних служащих, в состоянии способствовать вести порядок.

Ко всему этому из Петербурга Головин получал чувствительное оскорбление, как-то его семейство прибыло в Тифлис со своим доктором Касовичем, последователем секты Татариновой. Вскоре шеф жандармов граф Бенкендорф сообщил Головину, что Государь Николай I приказал выслать Косовича из Грузии! Косович собирался выехать, когда явился к Головину местный жандармский окружной генерал Скалон, такой же урод из себя как и отвратительною своей нравственностью, предъявил повеление Бенкендорфа, если Косович в данный срок не выедет, то взять его и с жандармом доставить в Петербург.

Потом, когда в Петербурге ночью арестовали Татарину и ее союзников, а потом разослали их с жандармами Головину с ее детьми выслали с унтер-офицером Петербургского жандармского дивизиона Михайловым к ее мужу, тогда еще служившему в Варшаве. Михайлов оказался услужливый и расторопный малый, вскоре произведенный в офицеры с состоянием по Кавалерии, и Головин его взял заведовать домом Корпусного командира в Тифлисе, положенного по штату.

Михайлова, без его ведома, определили в какой-то полк и из Петербурга, Штаб Кавказского Корпуса получил строгое [л. 24об.] повеление немедленно отправить Михайлова в Россию, в полк куда он назначен.

Генерал Скалон опустился до такой дерзости, что на балу у Корпусного Командира он подвел неприглашенного своего офицера Иерусалимского рекомендовать Головиной, и в то же время перемигивался со своей, достойной его самого, супруги.

Иерусалимский во время арестов секты Татариновой, начальствовал караулом, приставленным к Головиной и теперь был вновь переведен в Тифлисскую жандармскую команду.

Граббе был известен как нестерпимый подчиненный и теперь он, не стесняясь, шел против Головина, когда по

Высочайшему повелению под главным начальством Головина и непосредственным начальством Граббе, повелено образовать Черноморскую береговую линию под начальством генерал-майора Раевского, человека решительно ни к чему не способному, несмотря на свой большой ум и огромную энциклопедическую начитанность, совершенно чуждую всякой специальности.

С первого же лета Раевскому дан отряд для занятия указанных мест на черкесских берегах Черного моря и возведения на этих местах укреплений. На него было возложено вести ежедневные [л. 25] военные журналы, которые по команде шли к докладу Государю. Раевский ухитрился включать в них, им же вымышляемые, будто исторические сведения, повествования о <б> обычаях и взаимных отношениях горских племен, тоже от начала до конца им самим выдуманные.

Эти военные журналы так понравились Императору Николаю, что он стал их читать Императрице, которая до того ими увлеклась, что изъявила желание их чаще получать, вследствие чего воспоследовало Высочайшее повеление, чтобы не зависимо от военных журналов, представляемых Раевским по команде через Тифлис, он представлял копии с них прямо к Военному Министру.

Тогда Раевский стал вводить в эти журналы загадочные предметы, которые в частных письмах он пояснял своим придворным связям, как контролирующие и обвиняющие своих непосредственных начальников Граббе и Головина, над которыми он едко издевался, выставя обоих пошлыми дураками. Впрочем при этом Раевский все-таки, хотя сколько-нибудь, да сохранял призрак осторожности. Но когда неприятель стал овладевать нашими прибрежными крепостями, и что по Высочайшему повелению [л. 25об.] воспоследовал запрос Головину, Граббе и Раевскому, и по получении ответа, Военный Министр послал им бумагу, по слогу явно продиктованную Императором, которого слог совершенно отличался своим повелительным тоном, начинающуюся словами: «Усматривая совершенное разноре-

чие в отзывах трех главных Начальников Кавказа!». ...Тогда Граббе и Раевский гласно стали провозглашать, что сам Государь признает их равными Корпусному Командиру! впоследствии чего Граббе отстранил от себя власть Корпусного Командира, фактически отделяясь от него, а Раевский с цинической наглостью стал официально поднимать на смех повеления Граббе и Головина, отвечая на их формальные бумаги колкостями и пошлыми насмешками.

Все эти обстоятельства, добавленные к прежним опалам, окончательно сломили природную неприклонную энергию Головина, и он письмом Государю просил увольнения от занимаемого им поста, что и получил.

Странное явление представлял Головин в звании Члена Государственного Совета. Привыкши к напряженной служебной деятельности, он тяготился без обязательной деятельности, в нравственном отношении заменив изуверные мистические мечты на чудовищные физические упражнения [л. 26] плотской секты Татаринной, пережив мужественную силу своего сложения. Под конец своей жизни он остался ни с чем, с совершенно поколебленным доверием к своим прежним убеждениям, представляя собой могучий корабль, плывущий не имея цели куда пристать. Точно так же Головин, усомнившись в истине пережитых им упований, в своих мыслях лишенный всякой устойчивости, бродил в своих мыслях, не будучи в состоянии решить самому себе его прежние верования греховны или благочестивы? Что, тем самым, сильно тяготило его мышление и что душевно он был строжайше нравственен.

[л. 26об.]

Николай Николаевич РАЕВСКИЙ

Сын славного сподвижника деятелей Отечественной войны, он четырнадцати лет от роду с братом своим участвовал в этой эпопее Русской Армии, и когда корпус его отца отрезывался неприятельскою колонною, доблестный Кор-

пусный Командир Раевский, впереди своих двух сынов державших по знамени, пошел напролом вражеской колонны.

Само собою <разумеется что> Николай Николаевич, со столь юных лет состоя в рядах русских героев, не мог иметь удовлетворительных воспитания и образования, но одаренный большими умом и восприимчивостью, он пополнял недостатки своего образования большою начитанностью, в последствии придавшее ему, поверхностные энциклопедические познания, которые в нем развили самое искусное шарлатанство, отличающееся своею наглостью.

Все это в совокупности сделало из Н.Н.Раевского замечательную умную личность — без веры религиозной и общественной, глубоко непотрясаемому убеждению, презирающего Свет, людей, их деяния и учреждения, над которыми он с глубочайшим цинизмом смеялся.

Большие придворные связи и память о заслугах его отца, ему сильно покровительствовали.

[л. 27] В Персидскую войну 1826-го года он получил на Кавказе начальство славного Нижегородского драгунского полка, которым он вовсе не занимался не имея ни малейшего понятия о службе. Потом участвовал в последующей, по заключении Мира с Персией, Турецкой войне, завел интриги, вследствие которых Паскевич его выпроводил из Армии и подверг его в генеральском чине аресту по Высочайшему повелению.

После этого Раевский <какое-то время> оставался без назначения и, наконец, получил в 1838 году начальство над вновь образуемой береговой Линией Черного моря.

Тут он оказался вредным и невозможным шутом. Не зная русского языка, он по-французски диктовал военный журнал своему приятелю, безалаберному Льву Пушкину, брату поэта, писавшему этот журнал по-русски, <который> беспрестанно повторял: «Да это не возможно писать, это выходит из всякого правдоподобия!». На что Раевский постоянно возражал одно и то же: «Любезный Лев Сергеевич, вы глупы и ничего не понимаете, чем больше вранья

представлять в Петербург, тем более его это восхищает и приобретаешь кредита у него!».

Как отрядный начальник Раевский был невозможен, и напр<имер>, в переходах сидя верхом в какой-то шутовской полуодежде заставлял [л. 27об.] на походах целые полки, которых солдаты взявшись друг друга под руки, идя гусем выплясывая с припевом малороссийского «журавля», подпесною, своей пахабностью, непечатную.

Раевский не успел изгнать всякий порядок и дисциплину в войсках порученного ему отряда, единственно потому, что они были образованы Вельяминовым и еще имели ближайших начальников, избранных этим, в полном смысле славным, генералом.

К счастью Раевского он кончил свою карьеру удалением от начальства береговой Линии с оказанным благоволением, потому что в Петербурге сочли невозможным его заслуженно карать за все его дела, то и сочли лучше притвориться, что не знают их.

Нахальство и находчивость Николая Раевского были изумительны, вот тому пример.

Было время, когда княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова имела связь с Александром Раевским, родным братом Николая. Связь кончилась публичным позорным скандалом, но все-таки она, естественно, имела влияние на расположение графини к Николаю Раевскому, когда он после Турецкой войны 1829-го года, без назначения жил на южном берегу Крыма, где изредка посещал Воронцова в Алушке и своим [л. 28] редким умом забавлял княгиню. Оба Воронцовы постоянно приставали к Раевскому, чтобы он чаще их посещал и оставался у них на несколько дней. Раевский же отговаривался тем, что он не в состоянии выносить жар застегнутый в военной одежде, тогда графиня придумала его нарядить в старые свои придворные платья, слишком пышные, чтобы их отдавать горничным, и их раздирали по переднему лифу и надевали на высокого, плечистого Николая Раевского, служащего всем забавой в этом наряде, в котором он являлся к столу и в гостину.

Обычаи Алупки были следующими: по пушечному выстрелу в «6» часов собирались к обеду, после которого переходили в гостиную, где граф Михаил Семенович садился в высокие кресла, стоящие против поперечной стороны стола, вдоль которого на диване сживала графиня близ своего мужа и рядом с нею Раевский в ее нарядном платье. Это было время связи княгини Воронцовой с начальником военных поселений графом Витте.

За чем-то вызвали графиню Воронцову. Она встала и сказала Раевскому ее пропустить, о<н> медленно, медведеобразно стал вставать, ладонью опираясь о стол: графиня дружески ударяя его по плечу промолвила: «*Raevsky comme Vous etes lent!*»* Он обернул голову к ней [л. 28] и, смотря ей в глаза произнес: «*Faut-il Madame etre Vite pour Vous plaire!*»**

По удалении с береговой линии, Раевский поселился на южном берегу Крыма в имении своей богатой жены, урожденной Бороздина. Здесь он скоро восстал против князя Воронцова, по своему обыкновению стал распространять пошлые эпиграммы и вымыслы о нем, так что князь запретил его принимать.

Раевский до то<го> нагло презирал Петербург, что в первой экспедиции <на черноморской> береговой линии, во время постройки укреплений, он углубился диктовать по-французки проект Пушкину, писавшему его по-русски, морского военного поселения на восточном берегу Черного моря, <которое должно было> служить местному флоту тем же, чем военные поселения предполагались служить в сухопутном войске. Пушкин тщетно клялся, что это невозможный сумбур самого дурацкого пошиба. Раевский же твердил одно: «Вы ничего не понимаете. Мудрецы Петербурга, гиганты в невежестве и дурости, вско верят, когда умешь изложить».

«Раевский, как вы медлительны!» (фр.).

«Нужно ли быть более быстрым мадам, чтоб Вам понравиться» (фр.). Игра слов: *Vite* -- быстрый и граф *Витте*.

Этот пресловутый проект морского военного поселения кончался просьбою зачислить в поселенцы Волконского, женатого на родной сестре Николая Николаевича, последовавшей за мужем, сосланным в Сибирь по делу тайных обществ, открытых в 1825 году.

Несмотря на все происки Раевского, этот проект не был [л. 29] принят к докладу в Петербурге, а проекты Раевского и он сам презрительно осмеяны.

Раевский где-то, в неизвестной глуши, помер всюду и всеми совершенно забытый.

Анреп заменил Раевского.

[л. 29об.]

АНРЕП

Не иносказательно, а истинно был помешанный, корчивший героя храбрости и честности до иступления, в действительности же совершенно ни к чему не способный, внушаемый какими-то фантастическими идеалами, в особенности в военном отношении. В Турецкой войне пятидесятых годов на линии Дуная практически доказал свою совершенную неспособность и ничтожество.

С Граббе Анреп был заклятый враг не щадивший первого. На каком-то царском смотре, по словам Анрепа, Граббе, как дивизионный начальник, в команде переврал приказание Государя, так что Анреп со своею бригадою исполнил движения, не соответствующие Высочайшей воли, вследствие чего пред всем сбором многочисленного войска Государь Николай повелел послать Анрепа за фрунт.

Вследствие этого Анреп имел объяснение с Граббе, при котором оба распетушились до того, что первый вызвал своего соперника на поединок, но как оба сознавали, что им в России стреляться не благоразумно, то согласились стреляться за границей, куда Анреп поехал и где несколько месяцев тщетно прождал Граббе, избежавшего поединка. Впоследствии [л. 30] это послужило Анрепу поводом обра-

щаться и отзываться о Граббе с величайшим презрением, выставляя его трусом и бесчестным актером.

Сам по себе Анреп был добрый человек, не способный сознательно делать зло и бесчестный поступок, но как пустая помешанная личность, окружающие его вводили в самые неблагоприятные поступки.

Прочии генералы на Кавказской линии были личности пустейшие, без всякого значения, единственно употребляемые для обязательных инспекторских смотров. Одно исключение составляет Засс. Курляндец, без признака образования и убеждений, имевший особые способности на вооруженный разбой на широкую ногу, которые в случаях надобности наказать вероломство какого-либо туземного племени, Вельяминовым поручалось набег, остальное же время этот славный генерал держал Засса, как говорится, на цепи.

Полковые командиры, выдресованные Вельяминовым, хотя не представляли ничего особенного, но на своих постах были удовлетворительны и достойно поддерживали в своих полках дивный военный кавказский дух.

Зато закавказцам, из трех старших генералов иноземцев двое, Фезе и Клюке фон Клюгенау были ничто иное как бестолковые хвастуны с обращением казарменных капралов, третий армянин князь Моисей Захарович Аргутинский-Долгоруков [л. 30об.], совершенный выродок своей национальности, при грубом воспитании и отсутствии всякого образования, отличался своим строгим бескорыстием и личною храбростью, к тому же хорошо говорящий на туземных наречиях, вел все переговоры лично, без переводчиков, и одаренный всей многообразной хитростью и лукавством армян, превосходно ладил с неприязненными нам племенами, через своих отличных лазутчиков, заблаговременно зная малейшие замыслы и намерения горцев.

Закавказские войска свято хранили предания о дивных боевых подвигах своих полков, но долгое время оставаясь без боевых упражнений, быть может отчасти, отстали в боевом отношении от войск, расположенных на Кавказской Линии.

НЕЙДГАРД

Вместо Головина назначен был командир Армейского корпуса, расположенного в Москве. Нейдгард должно быть потому, что на смотрах Императора Николая Государю нравилась выправка солдат, чистота амуниции и оружия, благовидность фронта и маршировка, отчетливость ружейных приемов корпуса Нейдгарда, представленного на смотре, то же, вероятно, повлияло на это назначение благорасположение канцелярии Военного Министерства, причем должно полагать, что не мало поспособствовало личное корыстолюбие Военного Министра Чернышева, как ниже поясним.

Нейдгард происходил из темного немецкого семейства, был брюзгливый маленький человечек, искательный и низкопоклонный до подлости пред сильными и влиятельными личностями, деспотически надменен и груб со всяким подчиненным, не имеющим покровителей.

Я его знал в первый период своей службы в Московском корпусе графа Петра Александровича Толстого, при котором Нейдгард был начальником штаба.

Граф Петр Александрович Толстой не отличался особыми дарованиями, а образование его по отношению к прошлому веку удовлетворительно, но он отличался правдивостью, прямою и патриотизмом, совершенно подобными нашим лучшим достославным древним боярам: его поговорка, которую он глубоко<ко> прочувствовал, была: «Братец, Россия вить наша мать!». В обхождении его не было и призрака гордости и, например, при инспекторских смотрах, когда его окружали солдаты, которых он спрашивал претензии, граф Петр Александрович непременно спросит: «Нет ли у кого понюхать табаку?». Тотчас явятся несколько тавлинок и Корпусный Командир на радость всех окружающих его солдат в одну из поднесенных тавлинок опустит пальцы и, втягивая в них щепотку табаку, всегда промолвит: «Экой братец у тебя славный забористый та-

бак!». Но граф, с неприступной гордостью нес свое русское достоинство. Вероятно, это <чувство развилось у него> пред Отечественной войной, когда он был послан в Париж полномочным министром внушил Наполеону I-му глубокое уважение и внимание.

Когда граф Петр Александрович в Москве командовал 5-м пехотным корпусом, он был предметом выказываемом ему всеобщего уважения, начиная с самого Императора Александра I-го и даже и царских временщиков не исключая, прозванного «Сила Андреевич» всеми ненавидимого, страшного [л. 32] графа Алексея Андреевича Аракчеева.

В Москве граф Петр Александрович вовсе не обращал внимания на канцелярские мелочи своего штаба, представляя их своему Начальнику Штаба, сам же с отеческою заботою заботился, чтоб солдаты имели хорошую пищу, управлялись правильно без лишнего и неправильного отягощения.

Нейдгард же, со своею немецкою мелочностью, копшился в своей канцеляции Штаба, наблюдая, чтобы все отписки и срочные отчеты, на которые никто не обращает внимания, велись аккуратно и своевременно.

В 5-м корпусе, при доступности Корпусного Командира, начальник Штаба не мог заслужить ни чей нелюбви, но он всем надоедал своей немецкой мелочностью.

Всех изумило назначение Нейдгарда Командиром Отдельного Кавказского корпуса и Главноуправляющим Гражданскою частию как генерала, не имеющего никакой военной репутации и никогда не управлявшего самостоятельно гражданской частью, в страну, где кипела самая трудная война и где сложное гражданское управление еще далеко не устоялось и требовало трудные головоломные соображения для применения к учреждениям остальной империи [л. 32об.]. Во время управления Нейдгарда, внушенный своею нелюбовью к немцам, я вышел в отставку, так что не был свидетелем всех безумных, своеобразных незаконных мер, введенных немецким авантюристом, в управление славным Кавказским Корпусом и по гражданской части Закавказья.

Но опять вступив на службу при назначении графа Воронцова Главнокомандующим и Наместником Кавказским (там он и получил княжеский титул. — В.З.), по своей служебной деятельности мне пришлось официально исследовать многие вопиющие злоупотребления и беззакония, введенные распоряжениями, подписанными Нейдгардом.

[л. 33]

Князь Михаил Семенович ВОРОНЦОВ

В Русском Архиве напечатана моя статья под заглавием «К биографии князя М.С.Воронцова!», но, как статья, назначенная к печати, естественно, многое упущено.

Князь Михаил Семенович от природы не был одарен никакими мало-мальски выдающимися дарованиями, но особенно в возмужалом возрасте, он служил примером, как разумное и прекрасное воспитание и образование в состоянии обратить самое обыкновенное существо в замечательного государственного деятеля.

Воспитание и образование князя Воронцова развили в нем гуманность, справедливость, высокое благородство, во всех его поступках настойчивость, никогда и ни в чем не ослабевающую деятельность, доходящую до совершенного самозабвения, и постоянную наблюдательность обсуждаему здравомыслием. В семейном отношении счастье ему не благоприятствовало, и он глубоко чувствовал это, зная все распутство своей жены.

Единственный его первый ребенок — дочь Иозефина, умерла в юности, остальные дети, носящие его имя, по чертам их лиц во всеведение были не его дети, но несмотря на это князь был постоянно добр и нежен к ним.

К жене своей князь Воронцов по наружности при посторонних был уважителен и этим принуждал всех оказывать ей самое изысканное почтение, но сколько раз, находясь по службе на один с князем в ее присутствии, если она

вмешается в наши переговоры, то он отпускал ей самые колкие намеки, иногда даже дерзость, при чем его лицо выражало наиглубочайшее презрение! Она же постоянно изумляла своим хладнокровием, как-будто эти намеки и дерзости не к ней относились, чем явно доказывала, что привыкла к подобным выходкам.

Одно из первых предметов, которые пришлось Воронцову распутывать относительно управления Нейдгарда, было дело провиантское.

Объезд Военного Министра Кавказа отозвался общим возмущением горских племен, что весьма естественно потому, что Чернышев не имел понятия об обычаях и умозрении туземцев. Прибывши с целью свергнуть Головина, которого он ненавидел, потому что Головин был назначен Императором на Кавказ помимо его Чернышева, и что Головин не вносил оброки в Военное Министерство, Чернышев прибыв на Кавказ, как истый надменный и наглый временщик, знать не хотел ознакомиться [л. 34] с духом и особенностями туземцев, он как диктатор повелевал по своим невежественным теоретическим понятиям почерпнутым в Петербургских канцеляриях.

Последствиями восстания горцев было очевидное совершение недостача численности войска на Кавказе о чем, посредством фельдъегеря, доведено было Государю, в то время путешествующему.

Николай Павлович, получивши донесение о том, отправил фельдъегеря, сопровождающего ему, в какую-то пехотную дивизию с повелением немедленно следовать на Кавказ форсированным маршем, о чем тот же фельдъегерь привез уведомление Головину. Немного времени спустя прислали на Кавказ еще другую пехотную дивизию.

Естественно, эти обе дивизии, расположенные во внутренних губерниях, продовольствовались на суммы, отпускаемые Военному Министерству, которое не перевело эти значительные деньги в Кавказское интенданство, нашедшее вынужденным довольствоваться эти дивизии, в продолжении полугода, всеми запасами и средствами.

Когда Нейдгард потребовал пополнения этих запасов и средств Военное Министерство сделало начет на Кавказское интенданство в слишком шестьсот рублей за израсходование Кавказских [л. 34об.] запасов.

Нейдгард, по-видимому, опасаясь навлечь на себя гонение Военного Министерства, завел пустую переписку, расплотившуюся в огромных размерах, а положенные продовольственные запасы на случай <военного> замешательства с Персией и Азиатской Турцией все-таки не пополнялись в стране, где наше владычество еще далеко не утвердилось. По прибытии в Тифлис Воронцова, вникнувшего во все подробности этой казнокрадской проделки, он потребовал от Чернышева немедленной высылки этой суммы, которая, наконец, безоговорочно была выслана.

В Дагестане по распоряжению Нейдгарда генералом Клюке фон Клюгенау была заведена самая грязная и наглая маркитанская проделка по снабжению войск винною порцией. Именно, что при передвижении какое не было число войск, обязательно маркитанту высылать свои припасы и всюду, где они останавливались, вся прочая житейская торговля прекращалась и воспрещалась! Вследствие этого в те аулы, где торговля процветала, туда высылалось несколько солдат и маркитанская монополия заменяла торговлю жителей!

Это наглое злоупотребление прекращено одним повелением новоприбывшего Главнокомандующего. Но самое наглое злоупотребление власти, из числа [л. 35] мне известных, <во время> управления Нейдгарда оказалось в самом Тифлисе.

По назначении Нейдгарда на Кавказ, он в Москве пригласил прибыть в Тифлис своих земляков немцев-ремесленников: сапожников, портных, кузнецов, колбасников, дамских парикмахеров и пр., которых наехала целая колония.

С самого прибытия в Тифлис Воронцов, еще мало известный в своем егерском сюртуке, отправился пешком прогуливаться, и увидев вывеску француза дамского па-

рикмахера, зашел в этот магазин. Хозяина не было дома и его встретил красавец, молодец в шинели Грузинского Гренадерского полка, которым тогда командовал флигель-адъютант Копьев. На распросы князя Михаила Семеновича гренадер передал, что он отдан из полка в учение дамского парикмахера и недавно поступил вместо однополчанина, утопившегося с отчаяния скверной жизни, так как хозяин принуждает к самым отвратительным черным работам, бьет без пощады и кормит самым скверным образом, впроголодь, так как казенный, его гренадера, паек удерживается в полку. Вернувшись домой, Воронцов тотчас послал в Штаб за справкою, каким образом из полка отдан строевой гренадер на обучение мастерства женских причесок? Оказалось, что [л. 35об.] воспоследовало предписание Нейдгарда всем полковым командирам и начальникам отдельных частей отдать солдат командуемых ими частей в обучение разным приезжим мастерам и ремесленникам.

Воронцов приказал полиции на утро собрать перед его домом всех нижних чинов находящихся в Тифлисе не при своих частях.

Таких солдат собрали более шестисот человек.

В военном отношении <моя память> фотографирует Нейдгарда как военного генерала. Строго правдивая статья барона Торнау помещена во второй книге за 1881 год «Русского Архива».

Удивительно, как князь Воронцов быстро и верно решал докладываемые ему дела, и это служило неопровержимым доказательством, с каким постоянным вниманием он следил за всем восходящим до него в продолжении столь долгого служебного поприща, проведенного почти исключительно на действительной службе, так как он только короткое время был адъютантом графа Петра Александровича Толстого, при Петербургском же Дворе он никогда не бывал иначе как проездом из самостоятельно занимаемых им постов [л. 36]. По возвращении князя Михаил Семеновича Воронцова с оккупационным своим корпусом из Франции в Россию, он подвергся негодованию Императора

Александра I, вследствие чего он не вышел в отставку, а удалился в 1881 году вново купленное имение в Киевской губернии «Мошня», <приобретенное> на приданое его жены — 5 миллионов рублей.

В этом селе Мошня князь Воронцов пробыл некоторое время, занимаясь его устройством, и с самодовольствием вспоминал впоследствии, между прочим, об огромном озере, лично им исследованное плавая в маленьком каюке, называемом народом «душегубкою», он впоследствии обратил в превосходный луг.

По окончании своей плодотворной служебной деятельности князь Воронцов удалился на некоторое время в «Мошню» и пред самую кончину приехал в созданное им свое любимое детище Одессу, где и почил искренне оплакиваемый множеством бывших его подчиненных, неменьшим числом знавших его и множеством облагодетельствованных им.

Впрочем, нечего распространяться об этой личности принадлежащей к сонму наилучших и яснейших мужей нашей отечественной летописи.

[л. 36об.]

Князь Александр Иванович БАРЯТИНСКИЙ

Об этом фельдмаршале в моих бумагах имеется особенная интимная биография, здесь не помещаемая, потому что слишком грустно она рисует, каких ничтожных личностей прихоти выводили у нас, и тем окончательно опошлялись в России высокие служебные положения, губя отечество, представляя ничтожеству влиять на его управление и судьбы.

Сочинения г-на Н.С.МАРТЫНОВА ГУАША*

В 1837 году я отпросился волонтером Кавалергардского полка на Кавказ для участия в экспедиции против горцев, проэктированной на правом фланге Кавказской линии. Сборным пунктом для отряда был назначен Ольгинский пост**. Устроив наскоро свое походное хозяйство в Ставрополе, я отправил оттуда вперед купленных мною выючного верблюда и верховую лошадь, приказал калмыку, который был нанят для ухода за ними, следовать как можно поспешнее в действующий отряд, сам же выехал тремя днями позже на перекладной.

Приезд мой в Ольгинское весьма обрадовал моих гвардейских товарищей: по обстоятельствам, независящим от меня, я оставил Петербург гораздо позднее их, а потому они были в праве рассчитывать, что получают чрез меня самые свежие известия о своих знакомых и родных. Удовлетворен по возможности любопытству каждого, я, в свою очередь, отнесся к ним с вопросом: «Ну а вы что тут поделяете? Как живете на Кавказе?».

— «Ничего, жить можно: почва благодатная», — ответил мне Монго Столыпин, слегка подмигивая глазом и кивая головой на Долгорукого, — «Вот Долгорукий*** уже успел здесь влюбиться».

* Печатается по единственной публикации А.Нарцова [141].

** Укрепление в Черномории на левом берегу Кубани, верстах в 80-ти от Екатеринодара. — *Прим. Мартынова.*

*** Какой Долгорукий? Не двоюродный ли брат князя Владимира Андреевича, Московского генерала-губернатора? — *Прим. А.Нарцова.*

— «Да полно же, Монго, как тебе не стыдно порочить мое чистое, бескорыстное чувство, клеймя его этим пошлым названием», — заметил почти с упреком сей последний.

— «А как же прикажешь называть твое чистое бескорыстное чувство? Ведь она девушка? Да еще и прехорошенькая девушка».

— «Нет, она ребенок», — тихо и грустно произнес Долгорукый; потом с необыкновенной живостью обратиться ко мне и схватив мою руку, он шепотом прибавил: «Представь себе, Мартынов, ведь ей только 11 лет! Но что это за дивное и милое создание!». И взгляд его при этих словах был полон невыразимой нежности.

— «Здесь, князь, в 11 лет девушек замуж выдают», — сердито проворчал разжалованный Штольценвальд. — «Не забудьте, что мы здесь не в России, а на Кавказе, где все скоро созревает».

— «Да растолкуйте мне ради Бога, господа, о ком у вас идет речь? Я ровно ничего не понимаю: и кто такая эта девушка, и почему вы все ее знаете?» — обратился я с вопросом ко всем присутствующим.

Тут мне рассказали, что недалеко от Ольгинского укрепления, на левом берегу Кубани есть мирный аул, куда все офицеры наши ездят закупать себе разные кавказские произведения. Случайно увидели они там молодую черкешенку необыкновенной красоты, на ней не было чадры*, а потому им удалось вполне разглядеть черты ее лица. Национальный костюм ее, а равно и внутренние украшения сакли отличались изящностью и некоторою роскошью, недоступной для большинства местных жителей. По всему заметно было, что она принадлежит к аристократическому семейству. Отец ее офицер, русской службы, находился в то время с милицией на левом фланге в отряде генерала Фезе.

* Вуаль или покрывало, которое носят черкесские женщины; им закутывается лицо и весь стан до самых ног. — *Прим. Мартынова.*

С такой обстановкой и столь заманчивой вывеской, как эта хорошенькая девушка, понятно, что торговля дома должна была процветать: действительно, в несколько дней офицеры наши закупили у хозяев все, что только было налицо в сакле. Расчет их при этом был самый верный; они весьма хорошо понимали, что когда не останется более ничего для продажи, от них станут принимать заказы, а заказы неизбежно поведут к сближению: установятся ежедневные сношения с аулом, а им только того и хотелось. В момент моего прибытия в отряде можно было положительно сказать, что кружок, к которому принадлежали мои товарищи, уже пустил корни в ауле: в какое угодно время дня, непременно уж кто-нибудь из наших да там находился: один привозил сукно на черкесску, другой выбирал галуны или примеривал башлык, одним словом работа шла безостановочная. Я пожелал знать, на каком языке они объясняются со своей красавицей. Мне отвечали, что она понимает несколько слов по-русски, да сверх того, в затруднительных случаях, призывает на помощь Дмелыма, одного из крепостных работников ее отца, который говорит по-хохлацки довольно бойко.

С первого дня как увидел Долгорукий Гуашу (так называли молодую черкешенку), он почувствовал к ней влечение непреодолимое; но что всего страннее: и она, со своей стороны, тот час же его полюбила. Выражала она эту любовь совершенно по своему: безыскусственно и просто, как было просто и безыскусственно ее обхождение, но даже и в самых мелочах было заметно предпочтение, которое она оказывала ему пред другими его товарищами. Для всех она была только приветлива, для него одного ласкова!

Бывало, подойдет к нему, возьмет его за руку и долго, долго смотрит ему в глаза; потом вздохнет и сядет возле него. Случалось, напротив, что в порывах шумной веселости она забежит к нему сзади, схватит его неожиданно за голову и, крепко поцеловав, зальется громким смехом. И все это происходило на глазах у всех; она не выказывала при том ни детской робости, ни женской стыдливости, не стесняясь даже нисколько присутствием своих домашних.

Все мною слышанное крайне удивляло меня: я не знал как согласить в уме своем вольное обращение девушки с теми рассказами о неприступности черкесских женщин и о строгости их нравов вообще, которые до тех пор были в большом ходу между нами. Впоследствии я убедился, что эта строгость существует действительно только для замужних женщин, девушки же у них пользуются необыкновенной свободой.

Долгорукий часто привозил Гуаше незначительные подарки: когда купит для нее материи на бешмет; в другой раз поднесет ей стеклянные бусы или гармонию. Магазинов в Ольгинском укреплении не полагалось, а потому выбор предметов по неволе ограничивался тем, что можно было найти у духанщиков. Получив от него какую-нибудь вещь, она никогда не рассматривала ее, как это делают почти все азиатцы, и даже многие из европейцев, но молча принимала подарок, благодарила за него искренно, хотя и с достоинством, нисколько, впрочем не стараясь скрыть своего удовольствия, если вещь ей нравилась. Казалось, все усилия ее клонились только к тому, чтобы доказать, что она более ценит внимание лица, чем его подарок. Подобная утонченность чувств, среди дикости ее окружающей, не могла пройти незамеченной для моих товарищей. Они говорили мне об этом как о странном явлении, как бы о чуде природы, приводящем в недоумение и замешательство все понятия их касательно значения нравственного воспитания.

Один пункт оставался для меня неразъясненным: по словам товарищей моих, Гуаша была молодая девушка, если еще не в полном развитии, то уже настолько созревшая, что в нее влюбиться было весьма возможно; Долгорукий же продолжал утверждать, что она была дитя, совершенное дитя, которое и любить, и ласкать можно было только как ребенка. Я указал им на столь резкое противоречие.

Поднялся шум, спор нескончаемый и, как всегда бывает в подобных случаях, не убедив никого, всякий остался при своем прежнем мнении. «Да что тут рассуждать по-пустому», — с досадою сказал наконец Долгорукий, — «ведь ты поедешь с нами в аул?».

— «Еще бы! А ты думал, откажусь?».

— «Ну тем и лучше. Тогда увидишь сам, кто из нас прав; я не сомневаюсь, что ты присоеди́нишься к моему мнению».

— «Посмотрим».

Ровно в два часа подали нам обедать; при этом по кавказскому обычаю, была устроена в честь мою маленькая попойка, на которой меня заставили пить брудершафт со всеми новыми товарищами; из старых я был особенно короток только со Столыпиным и Долгоруким; с остальными же офицерами хотя и встречался в Петербурге, но не имел никогда близких отношений. Здесь кстати описать характер главного действующего лица в моем рассказе, я не говорю героя романа, потому что в сущности тут никакого и романа не было; а была грустная недоконченная история двух отдельных существований, из которой я случайно вырвал несколько листков. Но не станем опережать события — пусть драма сама развернется перед нами, и без того развязка ее не далеко.

Долгорукий был произведен в офицеры в конную гвардию за полтора года от отъезда его в экспедицию. Принадлежа к одной из лучших русских фамилий, имея при том обеспеченное состояние после матери и блестящую карьеру впереди себя, казалось, все в будущем этого человека должно было ему улыбаться. И действительно, первые шаги в его жизни были необыкновенно счастливы: товарищи полюбили его; начальники отличали его неуклонное исполнение службы и молодецкую удадь, которую он проявлял во всем; свет тоже принял его благосклонно, потому что он соединял в себе все условия, чтобы понравиться в свете: он был хорошо воспитан, имел веселый нрав и неисчерпаемое добродушие, притом никогда ни об ком дурно не отзывался и никому не завидовал, два качества весьма редкие между людьми. Не быв особенно красивым, он нравился многим женщинам симпатичным выражением лица, живостью характера и какой-то ребяческой откровенностью. В первые две зимы я очень часто встречался с ним в свете и между товарищами и от всего сердца полюбил его, но нигде я так не

оценил доброту этого человека, как по приезде его на Кавказ. Тут открылось широкое поприще для его нравственной деятельности, арена, достойная возвышенной его души. Должно признаться, что в этом отношении Кавказ приносит огромную пользу нашим молодым офицерам. Петербургская среда портит людей; это мне кажется аксиома, не требующая никаких доказательств. Как во всех больших центрах, в Петербургском свете берут начало и развиваются все те мелкие страсти и пороки, которыми так страдает наше современное общество: эгоизм, тщеславие, интриги, фанфаронство, вот обыкновенные спутники этого блестящего ничтожества. К тому же от постоянного обращения в одной и той же среде, в виду одних и тех же интересов, у людей суживается взгляд на жизнь, составляется совершенно превратное и одностороннее суждение о достоинствах человека вообще. Для петербургского юноши непонятно, например, как можно быть в то же время очень порядочным человеком и не уметь говорить по-французски. Тут внешность овладевает всем, наружная форма берет перевес над внутренним содержанием. Но эта нравственная порча не коснулась Долгорукого, он вышел чист и невредим из этого одуряющего омута. Перенесенный почти мгновенно из блестящего Петербургского общества ни дикую кавказскую почву, он сразу понял свое новое положение и оценил по достоинству людей, его окружающих. Как часто мне случалось видеть его в кругу настоящих коренных кавказцев, с каким уважением он относился тогда к их опытности, с каким вниманием и любопытством выслушивал рассказы их о прежних экспедициях, о давно совершенных ими походах. В ежедневных сношениях с этими людьми как мало заботился он отличать их по степени благовоспитанности или, как там выражаются, наружной полировки. Для него достаточно было знать, что человек имеет в себе действительные достоинства, ко всему остальному тогда он относился снисходительно; легко извинял в душе своей даже некоторые предосудительные поступки или привычки, если только они вытекали прямо из общего строя кавказской жизни.

С такой способностью к разумному анализу, при том отдавая себе строгий отчет в каких обстоятельствах и при каких именно условиях выработалась эта совершенно отдельная от мира кавказская жизнь, понятно, что он должен был прийти к сознанию, что все происходящее там несколько не похоже на остальную Россию и что судить об этом крае или измерять достоинства людей, в нем живущих, на Петербургский аршин не приходится.

Палатка его была всегда наполнена разжалованными, ссыльными политическими и разных других оттенков людьми, которыми так изобилует Кавказский край. В каждом разжалованном он видел прежде всего несчастного, которому следует пособить или материально или, оказав ему нравственную поддержку; он не отвергал никого, к каждому была простерта рука его и помощь, им подаваемая, являлась не в виде милостыни, а предлагал он ее вместе со своей дружбой и утешением, и теплым участием товарища ко временным невзгодам своих сослуживцев. Может быть, случалось иногда, что некоторые из этих господ злоупотребляли его добротой, эксплуатировали ее недостойным образом, но и тут, когда что-либо подобное открывалось, Долгорукий не переставал защищать их, старался всеми средствами извинить в глазах других неблаговидность их поступков. Считаю излишним прибавить, что гордость или высокомерие были бы несвойственны такому человеку. Зато как и любили его все кавказцы, начиная от старших, к которым, можно сказать, он влез в душу через свое очаровательное обхождение и кончал последним юнкером или разжалованным в отряде.

Но возвратимся теперь к моему рассказу. Вечером подвели к палатке наших верховых лошадей. Несмотря на усиленный переход, только что совершенный, мой серый кабардинец был как встрепанный; он весело озирался по сторонам и отмахивал длинным хвостом своим крутящуюся в воздухе мошкарку. У Долгорукого была маленькая воронья лошадка; необыкновенно красивая, тонкая шея ее лоснилась и блестела на солнце, как-будто век была знакома с скреб-

ницей, миниатюрная головка с выпуклыми глазами и вздернутым носом являла в себе все признаки арабской крови.

Непривычному человеку на первый взгляд все черкесские седла кажутся слишком малыми, что детскими; я испытал это на себе; но когда подвели к нам лошадь Столыпина, то уже эта диспропорциональность в самом деле доходила до смешного: представьте себе Буцефала аршина в три ростом*, белого как снег, широких ладов, и при том до нельзя раскормленного и посреди его плоской, как крыша, спины лежало это черкесское седлецо с обшитой галунами сафьянной подушечкой; трудно было поверить, что человеку предназначено сидеть на нем. Общество наше было довольно многолюдно. Вскочив в седло, мы помчались все по направлению к нашей передовой цепи, за которую выезжать днем было дозволено.

Долгорукий весьма скоро выучился ездить на черкесский манер; он был небольшого роста и от природы очень ловок. Я любовался им, как он джигитовал впереди нас: то вдруг, нагнувшись и привстав на стремяна, он пускал лошадь во весь опор, при чем для особенного шику выставлял совершенно левое плечо; потом на всем скаку одним поводом круто заворачивал назад своего скакуна и стремглав летел к нам. Все эти эволюции были очень красивы и носили свой особенный характер азиатской приездки. За цепью открылась перед нами широкая поляна, окаймленная с левой стороны извилистым течением Кубани; берега ее поросли густым кустарником, кой-где виднелись в отдалении разбросанные сакли аулов; их белые стены отчетливо и ярко обрисовывались на темной зелени окружающего леса.

Несмотря на раннее время года трава была уже по пояс; в атмосфере чувствовалась какая-то влажность, и сильный запах от полевых цветов ударил в голову. Проехав версты две по прямому направлению, мы взяли влево и перед глазами нашими открылся на самом берегу реки небольшой

* На Кавказе весьма редко встречаются лошади такого большого роста. — *Прим. Мартынова.*

аул, раскинутый по косогору. Положение его было необыкновенно живописно: он весь казался в зелени, как будто вырос из земли вместе с деревьями; почти возле каждой сакли находился фруктовый сад, все было в цвету тогда, огромные ветвистые чинары красовались отдельно на небольших площадках, под тень их собирались праздные жители подышать вечерним воздухом. Со стороны, обращенной к нам, был выкопан довольно широкий ров, в виду защиты от нападений соседей и весь аул был обнесен земляным валом на подобие бруствера. В середине по въезде находились широкие дубовые ворота; днем их обыкновенно оставляли открытыми, но на ночь всегда запирали и приставляли надежный караул. Переехав через мост, мы направились немного влево, по узкой и извилистой улице. Гуаша стояла на пороге сакли в то время, как мы подъехали. Долгорукий ловко соскочил с коня и, бросив поводья на шею своему вороному, подошел к ней.

— «Вот, Гуаша, я привез к тебе еще нового братца», — сказал он смеясь и указывая на меня*, — «прошу полюбить его».

Она внимательным взглядом осмотрела меня с ног до головы, как бы стараясь припомнить, не видала ли меня где прежде, но удостоверясь, что лицо мое ей совершенно незнакомо, весело улыбнулась и сделала нам всем знак рукой, чтобы мы следовали за ней в саклю.

Опишу здесь первое впечатление, которое она произвела на меня; говорят, что оно бывает всегда самое верное. Судя по росту и по гибкости ее стана, эта была молодая девушка; по отсутствию же форм и в особенности по выражению лица совершенный ребенок; что-то детское, что-то не оконченное было в этих узких плечах, в этой плоской, еще неналившейся груди, которая была стянута серебряными застежками...**

* Всех офицеров, которые обыкновенно приезжали с Долгоруким, она называла братьями. — *Прим. Мартынова.*

** На этом рукопись обрывается. — *Прим. А.Нарцова.*

ГЕРЗЕЛЬ-АУЛ

Часть первая

Июньский день... Печет равнину
Палящий зной. Ни ветерка
Не слышно в воздухе. В долину
Спускаясь с гор, идут войска
За ними тянется дорогой
Отрядный подвижной обоз;
Испуган утренней тревогой,
Табун сорвался диких коз,
Редуют выстрелы пехоты,
Заметно стал слабеть огонь.
Вот на курган бегут две роты,
Команда слышится «На конь», —
А солнце жжет, как будто пламень
Казаки тронулись ходой,
Стучат орудия об камень;
Спускаясь страшной крутизной,
Скрипят арбы и слышны крики
В лесу погонщиков скота;
Все звуки как-то странны, дики,
Везде движение, суета!
Картина полная разгула
Бродящей жизни и войны;
Идут к стенам Гарзель-аула
Войска на отдых из Чечни.
Подъехал генерал отрядный,
За ним вся свита и конвой;
Народ не важный, не нарядный,
А наш кавказский боевой.
Один — в папахе и черкеске,
Другой — в военном сюртуке;
Вот переводчик в красной феске,
За ним мулла в архалуке.
Через плечо надета шашка,

Все подпоясаны ремнем,
Башлык и бурка за седлом;
Вот у того в крови рубашка,
Другой с подвязанным лицом;
На всех есть призраки живые,
Что были в деле и в огне,
Черны от похора иные,
С рассвета каждый на коне.
Совсем замолкла перестрелка,
Из лесу вышел арьергард;
Тотчас раздался свирелка,
И в синей бурке новый бард
Запел про подвоги Куринцев,
Про удаль славных Гребенцов,
Как мы живьем брали Тавлинцев,
Как Граббе любит молодцев...
За ним все песенники хором,
Под звуки бубна залились, —
А мы покаместь разговором
Между собою занялись.
«Кто нынче ранен? ты не слышал?» —
«Убитых трое, говорят» —
Представь! я ехал в арьергард;
Там было жарко, будто в бане,
Ходили много раз в штыки...
Все наседают. На кургане
Вот ставят пушки казаки,
Я был верхом, куда мне деться?
А вижу, плохо, угостят,
Но не успел я оглядеться,
Как там кричат «Ложись, палят!»
Раздался вострел — и картечью
Меня осыпало всего;
Я отвечал им крупной речью
А цел остался, ничего!».
Идет отряд усталым шагом:
Уж приближаются к реке,

Стянули цепь, вот за оврагом
Горит аул недалеко...
То наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит,
Детей погреться приглашает,
Хозяйкам кашицу варить.
Веселый смех, с приправкой шутки,
В рядах как искры пронеслись
И снова слышны прибаутки,
И снова песни раздались;
Горнист камаринскую просит,
Согласны все ее пропеть,
Фельдфебель ротному доносит
Что тут же будет и «камедь».
В кружок собрались офицеры,
Седой полковник к ним примкнул;
Вблизи стоят карабинеры.
Вот в синей куртке затынул...
Но только начал он — из группы
Выходит жиденский солдат:
То балетмейстер здешней труппы
Актер и вместе акробат.
Он стал выкидывать коленца,
В присядку до земли хватал,
То передразнивал чеченца,
То генерала представлял.
И все смеялись до упаду,
Всем было весело смотреть
На этот вздор арлекинаду,
На эту пошлую «камедь».
А между тем другая сцена
Происходила в двух шагах
Тут декораций перемена
Нам не нужна — все на глазах.
Несут солдата на носилках,
Он ранен в голову и в грудь;
При нем рекрутик на посылках,

Кого позвать, воды черпнуть.
Он крепко к дядиньке привязан,
Его он любит как отца;
По службе долг ему указан,
Любить никто ведь не обязан,
А любят добрые сердца.
Больной в жару и трудно дышет,
Над ним рекрутик слезы льет.
В надежде Бог его услышит,
Молитву теплую кладет.
Начался бред, предвестник смерти;
Случайно фельдшер подошел,
Взглянул в лицо: «Да что за черти!
Кажись, совсем уж отошел...
Скорей священника зовите
Пора его готовить в путь,
А вы покамест отдохните», —
Сказал и лег сам отдохнуть.
Пришел священник. Торопился
Сперва ковчег с дарами снять,
Потом к страдальцу обратился
И стал вполголоса шептать.
Глухая исповедь, причастье,
Потом отходную прочли:
И вот оно земное счастье...
Осталось много-ль? Горсть земли!
Я отвернулся, было больно
На эту драму мне смотреть,
И я спросил себя невольно:
Ужель и мне так умереть?..
Но вот река! Все оживились,
Пехота двинулась быстрее,
И даже кони прибодрились,
Храпят и пена у ноздрей;
Они почуяли прохладу,
Приятна близость им воды;
Дают привал всему отряду,

И легкий роздых за труды.
Уж авангард остановился,
Казаки слезли с лошадей,
Бивак походный очертился,
Места разбиты для частей;
На них вступают батальоны
И в козлы ружья в тот же миг.
Равняют в линию колонны,
Штабные скачут — шум и крик;
Порядку трудно водвориться,
Войска сверх сил утомлены,
Спешат солдатики напиться,
Забыв про то, что голодны.
Отрядный штаб расположился
У спуска главного к реке,
К нему в соседство приютился
Духанщик в белом сюртуке:
То армянин нахичеванский,
Полухитрец, пол-идиот,
С своей любезностью армянской
Он вас как липку обдерет.
На берегу, близ водопоя,
Две пушки сняты с передков:
Вокруг прислуга сидя, стоя,
Кому как надо, без чинов,
Один разлегшись под лафетом,
В тени от солнца крепко спит,
Другой, занявшись туалетом,
Подметки старые чинит;
Вот офицер прилег на бурке
С ученой книгою в руках,
А сам мечтает о мазурке,
О Пятигорске и балах,
Ему все грезится блондинка,
В нее он по уши влюблен,
Вот он героем поединка,
Гвардеец тотчас удален;

Мечты сменяются мечтами,
Воображенью дан простор,
И путь, усеянный цветами,
Он прискакал во весь опор.
Вот он женат, отец семейства
И батальонный командир,
А дальше что?.. Из казначейства
Треть пенсионера и мундир.
Туманный бред своих стремлений
Исходной точкой он замкнул;
В надежде новых впечатлений
Счастливый прапорщик уснул.
Внутри отряда, под чинаром,
Раскинув на землю ковры,
Собралось общество не даром,
Идет тут пир, как все пиры,
С коньяком, ромом, кахетинским,
С татарским жирным шашлыком,
С пилавом, блюдом исполинским,
Кавказской кухни торжеством;
Раздолье полное вкушает
Гвардейцев дружная семья,
И первый кубок осушает
За дым от первого огня.
Крещение порохом свершилось.
Все были в деле боевом;
И так им дело полюбилось,
Что разговоры лишь о нем;
Тому в штывы ходить досталось
С четвертой ротой на завал,
Где в рукопашном разыгралось,
Как им удачно называлось,
Второго действия финал.
Вот от него мы что узнали:
Они в упор на нас стреляли,
Убит Куринской офицер;
Людей мы много потеряли,

Лег целый взвод карабинер,
Поспел полковник с батальоном
И вынес роту на плечах;
Чеченцы выбиты с уроном,
Двенадцать тел у нас в руках,
Нельзя назвать тщеславьем детским
Подобный искренний рассказ:
Похвастать делом молодецким
Приятно каждому из нас.
Другому выпало на долю
Атака с сотней казаков,
В тот час натешились мы в волю,
Я описать ее готов:
Линейцы дружно мчатся к полю,
Где видно множество значков,
Джигиты смело разъезжают,
Гарцуют бойко впереди;
Напрасно наши в них стреляют...
Они лишь бранью отвечают,
У них кольчуга на груди;
Смекнул урядник, догадался,
Взяла досада казака,
Но пособить он горю взялся,
И с видом дела знатока,
Поверх заряда в ствол винтовки
Пучек иголок посадил,
И вновь готовый к джигитовке,
Во весь опор коня пустил.
Избрав противника, он круто
На задних бабках повернул...
Прошла еще одна минута,
Ружейный ствол его сверкнул,
Раздался выстрел без раската,
Как будто щелкнул кто орех,
Пред нами пыль столбом поднята,
Мы все в надежде на успех
Глядим в то место... Прояснилось:

В испуге конь от нас бежит,
А тело всадника свалилось,
В траве густой оно лежит...
Со всех сторон чеченцы скачут,
Спешат убитого поднять,
А наши рвутся, чуть не плачут,
Им тело хочется отнять.
Места опасны, есть засада,
Кругом все лес, вблизи аул,
«А все же в шашки, братцы, надо!»...
Тут кто-то кстати намекнул,
«Ну, с богом!» — крикнул есаул,
Ударил плетью и пустился:
За ним вся сотня на хвосте,
В толпу чеченцев он врубился,
Гичат пронзительно везде,
Несутся конные из лесу
Стремглав на выручку своим;
«Числом у них быть перевесу»,
Но за себя мы постоим...
В досаде злобно говорим,
Как вдруг откуда не возмися
Казачьи пушки две летят;
На всем скаку они снялися
Во фланг чеченцев взять хотят.
Картечью брызнуло из дула,
Смешалось все... толпа бежит,
И позади плетня аула
Укрыться в лес она спешит.
Остался панцырник за нами,
Отбить нам тело удалось,
Хвала тебе, заряд с иглами,
Ты пронизал его насквозь! —
И много вызвано рассказом
Веселых шуток, болтовни,
Смеялись все, шумели разом,
Как дети тешались они.

Не мудрено: для них все ново,
И край, и люди, и война,
Где все так дико, так сурово,
Где жизнь случайностей полна,
Птенцы все юные слетелись
Из дальних стран родной земли,
Еще путем не обгляделись,
Сквозь призму видят все они:
Для них Кавказ есть рай, поэма,
- Мир фантастических чудес,
Сады роскошные Эдема,
Волшебной сказки чудный лес,
Где каждым деревом закрыты
Могучий воин-богатырь,
Где лавры миртом перевиты,
А рядом бездны и пустырь;
Пленяет их преображение
Полувосточный колорит,
Иных приводит в восхищенье,
Другим о страсти говорит...
[...]

Червленная станица, 1840

В.А.Мануйлов

ЛЕРМОНТОВ ЛИ ЛЕРМОНТОВ?

К вопросу о происхождении поэта.

С комментариями и примечаниями

В.А.Захарова

1

14 августа 1936 года в Музей изящных искусств в Москве (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина) пришло следующее письмо:

«Прошу обратить внимание на то, что по рассказу старой бабушки, которой уже 114 лет, она рассказывает, что правильная фамилия М.Ю.Лермонтова не Лермонтов. Действительно, что она жила у попа в прислугах. Последний ей рассказывал, как бабушка (т.е. Елизавета Алексеевна Арсеньева. — В.М.) заставила его скрыть грех ее дочери (т.е. Марии Михайловны Лермонтовой, урожденной Арсеньевой. — В.М.). Ее дочь Марья Алексеевна (надо бы: Михайловна. — В.М.) была в положении от кучера в ее имении. Но деспотическая помещица сосватала ее с Юрием Петровичем Лермонтовым. Последний согласился жениться потому, что ему сулили имение. Но, когда умерла мать поэта, то Ю.П.Лермонтов отказался воспитывать Мишу и он воспитывался у бабушки.

Аббакумов А.С.

Жду ответа, с. Лермонтово, Чембарского района, Куйбышевского края».

В этом малограмотном письме есть несколько явных ошибок или неточностей: Мария Михайловна, как мы видим,

названа Марией Алексеевной (на нее перенесено отчество матери); Юрий Петрович, как известно, не отказывался воспитывать мальчика, но угрожал взять его к себе в Кропотово, на что имел право как законный отец, и Е.А.Арсеньева вынуждена была откупаться от этих требований, выплачивая Юрию Петровичу большие суммы. Что же касается истории Марии Михайловны, то она в этом письме Аббакумова изложена согласно преданиям тарханских старожил.

Ознакомившись с письмом Аббакумова при содействии М.С.Шагинян, в сентябре того же 1936 года я побывал в Тарханах, ныне селе Лермонтове и разыскал автора письма, подростка, учившегося в Чембарской средней школе. И тогда и через несколько лет, при новой встрече, А.С.Аббакумов подтвердил, что все изложенное им он действительно слышал от неизвестной ему до тех пор старухи, с которой он разговаривал в начале августа 1936 года около районной больницы в Чембаре, где она, видимо, вскоре умерла. Имени и точного возраста этой старухи установить не удалось. Если ей в 1936 году было на самом деле было 114 лет, то значит, она родилась в 1822 году, и в год смерти М.Ю.Лермонтова ей было 19 лет, следовательно она могла служить у тарханского священника, который исповедывал Елизавету Алексеевну и мог знать семейную тайну Арсеньевых. Тогда же, в сентябре 1936 года, в Тарханах и Тархове сообщение А.С.Аббакумова подтверждали Н.Г.Баландин — 80 лет, А.С.Куртина — 82 лет и М.И.Горчунова — 75 лет.

О тайне рождения поэта они говорили неохотно, в общих словах, но подтверждали, что слышали от старших что-то о любви Марии Михайловны к крепостному, и что Михаил Юрьевич будто бы был сыном этого человека. Никаких других более определенных сведений получить не удалось. Когда я обратился к Марии Ивановне Храмовой, матери тогдашнего директора Лермонтовского музея в с. Тарханах, женщине религиозной и уже весьма пожилой, она мне ответила: «Грех говорить об этом, скажу только, что от старух слышала, что Мария Михайловна была великая грешница и очень несчастная женщина, а больше ничего Вам не скажу».

Таким образом создается впечатление, что нет оснований заподозрить Аббакумова в специальной мистификации. Версия о незаконнорожденном сыне Марии Михайловне Арсеньевой жила в народной памяти, но, по понятным причинам, о ней не любили говорить и знали немногие. Конечно предание, легенду нельзя считать доказательными, но письмо Аббакумова и народная молва, быть может, подсказывают ключ, который откроет нам путь к разгадке одной из тайн жизни великого поэта.

У нас нет прямых подтверждений версии о внебрачном происхождении поэта, таких неопровержимых свидетельств, какими располагают биографы В.А.Жуковского или А.И.Герцена. Но некоторые документы и даже отсутствие их, отдельные намеки в воспоминаниях современников и, наконец, высказывания самого М.Ю.Лермонтова, приводят к выводу, что в письме Аббакумова и тарханской легенде может быть доля истины.

В 1929 году в Пензенском архиве были обнаружены записи заемных писем, выданных Е.А.Арсеньевой Ю.П.Лермонтову и некоторым ее соседям по Тарханам* [124].

Известно, что 21 августа 1815 года, когда мальчику не исполнилось еще и года, «вдова гвардии поручица Елизавета Алексеевна, дочь Арсеньева (надо бы — Столыпина, вдо-

Запись в книге Чербарского уездного суда по литере «Е» за 1815 г. от 21 августа в тетради под порядковым номером 43 была обнаружена вместе с регистрационными записями других заемных писем Е.А.Арсеньевой при разборке ведомственных архивов бывшего Пензенского губернского архива архивистом Пензенского архивного бюро А.Е.Любимовым. См.: «Литературную газету» 1929 от 21 октября, № 27, стр.; и «Червонний шлях» 1930, № 1, стр.191 — 192.

В январе 1934 г. мною была снята точная копия с этих записей, причем заново были просмотрены все сохранившиеся книги Чербарского уездного суда. Самые подлинники писем обнаружить не удалось. Эти записи впервые использованы и опубликованы мною в комментарии к драме «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти». — В.З.) в Полном собрании

ва Арсеньева. — *В.А.Мануйлов*), заняла у корпуса капитана Юрия Петровича сына Лермонтова денег государственными ассигнациями двадцать пять тысяч рублей за указанные проценты сроком впредь на год»¹.

На самом деле, Арсеньева не могла занять такой суммы у бедного капитана в отставке, владельца маленького имения и села Кропотова². Юрий Петрович получил заемное письмо, вексель, по которому теща обязывалась ему выплатить в течение года эти 25 тысяч рублей. Эти деньги и для гораздо более зажиточной Арсеньевой представляли немалую сумму. Таких денег у Арсеньевой в это время не было и ей пришлось занимать у соседей, помещиков и помещиц, по несколько тысяч рублей, чтобы по частям выплачивать обещанные Юрию Петровичу деньги. Это подтверждают ее заемные письма, выданные ею в том же году на имя Алибановой, Вышеславцевой, Наумовой, Карауловой, Вадковского и других [124].

П.А.Вырыпаев высказал предположение, что эти двадцать пять тысяч рублей были обещаны Ю.П.Лермонтову как приданое за Марией Михайловной [52, 53].

До сих пор не установлено место и время венчания Ю.П.Лермонтова с Марией Михайловной Арсеньевой. Ни в тарханских церковных книгах, ни в каких-либо других местах пока не удалось обнаружить записи бракосочетания³. Может быть это неслучайно, и брак был заключен всего лишь за несколько месяцев до рождения ребенка, поэтому Арсеньевы не были заинтересованы в сохранении выписки о бракосочетании. Но где бы и когда ни было совершено венчание, ясно, что Е.А.Арсеньева по тогдашним обычаям должна была выплатить приданое за дочь много раньше, а не почти через год после рождения ребенка.

сочинений М.Ю.Лермонтова под ред. Б.М.Эйхенбаума [2, III, 430] и в Хронологической канве жизни Лермонтова в этом же издании [2, V, 577 — 579; ср.: 127, 16]. Затем эти заемные письма были проанализированы в статье «Семья и детские годы Лермонтова» [128, 103 — 136]. — *Прим. В.А.Мануйлова.*

Эти двадцать пять тысяч рублей не могли быть включены в сумму приданого Марии Михайловны. Юрий Петрович получил возможность шантажировать тещу и видимо его молчание, его обещание скрыть «грех» молодой жены были куплены за некую сумму. В таких условиях семейная жизнь Марии Михайловны не могла сложиться счастливо.

П.К.Шугаев, записавший в конце XIX века рассказы тарханских старожил о семейной хронике Арсеньевых и Лермонтовых, сообщал о том, как третировал Юрий Петрович Марию Михайловну и даже однажды в карете ударил жену кулаком по лицу [206, 499 — 504; ср.: 138, 56 — 57].

Трудно найти какие-либо черты внешнего и, тем более, внутреннего сходства Михаила Юрьевича с Юрием Петровичем. Достаточно всмотреться на дошедший до нас портрет холеного, избалованного барина, типичного *bon vivant*'а Юрия Петровича, чтобы убедиться, насколько далек он от облика поэта, так метко схваченного в беглой мемуарной зарисовке, сделанной однажды И.С.Тургеневым:

«В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое, какой-то сумрачной и недоброй силою, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах, возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тот час сознавал всякий. Известно, что он до некоторой степени изобразил самого себя в Печорине. Слова «Глаза его не смеялись, когда он смеялся» и т.д. — действительно, применялись к нему» [138, 228].

В этом портрете, подчеркивающем отсутствие в облике Лермонтова черт аристократичной утонченности, вместе с тем отчетливо проступают характерные черты лица матери поэта Марии Михайловны, запечатленной в единственном [дошедшем до нас] известном нам портрете: пронизательный взгляд больших темных глаз и «выражение почти детски нежных выдававшихся губ».

Именно от деда с материнской стороны Михаила Васильевича Арсеньева и от самой Марии Михайловны, несомненно, поэт унаследовал чуткую впечатлительную поэтическую натуру, склонности к поэзии и музыке, глубоко затаенную грусть.

Семейные неурядицы подорвали слабое здоровье Марии Михайловны. Врачи нашли у нее чахотку. Больная всю свою молодость отдавала сыну. Она играла на фортепиано и тихо напевала ему свои любимые песни. Вспомним известную запись Лермонтова в одной из его памятных тетрадей: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если бы услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» [3, VI, 386].

Следует особо обратить внимание на то, что в роду Лермонтовых из поколения в поколение чередовались имена Петр и Юрий⁴. Когда у Марии Михайловны в ночь со 2-го на 3-е октября 1814 года родился сын, по настоянию Елизаветы Алексеевны он был наречен не Петром, а Михаилом, в честь покойного отца Марии Михайловны, Михаила Васильевича Арсеньева, кончившего жизнь самоубийством под новым, 1810 год⁵. Видимо, Юрию Петровичу было безразлично, какое имя будет носить ребенок, и он не настаивал на соблюдении вековой семейной традиции.

После смерти Марии Михайловны 24 февраля 1817 года, Юрий Петрович покинул Тарханы и поселился с сестрами в Кропотове. Этому окончательному отъезду в Кропотово предшествовали бурные объяснения его с Е.А.Арсеньевой. Он требовал у бабки, чтобы мальчик был бы отдан ему на воспитание. Елизавета Алексеевна не имела юридического права оставить у себя внука, но отдать трехлетнего мальчика Юрию Петровичу не могла. Потеряв при трагических обстоятельствах своего мужа, только что лишившись несчастной дочери, Арсеньева весь смысл жизни видела в своем единственном родном внуке. И вот на четвертый день после смерти Марии Михайловны, чуть ли не в день ее погребения, Е.А.Арсеньева выдает новое заемное письмо

зятю, снова на 25 тысяч рублей... Отношения с Юрием Петровичем были настолько плохими, что заемное письмо было заверено в Чембарском уездном суде в присутствии свидетелей.

Чтобы еще более закрепить за собой права на воспитание внука, Е.А.Арсеньева в конце мая того же 1817 года подала в Чембарский уездный суд объявление об утверждении наследства, полученного после смерти М.В.Арсеньева, в пользу внука М.Ю.Лермонтова [124].

Однако Юрий Петрович продолжал шокировать, заявляя, что его не удовлетворяют такие условия. 5 июня 1817 года М.М.Сперанский, друг семьи Столыпиных, из которого происходила Е.А.Арсеньева, бывший одним из свидетелей в чембарском уездном суде, когда там оформлялось заемное письмо, писал брату Елизаветы Алексеевны — Аркадию Алексеевичу Столыпину: «Елизавету Алексеевну ожидает крест нового рода; Лермонтов требует к себе сына, едва согласился оставить еще на два года. Станный и, говорят, худой человек; таков по крайней мере должен быть всякий, кто Елизавете Алексеевне, воплощенной кротости и терпению, решится делать оскорбления...»⁶ [52, 56].

Не меньший интерес в этой длительной и напряженной борьбе между Ю.П.Лермонтовым и Е.А.Арсеньевой представляет ее духовное завещание от 10 июня 1817 года, в котором она все принадлежащее ей движимое и недвижимое имение завещала внуку Михаилу Юрьевичу Лермонтову при условии, что внук будет до совершеннолетия находиться у нее на воспитании и попечении. Характерна оговорка в заключительной части завещания:

«Ежели же отец внука моего или ближайшие родственники вознамерятся от имени его внука моего истребовать, чем, не скрывая чувств моих, нанесут мне величайшее оскорбление, то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мною движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему, Михайле Юрьевичу Лермонтову, но в род мой Столыпиных, и тем самым отделяю означенного внука моего от всякого участия в оставшемся после смерти моей имении» [124].

Только ли ожесточение против Юрия Петровича, быть может, обманутого в свое время с ведома Е.А.Арсеньевой, руководило ей в этом стремлении во что бы то ни стало отделить и отдалить Лермонтовых от своего любимого внука и завещанного ему движимого и недвижимого имения.

Ранняя смерть матери, споры между бабушкой и Юрием Петровичем, толки о наследстве, — все эти тревожные впечатления детства рано заставили поэта задуматься над своим отношением к близким ему, но враждующим между собой людям. Лермонтов — ребенок, как свидетельствует А.З.Зиновьев, «не понимал противоборства между бабушкой и <законным> отцом» [138, 228]. То ему казалось, что во всем виновата бабушка, то виновником распри он готов был считать Юрия Петровича. Шли годы. Мальчик терялся в догадках и не мог разрешить мучительного вопроса. Позднее эти раздумья отразились в юношеских драмах «*Menschen und Leidenschaften*» («Люди и страсти») и «Странный человек»⁷, а так же во многих его стихотворениях.

Давно известно, что творчество Лермонтова в очень большой мере автобиографично, таков склад его творческого характера и поэтому надо всмотреться и вслушаться, но с большой осторожностью, в автобиографические заметки и произведения поэта.

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по-конец;
В слезах утасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом;
В ней соку нет, хоть зелена,
Дочь смерти, — смерть ей суждена!

Так Лермонтов писал в одном из черновых набросков стихотворения «Стансы» в 1831 году. Обычно слова «мой отец не знал покоя по-конец» относят к Юрию Петровичу, который умер 1 октября 1831 года. Но мы не знаем, где и когда оборвалась жизнь изгнанного из Тархан, видимо от-

пущенного на волю, крепостного, которого любила Мария Михайловна. Может быть эти слова относятся к нему.

2

После отъезда Ю.П.Лермонтова в свое имение Кротово, Е.А.Арсеньева не считала нужным препятствовать редким свиданиям внука с Юрием Петровичем. Мы знаем, что он гостил в Кротово летом 1827 года, затем их встречи состоялись в Москве в декабре 1828 года, когда Михаил Юрьевич уже учился в Университетском Благородном Пансионе. В письме к тетке М.А.Шан-Гирей юный поэт писал: «Папинька сюда приехал и вот уже 2 картины извлечены из моего portefeuille слава Богу! что такими любезными мне руками...

Скоро я начну рисовать с (buste) бюстов... какое удовольствие».

Вероятно, были и другие встречи, и мальчик не сомневался в том, что Юрий Петрович его отец, не пожелавший жить в Тарханах из-за неладов с бабушкой*⁸.

Юрий Петрович любил говорить о том, что его предки происходили от древнего испанского герцога Лермы, который во время борьбы с маврами вынужден был бежать из Испании в Шотландию⁹.

До лета 1831 года в раннем творчестве Лермонтова очень большое место занимала и тема предков испанского и шотландского происхождения**

* Впрочем, П.А.Висковатый писал: «Старожилы в Тарханах рассказывали мне, что когда Юрий Петрович приезжал навесить сына, то Мишу или увозили, или прятали где-либо в соседнем имении, или же посылали гонцов в Саратовскую губернию к брату бабушки, Афанасию Алексеевичу Столыпину, звать его на помощь против возможных затей Юрия Петровича, см.: [48, 62].

** В начале XVII века один из Лермонтов, Георг, покинул Шотландию. Сначала он отправился в Польшу, а затем в 1613 году, после взятия русскими крепости Белой, перешел в числе

В 1830 году Лермонтов пишет первую стихотворную трагедию «Испанцы». В это время он уже знает драму Шиллера «Дон-Карлос», в которой среди действующих лиц встречается с именем графа Лермы. Этим именем «Лерма» юный поэт подписывает в начале 1830-х годов некоторые свои стихотворения и письма. В 1830 или начале 1831 года Лермонтов в Москве, в доме Лопухиных, начертил на стене воображаемый портрет своего испанского предка, изображенного в старинном испанском костюме с цепью ордена Золотого Руна вокруг шеи. Этот портрет затем был исполнен на холсте*

Лермонтов знал, что в древних шотландских хрониках упоминается некто Лермонт, участник событий, воссозданных Шекспиром в трагедии «Макбет». Этот Лермонт был приверженцем Малькольма, сына Дункана, и бился под его знаменами против узурпатора Макбета. Очень импонировал юному поэту образ легендарного шотландского певца Фома, воспетого Вальтером Скоттом в поэме «Фома-рифмач».

В 1830 году Лермонтов пишет стихотворение «Гроб Осиана»:

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Осиана
В горах Шотландии моей.

Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

шестидесяти шотландцев и ирландцев служить московскому царю. Вскоре Георг Лермонтов, как служилый человек, верстаный поместьями и денежными окладами, получил девять деревень с пустошами в Галицком уезде, от него и пошла русская ветвь Лермантовых.

Хранится в музее ИРЛИ в Санкт-Петербурге. О портрете см.: [157, 110 – 111].

Вероятно, в первой половине 1831 года в стихотворении «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной») поэт снова обращается к родине предков:

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит,
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом.

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

В заключении стихотворения поэт говорит о себе как о «последнем потомке отважных бойцов», который «увядает среди чуждых снегов»...

И вот во вторую половину 1831 года в творчестве Лермонтова совершенно исчезают испанские и шотландские мотивы. Испанская монахиня второй редакции «Демона» становится грузинскою Тамарой, испанский монах «Исповеди» превращается в русского мятежного юношу Юрия Волина в «Menschen und Leidenschaften» и Владимира Арбенина в «Странном человеке».

Что же случилось, почему Лермонтов раз и навсегда с этого времени отказался от испанской и шотландской тематики, имевшей в его творчестве автобиографический характер?

Лермонтов мог потерять всякий интерес к этой испанской и шотландской экзотике прежде всего потому, что узнал о своей непричастности к роду испанских и шотландских Лермонтов. В это время в 1831 году ему минуло 16 лет. Кто-то, быть может бабушка Елизавета Алексеевна, видимо, сообщила внуку тайну его рождения. Зачем она могла

это сделать? По законам того времени шестнадцатилетний юноша становился уже совершеннолетним и получал право распоряжаться своею судьбой. Е.А.Арсеньева могла совершить такой шаг только для того, чтобы закрепить за собой внука, чтобы окончательно лишить Юрия Петровича какой-либо возможности угрожать ей и шантажировать ее в дальнейшем. Можно сказать с уверенностью, что это в данном случае не Юрий Петрович сообщил своему законному сыну о том, что не он, не Юрий Петрович, является его настоящим отцом. Это явствует из дошедшего до нас завещания Юрия Петровича, датированного 28 января 1831 года:

«Хотя ты еще и в юных летах, — писал Юрий Петрович, — но я вижу, что ты одарен способностями ума, — не пренебрегай ими и всего больше страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!..

Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которое я не мог не замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобою...

Прошу тебя уверить свою бабушку, что я вполне отдавал ей справедливость во всех благоразумных поступках ее в отношении твоего воспитания и образования и, к горести моей, должен был молчать, когда видел противное, дабы избежать неминуемого неудовольствия.

Скажи ей, что несправедливости ее ко мне я всегда чувствовал очень сильно и сожалел о ее заблуждении, ибо, явно, она полагала видеть во мне своего врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мною женщины!.. Но Бог да простит ей сие заблуждение, как я ей его прощаю» [191].

1 октября 1831 года Юрий Петрович умер от чахотки в Кропотове. Он похоронен неподалеку в селе Шипово (Ново-Михайловском)¹⁰. Возможно, что Лермонтов присутствовал на похоронах Юрия Петровича и вскоре написал следующую «Эпитафию»:

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль..
Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, холодный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзностно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

1973

КОММЕНТАРИИ

Рукопись этой небольшой статьи, написанной в 1973 году, была передана мне Виктором Андрониковичем Мануйловым только в 80-х годах. Хотя тема «происхождения» Лермонтова обсуждалась нами до этого неоднократно уже в течение десяти лет. Да, у В.А.Мануйлова сомнения в том, что Юрий Петрович Лермантов был настоящим отцом Михаила Юрьевича, появились давно. Еще в 30-е годы, занимаясь детскими годами Лермонтова, В.А.Мануйлов столкнулся с рядом противоречий, которые в завуалированной форме были опубликованы в его статье «Жизнь Лермонто-

ва» в журнале «Звезда» в 1939 году [128]. Затем он вернулся к ним в своей кандидатской диссертации «Семья и детские годы М.Ю.Лермонтова». Однако известные советские литературоведы Б.В.Томашевский и Л.Б.Модзалевский попросили его не делать этого и довольно часто, как рассказывал Виктор Андроникович, «подтрунивали» над ним.

Шло время и сомнения в том, что Юрий Петрович был в действительности отцом Михаила Юрьевича, росли и приумножались. Однако именно в это время Мануйлов вел огромную работу по сбору материалов для Лермонтовской энциклопедии, которую предполагал издать в трех томах. Материал присылали из всех регионов СССР. Мануйлов все это вычитывал, корректировал, перепечатывал, иногда отсылал на доработку, но нередко и сам дорабатывал многие статьи, которые должны были войти в энциклопедию. Вот тогда, как часто повторял мне Мануйлов, он понял, что поднимать этот вопрос нельзя. Советские чиновники от литературы не поймут этого и работа почти двадцати лет может закончиться крахом, Лермонтовской энциклопедии не дадут выйти.

Уже в середине 80-х годов в одном из своих писем ко мне Мануйлов писал: «Завещаю Вам дойти до истины и докопаться, кто же был истинным отцом Михаила Юрьевича».

Как бы то ни было, но я считаю, что рукопись, которую передал мне В.А.Мануйлов, должна увидеть свет в таком виде, в каком ее оставил автор. В приведенных ниже комментариях и примечаниях читатель увидит те дополнения, которых не оказалось у В.А.Мануйлова.

Мне приходилось обсуждать эту тему со многими лермонтоведами у нас в стране. Ответ почти всех их сводился к одному: нечего поднимать данную тему. Ничего нового дать для изучения жизни и творчества Лермонтова она не сможет. Я же так, отнюдь, не считал. Да, скажет читатель, мы знаем, что многие писатели и поэты были незаконно рожденными детьми, среди них такие имена как В.А.Жуковский, А.И.Герцен и многие другие.

Ну и что из этого следует?

Да, если для многих это была как бы совсем незаметная тема и в творчестве этих лиц она никак не отразилась, то у Лермонтова все оказалось наоборот. Семейная распря между тещей и зятем оказалась слишком болезненной и шумной. О ней знали не только домашние, не только родственники, но и многие соседи, знакомые. А сам же предмет этих распр — маленький Мишель, вначале что-то слышал краем уха, потом узнавал все больше и больше.

Он никак не мог понять, не мог уяснить, почему его бабушка — Елизавета Алексеевна Арсеньева, которую он так сильно и горячо любил и которая так же безумно любила своего внука, совершенно не любит его отца, которого Мишель очень любил. Позже Лермонтов оказался осведомленным и о завещании бабушки, в которой были не только горькие слова, но и юридически закрепленные действия, направленные против Юрия Петровича. И все это нашло отражение в его творчестве.

Об отношении Елизаветы Алексеевны Арсеньевой к своему внуку писали много, но думается лучшие строки все-таки принадлежат П.А.Висковатому. Вот что он написал буквально в первых же строчках биографии поэта. «Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабка, Елизавета Алексеевна Арсеньева, и память о ней тесно связана с именем поэта. Она лелеяла его с колыбели, выходила больным ребенком, позаботилась дать ему блестящее и серьезное для того времени образование, сосредоточила на нем всю свою любовь и заботы. В преклонных летах, частью именно из-за этой беззаветной преданности к внуку, пользовалась она всеобщим уважением и не раз успевала отвращать своим заступничеством серьезную опасность, грозившую поэту» [48, 5].

Однако любовь эта была не только жертвенная. Думаю, что Елизавета Алексеевна видела во внуке своем ей одной принадлежавшую «собственность». Именно так можно расценить отношения Мишеля и бабушки. Знали об этом все родственники, кое-кто считал, что это излишне, кто-то писал, что она «боится как бы бабы его не окрутили». Одна-

ко, по некоторым косвенным деталям, в этой любви скрывается нечто совершенно другое.

Я помню, как в 1976 году вел экскурсию по барскому дому в музее-заповеднике Тарханы. Моими слушателями были крупнейшие нейрохирурги страны. И, увидев копию знаменитого портрета Мишеньки, написанного крепостным художником, когда мальчику было около четырех лет, в один голос сказали: «А, вот, и наш пациент!».

— Как Ваш? — спросил я.

— Вы видите, на портрете явно изображен ребенок, больной рахитом. На портрете все это ярко выражено — на голове выступают лобные бугры, а голова приобрела несколько квадратную форму. Конечно, для постановки точного диагноза нужны дополнительные сведения, а их у нас пока нет.

— Но позвольте, — сказал я, — ведь до сих пор считается, что этот изъян — непропорциональное изображение головы у маленького Мишеля, относится за счет неумелости художника. Он попросту был непрофессионал, самоучка, как смог, так и написал.

— Нет, вы не правы, — сказали мне. — Вот обратите внимание: руки, ладони, другие части тела ребенка. Все они пропорциональны и вдруг только голова непропорционально большая. Так не бывает. Если бы художник действительно был плохой, у него бы весь портрет не соответствовал действительности. На нем действительно все было бы изображено неверно, непропорционально. Да к тому же Вы же знаете, что именно этот художник писал и иконы для церкви Марии Египетской. А там все образы выписаны довольно тщательно. Нет, просто художник написал портрет без прикрас. Он довольно точно перенес на холст изображаемый объект [88, 5].

Есть над чем задуматься...

Я думаю, что во многом отношения бабушки и внука поможет объяснить точное знание тех болезней, которые перенес Лермонтов в детстве. Этим вопросом занимался врач Б.А.Нахапетов, который опубликовал несколько газетных

статей. Существует рукопись книги (в 2-х томах), которая хотя и не была напечатана, но машинописные копии ее были депонированы и всякий желающий может с ними ознакомиться и более подробно узнать о перенесенных в детстве заболеваниях Лермонтова [142]. Б.А.Нахапетов установил, что Елизавета Алексеевна содержала в Тарханах не простых врачей — это были высококласные, по тому времени, специалисты, не только правильно установившие диагнозы Мишенькиных заболеваний, но и верно его лечившие. Общеизвестно, что перенесенные в детском возрасте болезни оставляет на физическом и психическом развитии личности отпределенный след. Но не только болезни, не менее важна и обстановка, в которой рос Мишенька. Он не был безучастным свидетелем семейных драм, а потом и размолвок между отцом и бабушкой.

Отсюда становятся понятными и его вспыльчивость, и частая смена настроений, и его, казалось бы, беспричинная раздражительность, что не раз замечали многие из его окружения, в том числе и Пятигорского в 1840 — 1841 гг. Примерно такой «припадок раздражительности» произошел и в тот злополучный вечер 13 июля 1841 г. в доме Верзилиных.

Большой интерес представляет, на наш взгляд, стихотворение Лермонтова «Ужасная судьба отца и сына», написанное в 1831 году:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь,
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай Бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:

Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страдания!
Не мне судить, виновен ты иль нет, —
Ты светом осужден. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И столько же насмешливых клевет.
Далеко от негодух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня; перед тобой
Как море жизни — вечность роковая
Неизмеримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты
О если так, то небо не сравню
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пуškai на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

Это стихотворение было впервые опубликовано в «Русском архиве». В предисловии П.И.Бартенев писал: «Мы не знаем и просим знающих дать нам знать, когда именно умер отец Лермонтова, и что он был за человек».

Стихотворение это написано в 1831 году. Почти все исследователи считают, что в нем поэт «говорит о смерти своего отца». Дальнейшие комментарии этого поэтического произведения столь же незначительны. И как бы обобщая всех предшественников, И.Л.Андроников в своих комментариях высказался о нем так: «биография Юрия Петровича Лермонтова не изучена из-за полного отсутствия материалов. Поэтому некоторые выражения здесь не поддаются истолкованию» [4, I, 578].

Андроников почти слово в слово повторил П.А.Висковатого, которого повторяли все. Даже в последней по времени

статье В.И.Загорулько «Последняя встреча», в которой немало фантастических предположений, также приводится точка зрения первого биографа, правда, без ссылки на П.А.Висковатого. В начавшихся ссорах между Марией Михайловной и Юрием Петровичем «не последнюю роль сыграла Елизавета Алексеевна, считавшая, что дочь достойна лучшей участи» [69, 11].

Сведения о Юрии Петровиче содержатся в указе об его отставке, который долгое время был единственным источником, откуда о нем брали сведения:

«По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича, Самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая. Из государственной военной коллегии уволенному от воинской службы 1-го Кадетского корпуса капитану Юрию Лермантову, о коем в формулярном списке значится: от рода ему 24 года, из дворян, помянутого Кадетского корпуса; из кадет выпущен в Кексгольмский пехотный полк прапорщиком 1804-го года октября 29-го; произведен подпоручиком с определением по-прежнему в 1-й Кадетский корпус 1805-го сентября 4-го, поручиком 1810-го мая 28-го; в 1808 году августа 10-го. 1810 августа 18-го и сего 1811 июля 26-го, объявлены ему Высочайшее удовольствие и благодарность; в походах и штрафах не был, к повышению аттестовался достойным; а минувшего ноября 21-го дня по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, за болезнь, уволен от службы капитаном с мундиром. Офицеров же кадетских корпусов Высочайшим 1810 года апреля 18-го указом повелено считать преимущественно против армейских одним чином выше. Во свидетельство чему ему сей, Его Императорского Величества, указ дан в Санкт-Петербурге декабря 18-го дня 1811 года»¹¹.

Что же можно сегодня добавить к уже известным свидетельствам о Ю.П.Лермантове?

Новые биографические материалы обнаружил петербургский исследователь рода Лермонтовых И.П.Белавкин.

В Отечественную войну 1812 года все находившиеся в строю офицеры Лермантовы с первых же дней приняли

участие в боевых действиях. Юрий Петрович, как известно, уже полгода находился в отставке. Но он тоже, поддавшись общему порыву патриотизма, вступил в Тульское ополчение. Принять участие в военных действиях ему не удалось, поскольку в ноябре 1813 г. Юрий Петрович попадает в Витебский госпиталь, откуда был отпущен в свое родовое имение¹².

В 1898 г. в журнале «Живописное обозрение» были опубликованы записки П.К.Шугаева, которые он сделал в Тарханах и в Чембаре со слов современников:

«Отец поэта, Юрий Петрович Лермантов, был среднего роста, редкий красавец и прекрасно сложен; в общем, его можно назвать в полном смысле слова изящным мужчиной; он был добр, но ужасно вспыльчив; супруга его, Марья Михайловна, была точная копия своей матери, кроме здоровья, которым не была так наделена, как ее мать, и замуж выходила за Ю.П., когда ей было не более семнадцати лет. Хотя Марья Михайловна и не была красавицей, но зато на ее стороне были молодость и богатство, которым располагала ее мать, посему для Ю.П. М.М. представлялась завидной партией, но для М.М. было достаточно и того, что Ю.П. был редкий красавец и вполне светский и современный человек. Однако судьба решила иначе, и счастливой жизнью им пришлось недолго наслаждаться. Ю.П. охладел к жене по той же причине, как и его тесть к теще; вследствие этого Ю.П. завел интимные сношения с бонной своего сына, молоденькой немкой, Сесильей Федоровной, и кроме того с дворовыми... Отношения Ю.П. и С.Ф. не могли ускользнуть от зоркого ока любящей жены, и даже был случай, что М.М. застала Ю.П. в объятиях с Сесилией, что возбудило в М.М. страшную, но скрытую ревность, а тещу привело в негодование. Буря разразилась после поездки Ю.П. с М.М. в гости, к соседям Головниным, в село Кашкарево, отстоящее в 5 верстах от Тархан; едуци оттуда в карете обратно в Тарханы, М.М. стала упрекать своего мужа в измене; тогда пылкий и раздражительный Ю.П. был выведен из себя этими упреками и ударил Марью Михайловну весь-

ма сильно кулаком по лицу, что и послужило впоследствии поводом к тому невыносимому положению, какое установилось в семье Лермантовых. С этого времени с невероятной быстротой развивалась болезнь М.М., впоследствии перешедшая в злейшую чахотку, которая и свела ее преждевременно в могилу. После смерти и похорон Марьи Михайловны, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, конечно, Ю.П. ничего не оставалось, как уехать в свое собственное небольшое родовое тульское имение Кропотовку, что он и сделал в скором времени, оставив своего сына, еще ребенком, на попечении его бабушки Е.А., сосредоточившей свою любовь на внуке» [206].

В воспоминаниях гусара А.Ф.Тирана имеется следующее, не вполне ясное, замечание: «Стороной мы знали, что отец его был пьяница, спившийся с кругу и игрок: а история матери — целый роман» [125].

Однако вернемся к стихотворению. Впервые оно было опубликовано в 1872 году в «Русском архиве» (№ 9). Автограф хранится в рукописном отделе Пушкинского Дома в «Сборнике стихотворений, поэм и прозаических заметок» (XI тетрадь, л. 29 об.). Копия помещена в так называемой XX тетради (лл. 42 — 42об.). Тетрадь представляет собой сборник 119 стихотворений Лермонтова, частично в копиях, а частично написанных рукою поэта. По этому, последнему, списку стихотворение печатается во всех собраниях сочинений Лермонтова¹³.

Автограф стихотворения содержит незначительные следы авторской правки. Вставлено 5 слов, 2 фразы и два предложения на место вычеркнутых. Это может свидетельствовать об определенной законченности авторской мысли. Поправки, сделанные Лермонтовым, незначительны и не изменяют авторского замысла, ниже приводятся наиболее существенные:

Ты о земле забыл;
засыпанный землей
Остатки прежних чувств?
ужель ты не знавал

Ты о земле забыл;
как был забыт землей
Остатки прежних чувств —
и прежние мечты?

1-й вариант зачеркнутый, затем восстановленный:

Я с этою землею,	Я с этою землею,
где жизнь влачу мою,	где жизнь и так сложна.
Пускай на ней	Пускай на ней
томлюсь я и страдаю,	блаженства я не знаю.

Весьма важно отметить, что тема Юрия Петровича, тема отца, прослеживается как в драмах «Menschen und Leidenschaften» и «Странный Человек», так и в других стихотворениях Лермонтова, в частности, в цикле, посвященном Н.Ф.И. Поэтому считаем необходимым обратиться к этим ранним юношеским драмам и рассмотреть их более детально. Многие слова и фразы были заимствованы, как считает Е.В.Аничков, из «Короля Лира» [26].

Обратим внимание на эти совпадения.

В «Menschen und Leidenschaften»:

Юрий — Так у тебя есть жена и дети?..

Иван — Да еще какие.. как с неба; прекрасная, добрая жена... И малытки: сердце радуется, глядя на них...

Юрий — Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу...

Иван — И телом, и душой готов, батюшка, на вашу службу.

Юрий — У тебя есть дети... не проклинай их никогда.

В «Странном Человеке»:

Владимир (рассеянно) — Так у тебя есть жена и дети?

Иван — Да еще какие, — будто с неба... Добрая жена и малытки! сердце радуется, глядя на них.

Владимир — Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу.

Иван — И телом и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Владимир (берет его за руку) — У тебя есть дети... не проклинай их никогда!

В обоих произведениях Иван и Владимир Арбенин — лицо с автобиографическими чертами самого Лермонтова,

так же как под именем Марфа — выведена Елизавета Алексеевна, а Иван и его жена ключница Дарья, так же вполне реальные исторические персонажи, даже сохранившие свои имена — это семейство Куртиных, крепостных, наиболее близких и преданных Арсеньевой людей. Иван был дядькой Лермонтова, именно он привез с Кавказа тело поэта. А в одном из писем к внуку Елизавета Алексеевна просит привезти Дарье подарок: «Achete quelque chose pour Daria, — вставляет она по-французски, — elle me sert avec beaucoup d'attachement*».

Н.А.Хмелевская, комментируя драму «Menschen und Leidenschaften» в последнем малом академическом собрании сочинений поэта, считает сомнительным, чтобы в образах отвратительной старухи Громовой и Николая Михалыча Волина... поэт изобразил горячо любимых им бабушку и отца» [5, III, 592 — 593]. Согласиться с таким мнением вряд ли является возможным. Дело в том, что еще с первой публикации этой юношеской драмы, практически все комментаторы придерживаются иной, чем Н.А.Хмелевская, точки зрения.

События, описанные в «Странном Человеке», значительно отличаются от событий, описанных в драме «Menschen und Leidenschaften». Драма «Странный Человек», во-первых, датируется 1831 г. Во-вторых, здесь и несколько иной сюжет. Владимир Арбенин живет у отца, разведенного с женой, и из-за того, что Владимиру не удастся уговорить отца посетить умирающую мать и помириться с нею, между отцом и сыном происходит роковая сцена, которая заканчивается его проклятием. И если в действительности эти обстоятельства внешне не имеют ничего общего с действительной судьбой Лермонтова и его родителей, то это еще не свидетельствует о том, что здесь нельзя утверждать, что мы имеем дело с какими-то личностными переживаниями, отразившимися в творчестве Лермонтова.

* Купи что-нибудь Дарье, она служит мне с большой привязанностью. — Франц.

Почти все комментаторы стихотворения «Ужасная судьба отца и сына» отмечают, что Лермонтов назвал своего отца «гражданином», подчеркивая высокое значение этого слова, ссылаясь при этом на творчество А.С.Пушкина, в которых слово «гражданин» употреблялось не один раз. При этом А.С.Пушкин придавал этому слову значение: «полноправный член общества», «человек исполненный сознания общественного долга», «отдавший себя на служение государству»¹⁴. Однако мы не можем отнести это к Лермонтову. Дело в том, что слово «гражданин» имело другое, весьма распространенное значение, отмеченное В.И.Далем. Это прежде всего: городской житель, горожанин, посадский. Гражданином известного города называют приписанного к этому городу купца, мещанина или цехового» [63, 389 — 390]. Вполне естественно, что Лермонтов, зная своего отца лучше других, вряд ли бы посмел его — дворянина, предки которого «многие российскому престолу служили стольниками, воеводами и в иных чинах, и жалованы были от государей поместьями», иными словами от них зависели многие люди, населявшие принадлежащие им населенные пункты, назвать — гражданином, уничижительным, по-сути дела, именем. Ведь термин гражданин присваивался бывшим крепостным, кем, скорее всего, и был его настоящий отец, получивший от Елизаветы Алексеевны Арсеньевой вольную после того, когда она узнала о грехе своей дочери.

* * *

Мне уже приходилось говорить об этом поэтическом произведении. В 1976 году я подготовил доклад «Стихотворение М.Ю.Лермонтова «Ужасная судьба отца и сына» ко Всесоюзной Лермонтовской научной конференции, которая проходила в Пятигорске. Однако по независящим от меня причинам (в это время весьма активно продолжалось обвинение меня в связях с Православной Церковью), доклад был снят руководством Пятигорского музея. К сожалению, пропал и единственный экземпляр рукописи этого

сообщения. Я отдаю себе отчет в том, что далеко не все удалось восстановить в этих небольших комментариях к рукописи Виктора Андрониковича.

Повторюсь еще раз. В публикации незаконченной работы В.А.Мануйлова я вижу, прежде всего, возможность расшевелить исследовательскую мысль, заняться дополнительными поисками документов, которые, поверьте мне, еще можно найти. Архивы и рукописные собрания таят в себе немало открытий и, может быть, они помогут разгадать еще не одну из тех тайн, которые унес с собой в могилу гений русской литературы.

Гений... Он был грустным и одиноким, жившим в своем внутреннем прекрасном мире... Таким он ушел от нас навсегда, но остались его дивные стихи, во многом еще не разгаданные.

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она, как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один...

ПРИМЕЧАНИЯ

Готовя в 1986 — 89 гг. к публикации в изд-ве «Книга» труд первого биографа Лермонтова П.А.Висковатого «Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество», я попытался в комментариях поднять вопрос о том, чем объясняются юридические формальности, связанные с оформлением в суде этих заемных писем. Однако издательство «внимательно» отредактировало мои строки, совершенно убрав комментарии к закладным письмам Елизаветы Алексеевны. Были сняты и другие подобные вопросы.

² Как сообщал П.А.Вырыпаев, в 1827 г. Ю.П.Лермантов от своего Кропотовского имения получал дохода около 10 тысяч рублей

ассигнациями в год. Этого было, конечно же, недостаточно, чтобы жить с комфортом. Вот почему он решил заложить имение и приезжал в 1827 и 1828 гг. в Москву, где встречался с Михаилом Юрьевичем. 16 февраля 1828 г., заложив имение, Юрий Петрович получил наличными 27 699 руб. По закладной надо было ежегодно выплачивать 2240 руб., ссуда была дана на 24 года. См.: [49, 117 – 118].

3 В сентябре 1936 г. В.А.Мануйлов, будучи заместителем председателя Пушкинского общества обратился в государственный архив в Чембар: «Просьба посмотреть в церковных книгах села Тархан дату венчания Юрия Петровича Лермантова и Марии Михайловны Арсеньевой в 1813 или 1814 г.». Оттуда, на обороте его же письма, пришел ответ следующего содержания: «В просмотренных метрических книгах Чембарского уезда по с. Тарханы за 1814 год нет сведений о бракосочетании Юрия Петровича Лермантова с Марией Михайловной Арсеньевой. За 1813/1812, 1815 годы нет книг по селу Тарханы. Ст. архивный работник А.Иноземцева» [9].

4 О роде Лермантовых в Костроме см.: [61, 141 – 171].

О самоубийстве Михаила Васильевича см.: [49, 30 – 32, 34 – 37].

6 И хотя в этом письме М.М.Сперанский характеризует Юрия Петровича недостаточно хорошо, видно, что это не его личное мнение, а мнение других лиц. П.А.Висковатый совершенно незаслуженно взял эти слова М.М.Сперанского главными при оценке личности Юрия Петровича и с его легкой руки за Юрием Петровичем укрепилась характеристика человека вздорного, а после появления записок А.Ф.Тирана (см.: [125]) к этому прибавились обвинения в пьянстве и пристрастии к карточной игре.

О том, что Михаил Юрьевич знал текст завещания бабушки, видно из текста драмы «Menschen und Leidenschaften». Вот как излагается история вражды между бабушкой и отцом Юрия Волина — главного героя драмы, в котором легко угадываются черты Лермонтова: «Марфа Ивановна то же лето поехала в губернский город и сделала акт, какой акт?.. сам ад вдохнул в нее эту мысль, она уничтожила честное слово, почла отца — отца твоего за ничто, и вот короткое содержание: «Если я умру, то брат П.И. опекуном именью, если сей умрет, то другой брат, а если сей умрет, то свекору препоручаю это. Если же Николай Михайлович возьмет сына своего к себе, то я лишаю его наследства навсегда». Как видим, этим завещанием была решена дальнейшая судьба Мишеля и положен конец всем спорам. Юрий Петрович, желая, по-видимому, обеспечить материальное положение Мишеньки, пошел даже на некоторое унижение, так как понимал, что на маленькие доходы с Кропотова он не в состоянии

дать сыну достойное образование. Об этом Юрий Петрович написал и в своем завещании [49, 46].

⁸ Юрий Петрович встречался с Мишенькой ежегодно в Москве, начиная с 1828 года. 18 января 1830 г. они вдвоем с отцом были в маскараде, состоявшемся в Благородном собрании. В «Визитерской книге» они записаны под № 261 и 262. См.: [49, 67], см. так же: [52, 119–120].

⁹ О герцогине Лерма см.: [161; 159], см. так же: [49, 71–72].

¹⁰ О перенесении праха Юрия Петровича из Кропотово в Тарханы и о их погребении 1 декабря 1974 г. см.: [188, 275–276; 190, 31–36]. Но в Тарханы в 1974 г. были перевезены и захоронены останки не Юрия Петровича Лермантова. Ни В.П.Арзамасцеву, тогдашнему директору музея-заповедника «Тарханы», ни другим членам комиссии, которая занималась поисками могилы Юрия Петровича, не было известно письмо, которое приведено ниже. В середине 80-х годов В.А.Мануйлов передал в Дом-музей М.Ю.Лермонтова в Тамани часть своего большого личного архива, здесь и было обнаружено это письмо. Оно было адресовано научному сотруднику музея Домик Лермонтова в Пятигорске М.Ф.Николевой. В 1937 году Маргарита Федоровна совершила поездку в Кропотово и Шипово в надежде найти какие-либо новые материалы о М.Ю.Лермонтове в бывшем имении Юрия Петровича. Она встречалась со старожилами, однако никого из тех, кто мог бы знать Юрия Петровича, она уже не застала. Там же ей сообщили, что жив старый священник из Шиповской церкви, который после ее закрытия служит в другом месте и обещали расспросить его. Николева оставила свой адрес и вскоре получила по почте письмо, текст которого мы приводим ниже. Это письмо она, в свою очередь, переслала В.А.Мануйлову, который собирал материалы о Юрии Петровиче.

Частично это письмо было опубликовано мной: [49, 70; 74]. Письмо печатается полностью впервые с сохранением орфографии подлинника:

«<4> августа 1937 г.

Многоуважаемая Маргарита Феодоровна!

Мои сообщения о Юрии Петровиче Лермантове будут едва ли полнее тех, что Вы сообщили на месте его жительства, так как все они сводятся к следующему. Записи венчания его в книге села Шипова с Марией Михайловной Арсеньевой не имеется, почему и предполагаю, что брак их был совершен в церкви имения Арсеньевых, по желанию его тещи, богатой, своенравной особы, которая почти-что прямо же после свадьбы увезла дочку в свое другое, дальнее, имение, кажется, Симбирской губ<ернии>, где родился и все это время жил поэт. По крайней мере, из розказов

об Юр<ии> Петр<овиче> видно, что он всегда жил один, без семьи и что Михаил Юрьевич только два раза был в Кропотове, один раз юношей лет 19 — 20, когда он гостил там целый месяц и много писал и вторично, дня на три при выезде своем на Кавказ. Времени смерти Юр<ия> Петр<овича> точно не упомяну (я оставил Шипово в 1930-м году и все мои записи за это время как-то растерялись), знаю, что он схоронен под полом в церкви села Шипова, в натеящей ея части, у амвона, прямо против иконы Спасителя, но памятника никакого на его могиле не было, так как она находится в самой церкви. В мое время в Кропотове был старинный, прочный дом Лермантовы, в котором мне показывали комнату, где помещался поэт во время своего приезда туда, а в саду, перед балконом, были два тополя, на одном из которых довольно ясно были видны две буквы «М», «Л», вырезанные поэтом и только слегка заплывшие корою. Старик, умерший при мне лет 80-ти, сын лермонтовского крепостного, со слов своего отца, любил рассказывать про своего барина, но все эти рассказы касались его стола и времяпровождения, из которых видно, что он был небогатый человек, до крайности безпечный и умерший в молодых годах.

Вот то немногое, что сохранила моя память о Юр<ии> Петров<иче>, и я очень жалею, что не могу к этому прибавить никаких подробностей. Вот если Вы разрешите мне, я более обстоятельно сообщу Вам о другом писателе — Николае Васильевиче Успенском, который очень долго жил в Шипове (родился-то он в селе Ступине), был лично знаком с моим тестем и тещей и с которым мне даже самому, во дни моей юности, приходилось несколько раз встречаться. Положим, он не представляет собою крупной величины в литературе, но помехою к тому явилось его несчастное стремление к вину, а в начале-то его деятельности на него возлагались большие надежды. В мае текущего года исполнилось столетие со дня его рождения и будет очень хорошо, если в печати появится его подробная биография: ведь, как-никак, он все-таки же был знаменитым труженником в среде писателей-народников.

[Рукою В.А.Мануйлова под этим текстом написано: Сергей Алексеевич Богоявленский]. [8, фонд Мануйлова].

В 1985 г. Кропотово посетил заведующий отделом музея-заповедника «Тарханы» П.А.Фролов. В своем отчете [189] Петр Андреевич подробно описал современное состояние Кропотово, записал рассказы старожилов (1905, 1908, 1909, 1910, 1914, 1924 гг. рождения), которые, к сожалению, ничего нового не сообщили, к тому же некоторые из этих воспоминаний порой носят несколько фантастический характер.

Этот указ впервые не совсем точно сообщен В.В.Никольским в «Русской старине» [149; 150], а затем в Трудах Тульской губернской ученой архивной комиссии (1915. Кн. 1. С. 83). См. так же: [49, 38].

- ¹² Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Игорю Павловичу Белавкину за любезно предоставленные им материалы из Департамента герольдии, хранящиеся в Российском Государственном Историческом Архиве (РГИА, ф. 1343, оп. 24, ч. 1, № 1696). Дело носит название: «О дворянстве рода Лермантовых». Начато 5.03.1829, решено — 26.03.1829 г. Однако в деле имеются документы и более поздних лет («для приобщения к делу об оставшихся после умершего Михайлы Лермантова сочинениях»). Вот перечень документов этого дела: 1. Прошение отставного 1-го кадетского корпуса капитана Юрия Петрова Лермантова в Тульское Дворянское Депутатское Собрание. 2. Копия с указа о службе и отставке капитана Юрия Лермантова № 42696. 3. Копия со справки Вотчинного Департамента, данная 11 февраля 1829 г. 4. Резолюция Собрания 5 марта 1829 г. 5. Отношение Ефремевского Уездного Предводителя дворянства с посемейным списком № 44. 6. Черновое определение собрания 1829 г. марта 26-го. 7. Копия с грамоты о дворянстве Лермантова № 940. 8. Прошение подполковника Григория Васильевича Арсеньева <Тульскому губернскому предводителю дворянства>. 9. Копия с метрического свидетельства о рождении Михаила Лермантова 25 октября 1837 г. 10. Отпуск с рапорта собрания в Герольдию № 227. 11. Отношение Ефремевского уездного суда № 565. 12. Резолюция собрания 15 октября 1846 г. [29].

- ¹³ См.: [157, 14, 17]. Б.М.Эйхенбаум в комментариях к этому стихотворению отметил, что тетрадь 11, в которой находится стихотворение, «относится, по всем признакам, ко второму полугодию 1831 г. (июль — декабрь). Судя по положению в ней этого стихотворения (в конце тетради), оно было написано в ноябре 1831 г.» [2, I, 488]. В то время сведений о дате смерти Юрия Петровича никто не имел. Предположение Б.М.Эйхенбаума о дате смерти Юрия Петровича на основании расположения стихотворения «Ужасная судьба отца и сына» в тетради М.Ю.Лермонтова, оказалось наиболее точной. Только позже удалось разыскать запись в метрической книге села Шипово. См.: [126, 39 — 40].

См.: [178, 537]. Там же приведен пример употребления слова «гражданин»:

Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?

С.Б.Латышев, В.А.Мануйлов

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ*

О дуэльных нормах

В статье И.Д.Кучерова и В.К.Стешица большое место отведено анализу «ритуала дуэли» и поведению противников и их секундантов. Авторы статьи полагают, что все участники дуэли хорошо знали дуэльный кодекс, но Лермонтов строго соблюдал его, а секунданты допустили ряд грубых нарушений.

* После публикации в 1966 г. в журнале «Русская литература» полемики между И.Д.Кучеровым и В.К.Стешицем, с одной стороны, и С.Б.Латышевым и В.А.Мануйловым, с другой, оппоненты лермонтоведов не успокоились, и в 1968 г. в № 6 журнала «Неман» (с. 172 – 185), который выходил в Минске, была напечатана их новая статья «И все же... дуэль или убийство?» С.Б.Латышев и В.А.Мануйлов подготовили ответ, который, к сожалению, так и не был опубликован, хотя статья представляла значительный интерес. В этой новой статье внимание уделялось не столько полемике с И.Д.Кучеровым и В.К.Стешицем, сколько затрагивались вопросы, представляющие самостоятельный интерес для изучения обстоятельств жизни и гибели великого русского поэта. Важность нашей публикации этой работы двух ленинградских лермонтоведов заключается еще и в том, что многие тезисы статьи И.Д.Кучерова и В.К.Стешица были повторены много лет спустя новыми скептиками – Д.Алексеевым и Б.Пискаревым [162; 18], правда, без ссылки на своих предшественников. Однако, как говорится, «всякое новое, есть хорошо забытое старое», и повторения скептиков базируются все на тех же источниках и предположениях, что и давно выброшенные на свалку истории. – В.З.

И.Д.Кучеров и В.К.Стешиц около двадцати раз ссылаются на дуэльный кодекс и даже указывают определенные параграфы или статьи кодекса, но ни разу не сообщают какое издание они имеют ввиду, когда издан цитируемый ими дуэльный кодекс. Что это? небрежность? рассеянность? Ни то, ни другое. Авторы пользуются книгой В.Дурасова «Дуэльный кодекс» (СПб., 1908), изданием появившемся почти через 70 лет после трагической дуэли у подножия Машука. Книга В.Дурасова дает ценный комментарий к повести А.И.Куприна «Поединок», но не может быть привлечена для разъяснения вопроса о дуэльных нормах в начале 40-х годов XIX века. Точно так же мало нам может помочь первое русское дуэльное руководство П.А.Швейковского «Суд общества офицеров и дуэль в войсках Российской армии» (СПб., 1896), изданное после того, как были разрешены и даже рекомендованы поединки между офицерами для поддержания «боевого духа» в офицерском корпусе и для укрепления традиций воинской чести.

До начала 90-х годов XIX века, еще со времен Петра I, дуэли в России были запрещены и появление в печати дуэльного кодекса было по цензурным условиям просто невозможно. Участники дуэли 1841 года могли обратиться только к одному, даже тогда весьма редкому, изданию книги президента парижского жокей-клуба графа Шатовиллара [211]. Но практически, как и до выхода в свет этого труда, русские дуэлянты руководствовались неписанными правилами чести, давними дуэльными обычаями, широко известными в офицерской и дворянской среде*. Таких знатоков дуэльных традиций было немало и к ним обращались как к авторитетным арбитрам. Нет никаких сомнений в том, что участники дуэли — Лермонтов, Мартынов и их секунданты

* Показательно, что французский дуэльный кодекс, как печатное руководство, ни разу не упоминается в мемуарной литературе и документах о дуэлях Пушкина с Дантесом в 1837 году и Лермонтова с де Барантом в 1840 году, хотя противники поэтов и их секунданты были французы.

хорошо знали дуэльные традиции и обычаи своего времени. Остается только выяснить, была ли эта дуэль правильной, неправильной или изменнической.

Правильной дуэлью назывался бой с соблюдением установленных для данного поединка или установленных обычаям правил. Главнейшим требованием было равенство оружия и условий нападения и защиты.

Неправильной дуэлью считался поединок, который проходил с нарушением этих требований. Такие нарушения случались из-за небрежности и легкомыслия участников дуэли. Иногда нарушения правил вызывались трудностями организации поединка, отсутствием подходящей площадки, необходимостью соблюдать тайну. Однако неправильная дуэль не связывалась с возможностью преступного замысла.

Преднамеренно созданное преимущество для одного из противников, злой умысел, тайный сговор, уменьшающий или увеличивающий опасность боя для одной из сторон, дают неоспоримое право квалифицировать дуэль как *изменническую* или *коварную*. Например, защита тела каким-либо металлическим предметом, скрытым под одеждой дуэлянта, зарядение пуль одного только пистолета из двух, выстрел ранее установленного сигнала и т. д.

Лермонтов отлично знал дуэльные правила своего времени и очень верно показал, как Печорин разгадал коварный замысел драгунского капитана в дуэли с Грушницким. Любопытно, что недавно в Англии вышла обстоятельная «История дуэли» [210], в которой в качестве классического примера дуэли приведен отрывок из «Княжны Мери». Но у нас нет никаких оснований отождествлять позицию Лермонтова с позицией Печорина. Лермонтов не опротестовывал действий Мартынова и секундантов, он считал их правильными или, по меньшей мере, допустимыми. Но, может быть, Лермонтов был обманут и не разгадал преступного замысла своих мнимых приятелей?

Понятно, нас не может не интересоваться вопрос, есть ли какие-либо основания считать последнюю дуэль Лермонто-

ва коварной, изменнической, может быть, неправильной, или никаких особых нарушений дуэльных норм Мартынов и его секунданты не допустили. Такой вопрос возникает независимо от бредовой гипотезы о втором выстреле наемного убийцы с Перкальской скалы.

Лев Сергеевич Пушкин уверял, что «эта дуэль никогда бы состояться не могла, если б секунданты были не мальчики» и добавлял, что дуэль «сделана против всех правил и чести...» [см. «Литературное наследство», вып. 58. — М., 1952. С. 490]. Московский почт-директор А.Я.Булгаков, ссылаясь на письмо В.С.Голицына, полученное в Москве 26 июля 1841 года, писал П.А.Вяземскому в Петербург: «Удивительно, что секунданты допустили Мартынова совершить его зверский поступок. Он поступил противу всех правил чести и благородства, и справедливости... Мартынов поступил как убийца» [120, 710]. 22 августа студент А.А.Елагин сообщал из Москвы отцу: «Лермонтов выстрелил в воздух, а Мартынов подошел и убил его. Все говорят, что это убийство, а не дуэль». И дальше: ...Обстоятельства дуэли рассказывают различным образом, и всегда обвиняют Мартынова как убийцу» [55, 437].

Можно было бы привести еще ряд суждений современников, полагавших, что дуэль, на которой погиб Лермонтов, была неправильной; многие обвиняли Мартынова и секундантов в нарушении правил* и чести, но никто, конечно, ни

* Во-первых, все-таки некоторое преимущество имел Мартынов, чей барьер располагался ниже по склону (см. гл. «Дуэль»). Во-вторых, поводом для таких заявлений могло послужить утверждение, сохранившееся в воспоминаниях современников (не секундантов), о выстреле Мартынова после счета «Три!» (а не между «Два — Три»). После счета «три», по правилам, дуэль должна была быть остановлена, а так как стрелялись до трех раз — дуэлянты должны были быть разведены и повторить всю процедуру, как минимум, еще раз.

С другой стороны, в частной записке Мартынову (не предназначавшейся для глаз следователей) М.П.Глебов пишет, что ни он, ни Васильчиков не видят «ничего дурного с твоей сторо-

в письмах, ни в дневниках, ни в воспоминаниях не намекал даже на то, что Лермонтов был убит не Мартыновым, а каким-то другим таинственным подставным убийцей, дублировавшим выстрел Мартынова. И.Д.Кучеров и В.К.Стешиц не могут сослаться ни на один источник для обоснования своих домыслов.

[...]

Васильчиков и Глебов

В организации дуэли и соблюдении всех необходимых условий и обычаев особая роль принадлежала секундантам. Мартынов во время следствия писал: ...Все было предоставлено нами секундантами, и как их прямая обязанность состояла в наблюдении за ходом дела, ...то они и могут объяснить не было ли нами отступлено от принятых правил».

Как же секунданты справились с этими своими «прямыми обязанностями»? Содержались ли в их действиях грубые нарушения дуэльных норм, которые бы давали основания называть их «соучастниками убийства», связанными «круговой порукой», и организаторами «фарса поединка»?

Прежде всего, верно ли утверждение, что одним из доказательств враждебной деятельности секундантов являются слухи, распространившиеся после поединка в Пятигорске, будто бы на дуэльной площадке кроме противников и двух их секундантов А.И.Васильчикова и М.П.Глебова присутствовали и другие лица?

Правда, дуэльные правила не ограничивали количества лиц, принимавших участие или присутствующих при дуэли, но все-таки представляет определенный интерес уста-

ны» во время дуэли [102, 461 – 462], что нельзя не принять во внимание. Можно предполагать, что для данной дуэли ограничение по времени (счету) секундантами было снято. Но утверждать, что эта дуэль была изменнической (т.е. с преступным умыслом), нельзя. — В.З.

новить кто был еще во время поединка кроме тех, о ком говорилось в следственном деле.

Мы теперь твердо знаем о четырех участниках дуэли, скрытых от расследования. Прежде всего, это еще два секунданта — А.А.Столыпин и С.В.Трубецкой. Кроме них были друг Лермонтова юнкер Бенкендорф и Руфин Дорохов. И, наконец, конюх Евграф Чалов, дворовый человек помещика Хастатова, родственника Лермонтова; он был приглашен присматривать за лошадьми.

Были веские причины, чтобы скрыть их имена, так как все участники поединка рисковали предстать перед судом.

Известно, что секундантов этой дуэли судили и приговорили к «лишению чинов и прав состояния». В дальнейшем Николай I смягчил этот приговор, а в январе 1842 года и вовсе их простил, одновременно назначив Н.С.Мартынову в качестве наказания трехмесячный арест в крепости и церковное покаяние. Такое мягкое наказание после ареста, полугодового следствия и суда было бы маловероятно, если бы одновременно к делу были привлечены Столыпин, Трубецкой и Дорохов. Вместе с тем, конечно, тут сказалось неприязненное отношение царя к жертве этой дуэли — опальному поэту Лермонтову.

А.А.Столыпин за участие в дуэли Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом в 1840 году был сослан на Кавказ. С.В.Трубецкой прибыл в Пятигорск самовольно, не имея на то разрешения военного начальства, а Дорохов уже дважды за дуэли был разжалован в солдаты. Таким образом, участие в новой дуэли, для всех трех молодых людей грозило крупными неприятностями.

Положение Васильчикова и Глебова было несравненно более благоприятно и менее уязвимо, Александр Илларионович Васильчиков возвращался из годовой поездки по Закавказью, где он принимал участие в комиссии барона Гана, ревизовавшего этот обширный край. Служебное положение Васильчикова, сына Председателя Государственного Совета, было отличным и можно было надеяться, что он поплатится лишь обещанной ему наградой или кратко-

временным арестом. Михаил Павлович Глебов так же мог рассчитывать на мягкий приговор, так как он лечился в Пятигорске от тяжелой раны, полученной в бою с горцами (1 — 3 января 1842 года Николай I распорядился по военному судному делу в связи с последней дуэлью Лермонтова:

...Титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны»).

Тем не менее, решение Глебова и Васильчикова принять на себя всю вину и предстать пред судом было мужественным. Их задача осложнялась готовностью скрыть участие А.А.Столыпина и С.В.Трубецкого и для этого даже дать ложные показания, что, конечно, было сопряжено с определенным риском. Молчал долгое время и Р.Дорохов, а Чалову, видимо, было хорошо заплачено за сохранение тайны. Истина о дуэли могла проникнуть в печать лишь через несколько десятилетий. Впрочем, это не значит, что самое имя поэта находилось под запретом. Посмертные публикации его произведений и критические отклики на них, статьи о Лермонтове появлялись в журналах и в 40-х и в 50-х годах.

Кто же были Васильчиков и Глебов, признанные официальными секундантами Лермонтова и Мартынова?

Как они исполняли свои обязанности?

Можно ли их считать участниками и пособниками убийства великого русского поэта?

Александр Илларионович Васильчикову в 1841 году было 23 года. Год тому назад он окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1839 — 1840 годах Васильчиков неоднократно встречался с Лермонтовым в свете. Васильчиков был хорошо образован, не гонялся за чинами и, за исключением истории со своим роковым секундантством, не прибегал к помощи и покровительству высокопоставленного отца. Независимость суждений и ум, несмотря на внешнюю светскость, видимо, привлекали к нему Лермонтова. Они особенно сблизись, как соседи по дому, в Пятигорске в последние два месяца перед дуэлью.

Известно, что Лермонтов не раз вышучивал Васильчикова в карикатурах и эпиграммах, но трудно найти в окружении Лермонтова человека, который бы не служил мишенью для его шуток. На такие вещи не принято было обижаться. Единственное исключение составлял Мартынов, отличавшийся непомерным самолюбием.

Мы имеем возможность судить о Васильчикове не по какому-то отдельному поступку, а по всей его жизни. Личный архив Васильчикова дошел до нас в образцовом состоянии, он хранится в Ленинграде (ЦГИАЛ, фонд 551) и дает биографу богатейший конкретный материал.

Васильчиков прожил долгую жизнь, всегда оставался верен себе, верен своим оппозиционным взглядам. Пренебрегая чинами и служебной карьерой, он вскоре вышел в отставку и посвятил себя ученым занятиям по вопросам, занимавшим русскую общественную мысль середины XIX века: земледелия и землевладения, самоуправления и кредита. Много сил отдал он также земской деятельности, что породило со стороны его консервативных противников обвинение в его «социализме». Конечно, было ошибкой причислять Васильчикова к демократам, к передовым деятелям его времени, он был всего лишь либералом. Но еще большей ошибкой было бы считать Васильчикова двуличным интриганом, виновным в гибели Лермонтова.

Другой официальный секундант корнет Лейб-гвардии Конного полка Михаил Павлович Глебов был в 1841 году также очень молод, ему шел двадцать второй год. Он лишь в 1839 году окончил в Петербурге школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которой пятью годами раньше учился и Лермонтов. Вскоре после окончания ее Глебов приехал на Кавказ, где показал себя отличным боевым офицером. В летней экспедиции 1840 года он вместе с Лермонтовым участвовал в Валерикском сражении и был тяжело ранен в ключицу. Весь следующий год Глебов затратил на лечение, а летом 1841 года приехал в Пятигорск и поселился вместе с Мартыновым неподалеку от Лермонтова, Столыпина и Васильчикова с Трубецким.

Все шестеро были приятелями и жили рядом в маленьких домиках, соединенных садами; они вместе принимали участие в курортных увеселениях, вместе посещали гостеприимный дом Верзилиных, находившийся тут же рядом.

Михаил Павлович Глебов был веселым, радушным, красивым юношей, которого товарищи ценили за «светлый ум и доброе сердце». Лермонтов очень его любил и безоговорочно доверял ему*.

Через два года после смерти Лермонтова Глебов попал в плен к горцам и при весьма романтических обстоятельствах с помощью ногайского князя Карамузина, показав чудеса храбрости, бежал из плена. Этот подвиг прославил Глебова, и перед ним открылась блестящая карьера, он был назначен адъютантом к наместнику Кавказа князю М.С.Воронцову. Но это не изменило Глебова; такой же веселый и приветливый, чуждый хвастовства, полный удали и героизма, он снова и снова рвался в бой. В 1847 году при штурме аула Салты Глебов командовал цепью застрельщиков и был убит наповал пулей в голову.

В бумагах Васильчикова сохранился неоконченный некролог, написанный под свежим впечатлением от известия о гибели Глебова:

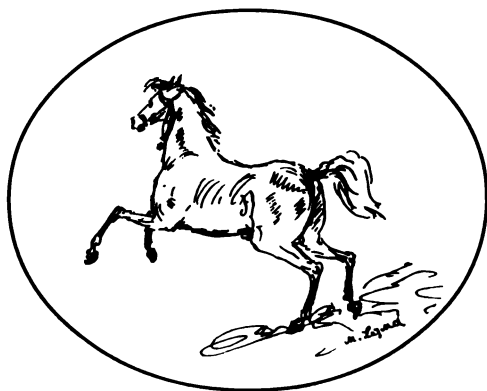
«Он умер, как многие умирают на Кавказе, без шума, но с твердостью, в чине ротмистра Гвардии, на 28 году от роду; и смерть его, как и жизнь, была проста, коротка и славна.

Кто знал его, милого друга, верного товарища, храброго офицера, кто испытал его высокое радушие, светлый ум и доброе сердце, тот, верно, сохранил ему память сердечную.

* Конечно, никакой «лжи», по выражению И.Д.Кучерова и В.К.Стешица, не было в рассказах Глебова о Лермонтове. Уважаемые «криминалисты», видимо, забыли, что цитируют они не Глебова, а пересказы его воспоминаний, написанные Э.А.Шан-Гирей через несколько десятилетий. Кое-что за давностью лет мемуаристка запамятовала и перепутала. Наоборот, известно с каким сочувствием рассказывал Глебов Боденштедту о погибшем поэте.

Но он достоин и памяти общественной, если только труды, страдания, раны, мучительный плен — могут заслужить 28-летнему ротмистру благодарность и сострадания людей. Если же мы и судим пристрастно, то да извинит нас тесная дружба с покойником, и пусть этот рассказ будет принят только, как сердечное воспоминание, как надгробная молитва» (ЦГИАЛ, ф. 551, оп. 1, дело 6).

Нам думается, что эти простые, дружеские строки характеризуют не только Глебова, но и их автора — Васильчикова.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аббакумов А.С. 292-294
Аббас-Мирза 22, 242-243
Акерблом В. 161, 168, 227
Александр I 102, 187, 233, 248, 257, 258, 268, 273, 310
Александр Николаевич (Вел. Кн., Имп. Александр II) 29, 34, 254
Александра Федоровна (Имп.) 26, 29, 34, 252, 260
Александровский о. Павел 103, 130, 133, 152-157
Алексеев Д.А. 111, 113, 166, 167, 220, 321
Алибанова 295
Англесе (де) Р. 17
Андреев-Кривич С.А. 21, 124, 126, 191, 214
Андреевский А.С. 160
Андроников И.Л. 158, 214, 309
Аничков Е.В. 313
Анна Федоровна (Вел. Кн.) 247
Анненков Н.Н. 33
Анреп Р.Р. 265-266
Антонский А.А. 257
Апраксин 34
Арагутинский-Долгоруков М.З. 266
Аракчеев А.А. 268
Арапова А.П. (Ланская) 30
Арбенин В. 302, 313-314

Аргутинский 257
Арзамасцев В.П. 318
Арнольди А.И. 47, 85, 100, 101, 103, 104, 110, 122, 151, 204
Арсеньев А.(фанасий) А. 35
Арсеньев Г.В. 320
Арсеньев М.В. 35, 297, 298, 317
Арсеньева Е.А. 20, 28-30, 33, 34, 39, 43, 158, 180, 181, 184, 186, 192, 194, 195, 292-295, 297-300, 302, 303, 306, 310, 312, 314-317
Арсеньева М.М. 295, 296, 317, 318
См. также Лермонтова М.М.
Арсеньевы 293, 296, 318

Б

Байрон Дж.Н.Г. 203
Баландин Н.Г. 293
Баранов В.В. 226
де Барант Э. 16-18, 182, 188, 326
Бараташвили Н. 205
Барклай-де-Толли И.Е. 48, 112, 132, 133, 201, 202, 220, 222, 223
Барклай-де-Толли М.Б. 186
Бартенев П.И. 67, 68, 144, 309
Барятинский А.И. 273
Барятинский В. 56
Бахерахт (фон) Т. 16
Бахметева В.А. (Лопухина) 159, 163, 164, 168, 169
Безобразов С.Д. 48, 151, 258

Безобразова (Лопухина) 258
 Бекович-Черкасский Ф.А. 233-235, 237-241
 Белавкин И.П. 310, 320
 Белинский В.Г. 102
 Белоконь С. 97, 218
 Бенкендорф А.П. 100, 104, 164, 220, 326
 Бенкендорф А.Х. 8, 11, 26, 30, 38, 128, 143, 147, 149, 150, 184, 206, 214, 216, 217, 220, 259
 Бернардацци И.К. 9, 186
 Бестужев-Марлинский А.А. 231, 233
 Биакэй 255
 Бибииков А.И. 21, 27, 29, 43
 Бибииков Д.Г. 177, 178, 228
 Бибииков Д.Д. 228
 Блаватская Е.П. 200
 Блудов Д.Н. 182, 217
 Блудова А.А. 182
 Блудова А.Д. 182
 Бобров 199
 Богоявленский С.А. 319
 Боденштедт Фр. 36, 87, 195, 329
 Бонди А.И. 194
 Бонч-Бруевич В.Д. 80, 82
 Боровский А.Д. 230
 Бороздина 264
 Булгаков А.Я. 52, 105, 172, 203, 324
 Бурляев Н.П. 206
 Бутков Я. 193
 Быховец Г.А. 165, 202, 226, 227
 Быховец Е.Г. 75, 100, 161, 165-169, 226, 227
 Быховец М.Е. 165, 166
 Быховец Н.Ф. 165
 Быховец С.А. 165

В

Вадковский И.Я. 295
 Валуев П.А. 192

Василий Темный 65
 Васильченков Д. 199
 Васильченков Ф. 199
 Васильчиков А.И. 11, 47, 68, 81, 83-86, 93, 94, 96, 98, 99, 101-104, 106-108, 112, 115-122, 131, 132, 134-136, 138-142, 149, 156, 171-174, 195, 201, 202, 209, 214, 216, 217, 222, 325-330
 Васильчиков Б.А. 108
 Васильчиков Г.А. 172
 Васильчиков И.В. 171, 172, 174, 193, 201, 216, 217
 Васильчиков Н.В. 186
 Васильчикова С.Н. 108
 Вацура В.Э. 127, 130, 214, 215
 Вегелин А.И. 123
 Вейтбрехт 52
 Вельяминов А.А. 65, 66, 113, 183, 186, 208, 240-247, 263, 266
 Веневитинов Д.В. 192
 Веолева Е.П. 38
 Верещагина Е.А. 158
 Верещагина-Хюгель А.М. 33, 158, 159
 Верзилин П.С. 47, 48, 51, 53, 54
 Верзилина А.П. 51, 57, 206, 218
 Верзилина М.И. 51
 Верзилина Н.П. 50-52, 57, 64, 84, 93, 225, 226
 Верзилина Э.А. (Шан-Гирей) 50-58, 62, 77-79, 81, 85, 92, 93, 101, 103, 114-119, 134, 156, 202, 203, 329
 Верзилины 42, 51, 55, 56, 59-61, 73, 75, 84, 92, 93, 119, 137, 142, 167, 200, 216-219, 222, 226, 308, 329
 Вертюков Иван 117, 118, 140, 157
 Виноградов А.В. 72, 73, 213
 Виноградов В.Б. 72, 73, 213
 Висковатый П.А. 11, 26, 27, 29, 63-64, 82-83, 87-88, 93, 101, 103, 104, 107, 110, 116, 118, 120, 130,

136, 141, 142, 156, 164, 168, 169,
176, 184, 195, 205, 206, 214, 216,
228, 300, 306, 309, 310, 316, 317
Витгенштейн 230
Витте 264
Волин Н.М. 314
Волин Ю. 302, 317
Волконский 265
Вольтер 241, 246
Вольф Н.И. 126
Вольховский В.Д. 183
Воронова Н.Ф. См. Быховец Н.Ф.
Воронцов М.С. 231, 249, 263, 264,
269-273, 329
Воронцов-Дашков И.И. 25, 26
Воронцова Е.К. 263, 264, 269
Воронцова Ж.М. 269
Воронцова-Дашкова А.К. 25-27
Воронцовы 263
Вревские 125, 251
Вревский И.А. 126
Вревский П.А. 126
Выласков 19, 184
Вырыпаев П.А. 295, 316
Вышеславцева 295
Вяземский П.А. 16, 172, 182, 192,
196, 324
Вяземский П.П. 82, 166

Г

Гагарин И.С. 43
Гагарин Ф. 192
Газет 246
Галафеев А.В. 18, 19, 70, 185, 188,
201
Ган П.В. 108, 217, 258, 326
Гард Э. 225
Гвоздев П.А. 64, 120, 221
Герцен А.И. 193, 294, 305
Герштейн Э.Г. 68, 69, 73, 76, 114,
190, 210, 214, 217, 221, 225
Гессен-Дармштадтская М. 34
Гиллельсон М.И. 191, 192, 195

Гладыш И.А. 77, 78, 81
Глебов М.П. 11, 48, 73, 79, 85, 87,
93, 95, 96, 98, 99, 101-103, 106,
107, 109-111, 115-122, 131, 132,
134-136, 138-144, 149, 170, 172-
174, 201, 221, 222, 249, 324-330
Гоголь Н.В. 197
Годейн Н.П. 189
Голицын В.С. 58, 62, 63, 105, 119,
157, 324
Голицын Д.Ф. 212
Головин Е.А. 126, 147, 170, 173,
191, 221, 247, 252, 253, 257-261,
267, 270
Головин И.А. 258
Головина 259
Горчунова М.И. 293
Граббе Е.Е. 221, 249
Граббе П.Х. 20, 21, 23, 24, 39, 42,
47, 54, 121, 122, 125-127, 129,
146-148, 170, 173, 186-189, 200,
211, 212, 214, 215, 221, 247-257,
259-261, 265, 266
Греведон А. 190
Грибоедов А.С. 102, 195
Григорьян К.С. 13
Громова 314
Гурко 257

Д

Давид 207
Давыдов В.Д. 109
Даль В.И. 224, 315
Дамианиди М.Ф. 182
Данилевский 193
Дантес Ж. 65
Дельвиг А.И. 20, 127
Дибич И.И. 22
Диков В.Н. 57, 97, 109, 206, 218,
220
Дмитревский М.В. 100, 101, 104,
119, 164, 165, 204, 205, 220
Добринский А.А. 188

Долгорукий 274-282
Долгорукий А.Н. 79
Долгорукий В.А. 78-80, 274
Долгорукова Е.П. 230
Дорохов Р.И. 70, 101, 103, 104,
117, 126, 210-212, 326, 327
Дункан 301
Дурасов В. 322
Дюма А. 28

Е

Екатерина II 102
Елагин А.А. 220, 324
Елагин В.А. 103
Емануэль (Эмануэль) Г.А. 239-
241
Ермолов А.П. 21-24, 102, 146,
147, 159, 186-189, 240-243, 247
Еропкин 226
Ефимов П.А. 114

Ж

Желиховская В.П. 45, 200, 213
Жуковский В.А. 16, 29, 30, 34, 49,
182, 192, 193, 196, 294, 305

З

Загорулько В.И. 310
Засс Г.Х. 266
Зельмид А.К. 47, 48, 117-119
Зиновьев А.З. 299
Золотницкий П.Д. 37
Зотова 125, 250
Зубов П.П. 207
Зякин А.П. 78, 80-82

И

Иваненко М.М. 37
Иванова Т.А. 10, 91, 119, 129, 213-215
Ивановская См. Быховец Е.Г.

Ивановский А.Б. 166
Ивановский К.И. 169, 227
Ивановский Л.К. 169
Ильяшенков В.И. 11, 42, 46, 49,
118, 120-122, 128, 129, 132, 135,
150, 155, 157, 171, 172, 200
Иноземцева А. 317
Инсарский В.А. 56
Иоанн Богослов 196
Исаков 34

К

Казы Мулла 238, 239
Капнист А.А. 185
Карамзин Н.М. 40
Карамзина С.Н. 34, 40, 43, 194, 198
Карамзины 16, 29-32, 192, 193, 196
Карамузин 329
Караулова 295
Карпов К.И. 46, 129, 155
Касович 259
Катенина С.М. См. Мартынова
С.М.
Киселев 248
Клейнмихель П.А. 26, 30, 40, 49,
253
Клингенберг Э.А. См. Верзили-
на Э.А.
Клюке фон Клюкенау 257, 266,
271
Козлов Илья 117, 118, 140
Колюбакин Н.П. 114
Константин Николаевич (Вел.
Кн.) 193
Константин Павлович (Вел. Кн.)
247
Копьев 272
Коротков С.Д. 224
Корф М.А. 25, 171, 174
Косович 259
Костенецкий Я.И. 54, 74, 97, 98
Кравченко С.К. 177, 211
Краевский А.А. 29, 160, 166, 226

Крюкова М.Е. См. Быховец М.Е.
 Крюкова П.А. 35
 Кторова А.В. 207
 Кувшинников См. Кушинников
 Кузминский Н.А. 94, 95
 Куликовский 86
 Кульневы 65
 Купер Ф. 102
 Куприн А.И. 322
 Куракин А.Б. 125, 250
 Куртина А.С. 293
 Куртины 314
 Кучеров И.Б. 104, 224
 Кучеров И.Д. 321, 322, 325, 329
 Кушинников А.Н. 11, 12, 128,
 132, 135, 145-150

Л

Лаваль А.Г. 16
 Лазарев 246
 Латышев С.Б. 10, 14, 61, 132, 133,
 228, 321
 Левашов 171, 193
 Левкович 242
 Лениз 85, 87
 Лерма 300, 301, 318
 Лермонт Георг 300, 301
 Лермонтов И.Н. 194
 Лермонтов М.Ю. 7-329
 Лермонтов Ю.П. 292, 293, 295-
 300, 303-306, 309-313, 316-320
 Лермонтова М.М. 292, 293, 295-
 297, 300, 310-312
 Лернер Н.О. 81
 Ливицкий 37
 Лисаневич С.Д. 64, 206
 Лихарев В.Н. 34
 Лихоносов В.И. 215
 Лонгинов М.Н. 88, 89, 104, 190
 Лопухин А.А. 158
 Лопухина В.А. См. Бахметьева В.А.
 Лопухина М.А. 89, 159
 Лопухины 301

Лорер Н.И. 19, 123, 148, 151, 152,
 185, 186, 203-205
 Лубяновский 193
 Любимов А.Е. 294
 Любомирский К. 213

М

Магденко П.И. 41, 44, 199, 200
 Мадатов 242
 Майе 222
 Малахова В.Г. 14
 Малков С.И. 27
 Малькольм 301
 Мамонова 37
 Манаенко 171
 Манзей К.Н. 48
 Мануйлов В.А. 9, 10, 14, 61, 132,
 133, 194, 195, 205, 221, 228, 295,
 304, 305, 316-319, 321
 Мария Египетская 307
 Мария Николаевна (Вел. Кн.) 168
 Мария Федоровна (Имп.) 247
 Маркелов Н.В. 14
 Мартынов В.Н. 181, 228
 Мартынов М.С. (брат) 78
 Мартынов Н.С. 10, 48, 52, 55, 64-
 76, 78, 79, 81, 84-87, 93-99, 101-
 110, 112, 113, 115, 116, 118, 121,
 122, 127, 128, 132, 134-144, 149,
 155-159, 163, 164, 170, 172-176,
 178-181, 206-210, 212-215, 218,
 220-222, 228, 274, 275, 281, 282,
 322-328
 Мартынов С(авва) М. 158, 207
 Мартынов С.М. 66, 67, 158, 177,
 209
 Мартынова Е.М. 177, 209
 Мартынова Е.С. (Шереметева)
 228
 Мартынова Н.С. 75, 76, 213
 Мартынова С.М. 181, 228
 Мартыновы 78, 177, 206, 207,
 213, 228

- Мартышка 44, 78, 81, 82, 86, 87,
98 *См. также* Мартынов Н.С.
Мартыянов П.К. 50, 53, 54, 57, 58,
68, 72, 82, 86, 87, 101, 102, 106,
167, 184, 185, 199, 206
Марушевский 131, 132, 135, 157
Марченко 147
Мауэр Ф.Ф. 69
Махлевич Я.Л. 232
Мациович И. 176
Меринский А.И. 120
Меринский А.М. 221
Мерлини Е.И. 11, 51, 59-61, 203
Мещерский А.В. 65
Миллер О.В. 14
Мильс Г. 45
Милютин Д.А. 187, 189
Михаил Павлович (Вел. Кн.) 18,
26, 163, 168, 170, 183, 184, 191, 193
Михайлов 259
Модзалевский Л.Б. 305
Монго *См.* Столыпин А.А.
Муравьев Н.Н. 231
Мятлев И.П. 192

Н

- Назимов М. 126
Найдич Э.Э. 214
Найтаки 44, 46, 47
Наполеон I 189, 268
Нарцов А. 206, 274, 282
Наумова 295
Нахапетов Б.А. 222, 307
Неглинские 65
Недумов С.И. 11, 12, 52, 57, 58,
90, 117, 148, 184, 188, 199, 202,
203, 214-216, 225
Нейдгард А.П. 257, 267-272
Некрасов Н.А. 190
Нечаева В.С. 114, 129, 145, 148,
150, 214
Нечкина М.В. 188
Никитенко 193

- Николай I 11, 13, 18, 22, 26, 27, 34,
43, 66, 121, 126, 173-176, 178,
183, 184, 188, 189, 191, 199, 208,
214, 243, 248, 249, 251, 252, 254,
259-261, 265, 267, 270, 326, 327
Николева М.Ф. 318
Никольский В.В. 320
Новиков А. 114
Новиков И. 199
Ноинский 173, 174
Норман 221

О

- Оболенский В.С. 213
Оболенский Д. 68, 70, 75, 76, 143,
208
Обыденная 100, 164
Огарев Н.П. 23
Одоевский А.И. 194, 195
Одоевский В.Ф. 38, 79, 157, 195-198
Озерские 51
Олсуфьев П. 36, 37
Ольшанский 2-й 131, 132, 135
Оммер де Гелль Жанна Адель
77, 80-82
Орбелиани Г.З. 205
Орлов А.Ф. 125, 126, 172, 179,
184, 228, 251
Орлов М.Ф. 228

П

- Павленков 166
Павлович А. 224
Павлуцкий М.С. 97, 98
Панов о. Василий 179
Парни Э. 198
Паскевич И.Ф. 22, 54, 234, 237,
239, 241-244, 253, 262
Пассек Диомид 143, 257
Пахомов Н.П. 181, 217
Перминов 199
Петр I 322

Петров П.И. 39, 183
 Пирожков 209, 210
 Пискарев Б. 111, 113, 220, 321
 Плетнев П.А. 30, 48, 193
 Погодин М.П. 159, 189
 Полеводин П.Т. 155, 217
 Полозов 147
 Полуденский М.П. 68
 Польские 9
 Польский Л.Н. 9, 14
 Попов П.С. 81, 82
 Прокопенко Л.И. 226
 Прянишникова М.А. 167
 Пугачев Е. 207, 208
 Путята Н.В. 105
 Пушкин А.С. 8, 11, 13, 25, 55, 130,
 155, 187, 193, 194, 206, 213, 216,
 224, 292, 315
 Пушкин Л.С. 20, 47, 48, 92, 100,
 164, 205, 211, 212, 262, 264, 324
 Пушкина Н.Н. 16, 30, 31, 193, 194

Р

Раевская (сестра Н.Н.) 265
 Раевский А.Н. 263
 Раевский Н.Н. 260-265
 Раевский Н.П. 45, 48, 59, 63, 74,
 83, 123, 167, 200, 201, 209, 213
 Раевский С. 205
 Ракович Д.В. 185, 186
 Ребров А.Ф. 45
 Реброва Н.А. 77, 78, 80, 82
 Ржевская М.М. 68
 Рожер 221
 Розен А.Е. 232
 Розен Г.В. 246, 258
 Розен Д.Г. 33
 Ростопчина Е.П. 28-30, 32, 49,
 191, 192, 194, 195
 Рот 243, 244
 Рошке Б.В. 100, 101, 104
 Рощановский Д. 152-154
 Рыбаков С(тепан) И. 49

Рышков 157
 Рябов Е.Н. 166, 167, 182

С

Салтыков 193
 Самарин Ю.Ф. 24, 36, 37, 43, 190
 Сафаровы 65
 Свербеева Е.А. 43
 Селигей П.Е. 214
 Семевский М.И. 162-164, 168,
 169, 227
 Сердобины 125, 251
 Сесилия Федоровна 311
 Сиверс 193
 Скалон 259
 Скоропадская 248, 249
 Скотт В. 301
 Смирнова-Россет А.О. 30, 37, 40,
 185, 199
 Смольяниновы К.Н. и В.Н. 213
 Соколов Иван 157
 Соллогуб В.А. 26, 168
 Соломон 87, 208
 Спасский И.Т. 224
 Сперанский М.М. 298, 317
 Степан См. Рыбаков С(тепан) И.
 Стешиц В.К. 321, 322, 325, 329
 Стешиц В.С. 104, 224
 Столыпин А(фанасий) Ал. 300
 Столыпин А.А. («Монго») 11, 17,
 18, 33, 38-42, 44, 46-49, 83, 84,
 87-90, 93, 95, 100, 101, 103, 107,
 110-112, 115, 117, 122, 126, 132,
 137, 142, 146, 153, 154, 157, 172,
 197-199, 201, 202, 213-216, 228,
 274, 275, 278, 281, 326-328
 Столыпин Арк. Ал. 88, 298
 Столыпин Д.А. 88, 95, 228
 Столыпина В.Н. 88
 Столыпина Л(еокадия) А. 33
 Столыпина Н.А. 158
 Столыпины 203, 298
 Стоюнин В. 108

Т

- Тарасенко-Отрешков Н.И. 157
Тарле Е.В. 15
Татарина 259
Тиран А.Ф. 47, 151, 312, 317
Толстой В.С. 22, 55, 124-126, 187, 221, 230-233
Толстой Л.Н. 91, 213, 228
Толстой П.А. 267, 268, 272
Толстой С.В. 230
Толстой Ф.П. 189
Толь Ф.Н. 195
Томашевский Б.В. 305
Торнау Ф.Ф. 257, 272
Трашкин А.С. 11, 20, 39, 41, 42, 46, 47, 49, 124-130, 134, 136, 142, 145, 146, 148-151, 155, 156, 170, 184, 187-189, 200, 201, 214, 215, 221, 222, 250, 251, 254
Трубецкой С.В. 47, 48, 85, 93, 101, 103, 110, 111, 115, 122, 126, 137, 201, 326-328
Трувеллер М.А. (Шан-Гирей) 226
Тупиков 157
Тургенев А.И. 16, 43, 182, 196, 197
Тургенев И.С. 296
Туровский Н.Ф. 75, 218
Турьян М.А. 196

У

- Уваров С.С. 193
Уманов В. 47, 48
Унгерн 193
Унтилов Ф.Ф. 128, 129, 131, 132, 135, 156
Успенский Н.В. 319

Ф

- Фезе 266, 275
Филарет 179
Филипсон Г.И. 124, 221

- Философов А.И. 183, 184, 214
Фонвизин М.А. 186, 187
Фролов П.А. 319

Х

- Хастатов 203, 326
Хлюпин С.И. 200
Хмелевская Н.А. 314
Хованская Е.В. 231
Храмова М.И. 293

Ц

- Чаадаев П.Я. 38
Чавчавадзе А.Г. 205
Чалов Евграф 12, 326, 327
Чарыков А. 120, 221
Чекалин С.В. 78, 79, 80-82, 216, 217, 224
Челищев 34
Черепанов П.Н. 131, 132
Чернышев А.И. 18, 29, 124-126, 128, 170, 173, 186, 245, 246, 248, 250, 251, 253, 254, 267, 270, 271
Чернышев Э.Г. 231
Чернышева 125, 251
Чернышева-Кругликова 193
Четвертинский 192
Чилаев (Чиляев) В.И. 11, 47, 48, 52-54, 57, 133, 139, 153, 167, 201, 214, 218
Чистова И.С. 77, 205
Чухнин И(ван) А. 12, 118
Чухнин К(узьма) А. 118

Ш

- Шагинян М.С. 293
Шадури В.С. 204
Шамиль 252
Шан-Гирей А.П. 29, 33, 49, 57, 87, 192, 228
Шан-Гирей Ал.П. 226

Шан-Гирей Е.А. 57, 203
Шан-Гирей М.А. 159, 300
Шан-Гирей Э.А. См. Верзилина Э.А.
Шатовиллар (де) 111, 112, 322
Шведе Р.К. 123, 228
Швейковский П.А. 322
Швембергер В.А. 104, 224
Шекспир В. 49, 301
Шереметева 207
Шереметева Е.П. (Бибикова) 228
Штольценвальд 275
Шугаев П.К. 296, 311

Щ

Щербатова А.А. См. Блудова А.А.

Щербатова М.А. 16, 182

Э

Эйхенбаум Б.М. 12, 295, 320
Эрастов о. Василий 152, 154
Эристов 21

Ю

Юзефович М.В. 211
Юрьев Н.Д. 147

Я

Яковкина Е.И. 114

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. проф. Д.И.Абрамович. Тт. 1 – 4. — СПб., 1910 – 1913.
- [2] *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч. в пяти томах / Ред. текста и коммент. Б.М.Эйхенбаума. — М. — Л.: Academia, 1935 – 1937.
- [3] *Лермонтов М.Ю.* Соч. в шести томах / Под ред. Н.Ф.Бельчикова, Б.П.Городецкого, Б.В.Томашевского. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1954 – 1957.
- [4] *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч. в четырех томах / Вступ. статья и прим. И.Л.Андроникова. — М.: Худ. лит-ра, 1975 – 1976.
- [5] *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч. в четырех томах. Изд-2-е, исправл. и доп. — Л.: Наука, 1979 – 1981.
- [6] *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени / Предисл. В.А.Мануйлова. Комментарии В.А.Мануйлова и О.В.Миллер. — СПб: Академический проект. 1996.
- [7] АГЛМЗ — Архив Государственного лермонтовского музея — заповедника (г. Пятигорск).
- [8] АДМЛТ — Архив Дома-музея М.Ю.Лермонтова в Тамани.
- [9] Архив В.А.Захарова.
- [10] ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.
- [11] ГАСК — Государственный архив Ставропольского края.
- [12] ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей.
- [13] ИРЛИ — Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Отдел рукописей, фонд 524. Лермонтов.
- [14] РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства.
- [15] РГБ — Российская Государственная библиотека. Отдел рукописей.
- [16] РГВИА — Российский Государственный военно-исторический архив.
- [17] *А[лександров]ская В.Н.* Письмо г-жи А-ской из Пятигорска / Еще о дуэли Лермонтова // «Нива». 1885, № 20. С. 474 – 475.

- [18] *Алексеев Д., Писарев Б.* «Я хотел испытать его..» // Дуэль Лермонтова с Мартыновым. — М., 1992. С. 76 — 93.
- [19] *Алексей Петрович Ермолов.* Материалы для биографии, его рассказы и переписка // «Рус. старина», 1896, кн. 10.
- [20] *Алексей Петрович Ермолов.* Историко-критические отрывки, собранные М.Погодиным. Кн. 2. — М., 1867.
- [21] *Алфавит декабристов* // Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. — Л., 1925.
- [22] *Андреев-Кривич С.А.* Два распоряжения Николая I // Литературное наследство. Т. 58. — М., 1952. С. 411 — 430.
- [23] *Андреев-Кривич С.А.* Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. — М., 1954.
- [24] *Андреев-Кривич С.А.* Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова // Учен. записки Кабардинского НИИ. Вып. I. — Нальчик, 1946. С. 241 — 281.
- [25] *Андреевский А.А.* «Пятигорск и Кавказские минеральные источники» // «Одесский вестник», 1841, № 63.
- [26] *Аничков Е.В.* Заметки по рукописям и творчеству Лермонтова // «Slavia», 1926, Praga. S. 739 — 758.
- [27] *Аринштейн Л.М., Мануйлов В.А.* Дуэль Лермонтова с Н.С.Мартыновым // Лермонтовская энциклопедия. — М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 150 — 154.
- [28] *Баранов В.В.* Об истинном адресате стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю» // Учен. записки Калуж. пед. ин-та. Вып. 4. — Калуга, 1957. С. 182 — 192.
- [29] *Белавкин И.П.* Лермонтовы в Отечественной войне 1812 г. // «Бомбардир», 1998, № 7. С. 96.
- [30] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Тт. 1 — 13. — М. — Л., 1953 — 1959.
- [31] *Белоконь С.* Смерть поэта (К вопросу о дуэли М.Ю.Лермонтова с Мартыновым) // «Ставрополье», 1984, № 4. С. 88 — 97.
- [32] *Белоконь С.* Неизбежимый жребий. Версия гибели Тенгинского пехотного полка поручика Михаила Лермонтова. — Ставрополь, 1997.
- [33] *Блеклов В.* Самодержец и поэты: Сенсационное исследование; Немецко-русский Бонапарт: Повесть-аналогия. — М.: Терра, 1996.
- [34] *Блудова А.Д.* Воспоминания и записи // «Рус. архив», 1889, №1.
- [35] *Бойко С.* Московские адреса поэта // «ЛГ», 1984, 17 окт.
- [36] *Борисова Е. (Польская Е.).* Сергей Иванович Недумов (К 80-летию со дня рождения) // «Кавказская здравница», 1964, 22 марта.
- [37] *Бройтман Л.И.* Новые сведения о последнем приезде Лермонтова в Петербург в 1841 году // «Рус. лит.-ра», 1987, № 3. С. 140 — 145.

- [38] Бурляев Н. Выиграем ли битву за душу человека? // «Наш современник», 1989, № 6.
- [39] Быховец Е.Г. Письмо. Пятигорск. 1841 5 августа / Публ. В.Акерблома с предисл. ред. // «Русская старина», 1892, № 3. С. 765 – 769.
- [40] Вацуро В.Э. Новые материалы о дуэли и смерти Лермонтова (письмо Траскина к П.Х.Граббе) // «Рус. лит-ра», 1974, № 1. С. 115 – 125.
- [41] Виноградов Алексей. Лермонтовская Кубань (историко-литературоведческие этюды). – Армавир, 1997.
- [42] Виноградов А.В. Один из образцов российскости в лермонтовском «Кавказце» // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. – Армавир, 1999. С. 13 – 14.
- [43] Виноградов А.В., Виноградов В.Б. Лермонтов и Мартынов. Кавказские контуры трагедии. – Армавир, 2000.
- [44] Виноградов А.В., Виноградов В.Б. «Настоящий кавказец» и его историко-литературные прототипы // Вопросы Северо-Кавказской истории. Вып. 2. – Армавир, 1997.
- [45] Виноградов В.Б., Хрипунова В.С. Линейные казаки в поэме Н.С.Мартынова «Герзель-аул» // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Первой региональной Кубанско-Терской научно-просветительской конф. – Армавир – Железноводск, 1998. С. 29 – 31.
- [46] Виноградов Б.С., Виноградов В.Б. Черты «невольного сближенья». Некоторые штрихи к истории создания стихотворения «Валерик» // Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей. – Грозный, 1982. С. 14 – 20.
- [47] Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. Вступит. статья Г.М.Флидлендера. Комментар. А.А.Карпова. – М.: Современник, 1987.
- [48] Висковатый П.А. М.Ю.Лермонтов. Жизнь и творчество. – М., 1891; то же (репринтное изд.) – М.: Книга, 1989. Т. 1.
- [49] Висковатый П.А. М.Ю.Лермонтов. Жизнь и творчество. Репринтное издание 1891 года. Т. 2. Комментар. / Вступ. статья В.А.Мануйлова, Л.Н.Назаровой; коммент. В.А.Захарова, Л.Н.Назаровой. – М.: Книга, 1989.
- [50] Восстание декабристов. Материалы. Тт. 1 – 8. – М. – Л., 1925.
- [51] Востриков А. Книга о русской дуэли. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998.
- [52] Вырыпаев П.А. Лермонтов. Новые материалы к биографии. – Саратов: Кн. из-во, 1976.
- [53] Гард Э. Потомки поэта // «Огонек», 1939, №№ 25 – 26. С. 20.
- [54] Герштейн Э.Г. Лермонтов и «кружок шестнадцати» //

Жизнь и творчество М.Ю.Лермонтова. Сб. 1. Исследования и материалы. — М., 1941.

- [55] Герштейн Э. Судьба Лермонтова. — М.: Сов.писатель, 1964.
- [56] Герштейн Э. Судьба Лермонтова. — М.: Худ. лит-ра, 1986.
- [57] Гиммельсон М.И. Последний приезд Лермонтова в Петербург // «Звезда», 1977, № 3. С. 190 — 199.
- [58] Гладыш И. К истории взаимоотношений М.Ю.Лермонтова и Н.С.Мартынова. Неизвестная эпиграмма Мартынова // «Рус. лит-ра», 1963, № 2. С. 136 — 137.
- [59] Гладыш И.А., Динесман Т.Г. Архив А.М. Верещагиной // Зап. отд. рукописей ГБЛ. Вып. 26. — М., 1963. С. 34 — 62.
- [60] Голубев А. Князь Александр Илларионович Васильчиков. — СПб., 1882.
- [61] Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. — Кострома, 1993.
- [62] Григорьян К.Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». — Л., 1975.
- [63] Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. — М.: Русский язык, 1981.
- [64] Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. Т. 1. М. — Л., 1930.
- [65] Декабристы. Биографический справочник. — М.: Наука, 1988.
- [66] Дианова Л., Захаров В. Лермонтов и Дядьковский // «Пензенская правда», 1976, 21 июля.
- [67] Дуэль Лермонтова с Мартыновым (по материалам следствия и военно-судного дела 1841 г.) / Составитель Д.А.Алексеев. — М., 1992.
- [68] Ениколопов И.К. Лермонтов на Кавказе. — Тбилиси, 1940.
- [69] Загорулько В.И. Лермонтовы. Очерки о великом поэте и его родственниках. — СПб.: Просвещение, 1998.
- [70] Заславский И.Я. Новые архивные материалы о суде над убийцей М.Ю.Лермонтова // Вісник Київського ун-ту. № 1. Серія Філології та журналістики. Вип. 2. Літературознавство. — К., 1958. С. 48 — 51.
- [71] Захаров В.А. * А был ли заговор? Кто виноват в гибели Михаила Лермонтова: Государь, свет или неосторожность поэта // «Трибуна», 28 июля, №139. — М., 1999.
- [72] Захаров В.А. Анти-Лермонтов. (О романе С.О.Бурачека «Герой нашего времени») // «В мире книг», 1977, № 5. С. 94.
- [73] Захаров В.А. Все это было бы смешно... // «ЛГ», 1985, 27 марта, № 13. С. 5.
- [74] Захаров В.А. Где же могила отца Лермонтова? // «Ветеран»,

* Полная библиография опубликованных работ В.А.Захарова, посвященных Лермонтову, составляет более 150 наименований.

1989, № 31. С. 9.

- [75] Захаров В.А. Две поездки М.Ю.Лермонтова на Кубань // «Рус. лит-ра», 1983, № 4. С. 139 – 151.
- [76] Захаров В.А. Днем заказали шампанское — думали все кончить миром // «Ком. правда», 1992, 2 июля.
- [77] Захаров В.А. Дуэль и смерть // «Дон», 1989, №10. С.161 – 175.
- [78] Захаров В.А. Дуэль и смерть поэта // «Советская Кубань», 1989, 22, 23, 24, 25, 26, 30 августа, 1, 2, сентября.
- [79] Захаров В.А. Жребий русского поэта. Чего мы не знаем о Лермонтове // «Мир», 1997, сентябрь, №№ 40 – 41.
- [80] Захаров В.А. Загадка старого секретера // «Кавказская здравница», 1997, 28 октября.
- [81] Захаров В.А. Заметки к биографии М.Ю.Лермонтова. Вып. 1. — М., 1999.
- [82] Захаров В.А. К Лермонтову... (Дому-музею М.Ю.Лермонтова в Тамани — 10 лет) // «Кубань», 1985, № 12. С. 72 – 77.
- [83] Захаров В.А. Кто был Янко? (О прототипах М.Ю.Лермонтова) // Сборник Русского исторического общества, т. 1 (149). — М.: Русская панорама, 1999. С. 180 – 187.
- [84] Захаров В.А. Лермонтов в Анапе // «Сов. Черноморье», 1978, 11 ноября.
- [85] Захаров В.А. Лермонтов в Тамани. — М.: Внешторгиздат, 1988.
- [86] Захаров В.А. Лермонтов и герои Сенатской площади // «Сов. Кубань», 1978, 23 августа.
- [87] Захаров В.А. Лермонтов на Кубани. — М., 1998.
Захаров В.А. Лермонтов: путь к читателям. (Об открытии библиотек на Черноморской линии в 1842 – 1845 гг.) // «Комсомолец Кубани», 1985, 5 декабря.
- [88] Захаров В.А. Михаил Лермонтов: «Я в дурака стрелять не собираюсь» // «Трибуна», 1998, 3 июля, №№ 124 – 125.
- [89] Захаров В.А. Опальный генерал // «Орловская правда», 1975, 25 декабря.
- [90] Захаров В.А. Очаровательная кухня Лермонтова // «Мир», 1997, октябрь, № 43 (83), 44 (84); то же // «Кавказская здравница», 1997, №№ 42, 43.
- [91] Захаров В.А. Последняя дуэль // «Новый журнал», кн. 187. — Нью-Йорк, 1992. С. 151 – 192; то же // «Смена», 1994, № 4. С. 24 – 53.
- [92] Захаров В.А. «Рекомендовался поручиком Лермонтовым...» // «Сов. культура», 1979, 17 июля.
- [93] Захаров В., Малахова В. Лермонтов на Кубани // «Кубань», 1984, № 10. С. 69 – 72.
- [94] Захаров В., Малахова В. «Я буду тебе писать про страну чудес...» // «Родная Кубань», 1999, № 3. С. 93 – 98.

- [95] *Иванов В.С.* М.Ю.Лермонтов. Жизнь и творчество. Пособие для учителя. — М., 1964.
- [96] *Иванова Т.А.* Лермонтов на Кавказе. — М., 1968.
- [97] *Иванова Т.А.* Лермонтов на Кавказе. — М., 1975.
- [98] *Иванова Т.А.* Посмертная судьба поэта. О Лермонтове, о его друзьях подлинных и мнимых, о тексте поэмы «Демон». — М.: Наука, 1967.
- [99] *Ивановский А.* Современница поэта // «Кавказская здравница», 1989, 16, 17 мая.
- [100] Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. — М., 1873.
- [101] *Инсарский В.А.* Записки // «Рус. старина», 1894, № 1. С. 3—61.
- [102] К делу о смертном поединке Лермонтова. Письмо двух секундантов (Глебова и князя Васильчикова) к Н.С.Мартынову // «Рус. архив», 1885, № 3. С. 461—462.
- [103] *Кальнев М.* Дело о погребении М.Ю.Лермонтова (неизд. док.) // «Рус. обозрение», 1895, № 2. С. 841—876.
- [104] *Карпов К.И.* Воспоминания в пересказе С.Филиппова // «Рус. мысль», 1890, № 2. С. 68—86.
- [105] *Кастрикин Н.* Лермонтовская дуэль: как это было // «Лит. Россия», 1996, 9 августа.
- [106] *Кравченко С.К.* М.Ю.Лермонтов у листах Р.І.Дорохова і Л.С.Пушкіна // «Радянське літературознавство», 1971, № 9. С. 82—92.
- [107] *Кравченко С.* До біографії М.Ю.Лермонтова // «Радянське літературознавство», 1973, № 1. С. 68—77.
- [108] *Кторов А.В.* Кто убил поэта? Древне-иудейские имена в русской традиции // «Независимая газета», 1998, 30 октября.
- [109] *Кукин М.* Последняя дуэль Лермонтова. — Курск, 1891.
- [110] *Кучеров И., Стешин В.* К вопросу об обстоятельствах убийства М.Ю. Лермонтова // «Рус. лит-ра», 1966, № 2. С. 90—104.
- [111] *Кузминский Н.А.* Из воспоминаний о Михаиле Юрьевиче Лермонтове // «Курский листок», 1887, №№ 52, 54, 56.
- [112] *Лакиер А.* Русская геральдика. Кн.1 и 2. — СПб., 1855.
- [113] *Ланда С.С.* Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816—1825. — М., 1975.
- [114] *Латышев С., Мануйлов В.* Как погиб Лермонтов (ответ И.Б.Кучерову и В.С.Стешину) // «Рус. лит-ра», 1966, № 2. С. 105—128.
- [115] Лермонтов в записках А.И.Арнольди / Публ., введение и прим. Ю.Оксмана. // Лит. наследство. Т. 58. — М., 1952. С. 449—476.
- [116] Лермонтов М.Ю. «И там же был слишком счастлив...» — М.: «Москов. рабочий», 1986.

- [117] Лермонтов // Временник Гос.музея «Домик Лермонтова». Вып.1. — Пятигорск, 1947.
- [118] Лермонтовская энциклопедия. — М.: Сов. энцикл., 1981.
- [119] Литературное наследство. Т. 43 — 44. М.Ю.Лермонтов. I. — М., 1941.
- [120] Литературное наследство. Т. 45 — 46. М.Ю.Лермонтов. II. — М., 1948.
- [121] Лихоносов В. Волшебные дни. — Краснодар: Кн. изд-во, 1988.
- [122] Лорер Н.И. Записки декабриста. — М., 1931.
- [123] Малюченко Г.В. Бывал ли М.Ю.Лермонтов в Мишкове? // «Рус. лит-ра», 1982, № 4. С. 215 — 216.
- [124] Мануйлов В.А. Бумаги Е.А.Арсеньевой в Пензенском государственном архиве // Лит. наследство. Т. 45 — 46. М.Ю.Лермонтов. II. — М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 625 — 640.
- [125] Мануйлов В.А. Записки неизвестного гусара [А.Ф. Тирана] [о Лермонтове] // «Звезда», 1936, № 5. С. 183 — 196.
- [126] Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М.Ю.Лермонтова. — М. — Л.; Наука, 1964.
- [127] Мануйлов В. М.Ю.Лермонтов. Новые тексты и материалы. // Вестник АН СССР, 1934, № 10. Стб. 13 — 20.
- [128] Мануйлов В.А. «Семья и детские годы Лермонтова». Главы из книги «Жизнь Лермонтова» // «Звезда», 1939, № 9. С. 103 — 136.
- [129] Мануйлов В., Латышев С. Осторожно: сенсация! // «ЛГ», 1982, № 25 (23 июня).
- [130] Мануйлов В.А. Роман М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. Изд. 2-е, доп. — Л.: Просвещение, 1975.
- [131] Мартыанов П.К. Дела и люди века. Т. II. — СПб., 1893.
- [132] Марченко А. «С милого севера в сторону южную...» // М.Ю.Лермонтов. «В тот чудный мир тревог и битв...» — М.: Сов. Россия, 1979. С. 366 — 414.
- [133] Махлевич Я. Лермонтов, 1841 г.? (О неизвестном портрете Лермонтова в фондах Орловской картинной галереи) // «Сов. культура», 1984, 29 мая.
- [134] Мещерский А.В. Из моей старины // «Рус. архив», 1900, № 9. С. 71 — 84.
- [135] Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. — Одесса, 1903.
- [136] Молчанов В.И. О ранении и смерти М.Ю.Лермонтова // Судебно-медицинская экспертиза и криминалистика на службе следствия (сборник работ). Вып. 5. — Ставрополь, 1967.
- [137] М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. — Пенза: Кн. изд-во, 1960.
- [138] М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Худ. лит-ра, 1972.

- [139] М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Худ. лит-ра, 1989.
- [140] М.Ю.Лермонтов. Семинарий. — Л., 1960.
- [141] Нарцов А.Н. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых. — Тамбов, 1904.
- [142] Нахапетов Б.А. Медики и медицина в жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова. Ч. 1. Опыт историко-медицинского подхода к изучению биографии великого русского поэта (новые данные о медицинском окружении Лермонтова). — М., 1989. 163 с. Депонировано во ВНИИМИ Минздрава СССР, 1990, № Д — 19815 [Медицинский реферативный журнал, 1990, раздел 16, № 10, публ. 1957.]. Ч. 2. Обстоятельный историко-медицинский комментарий к роману М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени». — М., 1990. 188 с. Депонировано в НПО «Союзмединформ» 1991, № 20 826. [Медицинский реферативный журнал 1991, раздел 16, №№ 1 — 6, публ. 339.].
- [143] Негумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1974.
- [144] Негумов С.И. О дуэли М.Ю.Лермонтова с Мартыновым // Лермонтов. Временник Гос.музея «Домик Лермонтова». — Вып.1. — Пятигорск, 1947. С. 5 — 23.
- [145] Неизвестные письма княгини М.А.Щербатовой / Предисл., публ. и коммент. М.Ф.Дамианиди и Е.Н.Рябова. // «Согласие», 1991, № 6. С. 199 — 213.
- [146] Нечкина М.В. А.С.Грибоедов и декабристы. — М., 1947.
- [147] Нечаева В.С. Суд над убийцами Лермонтова. (Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса» и показания Н.С.Мартынова) // М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. — М.: Соцэкгиз, 1939.
- [148] Николева М.Ф. Дата приезда Лермонтова в Пятигорск в 1841 г. // Лермонтов. Временник Гос.музея «Домик Лермонтова». Вып.1. — Пятигорск, 1947. С. 69 — 70.
- [149] Никольский В.В. Предки М.Ю.Лермонтова // «Рус. старина», 1873, №4. С. 563 — 564.
- [150] Никольский В.В. Предки М.Ю.Лермонтова: (доп. и поправки) // «Рус. старина», 1873, № 11. С. 810 — 811.
- [151] Новое о дуэли и смерти Лермонтова / Публ. Л.Каплана // Лит. наследство, т. 45 — 46. — М., 1948. С. 691 — 726.
- [152] Новые материалы об Е.А.Арсеньевой. I. Бумаги Е.А.Арсеньевой в Пензенском Государственном архиве / Публ. В.Мануйлова. II. Письма Е.А.Арсеньевой о Лермонтове / Публ. Л.Модзалевского // Лит. наследство, т. 45 — 46. — М., 1948. С. 625 — 660.
- [153] О смерти Лермонтова // «Возрождение» (Париж), 1939, №4153.

- [154] Оболенский Д. Из бумаг Николая Соломоновича Мартынова // «Рус. архив», 1893, кн. 8. С. 585 — 613.
- [155] Овчаров В. Перед дуэлью // «Сов.Россия», 1998, № 208. С. 6.
- [156] Огарев Н.П. Избранные произведения. — М., 1956. Т. 2.
- [157] Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. Вып. 2. М.Ю.Лермонтов. — М. — Л., 1953.
- [158] Орудина Л.Г. Ставрополь глазами современников. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1976.
- [159] О Томасе Лермонте — шотландском предке русского поэта. — М.: Детская лит-ра, 1993.
- [160] Павлович Ан. «Домик Лермонтова» // «Ком. правда», 1935, 28 авг., №198.
- [161] Пахомов Н. Подруга юных дней. — М.: Сов. Россия, 1975
- [162] Пискарев Б., Алексеев Д. Дуэль? Нет, преступление // «Соц. законность», 1998, № 2. С. 65 — 68.
- [163] Польская Е. Подлинное место дуэли Лермонтова // «Дон», 1958, №9. С. 196 — 198.
- [164] Польская Е., Розенфельд Б. Дорогие адреса. Памятные места Кавказских Минеральных вод. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1974.
- [165] Польская Е., Розенфельд Б. И звезда с звездой говорит... — Ставрополь: Кн. изд-во, 1980.
- [166] Попов П.С. Мистификация. (Лермонтов и Оммэр де Гелль) // «Новый мир», 1935, № 3. С. 282 — 293;
- [167] Попов П.С. Отклики иностранной печати на публикацию «Писем и записок» Оммэр де Гелль // Литературное наследство. Т. 45 — 46. — М., 1948. С. 767 — 775.
- [168] Прибывшие в город (рубрика) // «Санкт-Петербургские ведомости», 1839, № 27 (2 февраля).
- [169] Пространный христианский катехизис. — М., 1909.
- [170] Раевский Н.П. Рассказ о дуэли Лермонтова. Записано В. Желиховской // «Нива», 1885, № 7. С. 166 — 170.
- [171] Рябов Е., Алексеев Д. А было ли письмо? // «Наш Лермонтов», 1989, (Ставрополь), № 1. С. 6 — 7.
- [172] Рябов Е., Алексеев Д. Загадка письма из «Русской старины» // «Московская правда», 15 окт. — 1989.
- [173] Рябов Е., Алексеев Д. Письмо из «Русской старины» // «Московская правда», 1986, 27 июля.
- [174] Семенов Л.П. А.И.Васильчиков о дуэли и смерти Лермонтова // Уч. записки Сев.-Осетин. пед. ин-та. — Т.II (XV). Вып. I. Дзауджикау. — 1940. С. 77 — 83.
- [175] Семенов Л.П. Новые документы о Лермонтове // «Горская мысль», 1922, кн. 3. С. 39 — 49.
- [176] Семенов Л.П. Стихотворение неизвестного поэта на смерть

- Лермонтова // Учен. записки Сев.-Осетин. пед. ин-та, т. 2 (15), вып. 1. — 1940. С. 72—76.
- [177] Семченко А.Д. М.Ю.Лермонтов и его окружение в донесениях московского коменданта // «Рус. лит.-ра», 1987, № 2. С. 119—120.
- [178] Словарь языка А.С.Пушкина. Т. 1. — М., 1957.
- [179] Тарле Е.В. О лермонтовском времени // «Лит. современник», 1941, №№ 7—8. С. 140—141.
- [180] Токарев О.С. Н.С.Мартынов и Кубань // Археология и краеведение Кубани. Материалы IV межвузовской студенческо-аспирантской конф. — Краснодар — Армавир, 1996.
- [181] Токарев О.С. Эпизод доблести линейцев в Кавказской войне // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. Материалы научно-просветительской конференции. — Армавир, 1996.
- [182] Толстой В.С. Воспоминания // Декабристы. Новые материалы. — М., 1955.
- [183] Турьян М.А. Владимир Одоевский и Лермонтов: к истокам религиозных споров // Новые безделки. Сб. статей к 60-летию В.Э.Вацура. — М.: Новое литературное обозрение, 1995—1996. С. 182—197.
- [184] Уманская М.М. Из истории литературных отношений Лермонтова и Мартынова. «Валерик» — «Герзель-аул» // Страницы истории русской литературы. — М.: Наука, 1971. С. 401—413.
- [185] Уманская М.М. Лермонтов и романтизм его времени. — Ярославль, 1971.
- [186] Филиппов С. Еще о Лермонтове. (Неожиданные дополнения) // «Рус. ведомости», 1891, № 5.
- [187] Филиппсон Г.И. Воспоминания. — М., 1885.
- [188] Фролов П.А. Лермонтовские Тарханы. — Саратов, 1987.
- [189] Фролов П.А. Отчет о командировке в деревню Кропотово и село Шипово Липецкой области // Тарханский вестник. Вып. 8. — 1998. С. 49—61.
- [190] Фурман М. «Ты сам на свете был гоним» // «Наука и религия», 1981, № 9. С. 31—36;
- [191] Цехановский В.М. К биографии М.Ю.Лермонтова // «Ист. вестник», 1898, № 10. С. 396—397.
- [192] Цибиров Г.И. Из истории осетиноведения в 40—50 гг. XIX в. // Сб. трудов молодых ученых: (Материалы науч. конференции 1973 г.). Вып. 3. — Орджоникидзе, 1974. С. 105—107.
- [193] Чекалин С.В. Наедине с тобою, брат... (Заметки лермонтоведа). — Ставрополь: Кн. изд-во, 1984.
- [194] Чекалин С.В. Лермонтов. Знакомая с биографией поэта. — М.: Знание, 1991.

- [195] *Чистова И.С.* О кавказском окружении Лермонтова (по материалам альбома А.А.Капнист) // М.Ю.Лермонтов. Исследования и материалы. — М.: Наука, 1979. С. 188 — 208.
- [196] *Шагури В.С.* Новое о М.В.Дмитревском — приятеле Лермонтова и декабристов // М.Ю.Лермонтов. Исследования и материалы. — М.: Наука, 1979. С. 209 — 222.
- [197] *Шагури В.С.* Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов. Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В.Д.Вольховском. — Тбилиси: Сабнота сакартвело, 1979.
- [198] *Шан-Гирей Э.* Воспоминания о Лермонтове // «Исторический вестник», 1881, т. 6, № 10. С.448 — 450; то же // «Новое время», 1881, № 1983.
- [199] *Шан-Гирей Э.А.* Воспоминания о Лермонтове и о предсмертном его поединке // «Рус. архив», 1889, № 12. С. 573 — 574.
- [200] *Шан-Гирей Э.А.* Еще по поводу воспоминаний Раевского о Лермонтове // «Нива», 1885, № 27. С. 643, 646 — 647.
- [201] *Шан-Гирей Э.* Еще о Лермонтове // «Рус. архив», 1887, кн. 3, №11. С. 438.
- [202] *Шан-Гирей Э.* По поводу биографических сведений о Лермонтове // «Рус. архив», 1889, № 12. С. 573 — 574.
- [203] *Шан-Гирей Э.* Ответ г. Филиппову на статью, помещенную в журнале «Рус. мысль», декабрь 1890 года // «Русское обозрение», 1891, № 4. С. 707 — 712; то же // «Север», 1891, № 12. Стб. 745 — 748.
- [204] *Швембергер В.А.* Трагедия у Перкальской скалы // «Литературный Киргизстан», 1957, №2. С. 102 — 115.
- [205] *Шиловцев С.П.* Рана Лермонтова // Вопросы хирургии войны и абдоминальной хирургии. — Горький, 1946. С. 68 — 74.
- [206] *Шугаев П.К.* Из колыбели замечательных людей // «Живопис. обозрение», 1898, №25. С. 499 — 504.
- [207] *Щеголев П.Е.* Книга о Лермонтове. Вып. 1, 2. — Л., 1929; то же — М.: «Аграф», 1999.
- [208] *Эйхенбаум Б.М.* О смысловой основе «Героя нашего времени» // «Рус. литература», 1959, № 2. С. 8 — 27.
- [209] *Яковкина Е.И.* Последний приют поэта. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1965.
- [210] *Baldick R.* The Duel. A History of Dueling. — London. 1965.
- [211] *Chateaouvillard.* Essai sur le duel. — Paris. 1836
- [212] *Kelly L.* Lermontov. Tragedy in the Caucasus. — London. 1977.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Илл. 1. Н.И.Лорер. *Худ. Р.К.Швеге. 1841.*
- Илл. 2. Последняя подорожная Лермонтова. 1841.
- Илл. 3. Н.С.Мартынов. *Рис. Г.Гагарина (?)*, находится у внучки Н.Мартынова в Париже.
- Илл. 4. Волконский, Васильчиков, Трубецкой, Долгоруков, Давыдов в Кисловодске. *Акв. Г.Гагарина, 1841.*
- Илл. 5. Н.С.Мартынов. *Рис. Т.Райта. 1843.*
- Илл. 6. Н.П.Верзилина с сестрой Аграфеной. *Акв. Г.Гагарина. 1840—1842.*
- Илл. 7. Эмилия Клингенберг (Шан-Гирей). *Миниатюра Р.Белова. Конец 1830-х.*
- Илл. 8. Пятигорск. Дом Верзилиных. *Рис. Премацци.*
- Илл. 9. М.П.Глебов. *Акв. П.Соколова.*
- Илл. 10. А.А.Столыпин («Монго»). *Акв. В.Гау. 1845.*
- Илл. 11. А.И.Васильчиков. *Акв. Г.Гагарина.*
- Илл. 12. С.В.Трубецкой. *Акв. Г.Гагарина.*
- Илл. 13. Колония Карас, или Шотландка. *Рис. Лермонтова, 1837.*
- Илл. 14. Дуэль. Из «Из юнкерской тетради». *Рис. Лермонтова, 1832—1834.*
- Илл. 15. Пятигорск. Первый памятник на предполагаемом месте дуэли. *Фото Г.Раева, 1896.*
- Илл. 16. Могила Лермонтова. *Лит. В.Тимма, 1862 г., с акв. А.Арнольди.*
- Илл. 17. Лермонтов на смертном одре. *Худ. Р.Швеге. 1841.*
- Илл. 18. Тарханы. Памятник над могилой Лермонтова.
- Илл. 19. Потрет Е.Г.Быховец.
- Илл. 20. А.С.Траскин. *Шаржированный рис. Н.В.Майера (?)*, 1839.
- Илл. 21. Памятник М.Ю.Лермонтову в Пятигорске. *Скульптор А.М.Опекушин.*
- Фронτισпис, стр. 352. Портрет Лермонтова. *Рис. Д.П.Палена.*
- Стр. 229. Виньетка. *Рис. Лермонтова, 1831.*
- Стр. 330. Конь *Рис. Лермонтова, нач. 1830-х.*

«РУССКАЯ ПАНОРАМА»
Серия «Страницы Российской истории»

Редакционная коллегия серии
А.М.ВОРОТНИКОВ, В.В.КАРГАЛОВ (председатель),
И.А.НАСТЕНКО, О.М.РАПОВ, Ю.В.ЯШНЕВ

Владимир Александрович ЗАХАРОВ
ЗАГАДКА ПОСЛЕДНЕЙ ДУЭЛИ

Документальное исследование

Утверждено к печати редакционной коллегией серии
«Страницы Российской истории»

Редакторы О.К.Грубина, И.А.Настенко.
Художник И.А.Настенко.
Корректор И.А.Рудакова.
Технический редактор О.Е.Пугачева,
Оформление, макет, верстка SPSL.

Подписано в печать 30.12.1999.
Формат 84х108\32. Гарнитура Балтика.
Печать офсетная. Печ. л. 11 + 1/4 вкл.
Бумага офсетная № 1. Тираж 3 000 экз.
Заказ № 15 Отпечатано с готовых
диапозитивов в ГУП «Облиздат»,
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.

Изд. лаборатория «SPSL-2000» — изд-во «Русская панорама».
Лицензия ЛР№030734 от 29.04.1997. 143140, Московская обл.,
Одинцовский р-н, п/о сан. Герцена, а/я 01. Тел. к/п: 917 2206.
Тел. редакции/факс: (095) 592 9740.

